

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

СКАЧКОВА ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА

**СУБЪЕКТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ**

**Специальность 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика:
экономика народонаселения и экономика труда**

**ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК**

Ростов-на-Дону-2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ: ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПОДХОДЫ	32
1.1. Дихотомия теории и практики в оценке качества жизни в РФ: критический анализ и необходимость комплексного (многомерного) подхода	32
1.2. Новая парадигма измерения качества жизни: синтез теории благополучия и теории субъективного благополучия	71
2. ОБЗОР ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ: ПОИСК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ТЕОРИИ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ	91
2.1. Методология изучения предметного поля субъективного благополучия.....	93
2.2. Результаты обзора предметного поля: конституирование теории субъективного благополучия	105
3. ИЗМЕРЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В РФ	127
3.1. Динамика индексов субъективного благополучия и анализ различий за период 2013–2022 гг.	128
3.2. Диагностика устойчивости сегмента «полностью удовлетворенных» и «очень счастливых» россиян.....	151
3.3. Детерминанты удовлетворенности жизнью в РФ: роль дохода, демографических факторов, динамики материального достатка.....	181

4. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ	214
4.1. Субъективное благополучие научно-педагогических работников...	215
4.2. Удовлетворенность работой как фактор субъективной оценки качества жизни: результаты эмпирической оценки.....	233
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	259
Литература	279
Приложение 1	307
Приложение 2	308
Приложение 3	309
Приложение 4	312
Приложение 5	321
Приложение 6	322
Приложение 7	323
Приложение 8	325

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Кризис стоимости жизни, усиление имущественного неравенства, инфляционное давление, рост расходов домохозяйств, потери капитала здоровья в связи с последствиями пандемий, а также рост хронических заболеваний, потери социального капитала из-за геополитических и межстрановых конфликтов, неустойчивость природных экосистем – вот далеко не полный перечень рисков, сформировавших современную ситуацию «поликризиса» в сфере благополучия в России и мире. И, как следствие, все вышеперечисленное требует новых эффективных решений в области управления качеством жизни в современном обществе, в котором достаточно привычными стали войны, эпидемии, неравенство и экологические катастрофы. В этих условиях повышается актуальность концепта «человекоцентричности», *когда в центр любых социально-экономических процессов помещается индивид со своими уникальными ценностями и потребностями, человек - чувствующий, переживающий, обладающий разными способностями и характеристиками, формирующимися под влиянием генетических, социальных, национальных, культурных, психологических и других переменных.*

Однако декларирование человекоцентричности, приоритетности индивидуального благополучия и качества жизни *не имеет своим следствием фактического изменения подходов и практик в его управлении и измерении. А «...то, что мы измеряем, влияет на то, что мы делаем; и, если наши измерения ошибочны, решения могут быть искажены...» (Stiglitz et al., 2009).* И, действительно, несут ли традиционные показатели оценки качества жизни информацию, на основе которой можно принимать обоснованные решения в области улучшения благополучия населения? Так, в России достаточно распространенной остается практика измерения *на основе объективных метрик*, таких как: структура и динамика среднедушевых доходов и расходов, объем социальных выплат, заболеваемость населения, коэффициент Джини, показатели границы бедности и т.д. Но может ли анализ

динамики структуры доходов населения или рост заработной платы за предшествующие периоды *дать исчерпывающий ответ на вопрос*: в какую сторону изменялась жизнь населения России, как изменялось качество жизни россиян вследствие того, что изменялся, например, вклад тех или иных источников в общий доход? *Данные цифры отображают действительность, но они не позволяют делать полностью обоснованные выводы об изменении качества жизни.* Практика измерения успешности социально-экономических политик на уровне государств достаточно часто реализуется на основе методологии теории благосостояния (через доходные показатели). Достаточно часто выгоды для экономического роста оборачиваются потерями, например, ВВП учитывает преступность, разводы, судебные издержки и другие признаки социального распада в качестве экономических выгод. Автомобильные аварии, медицинские расходы, замки и системы безопасности, а также страхование являются «плюсами» для ВВП. ВВП учитывает загрязнение как двойную выгоду для экономики: добыча нефти, которая создает загрязнение, увеличивает ВВП (Daly, Cobb, 1989; Cobb et al.: 2, 2000). Могут ли показатели роста ВВП дать исчерпывающий ответ на вопрос: насколько хороша или плоха жизнь индивида в конкретном обществе? Ответ на этот вопрос может дать только сам индивид. «То, что люди чувствуют и думают о своей жизни, имеет большое значение для понимания благополучия в любом обществе, в котором значение придается не только мнению экспертов или руководителей, но и всех людей в этом обществе» (Diener et al., 2003). То есть, речь идет *об использовании в оценке качества жизни не только объективных метрик, но и субъективных оценок?* Современная концепция качества жизни объединяет как объективные, так и субъективные подходы в исследованиях и оценках того, что охватывает все сферы жизнедеятельности индивидов. Фактически она объединяет исследования, как в области теорий благосостояния (welfare), так и в области теорий благополучия (well-being), в том числе субъективного (subjective well-being). И, хотя, последняя область исследований получила достаточно широкое научное признание, *в области ее*

практического применения и использования имеют место существенные пробелы, в том числе в российской практике измерения качества жизни и принятия обоснованных социально-экономических решений. Учитывая вышесказанное, в диссертационной работе предложено сосредоточиться на тех сложных аспектах, которые связаны с развитием субъективного подхода *в измерении качества жизни в целом и в частности теории субъективного благополучия.*

Степень разработанности. Первые научные дискуссии о субъективном благополучии появились в 60-х годах XX века, в частности в 1967 г. в работах Вилсона В. Истерлина Р. была введена устойчивая ассоциация категории «субъективного благополучия» (subjective well-being) с категорией «счастья», которая принимается топ-10 исследователями в мире: Динером Э., Лукасом Р., Тайем Л., Оиши Ш., Кларком А., Биндером М., Винховеном Р., Грэхам К., Окулич-Козаряном А., Манаги Ш. В 1984 г. Динером Э. была предложена тройственная структура субъективного благополучия (положительные и отрицательные эмоции, удовлетворенность жизнью). Концепт Динера Э. получил поддержку большого количества российских и зарубежных исследователей субъективного благополучия: Винховена Р., Канемана Д., Дитона А., Эндрюса Ф. и Уизи С., Кэмпбелла А., Маккерона Г., Шимшека Е., Джорма А., Суха Е., Воукелату В., Азизана М., Антипиной О. Н., Клименко Л.В. и др.

В 1974 г. Истерлином Р. была доказана гипотеза о том, что связь между доходом и субъективным благополучием (уровнем счастья) может существовать на индивидуальном уровне, но не наблюдаться на совокупном уровне, то есть экономический рост может и не увеличивать общий или средний уровень счастья. Исследователи «парадокса Истерлина»: Хоуэл Р., Сакс Д., Стил П., Тан Дж., Воукелату В., а также российские исследователи Ларин А. и Филясов С. Динер Э., Ферери-Карбонелл А., Хоуэл Р., Тан Дж., Кларк А. и Амбросио К. развивали идею относительного дохода и показали, что при равных значениях дохода, индивид в менее обеспеченном окружении

может чувствовать себя счастливее индивида, окруженного индивидами с высоким уровнем материального достатка, а если доход членов референтной группы выше, то, напротив, это может негативно отражаться на уровне его субъективного благополучия.

Динер Э., Долан П., Грэхам К., Блэнчфлауер Д. доказали U-образную зависимость уровня счастья от возраста: по достижении возраста 40–50 лет уровень счастья значительно снижался и достигал своего минимума, а в ранней молодости и в старости уровень счастья оказывался максимальным. Хеливелл Дж., Кларк А. зафиксировали положительную связь между дополнительным уровнем образования и субъективным благополучием. В работах Соланеса А., Дасаная Дж., Ван Праага Б., Грэхам К. продемонстрирована сильная связь между уровнем субъективного благополучия, физическим и психологическим здоровьем.

Фиксируется достаточно большое количество исследований, посвященных изучению воздействия социальных предикторов на субъективные оценки качества жизни, а именно, воздействие социальных связей, культуры, религии и др. В работах Долана П., Писгуда Т., Антипиной О.Н. и Кривицкой И.О. др. обнаруживается положительное влияние социального доверия на удовлетворенность жизнью. В работах Антипиной О. Н., Ие Д. показывается, что в странах с индивидуалистической культурой люди более счастливы, чем в странах с коллективистской культурой.

Освальд А, Прото Е., Сгрой Д., Брейфилд А., Крокет В., Врум В., Герцберг Ф., Джадж Т. доказали, что работники с высоким уровнем субъективного благополучия демонстрируют более высокую производительность труда, реже увольняются, имеют меньшее количество больничных. Георгополос Б., Махони Дж. и Джоунс Н., а также Лоулер Э. и Портер Л. объясняли связь между удовлетворенностью трудом и текучестью кадров.

Гувен К., Доминко М., Гарсиа-Мата О. и др. обнаружили взаимосвязь между субъективным благополучием и решениями индивида в области

потребления (приобретения продуктов питания, расходов на одежду, траты на досуг, аренду, коммунальные расходы) и сбережений. В исследованиях Науде В., Чуулуна Т. и Грэхам К. демонстрируется позитивное влияние уровня счастья на предпринимательскую и инвестиционную активность, а в работах Ролла С., Контрадьева О. и Буфе С. изучается влияние субъективного благополучия на уровень финансовой безопасности и нестабильности.

В наиболее цитируемых публикациях российских исследователей (Беляева Л.А. (535)¹, Леонтьев Д.А. (117), Козлова О.А., Гладкова Т.В., Макарова М.Н., Тухтарова Е.Х. (65), Мухачева А.В. (41), Лебедева Л.С. (38), Нехода Е.В., Рощина И.В., Пак В.Д. (36), Окрепилов В.В. и Гагулина Н.Л. (35), и др.) *используется многомерный подход к измерению качества жизни/благополучия индивида, предполагающий оценку как с помощью традиционных объективных метрик, так и с помощью субъективных показателей («субъективные оценки», «субъективные аспекты», «субъективно ощущаемые характеристики жизни человека», «субъективные индикаторы», «субъективные параметры восприятия человеком собственной среды обитания», «оценочная категория, существующая в индивидуальном сознании человека»).* Однако в других высокоцитируемых работах российских исследователей (Гришина И.В., Польшев А.О., Тимонин С.А., Бобков В.Н., Кузнецов С.В., Растова Ю.И. и Растов М.А.) используется традиционная концепция и методология благосостояния, в некоторых работах термины «благополучие» (well-being) и «благосостояние» (welfare) часто отождествляются, хотя это не совсем обоснованно. Концепция благополучия охватывает и объективные оценки условий, факторов, от которых жизнь индивидов становится лучше, и субъективные оценки жизни в целом и отдельных ее аспектов (subjective well-being). *Таким образом, можно констатировать определенные пробелы и нераспространенность использования концепта субъективного благополучия в понимании*

¹ Прим. автора. В скобках указано количество цитирований в РИНЦ.

теоретической сущности, методологии и фактической практике измерения различных аспектов качества жизни в российских исследованиях.

Цель диссертации – теоретико-методологическое обоснование и эмпирическая верификация **целесообразности применения субъективного подхода к измерению качества жизни**. Достижение поставленной цели позволит сформировать иные основания для разработки более эффективных мер социально-экономической политики, ориентированной на реальные потребности населения России.

Для достижения поставленной цели были сформулированы **следующие задачи**:

1. Определить основные особенности применения действующей концепции оценки качества жизни в РФ посредством анализа существующей международной и отечественной практики измерения благополучия.

2. Разработать и обосновать новую парадигму измерения качества жизни населения Российской Федерации.

3. Выявить и систематизировать фундаментальные признаки, определяющие теорию субъективного благополучия как самостоятельную концепцию в рамках субъективного подхода к измерению качества жизни.

4. Провести оценку качества жизни россиян с использованием субъективных метрик.

5. Осуществить диагностику сегмента российского населения с высоким уровнем субъективного благополучия, а также исследовать факторы, влияющие на устойчивость этого сегмента.

6. Исследовать влияние социально-экономических и демографических детерминант на уровень удовлетворенности жизнью населения РФ.

7. На основе результатов авторских исследований (2018-2023 гг.) апробировать применение методологии комплексного (многомерного) анализа субъективного благополучия научно-педагогических работников для поиска решений в области совершенствования мотивационных и социально-экономических политик в специфической профессиональной сфере.

Объект и предмет. Объектом исследования является качество жизни населения. Предмет исследования – теоретические концепции, методологические подходы и инструментарий субъективного измерения качества жизни.

Область исследований. Работа выполнена в соответствии с паспортом специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика: экономика народонаселения и экономика труда: п. 8.1. Народонаселение как субъект и объект экономических отношений. Экономические, институциональные и социо-культурные детерминанты динамики демографических процессов. Взаимосвязь демографического и экономического поведения. Концепция человеческого развития. п. 8.8. Стоимость, уровень и качество жизни. Бедность: показатели, методы измерения, социально-демографические детерминанты; п. 8.12. Теоретико-методологические основы экономики труда.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в авторском теоретико-методологическом и эмпирическом обосновании применения субъективного подхода в измерении качества жизни, включающем разработку концепции интеграции субъективных и объективных индикаторов благополучия, адаптацию и апробацию методического инструментария для оценки субъективного благополучия и выявление специфических закономерностей формирования субъективных оценок качества жизни в современном российском обществе.

Научная новизна воплощается в следующих положениях:

1. Выявлено фундаментальное противоречие между теоретическими разработками в области оценки качества жизни и их практической имплементацией в российской практике измерения качества жизни населения. А именно, зафиксирован методологический разрыв (дихотомия) между современными научными концепциями качества жизни, предполагающими комплексный (многомерный) подход с интеграцией объективных и субъективных показателей, и действующей практикой (например, Росстата), использующей преимущественно одномерный

неоклассический подход в рамках теории благосостояния (welfare). Выявленная дихотомия препятствует формированию научно обоснованной социально-экономической политики, поскольку принятие управленческих решений основывается на неполной информации о реальном состоянии качества жизни российских граждан.

2. Предложена новая парадигма измерения качества жизни в РФ, характеризующаяся: *интеграцией объективных и субъективных показателей* - сочетанием традиционных метрик (доход, заработная плата, потребительские расходы и др.) с субъективными оценками (удовлетворенность жизнью, работой, уровень счастья и др.); *многомерностью* – рассмотрением качества жизни как системы взаимосвязанных компонентов всех сфер существования: экономической, социальной, психологической, экологической; *учетом скрытых факторов* - признанием влияния ненаблюдаемых переменных (индивидуальные различия, ценности, ожидания, социальные связи, культурный, национальный, региональный контексты и др.) на субъективные оценки; *отказом от агрегированных индексов* в пользу системы взаимосвязанных, но независимо интерпретируемых показателей для сохранения информационной ценности каждого измерения; *междисциплинарным синтезом* - интеграцией достижений экономики, социологии, психологии для холистического понимания благополучия. Парадигма концептуально преобразует понимание благополучия как многогранного феномена, где субъективное восприятие равнозначно объективным условиям существования.

3. Обоснована эпистемологическая самостоятельность теории субъективного благополучия в рамках субъективного подхода к измерению качества жизни, не являющейся производной от разных экономических теорий. Для формирования доказательств самостоятельности теории субъективного благополучия адаптирован и апробирован редкий для российских социально-экономических исследований метод исследовательского синтеза - **обзор предметного поля (scoping review).**

Применение *scoring review* позволило осуществить научно обоснованный переход от массива более чем 200 тысяч публикаций к 210 ключевым работам, систематизировать используемые категории, концептуальные подходы к измерению, исследовательские фокусы и факторы, влияющие на субъективное благополучие, и, в целом, выделить *конституирующие признаки теории субъективного благополучия* как самостоятельной области научного знания. А именно: специфический категориальный аппарат (удовлетворенность жизнью, уровень счастья, удовлетворенность работой и здоровьем); собственный предмет исследования - субъективное восприятие качества жизни через эмоциональные переживания и когнитивные оценки; оригинальная методология измерения на основе субъективных самооценок с учетом как наблюдаемых, так и скрытых факторов; уникальные причинно-следственные связи между субъективным благополучием и экономическим поведением индивидов; наличие специфических эмпирических феноменов (парадокс Истерлина, эффекты адаптации к бедности и богатству, парадокс социального сравнения).

4. Получен новый эмпирический материал на основе комплексного анализа динамики индексов субъективного благополучия в РФ в период с 2013 по 2022 г. в условиях существенных социально-экономических трансформаций (экономические кризисы, пандемия COVID-19, геополитические конфликты). Эмпирические результаты позволили сделать ряд важных для развития теории субъективного благополучия выводов.

Впервые установлено, что на протяжении исследуемого десятилетия индексы субъективного благополучия (когнитивный и аффективный компоненты) демонстрировали относительную стабильность в низком диапазоне от 25% до 34% при потенциальной шкале от -100% до +100%, что свидетельствует об устойчивости механизмов адаптации к внешним шокам.

Выявлена тенденция расхождения показателей аффективного и когнитивного компонентов субъективного благополучия, что эмпирически

обосновывает необходимость их отдельного измерения и анализа.

Установлены специфические закономерности субъективного благополучия различных социально-демографических групп: устойчиво более высокие показатели у мужчин по сравнению с женщинами; нелинейная возрастная динамика с парадоксальным ростом когнитивного компонента в возрасте 63-73 лет при продолжающемся снижении аффективного компонента; более высокие показатели удовлетворенности жизнью у лиц с высшим образованием, состоящих в первом браке или никогда не состоявших в браке; более низкие индексы удовлетворенности у индивидов, имеющих детей, по сравнению с общероссийским уровнем.

Обнаружен парадокс расхождения между объективным ростом экономических показателей и стабильно низкими субъективными оценками материального положения, а также высокой удовлетворенностью работой при низкой удовлетворенности оплатой труда, что подтверждает значимость нематериальных факторов в формировании субъективного благополучия россиян.

Выявлена существенная дифференциация индексов субъективного благополучия в зависимости от состояния здоровья и степени удовлетворенности трудовой деятельностью.

Полученные результаты расширяют теоретические представления о механизмах формирования субъективного благополучия в условиях социально-экономической нестабильности и создают эмпирическую основу для разработки дифференцированной социальной политики, учитывающей особенности различных социально-демографических групп.

5. Эмпирически подтверждена устойчивость сегмента населения с высоким уровнем субъективного благополучия на протяжении 2013-2022 гг. вне воздействия «поликризиса» (одновременного воздействия экономических, геополитических, эпидемиологических и других кризисов): динамика численности «полностью удовлетворенных жизнью» россиян колебалась незначительно в пределах 7,6–10%, а «очень

счастливых» - 9,9–12,1% за последние 10 лет, что свидетельствует о формировании «адаптивной группы» населения, способной сохранять высокий уровень субъективного благополучия в условиях нестабильной социально-экономической среды. Установлено, что устойчивый сегмент носителей наивысших показателей субъективного благополучия характеризуется: преобладанием женщин, демонстрирующих стабильную адаптивность к изменяющимся условиям; смещением возрастной границы в сторону более молодого поколения (от 25 до 44 лет); отсутствием прямой зависимости от статуса занятости; ростом доли удовлетворенных трудовой деятельностью. Доказано, что в структуре факторов субъективного благополучия параметры социального капитала (интенсивность социальных связей с семьей и друзьями, забота о младших поколениях, позитивная идентификация с профессиональными, национальными и территориальными общностями) имеют приоритетное значение по сравнению с экономическим капиталом (доход, удовлетворенность материальным положением и оплатой труда), что свидетельствует о специфической модели формирования субъективного благополучия в РФ.

6. На основе эконометрического анализа панельных данных за период 2007–2021 гг. получена система новых эмпирических результатов, расширяющих научное понимание детерминант субъективного благополучия в российском контексте и обосновывающих необходимость интеграции субъективных индикаторов в парадигму измерения качества жизни. Установлена доминирующая роль индивидуальных различий в формировании субъективного благополучия россиян, превосходящая влияние традиционных объективных факторов. Выявлена относительная стабильность субъективного благополучия во временной перспективе, свидетельствующая об устойчивости индивидуальных паттернов восприятия независимо от внешних шоков. Обнаружено отсутствие статистически значимого влияния длительного пребывания в состоянии бедности на субъективное благополучие, что указывает на наличие эффективных адаптационных

механизмов уже в первый год неблагоприятных материальных условий. Выявлен и эмпирически обоснован циклический характер влияния длительного пребывания в состоянии высокого материального благосостояния на субъективное благополучие, противоречащий классическим экономическим представлениям о линейной связи между доходом и удовлетворенностью жизнью.

7. Впервые на основе методологии теории субъективного благополучия выявлен и эмпирически обоснован «феномен академической профессии», характеризующийся: повышенным уровнем субъективного благополучия по сравнению с общенациональными показателями (показатели обоих компонентов субъективного благополучия превышали среднероссийские); сочетанием высокой удовлетворенности профессией при низком уровне удовлетворенности материальной обеспеченностью, доходом и конкретным местом работы; дифференциацией субъективного благополучия в зависимости от ученой степени и возраста (самые высокие показатели субъективного благополучия были зафиксированы в возрастной группе от 55 до 64 лет, а самые низкие – в квалификационной группе научно-педагогических работников без степени). *Учет одновременно квалификационных и возрастных характеристик позволяет преодолевать ограничения универсальных программ мотивации и создавать методологическую основу для таргетированных мер поддержки различных категорий научно-педагогических работников.*

8. Опираясь на результаты анализа одного из факторов субъективного благополучия научно-педагогических работников – удовлетворенности трудом, предложено усовершенствовать методику мониторинга этой детерминанты посредством интеграции дополнительного этапа - этапа выявления индивидуально значимых ценностей и приоритетов. Внедрение данного этапа позволяет реализовать принципы субъективного подхода в оценке удовлетворенности трудом, обеспечивая переход от универсальных

критериев к персонализированной диагностике. Апробированная в академической профессиональной среде методика обладает потенциалом адаптации для широкого спектра профессиональных сфер деятельности, что открывает перспективы создания универсального инструментария оценки удовлетворенности трудом, основанного на принципах индивидуализации и субъективной значимости профессиональных ценностей.

Теоретическая значимость состоит, *во-первых*, в аккумулировании и обобщении большого количества исследований в области изучения субъективного благополучия (результаты «scoring review»), что, по сути, является доказательством постепенного *перехода научного направления - субъективного благополучия от «допарадигмального» к «парадигмальному» этапу развития* – этапу создания теории и ее признанию научным сообществом. *Во-вторых, в приращении теории субъективного благополучия* новыми эмпирическими доказательствами: анализом субъективного благополучия в профессиональных группах, результатами динамики индикаторов (индексов) и факторов субъективного благополучия в РФ, выделением различий в группах с высоким уровнем субъективного благополучия, а также результатами исследования адаптационных эффектов в низко- и высокодоходных группах в России. *В-третьих, расхождение в результатах измерения эффективности социально-экономических решений объективными и субъективными метриками снижает значимость традиционного концепта рациональности и позволяет лучше понимать «неэффективное», «иррациональное» поведение индивидов в экономике* (например, рост заработной платы не всегда приводит к росту производительности труда, напротив удовлетворенность вознаграждением может существенным образом влиять на этот показатель). Применение этой методологии к оценке качества жизни позволило сформировать новые аргументы к выводам относительно неоднозначности взаимосвязи *экономического роста и роста благополучия населения.*

Практическая значимость. Результаты исследования могут иметь значительный потенциал для применения широким кругом государственных и негосударственных институтов. Использование органами государственного управления и статистики: Федеральной службой государственной статистики (Росстат), Аналитическим центром при Правительстве РФ, Министерством экономического развития РФ и региональными органами управления субъективного подхода в мониторинге качества жизни позволит учитывать воздействие большого количества неучтенных объективными показателями факторов на благополучие населения. Комплексный (многомерный подход) и включение субъективных оценок в аналитическую работу Центра стратегических разработок, Института народнохозяйственного прогнозирования РАН и региональных центров стратегического планирования позволит разрабатывать более обоснованные государственные интервенции и стратегии улучшения национального благополучия. Полученные результаты могут быть использованы Министерством труда и социальной защиты РФ, Министерством здравоохранения РФ и региональными департаментами социальной политики при разработке целевых программ повышения качества жизни различных социально-демографических групп населения. Выявленные закономерности субъективного благополучия могут применяться организациями при разработке программ повышения мотивации сотрудников, управления человеческими ресурсами и корпоративной социальной ответственности. Применение показателей субъективного благополучия, по сути, является эффективным инструментом реализации принципа человекоцентричности на федеральном, региональном и муниципальном уровнях управления социально-экономическим развитием.

Методология. Для синтеза знаний в области субъективного благополучия использовалась редкая для российских исследований методология одного из видов «исследовательского синтеза» (research synthesis) - обзор предметного поля (scoping review), предложенная Кулаковым Е.Н., Настаушевой Т.Л., Кондратьевой И.В., Арксеем Х., О'Маллей Л. Все

эмпирические замеры опирались на концепт структуры субъективного благополучия Диннера Э., в основе которого - деление на аффективную и когнитивную составляющие («суждение» о счастье и «переживание в данный момент времени» счастья). Такое понимание структуры субъективного благополучия встречается во многих работах исследователей в данной области. При изучении адаптационных эффектов использовалась методология исследования адаптации к бедности Кларка Э. и адаптационная концепция Истерлина Р. В целом в диссертационном исследовании применялся междисциплинарный подход, предполагающий использование методологии, как экономических, так и социологических исследований.

Методы исследования. Для достижения цели и решения задач диссертационного исследования *использовались следующие методы*: 1) *методы описательной статистики* - для реализации алгоритма scoring review, анализа показателей качества жизни в РФ по данным Росстата и анализа сегмента россиян с высоким уровнем субъективного благополучия; 2) *методы двумерной (кросстабулярной) статистики* - для проверки гипотезы о меньшей значимости экономического капитала по сравнению с социальным в группе россиян с высоким уровнем благополучия и исследования сопряженности аффективного и когнитивного компонентов субъективного благополучия; 3) *социологические методы*, включавшие организацию и проведение социологических опросов, проведение фокус-групп и глубинных интервью для измерения субъективного благополучия ННР и удовлетворенности трудом в академической сфере; 4) *методики расчета индексов*, основанные на апробированных методиках расчета индексов счастья ВЦИОМ, методике расчета интегральных индексов Инглхарта Р., методике Бредбурна Н. для оценки аффективного компонента субъективного благополучия, шкале Кантрила («лестница Кантрилла») и шкале оценки удовлетворенности жизнью Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ для измерения когнитивного компонента субъективного благополучия; 5) *эконометрические методы*:

метод бинарной пробит-модели со смешанными эффектами для изучения влияния дохода, демографических факторов, адаптационных эффектов пребывания в состоянии различного материального достатка, а также случайных индивидуальных и временных эффектов на удовлетворенность жизнью. Обработка и анализ данных проводились в Excel и SPSS, оценка эконометрических моделей осуществлялась в программной среде R.

Информационно-эмпирическую базу исследования составили теоретико-методологические исследования и эмпирические данные из следующих информационных источников и баз данных: Google Scholar, SciVal, Elibrary, World Database of Happiness (<https://worlddatabaseofhappiness.eur.nl>); данные Федеральной службы государственной статистики РФ, раздел «Уровень жизни» (Доходы, расходы и сбережения населения), <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>; раздел «Цели устойчивого развития», <https://rosstat.gov.ru/sdg>; Доклады о человеческом развитии 2019, 2020, 2021–2022 гг. (<https://hdr.undp.org>); данные Всемирной организации здравоохранения о качестве жизни (<https://www.who.int/tools/whoqol>); Углубленный обзор измерения текущего благополучия. Европейской экономической комиссии, 2023 г. (<https://unece.org>); данные Индексов лучшей жизни ОЭСР (Better Life Index), <https://www.oecdbetterlifeindex.org>, в том числе Индекс лучшей жизни в РФ (<https://www.oecdbetterlifeindex.org/countries/russian-federation/>); Всемирные отчеты о счастье 2012-2024 гг. (<https://worldhappiness.report/data/>); данные по интегральным индексам качества жизни (Numbeo Quality of Life Index), <https://www.numbeo.com/quality-of-life/>; Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>; Исследование удовлетворенности жизнью и счастьем ВЦИОМ (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja-monitoring>); данные, полученные с участием автора

диссертационного исследования, в процессе реализации грантов и проектов в области исследования субъективного благополучия в профессиональной группе – научно-педагогические работники (2018–2023 гг.): данные восьми фокус-групп научно-педагогических работников по диагностике структуры и ключевых факторов субъективного благополучия 2018 г.; данные 50 глубинных интервью для диагностики элементов и факторов субъективного благополучия представителей академической профессии из российских региональных, федеральных и опорных вузов, 2018 г.; результаты стандартизированного онлайн-опроса НПР российских федеральных университетов по диагностике аффективных и когнитивных компонентов субъективного благополучия (356 сотрудников из 10 федеральных университетов), 2019 г.; результаты стандартизированного онлайн-опроса сотрудников ЮФУ по оценке социально-профессионального самочувствия (1650 респондентов), 2019–2020 гг.; результаты исследования удовлетворенности трудом сотрудников экономического факультета Южного федерального университета (68 чел.), 2023 г.

Концепция диссертационного исследования. Современное состояние научного знания в области измерения качества жизни характеризуется фундаментальным методологическим противоречием между доминирующими исследовательскими подходами. С одной стороны, в существующих российских исследованиях, а также в международной практике все большее признание получает субъективный подход, основанный на оценке индивидуального восприятия различных сфер благополучия и удовлетворенности различными аспектами жизни. С другой стороны, в российской практике измерения качества жизни преобладает объективный подход, опирающийся преимущественно на теорию благосостояния. Данное противоречие носит не только методологический, но и концептуальный характер, поскольку отражает различные представления о природе благополучия и способах его измерения. Объективный подход, доминирующий в отечественных исследованиях, исходит из предпосылки о

возможности внешней оценки качества жизни через совокупность формализованных индикаторов (доходы, заработная плата, уровень потребления, сбережений, жилищные условия, доступность услуг и т.д.). Субъективный подход, напротив, признает приоритет индивидуального опыта и личностных оценок в определении уровня жизненного благополучия (опыт субъекта). Одним из вариантов развития субъективного подхода является теория субъективного благополучия. Субъективное благополучие понимается в работе не как альтернатива объективным показателям, а как дополнение к ним, что обеспечивает более комплексный и методологически обоснованный подход, позволяющий учитывать множественность факторов, влияющих на качество жизни.

Положения, выносимые на защиту.

1. В отечественной практике мониторинга и оценки качества жизни имеет место фундаментальный методологический разрыв между современными научными концепциями качества жизни и действующей практикой его измерения в РФ. Несмотря на научное признание необходимости комплексного (многомерного) подхода, сочетающего объективные и субъективные показатели, государственная статистика (Росстат) придерживается преимущественно одномерного подхода, основанного на неоклассических теориях и сводящего оценку к измерению объективных показателей благосостояния (например, среднедушевые доходы, среднемесячная заработная плата, коэффициент Джини, дефицит денежных доходов, структура потребительских расходов и др.) и традиционных демографических и социально-экономических метрик (например, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень образования населения, уровень занятости и безработицы, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу и др.). Данная дихотомия может приводить к серьезным последствиям: принимаемые управленческие решения, базирующиеся преимущественно на объективных показателях, практически полностью игнорируют субъективное восприятие благополучия гражданами, что не

позволяет сформировать полную картину социально-экономического развития и часто ведет к неэффективным решениям.

Объективные показатели, имеющие неоспоримые преимущества (измеримость, сравнимость, непредвзятость, статистическая обоснованность), обладают и рядом существенных недостатков. Так, объективные показатели не учитывают культурные, социальные и эмоциональные аспекты жизни, игнорируют индивидуальные различия, не всегда отражают реальное положение дел (например, высокий уровень дохода не всегда соответствует высокому уровню удовлетворенности жизнью), могут использоваться для манипулирования данными (например, использование средних величин не всегда информативно). В этой связи интеграция субъективных показателей в практику оценки качества жизни необходима для формирования комплексной картины благополучия россиян. *Субъективные показатели* при наличии определенных недостатков могли бы существенным образом решать проблему учета ненаблюдаемых скрытых факторов (влияние индивидуальных различий и особенностей), обеспечивать гибкость (адаптацию к различным культурным и социальным контекстам, объяснение уникальных аспектов жизни людей в разных обществах и культурах), повышать чувствительность к изменениям (более быстрая реакция к изменениям в жизни человека, например, через эмоции, стресс), а также обеспечивать ориентацию на человекоцентричность в связи с разнообразием жизни индивидов (учет различных аспектов жизни людей, важных для них). Переход к комплексному (многомерному) подходу требует методологических трансформаций в деятельности статистических органов, координации усилий научного сообщества и властных структур, а также изменения парадигмы измерения качества жизни.

2. Методология измерения качества жизни в РФ должна опираться на новую парадигму², которая основывается на синтезе теорий

² Прим. автора. Под термином «парадигма» понимается доминирующий способ мышления или концептуальная рамка, концепция.

благосостояния (welfare) и субъективного благополучия (subjective well-being). Новая парадигма измерения качества жизни обеспечивает:

- 1) комплексную интеграцию объективных и субъективных показателей,
- 2) многомерный анализ взаимосвязанных компонентов качества жизни,
- 3) учет ненаблюдаемых скрытых факторов (влияние латентных переменных, которые не поддаются прямому измерению, но значительно влияют на благополучие, такие как ценности, ожидания, социальные связи, культурный, национальный, региональный контексты и другие индивидуальные различия),
- 4) отказ от агрегированных метрик в пользу системы взаимосвязанных, но независимо интерпретируемых показателей,
- 5) междисциплинарное объединение достижений экономики, социологии, психологии и других наук.

3. Теория субъективного благополучия представляет собой самостоятельную концепцию в рамках субъективного подхода к измерению качества жизни, не являющуюся производной от разных экономических теорий (теории благосостояния, теории полезности, поведенческой экономики др.). Она отличается от смежных концепций своим фундаментальным пониманием природы благополучия как субъективного феномена. В отличие от объективных подходов (например, теории благосостояния), она признает первичность субъективного опыта и оценки. Здесь благополучие не является внешним, объективно измеримым состоянием, а представляет собой внутреннюю реальность человека, включающую когнитивные оценки и аффективные переживания. На основе редко используемого в российских исследованиях метода исследовательского синтеза – **обзора предметного поля (scoping review)** были выявлены конституирующие признаки теории субъективного благополучия как отдельной области научного познания. Последовательно, выдвигая критерии отбора публикаций, удалось сузить воронку публикаций обзора предметного поля (ScR) в области теории субъективного благополучия с более чем 200 тыс.

до 210 ключевых публикаций. Результаты анализа предметного поля субъективного благополучия позволили определить признаки, институционализирующие теорию субъективного благополучия:

1) *специфический категориальный аппарат* (удовлетворенность жизнью, уровень счастья, удовлетворенность работой, удовлетворенность здоровьем, уровень счастья и др.), при этом конструкт Динера Э. принимается **в качестве базового определения субъективного благополучия, под которым понимается, во-первых, ежедневное эмоциональное восприятие текущих событий в жизни, которые могут быть как позитивными (*positive affect*), так и негативными (*negative affect*); во-вторых, оценка индивидом уровня благополучия в соответствии со своими собственными критериями и/или уровнем достижения признанного в обществе стандарта счастливой жизни с учетом культурных ценностей и установок (*life satisfaction*).**

2) *Собственный предмет исследования* - субъективное восприятие качества жизни: эмоциональное восприятие различных сфер жизни – «переживания в данный момент времени» и оценка или суждение о жизни (в целом или отдельных ее сфер) по прошествии времени.

3) *Оригинальная методология измерения*, основанная на субъективных самооценках индивидов (когнитивные и аффективные оценки) и предполагающая изучение влияния на субъективное благополучие как традиционных факторов, так и скрытых ненаблюдаемых факторов, связанных с индивидуальными различиями или изменениями, происходящими с индивидами с течением времени. При этом к традиционным факторам относятся: общеэкономические (доход, безработица и др.); демографические (образование, возраст, пол и др.), социальные (связи, культура, религия и др.), профессиональные (удовлетворенность работой, досуг и др.), физиологические (здоровье, генетические особенности и др.), обусловленные средой (экология, климат, погода, городская среда и др.), институциональные и политические (доверие, политические права и свободы, качество институтов и др.). А к скрытым ненаблюдаемым факторам, связанным с индивидуальными

различиями или изменениями, относятся факторы личностного развития (цели, стремление, самооценка и др.), факторы, определяемые значимыми событиями в жизни индивидов (развод, потеря близкого, наследство, свадьба и др.) и др.

4) *уникальные причинно-следственные связи и закономерности*, не объясняемые в рамках традиционных экономических теорий: взаимосвязь между субъективным благополучием и решениями индивида в области потребления (приобретение продуктов питания, расходы на одежду, траты на досуг, аренда, коммунальные расходы) и сбережения, уровнем счастья и успешностью поиска работы, удовлетворенностью работой, уровнем производительности труда, предпринимательской и инвестиционной активностью, а также влияние субъективного благополучия на уровень финансовой безопасности и нестабильности.

5) *наличие уникальных эмпирических феноменов* – парадоксальных явлений, среди которых: *«парадокс Истерлина»* (отсутствие прямой корреляции между ростом национального дохода и уровнем счастья); *эффект адаптации к бедности/богатству* (тенденция адаптации к своему материальному положению: после значительного изменения дохода, как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения, уровень субъективного благополучия индивидов может резко изменяться, но затем постепенно возвращается к исходному состоянию); *парадокс социального сравнения и эффект относительного дохода* (субъективное благополучие человека зависит не только от абсолютного уровня его дохода, но и от сравнения с доходами референтной группы). Индивид может быть объективно богатым, но чувствовать себя неудовлетворенным жизнью, если окружающие его люди располагают большим, по сравнению с ним, доходом. И наоборот, индивид с относительно низким доходом может быть счастлив, если его доход выше, чем у окружающих. Это явление подрывает классическое представление о том, что полезность зависит только от абсолютного уровня потребления.

4. Субъективное благополучие населения России в период 2013-2022 гг. характеризуется структурной дифференциацией аффективного и когнитивного компонентов, устойчивыми социально-демографическими и социально-экономическими различиями, а также парадоксальным несоответствием между объективными экономическими показателями и субъективными оценками, что обосновывает необходимость пересмотра традиционных подходов к измерению и управлению качеством жизни населения.

Индексы субъективного благополучия россиян (удовлетворенность жизнью) стабильно находились в диапазоне невысоких значений (25-34% по шкале от -100% до +100%), демонстрируя относительную устойчивость к макроэкономическим флуктуациям и социальным трансформациям, что свидетельствует о наличии адаптационных механизмов.

Структурная дифференциация проявляется в устойчивом превышении аффективного компонента над когнитивным на 4-5 процентных пунктов, различной чувствительности компонентов к самооценке здоровья и дифференцированном влиянии субъективных экономических оценок, что подтверждает концептуальную дистинктивность данных конструктов и методологическую необходимость их измерения.

Социально-демографическая специфика характеризуется гендерными различиями в пользу мужчин, нелинейной возрастной динамикой с парадоксальным ростом когнитивного компонента в группе 63-73 лет, значимым влиянием образования и семейного положения, что создает эмпирическую основу для дифференцированного подхода к разработке социально-экономических программ.

Система закономерностей формирования субъективного благополучия россиян также характеризуется критической зависимостью когнитивных и аффективных компонентов субъективного благополучия от самооценки здоровья (исключительно отрицательные значения индексов удовлетворенности жизнью у лиц с неудовлетворительным состоянием

здоровья от -49% до -23%); парадоксальным расхождением между объективным двукратным ростом заработной платы в 2013-2022 гг. и стабильно низкими субъективными оценками материального положения; устойчивым феноменом высокой удовлетворенности работой при низкой удовлетворенности оплатой труда (разрыв 57-58 процентных пунктов на протяжении десятилетнего периода); доминирующей ролью удовлетворенности трудовой деятельностью как ключевой детерминантой субъективного благополучия (вариация индекса до 88%); дифференцированным воздействием материальных факторов на когнитивные и аффективные компоненты благополучия.

5. На основе анализа российских панельных данных за период 2013-2022 гг. установлено существование устойчивого сегмента российского общества - 7,6-12,1% («полностью удовлетворенные жизнью» - 7,6–10% и «очень счастливые» - 9,9–12,1%), демонстрирующего высокие показатели субъективного благополучия в условиях множественных социально-экономических кризисов, что свидетельствует о формировании особой социально-экономической группы с развитыми механизмами адаптации к макроэкономическим шокам и неблагоприятным рыночным воздействиям.

Демографический профиль данного сегмента характеризуется гендерной асимметрией в пользу женщин, смещением аскриптивной границы в сторону более молодого поколения, снижением значимости формального статуса занятости и возрастанием роли качественных характеристик трудовой деятельности (удовлетворенности трудом). Социально-экономическая специфика группы проявляется в доминировании социального капитала над экономическим: в данном сегменте фиксируется средний уровень дохода, большая включенность в социальные связи с семьей и друзьями (сегмент преимущественно счастливых россиян заметно чаще общается с членами своей семьи и друзьями, заботится о младших детях и/ или внуках), а также фиксируется позитивная идентификация с профессиональными,

национальными, территориальными общностями. Выявленная устойчивость сегмента россиян с высоким уровнем субъективного благополучия расширяет методологический инструментарий анализа качества жизни и экономической адаптации в условиях макроэкономической неопределенности.

6. Результаты анализа панельных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (2007-2021гг.) позволили установить, что субъективное благополучие россиян детерминируется преимущественно индивидуальными различиями (42,5% объясненной дисперсии против 7,8% для объективных факторов), демонстрирует высокую временную стабильность (дисперсия временных случайных эффектов 0,0188) и характеризуется следующими закономерностями: при значимом позитивном воздействии абсолютного дохода (+12,42% вероятности высокой удовлетворенности жизнью) пребывание в состоянии низкого материального достатка не оказывает статистически значимого влияния вследствие быстрой адаптации, а пребывание в состоянии высокого материального достатка демонстрирует циклический характер воздействия с периодами значимого снижения благополучия, что обосновывает необходимость пересмотра методологии оценки эффективности социально-экономических программ в направлении интеграции субъективных метрик и подтверждает доминирование иных детерминант благополучия в российском контексте. Зафиксирована значительно большая значимость образовательного фактора по сравнению с другими рассматриваемыми социально-экономическими и демографическими факторами: наличие высшего образования увеличивает вероятность высокой удовлетворенности жизнью на 17,42% по сравнению с предельными эффектами пола, возраста, дохода и «кумулятивных эффектов бедности и богатства». Обнаружен гендерный разрыв в показателях субъективного благополучия: вероятность высокого уровня удовлетворенности жизнью у женщин на 4,82% ниже, чем у мужчин. Влияние возраста на субъективное благополучие имеет нелинейный характер. Полученные результаты обосновывают необходимость пересмотра

методологии оценки эффективности социально-экономических программ в направлении интеграции субъективных метрик и подтверждают доминирование иных детерминант благополучия в российском контексте.

7. На основе оригинальной методологии исследования субъективного благополучия научно-педагогических работников эмпирически выдвигается тезис о «феномене академической профессии», проявляющийся, во-первых, в более высоком уровне субъективного благополучия научно-педагогических работников по сравнению с общенациональными показателями; во-вторых, одновременном сочетании высокой удовлетворенности профессией и низкого уровня удовлетворенности материальной обеспеченностью, доходом и конкретным рабочим местом; в-третьих, в специфике оценок субъективного благополучия в зависимости от уровня квалификации (наличие ученой степени) и возрастных характеристик. Квалификационная дифференциация проявляется в существенном разрыве между докторами наук и преподавателями без ученой степени по уровню материальной обеспеченности и удовлетворенности работой, при этом наименьшие показатели субъективного благополучия демонстрируют работники без ученой степени. Возрастная специфика характеризуется максимальными показателями удовлетворенности работой и материальной обеспеченности в группе 55-64 лет и минимальными значениями материальной обеспеченности в группе 45-54 лет, что требует учета при разработке таргетированных мер поддержки различных категорий научно-педагогических работников и создает методологическую основу для преодоления ограничений универсальных программ мотивации в академической среде.

8. Методологическое усовершенствование диагностики удовлетворенности трудом научно-педагогических работников посредством интеграции этапа выявления индивидуально значимых профессиональных ценностей и мотивирующих факторов обеспечивает переход к персонализированной диагностике субъективного

благополучия и создает основу для универсального инструментария оценки удовлетворенности трудом с использованием субъективных метрик качества жизни.

Степень достоверности и апробации результатов исследования обеспечивалась за счет надежных и валидных методов сбора и анализа данных, сопоставления полученных результатов с данными других исследований, использования апробированных методов измерения различных компонентов субъективного благополучия. Результаты исследования формировались на основе эмпирических данных, полученных в ходе проведения собственных исследований, а также в ходе отбора данных из РМЭЗ НИУ ВШЭ, Росстата и др. Теоретические положения работы в достаточной степени получили эмпирическое подтверждение.

Апробация результатов диссертационного исследования осуществлялась за счет: *во-первых, представления и обсуждения на следующих конференциях*: IV Международная научно-практическая конференция «Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее» (Саратов, Центр психолого-экономических исследований ПИУ имени П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, 2019); VI Международный конгресс «Производство. Наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире» (г. Москва, Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2019); II Международный Саратовский экономико-психологический форум «Современные тенденции в сфере экономической психологии» (Саратов, Центр психолого-экономических исследований ПИУ имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, 2019); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Человек труда и наука» (Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2020); Московский академический экономический форум (международный), Площадка 2 Пленарная конференция «Институционально-цифровая трансформация общественного сектора в повышении качества человеческого капитала» (г. Москва, 2021); Международный форум «Благополучие человека в

условиях цифровой трансформации» (г. Екатеринбург, 2022); Международная научно-практическая конференция в рамках V Московского академического экономического форума (МАЭФ) «Современные тренды экономического развития в условиях санкционного давления» (2023); VIII Международная научная конференция «Институциональная трансформация экономики: правила эффективной политики. Восточная конференция ITE-2023 (Новосибирск, 2023); Международная научная конференция «Междисциплинарный подход к изучению благополучия человека» (Республика Беларусь, Гродно, 2024 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Менеджеризм как идеология управления социальными процессами и институтами» (Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2024); VI Международная научно-практическая конференция «Социальная динамика населения и человеческий потенциал», (ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024). *Во-вторых, реализации грантов:* грант РФ «Социально-экономические факторы счастья россиян», <https://rscf.ru/project/23-28-00636>, 2023–2024 гг. (руководитель); грант РФФИ «Исследование субъективного благополучия россиян на примере научно-педагогических работников: факторы и динамика» (№ 18-010-00952), 2018-2020 гг. (руководитель).

Публикации результатов исследования. По данной тематике опубликовано 22 работы общим объемом – 26,85 п.л (в том числе авторских – 9,213 п.л.), включая 10 статей в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (ВАК РФ), 7 публикаций в изданиях, проиндексированных в Scopus, WoS, RSCI.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников, включающих в общей сложности 284 источников. Работа иллюстрируется 68 рисунками и 57 таблицами. Объем работы составляет 328 страниц.

1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ: ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПОДХОДЫ

1.1. Дихотомия теории и практики в оценке качества жизни в РФ: критический анализ и необходимость комплексного (многомерного) подхода

Поиск по ключевым словам понятия «качество жизни» в Национальной библиографической базе данных научного цитирования (РИНЦ) обнаружил 19671 публикацию³, а это означает примерно такое же количество точек зрения и подходов к определению этого понятия. Если обратиться к другим базам данных, то это количество увеличивается многократно. И в этой связи не представляется целесообразным заниматься сравнительным анализом используемого разными исследователями понятийного аппарата. Но, безусловно, любая исследовательская работа требует разъяснений и определений ключевых терминов и категорий, что, собственно, позволяет сформировать *первоначальные представления* о выбранном предмете исследования. Беглый обзор некоторых публикаций из РИНЦ также обнаружил, что по поводу определения сущности категории «качество жизни» многие исследователи имеют сходные точки зрения, достаточно часто ссылаются на одних и тех же авторов. С учетом этих факторов, предлагается обратить внимание на определения понятия «качество жизни» в публикациях российских авторов с наибольшим количеством цитирований с целью поиска обоснованных аргументов в пользу авторской точки зрения на эту категорию (табл. 1).

³ URL: https://www.elibrary.ru/keyword_items.asp?id=2473452&show_option=0 (дата обращения – 31.03.2023)

Таблица 1 – Определение «качество жизни» в публикациях российских исследователей с наибольшим цитированием в РИНЦ⁴

Автор	Цитирования	Определение
Беляева Л.А.	535	«Качество жизни – это комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения, которая выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей и связана с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе» (Беляева: 34, 2009)
Леонтьев Д.А.	117	«При анализе качества жизни ... мы различаем его объективные, субъективные и субъектные аспекты. Объективная сторона качества жизни соответствует традиционному пониманию этого конструкта как оценки инвариантных условий жизни больших социальных групп, без учета индивидуальных различий. Эта оценка связана с мерой удовлетворенности инвариантных базовых потребностей, общих для всех людей...Субъективная сторона качества жизни определяется уже не групповыми, а индивидуальными оценками удовлетворенности не только общих, но и индивидуально специфических потребностей...Наконец, следует выделить еще субъектный аспект жизни: не самое высокое качество жизни может быть скомпенсировано ее осмысленностью, эвдемонистическим счастьем за пределами простого благополучия, создаваемым и выращиваемым самим субъектом» (Леонтьев: 22-23, 2020)
Гришина И.В., Полынев А.О., Тимонин С.А.	90	«Под качеством жизни населения региона понимается комплексная (многоаспектная) категория, отражающая всю систему сложившихся в регионе условий и предпосылок социального развития, ... обеспечивающих имеющиеся на данный период времени возможности полноценной реализации человеческого потенциала, повышения уровня личного и общественного потребления материальных благ и услуг, всестороннего развития личности, обеспечения высокого уровня образования и культуры, поддержания благоприятной природной среды и здорового образа жизни, комфортных условий проживания и комплексной безопасности человека» (Гришина и др.: 72, 2012)
Бобков В.Н.	75	«...Качество жизни представляет собой разнообразие способностей и удовлетворенных потребностей личности, социальных групп и общества в целом, предопределяющее их развитость и благосостояние... Уровень жизни представляет собой денежную оценку ресурсов, необходимых для обеспечения качества жизни личности, социальных групп и общества в целом...Уровень и качество

⁴ Прим. автора. Отбор публикаций осуществлялся по критерию соответствия ее содержания предметной области исследования – экономика труда

		жизни характеризуют ее как целое и определяются экономической оценкой и развитостью личности и общества» (Бобков: 27, 2009)
Козлова О.А., Гладкова Т.В., Макарова М.Н., Тухтарова Е.Х.	65	Качество жизни населения включает в себя элементы следующих категорий: качество среды жизнедеятельности индивидов, уровень жизни, качество населения, «степень удовлетворения потребностей в творчестве, саморазвитии и самореализации человеком своих способностей» (Козлова и др.: 184, 2015)
Кузнецов С.В., Растова Ю.И., Растов М.А.	49	«Качество жизни» объединяет цели и ценности как отдельного человека, так и общества целом, чем отличается от понятия «уровень жизни». связанного с объемом реальных доходов на душу населения и соответствующим объемом потребления» (Кузнецов и др.: 137, 2017)
Мухачева А. В.	41	«В широком смысле качество жизни можно интерпретировать как комплексную оценку степени удовлетворения жизнеобеспечивающих, социальных и духовных потребностей человека, определяемую объективно существующими в рамках действующей социально-экономической системы и субъективно ощущаемыми характеристиками его жизни» (Мухачева: 306, 2012)
Лебедева Л.С.	38	«...понятие «качество жизни» объединяет широкий спектр субъективных и объективных социальных индикаторов по таким направлениям, как материальные условия жизни, образование, здоровье, работа, политические права, социальные связи, условия окружающей среды, экономическая и физическая безопасность, удовлетворенность жизнью...» (Лебедева: 79, 2018)
Нехода Е.В., Рощина И.В., Пак В.Д.	36	«Качество жизни как научная концепция ... прошла в своем развитии ряд последовательных стадий – от экономики благосостояния, включающей для характеристики качества жизни измеримые показатели материального благополучия (А. Пигу), до современного понимания качества жизни через набор объективных и субъективных параметров восприятия человеком собственной среды обитания (экономика благополучия, субъективное благополучие)» (Нехода и др.: 107, 2018)
Окрепилов В.В., Гагулина Н.Л.	35	«Качество жизни — это оценочная категория, которая обобщенно характеризует параметры всех составляющих жизни человека: его потенциала, жизнедеятельности и ее условий по отношению к стандарту или эталону, который выработан и институционализирован обществом и (или) существует в индивидуальном сознании человека» (Окрепилов и др.: 320, 2019)

Представленные выше суждения о качестве жизни, по мнению автора, вступают в противоречие со сложившейся практикой его измерения в России.

И в этой связи созвучно мнение Гэлбрейта Дж., изложенное в работе «Общество изобилия». Исследователь отмечает: «первое, что требуется для понимания современной социально-экономической жизни, - необходимость принимать во внимание связь между явлениями и описывающими их теориями, *поскольку явления и теории живут отдельной друг от друга жизнью*. Как ни парадоксально, явления и теории способны очень долго следовать по независимым траекториям» (Гэлбрейт: 17, 2018). Практически во всех определениях «качества жизни» используется *субъективный аспект измерения* (см. табл.1: «субъективные оценки», «субъективные аспекты», «субъективно ощущаемые характеристики жизни человека», «субъективные индикаторы», «субъективные параметры восприятия человеком собственной среды обитания», «оценочная категория, существующая в индивидуальном сознании человека»). Но если обратиться к распространенной практике измерения качества жизни, то, к сожалению, обнаруживается *сильный акцент на использовании объективных показателей и индикаторов*. И эта традиция имеет достаточно большую и еще не оконченную историю.

В 30-х гг. XX в. нобелевским лауреатом, американским экономистом Кузнецом С.,⁵ был предложен всеобъемлющий стандарт для измерения уровня национального благосостояния - валовый внутренний продукт (Kuznets, 1934). И, как утверждает Головин А.А., период 1930-1950-х гг. характеризуется повсеместным преобладанием объективного взгляда на оценку качества жизни населения (оценка через экономические «доходные» показатели), хотя данный показатель являлся «мерой экономического роста, но никак не мерой общественного благополучия» (Головин: 260, 2022). Данный показатель, как отмечает Лебедева Л.С., не учитывал ряд важных индикаторов, таких как распределение и неравенство доходов, уровень доступности здравоохранения, образования, роль экологических проблем (Лебедева: 69, 2018). Кобб К., Гудмэн Г. и Вакернэдждл М. также обращали внимание на то, что показатель ВВП

⁵ Саймон Кузнец (1901-1985) – американский экономист, получивший в 1971 г. Нобелевскую премию за «эмпирически обоснованное толкование экономического роста».

упускает многое из того, что представляет ценность для людей. Например, не учитывается волонтерская работа, уход за детьми или пожилыми родителями на дому. И, как отмечают исследователи, эти услуги отразились бы на ВВП, если бы за них заплатили. Показатель ВВП также игнорирует свободное время, проведенное на отдыхе, вместе с семьей и друзьями, вклад окружающей среды в качество жизни (чистый воздух и вода, умеренный климат). И если полагать, что экономика – это инструмент удовлетворения потребностей, а не достижение того или уровня дохода, то, все вышеперечисленное должно быть учтено при оценке качества жизни индивидов (Cobb et al., 2000). Еще в 1960-х гг. Замецем А. предпринимались попытка измерения благосостояния посредством учета неучтенных потерь и выгод от изменений, вызванных экономическим ростом (Sametz, 1968). Кобб К., Гудмэн Г. и Вакернэдждл М. отметили, что достаточно часто выгоды для экономического роста могут восприниматься многими индивидами как потери, например, «ВВП учитывает преступность, разводы, судебные издержки и другие признаки социального распада в качестве экономических выгод. Автомобильные аварии, медицинские расходы, замки и системы безопасности, а также страхование являются «плюсами» для ВВП. ВВП учитывает загрязнение как двойную выгоду для экономики: добыча нефти, которая создает загрязнение, увеличивает ВВП; затем очистка мест захоронения токсичных отходов или разлив нефти еще больше увеличивает ВВП. Рассматривая истощение или деградацию природных ресурсов как доход, а не как обесценивание актива, ВВП нарушает как основные принципы бухгалтерского учета, так и здравый смысл» (Daly, Cobb, 1989; Cobb et al.: 2, 2000).

В 1972 г. Нордхаус В. и Тобин Дж. разработали показатель – Индекс измерения экономического благосостояния (Measure of Economic Welfare (MEW)), который измерял ВВП с учетом неучтенных экономических и социальных факторов (Nordhaus, Tobin, 1973), в последствие Золотас Кс. предложил учитывать элементы окружающей среды и природных ресурсов (Zolotas, 1981). Оба этих показателя продемонстрировали разрыв между ВВП

(благополучием) и благополучием, количественно демонстрирующее, что все больше и больше экономическая активность может самоуничтожаться, с точки зрения благополучия.

В 1989 г. Дэйли Х. и Кобб Дж., работая над созданием «зеленого» ВВП для Японии, предложили еще одну метрику оценки экономического благосостояния – Индекс устойчивости экономического благосостояния (Index of Sustainable Economic Welfare (ISEW), который учитывал ряд социальных факторов, экологических проблем и долгосрочного использования природных ресурсов (Daly, Cobb J., 1989). В 1995 г. организация «Переосмысление прогресса» пересмотрела методологию ISEW и предложила скорректированный индекс – Индикатор подлинного прогресса (Genuine Progress Indicator (GPI), который представлял собой финансовое выражение оценки некоторых аспектов экономического благосостояния, влияющих на устойчивое развитие того или иного общества в будущем. Так, GPI включает в себя 5 компонентов: потребительские затраты, скорректированные с учётом распределения доходов; ценность нерыночных услуг, увеличивающих благосостояние (например, ценность домашнего труда); индивидуальные затраты на защиту от ухудшения экологической обстановки (расходы на решение проблем с загрязнением); цена деградации природной среды и истощения невозобновляемых ресурсов (истощение невозобновляемых природных ресурсов). Однако несмотря на то, что появились новые точки зрения на измерение и оценку экономического благосостояния, вместе с тем подход неоклассической экономики, в основе которого использовалась система национальных счетов (учет доходов и расходов, потребления и сбережений) сохранился.

Гришина И.В. отмечает, что «сам термин «качество жизни» впервые встречается в работе американского экономиста Гэлбрейта Дж. «Общество изобилия» (1958 г.) и упоминается в контексте анализа перехода западного общества к постиндустриальной стадии развития» (Гришина: 70, 2012). Гришина И.В. также указывает на то, что первоначальный этап исследований качества жизни характеризуется отсутствием границ между «качеством жизни» и

«уровнем жизни» (Гришина: 70, 2012). Однако оценка качества жизни через показатели дохода (уровня жизни) несмотря на то, что эта практика, как показано выше, подвергается последние 70-80 лет критике, остается распространенной в статистических измерениях многих государств, в том числе и в России. Так, например, Федеральной службой государственной статистики РФ, в качестве ключевых метрик для оценки качества жизни используется группа показателей, *измеряющих «уровень жизни»*. А именно: уровень доходов и расходов, уровень сбережений населения. На рисунках 1–6 представлены некоторые из этих показателей.

Рис.1 – Структура денежных доходов населения в РФ, %⁶

Данные на рис.1 свидетельствуют о том, что с 2013 по 2021 гг. структура доходов населения практически оставалась неизменной: большую долю занимала оплата труда и социальные выплаты. А с 2018 по 2021 гг. доля оплаты труда повышается до 57,2%, как и доля социальных выплат в 2020 г. - до 21,4%, в 2020 г. – до 20,6%. В 2015 г. за весь рассматриваемый период доля прочих денежных поступлений повысилась до максимального уровня – 17,4%, а в 2020 и 2021 гг. понизилась до минимального - соответственно 10,4% и 10,8%. Но может ли представленная аналитика хотя бы в какой-то части ответить на вопрос:

⁶ Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики РФ, раздел «Уровень жизни» (Доходы, расходы и сбережения населения), <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 27.10.2023)

изменилась ли жизнь населения России в лучшую или худшую стороны, как изменилось качество жизни населения вследствие того, что немного увеличился вклад других источников в общий доход? По мнению автора, данные цифры просто отображают действительность, но они не позволяют делать выводы об изменении качества жизни. Хорошо это или плохо для благополучия населения, когда большая часть их доходов формируется из оплаты труда и социальных выплат? Ответ не ясен. Как должно выглядеть «идеальное» распределение доходов, чтобы можно было говорить о том, что происходят существенные изменения в качестве жизни населения?

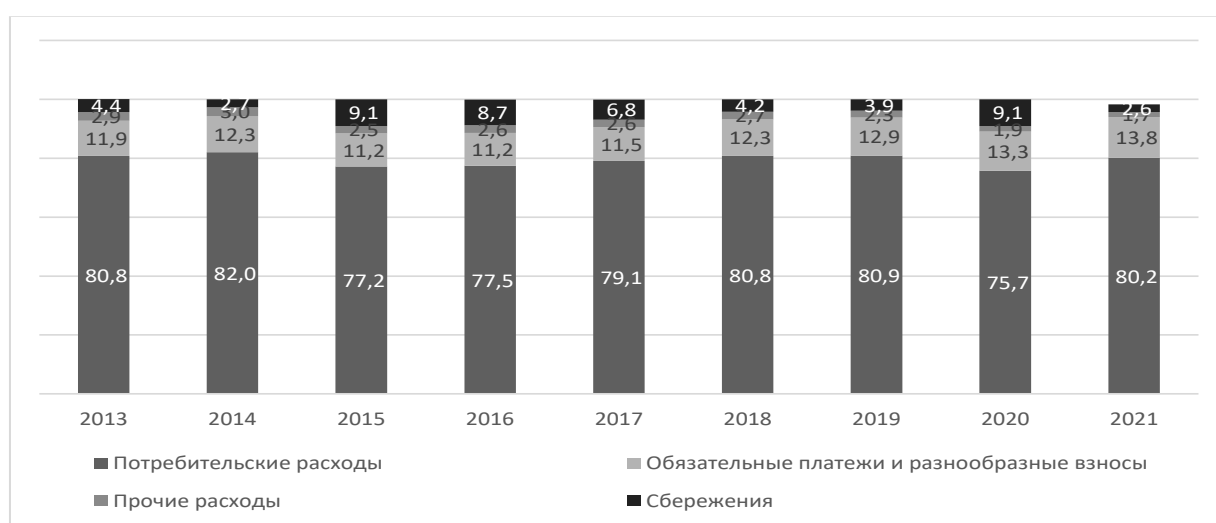

Рис.2. – Структура денежных расходов населения в РФ, %⁷

Продолжим анализ показателей «уровня жизни» по методике Росстата. В структуре денежных расходов населения за период 2013–2021 гг. значительные изменения произошли в 2015 г., а именно доля сбережений увеличилась по сравнению с предшествующим периодом на 6,4% (рис. 2). Безусловно, сам показатель «сбережений» может свидетельствовать о том, что у людей образуется «денежный излишек», который можно, инвестировать, например, в депозиты. И, вероятно, изменение этого показателя в 2015 году могло свидетельствовать о позитивных изменениях в уровне жизни, а, если учесть, что в 2015 г. изменилась структура доходов (увеличилась доля «прочих денежных

⁷ Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики РФ, раздел «Уровень жизни» (Доходы, расходы и сбережения населения), <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 27.10.2023)

поступлений», рис.1), то этот вывод получает дополнительное обоснование. Но, как отмечали некоторые аналитики, снижение потребительских расходов в 2015 г. было вызвано тем, что в связи с ростом цен, население вынуждено было изменить структуру своего потребления: перейти на «более дешевые товары и услуги, сокращая спрос на предметы роскоши и товары длительного пользования»⁸, также эксперты указывали на то, что данные Росстата учитывали «переоценку валютных депозитов в рублевом выражении, поэтому появилась иллюзия, что люди сберегали больше»⁹, то есть при расчете сбережений учитывали и инвестиции в валюту, что, собственно, и увеличило этот показатель в условиях роста цен и роста курса рубля. Таким образом, аналитика Росстата по поводу изменения структуры расходов выглядела довольно позитивной, но фактически этот оптимизм значительно расходился с реальным положением вещей. Иными словами, «теория» в оценке качества жизни не соответствовала «практике».

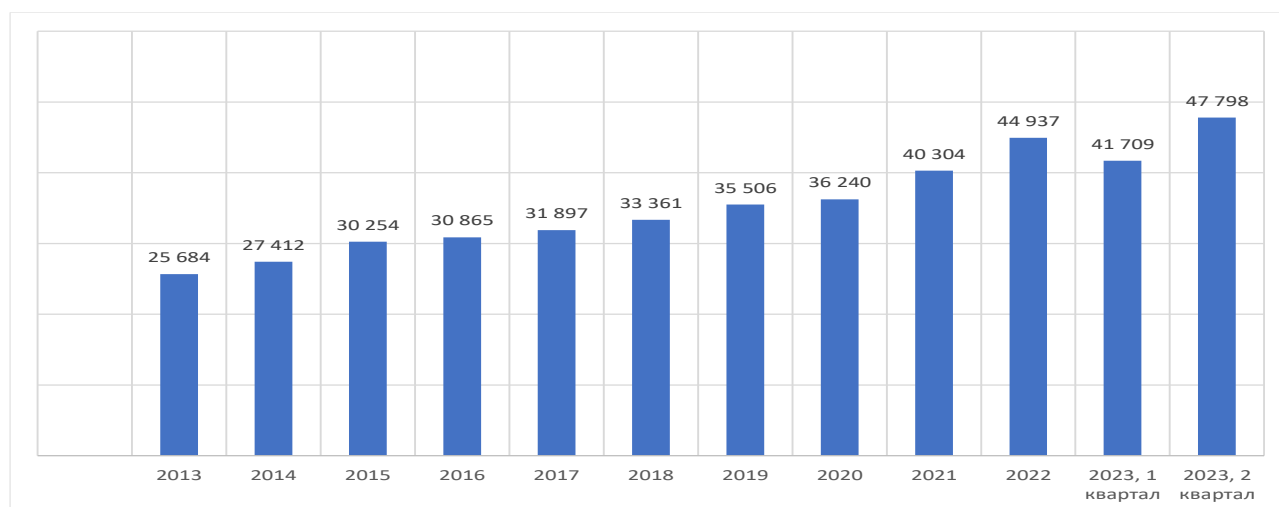

Рис. 3. – Среднедушевые денежные доходы населения РФ, руб.¹⁰

⁸ Аналитика Агентства Reuters (2015 г.). URL: <https://www.reuters.com/article/orubs-russia-population-savings-idRUKCN0SM1JU20151028> (дата обращения 01.11.2023)

⁹ Аналитика РБК (2015 г.). URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/finances/15/12/2015/567025899a7947cf88b7b4d0> (дата обращения 01.11.2023)

¹⁰ Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики РФ, раздел «Уровень жизни» (Доходы, расходы и сбережения населения), <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 27.10.2023).

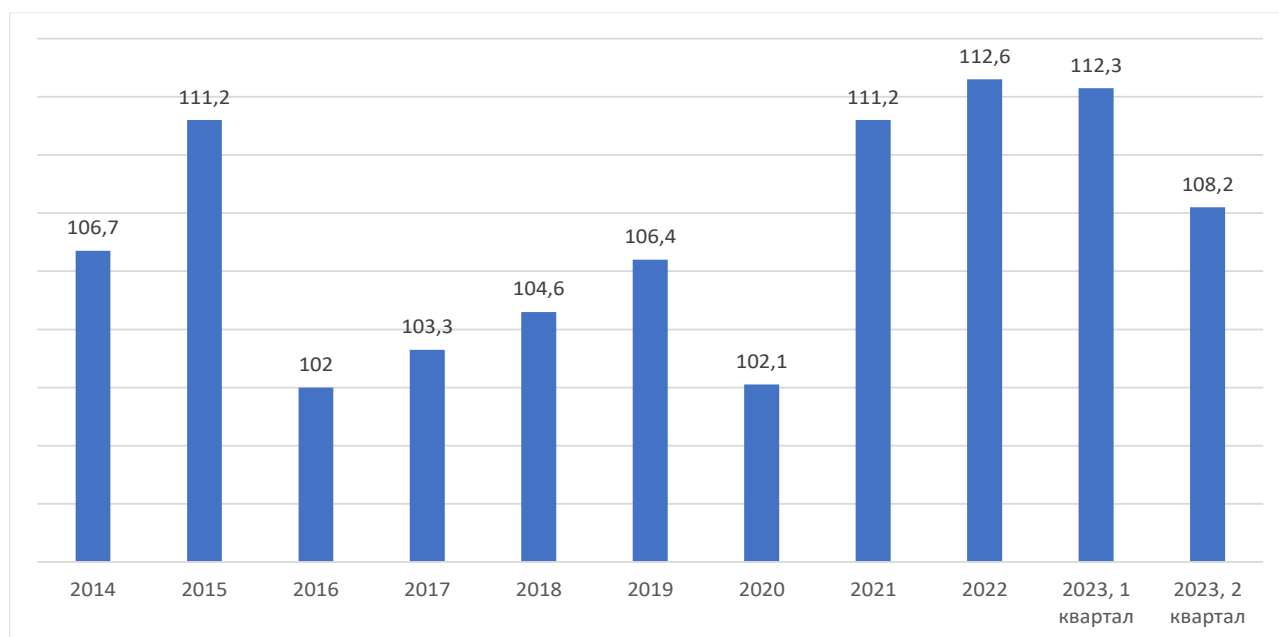

Рис. 4 – Среднедушевые денежные доходы населения РФ, % к соответствующему периоду прошлого года¹¹

Динамика показателя среднедушевых доходов также не является достаточно информативной по следующим причинам (рис.3). Во-первых, недостатком средних величин является их чувствительность к экстремальным значениям, что может приводить к значительному увеличению или уменьшению этих показателей. Целесообразнее использовать в этом случае моду и медиану. Во-вторых, статистика динамики роста среднедушевого дохода за 10 лет могла бы выглядеть впечатляющей, так как он вырос в 2023 в 1,86 раз по сравнению с 2013 г. Но совершенно не очевидно, что в 2023 г. население России стало богаче и позволяет себе гораздо больше по сравнению с населением в 2010 г., так как инфляция, изменения курса рубля вследствие ряда социально-экономических потрясений (пандемии, экономической изоляции) существенным образом повлияли на реальные доходы, потребление и сбережения россиян. С точки зрения автора, динамика среднедушевых доходов населения в % к предшествующему периоду (рис. 4) отображает действительность, но не может служить идеальным показателем для оценки качества жизни.

¹¹ Составлено по тому же источнику.

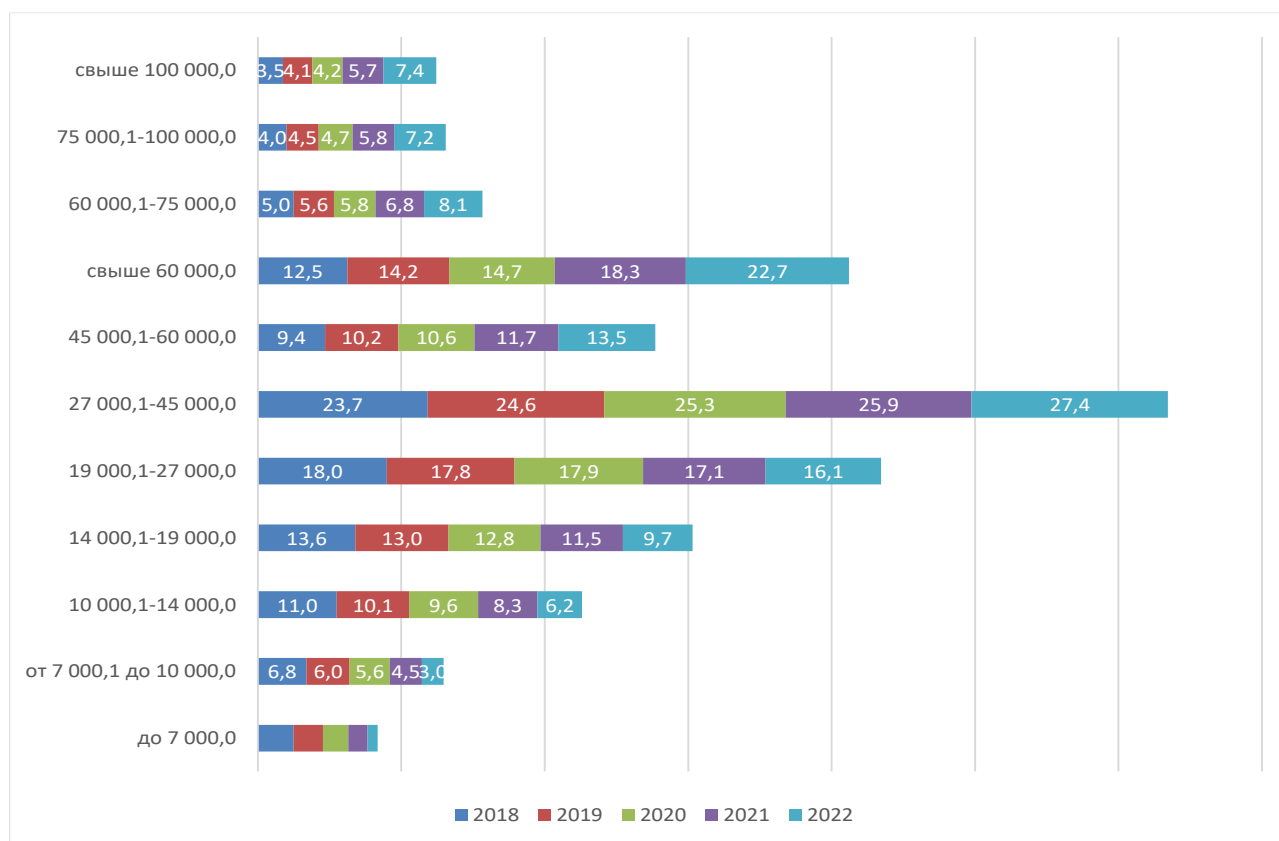

Рис. 5 - Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов, %¹²

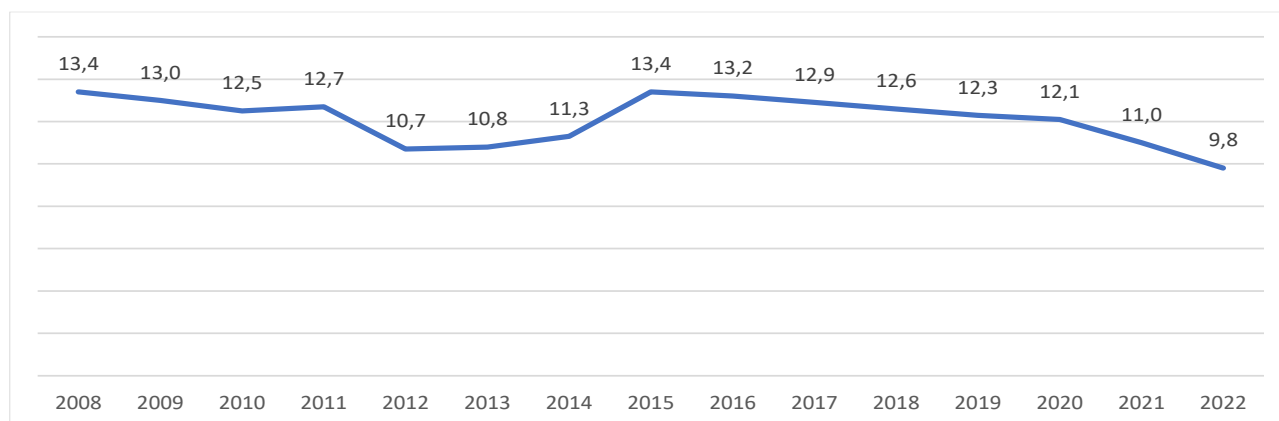

Рис. 6 - Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) по РФ, в % от общей численности населения

¹² Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики РФ, раздел «Уровень жизни» (Доходы, расходы и сбережения населения), <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 27.10.2023).

Возможно, аналитика распределения населения по величине среднедушевых денежных доходов демонстрирует некоторый рост уровня жизни (уровня дохода), рис.5. Так за период с 2018 по 2022 гг. ежегодно росла доля населения в группах доходов, начиная с интервала 27 000,1–45 000 рублей (в 2018 г. – 23,7%, а в 2022 г. – 27,4). А доля населения, имеющая среднедушевой доход более 100 тыс. рублей увеличилась за 4 года почти в 2 раза. Но означает ли рост уровня дохода и рост уровня качества жизни? Это также не очевидно даже в случае учета всех предшествующих показателей (рис. 1–4). График на рис.6 демонстрирует снижение уровня численности населения, находящихся за чертой бедности: на 3,6% в 2022 г. по сравнению с 2013 г. Но означает ли это, что эти 3,6% населения действительно добились улучшения своей жизни, а не находятся на границе уровня выживания.

Следующая группа метрик, которые используются в оценке качества жизни в РФ, связана с целями устойчивого развития согласно поддерживаемой с 2015 г. российским правительством «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030»¹³. Основная идея повестки устойчивого развития связана «с искоренением нищеты, обеспечением защиты нашей планеты, повышением качества жизни и улучшением перспектив для всех людей во всем мире». Повестка устойчивого развития включает в себя 17 целей (рис. 7), которые, безусловно, выходят за пределы только «денежной» или «доходной» концепции качества жизни.

¹³ Федеральная служба государственной статистики/Цели устойчивого развития. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg> (дата обращения 29.11.2023)

Рис. 7 – Цели устойчивого развития¹⁴

Реализация 17 целей устойчивого развития должна обеспечивать возможность удовлетворения необходимых для жизнедеятельности человека потребностей (в пище, чистой воде, воздухе, жилье), сохранение здоровья и увеличение продолжительности жизни (в том числе снижение доли населения, страдающих вредными привычками), безопасность в обществе, возможности образования и культурного развития, занятость, мобильность, обеспеченность ресурсами (электроэнергия, водные и лесные ресурсы), технологиями и инновациями, облегчающими жизнь человека в обществе, развитие комфортной городской среды. Для измерения степени достижимости целей устойчивого развития запланировано 248 показателей, из которых разработано 114. При этом все показатели являются «объективными социальными индикаторами»

¹⁴ Составлено по: URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg> (дата обращения 29.11.2023)

(Лебедева: 79, 2018). Например, для оценки степени достижимости ЦУР-8 «Достойная работа и экономический рост» используются следующие индикаторы:

- ежегодные темпы роста реального ВВП на душу населения;
- ежегодные темпы роста реального ВВП на каждого занятого;
- доля неформальной занятости от общей занятости в разбивке по сектору и полу;
- средний почасовой заработок работников в разбивке по полу, возрасту и роду занятий, а также признаку инвалидности;
- уровень безработицы в разбивке по полу, возрасту и признаку инвалидности
- доля молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков;
- доля и число детей в возрасте от 5 до 17 лет, занятых детским трудом, в разбивке по полу и возрасту;
- уровень производственного травматизма со смертельным и несмертельным исходом на 100 000 работников в разбивке по полу и миграционному статусу;
- непосредственный вклад туризма в совокупный ВВП и в темпы роста;
- число а) филиалов коммерческих банков на 100 000 взрослых и б) число банкоматов на 100 000 взрослых;
- доля взрослых (от 15 лет), имеющих счет в банке или ином финансовом учреждении или пользующихся услугами операторов мобильных финансовых услуг;
- объем обязательств и выплат в рамках инициативы «Помощь в торговле».

Нет необходимости приводить дополнительные примеры, поскольку представленный перечень показателей ЦУР-8 достаточно демонстрирует их

преимущественно «объективную» природу. То есть, как верно заметил Леонтьев Д.А., это только одна «объективная сторона жизни», которая «соответствует традиционному пониманию этого конструкта как оценки инвариантных условий жизни больших социальных групп, *без учета индивидуальных различий*» (Леонтьев: 22-23, 2020). Идеи измерения целей устойчивого развития получили свое развитие, как было описано выше, в связи развитием новых подходов в оценке экономического благосостояния, связанных, в свою очередь, с такими индексами как Measure of Economic Welfare (MEW), Index of Sustainable Economic Welfare (ISEW), Genuine Progress Indicator (GPI).

Существенный вклад в развитие «недоходного» подхода к измерению благополучия индивида внесло использование *индекса человеческого развития ПРООН (ИЧР)*. Идея ИЧР формировалась в направлении *оценок возможностей для развития различных аспектов жизни/жизнедеятельности* индивида, его человеческого потенциала, *а не только оценок финансово-материальной обеспеченности*. Разными группами исследователей были предложены интегральные показатели, рассматривающие оценку качества жизни не только через призму доходов, потребления и сбережения, а через оценку социальных, экологических и др. индикаторов, составляющих суть жизни любого индивида в обществе. При этом, как будет показано далее, такая оценка опирается на использование и анализ *как объективных, так и субъективных показателей или индикаторов*.

Идеологами и теоретиками нового подхода к оценке качества жизни, вдохнувшими «жизнь» в традиционные макропоказатели оценки общественного благосостояния, являлись Сэн А.¹⁵ и Уль-Хак М.¹⁶. Время научных дискуссий в Кембридже, которое Амартия Сэн и Махбуб Уль-Хак потратили на поиск иных способов и показателей измерения экономического прогресса вместо ВВП –

¹⁵ Амартия Сэн (1933 г.р.) – индийский экономист, в 1998 г. получил Нобелевскую премию по экономике «за его вклад в экономику благосостояния и восстановление этического подхода к жизненно важным экономическим проблемам».

¹⁶ Махбуб Уль-Хак (1934-1998) – пакистанский экономист, в 1990 году возглавил группу экономистов-исследователей ПРООН, предложивших концепцию Индекса человеческого развития.

«популярной, но ложной единицы измерения»¹⁷, прошло продуктивно. Исследователи пришли к выводу, что рост материального или финансового благосостояния не всегда способствует расширению возможностей для развития индивидов в обществе, и, тем самым, не может быть индикатором социально-экономического прогресса. Сен А. обосновал положение, что процесс развития «это *расширение возможностей человека*, подразумевающее «большую свободу выбора, чтобы каждый мог выбирать из большого числа вариантов ту цель и тот образ жизни, которые он считает предпочтительными» (Цаголов: 29, 2014). Доход – это только один из выборов, которым бы хотел обладать человек, и, несмотря на всю его значительность, он не определяет всю сложность и многообразие человеческой жизни. В Докладе о развитии человека (1990 г.) Уль-Хак М. указал на то, что «подлинное богатство народов – люди. Основная цель развития состоит в создании условий, дающих людям возможность жить долгой, здоровой и творческой жизнью. Это может показаться простой истиной. **Но о ней часто забывают из-за текущей заинтересованности в накоплении сырьевых товаров и денежного богатства**» (Цаголов: 29, 2014). С этого момента в практике оценки качества жизни используется интегральный показатель – *Индекс человеческого развития (ИЧР)*, который включает в себя оценку трех макропоказателей: ожидаемую продолжительность жизни (данные UNDESA), ожидаемое и среднее количество лет обучения (данные UNESCO, UNICEF и ICF) и валовый национальный продукт на душу населения (данные IMF, UNSD и Всемирного банка). (Мареева и др.: 21, 2021). Обратим внимание на то, что в измерении ИЧР также использовались *объективные показатели*. Необходимо подчеркнуть, что Россия в течение последних 10 лет входит в группу стран с высоким уровнем ИЧР (см. рис. 8).

¹⁷ Доклад о человеческом развитии 2020: Следующий рубеж - Человеческое развитие и антропоцен. С.11. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2020rupdf.pdf>

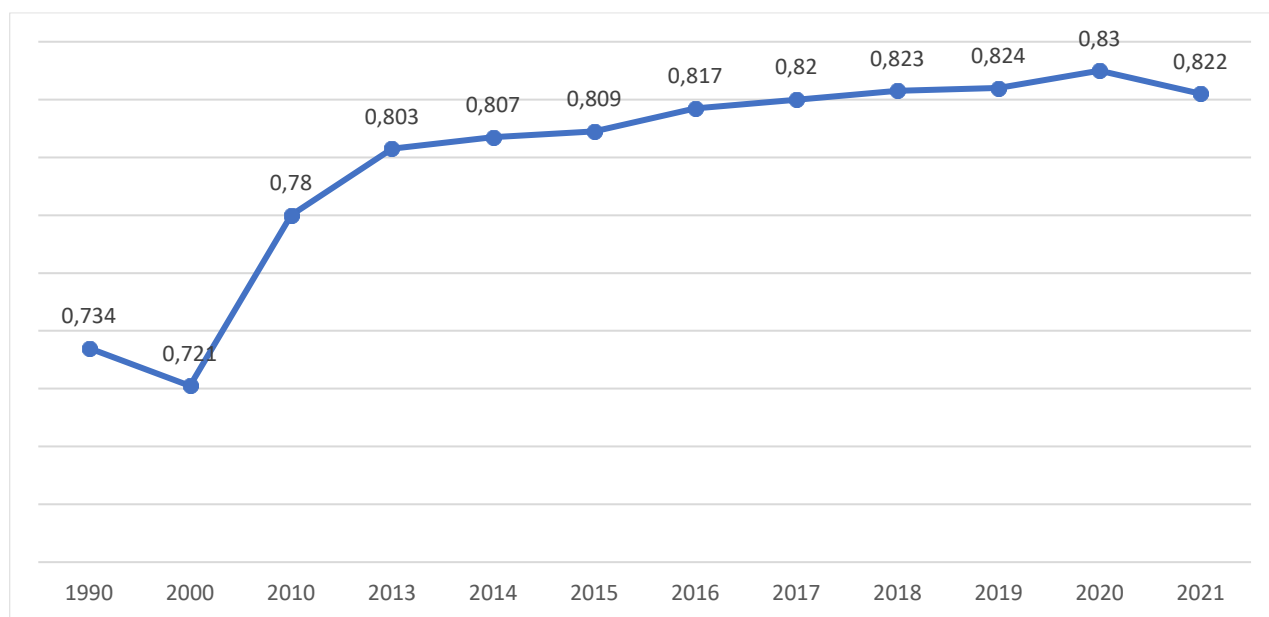

Рис. 8 – Динамика ИЧР в РФ за период 1990-2021 гг.¹⁸

За последние пять лет методика расчета индекса человеческого развития менялась вследствие переосмысления экспертами факторов, влияющих на развитие человека. В докладе о человеческом развитии 2019 г. в традиционный расчет добавлен *корректирующий коэффициент – коэффициент неравенства*. И, действительно, как уже было сказано выше является ли, например, уровень дохода тем фактором, который создает условия для развития людей? Если в той или иной стране высокий уровень дохода и высокий уровень дифференциации по доходу, то это означает, что только у части общества есть возможность получать образование и заботиться о своем здоровье. В этой связи интересно изменение значения индекса человеческого развития, скорректированного с учетом неравенства. На рис. 9 представлена сравнительная динамика ИЧР с учетом и без учета неравенства в России, США и Китае. Индексы заметно снижаются вследствие воздействия неравенства на развитие индивидов в вышеуказанных странах. Динамика потерь развития от неравенства продемонстрирована на рис. 10. Все страны несли потери, в наибольшей степени

¹⁸ Составлено по: Доклад о человеческом развитии 2019. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2019>. Доклад о человеческом развитии 2020. URL: <https://hdr.undp.org/en/dashboard-human-development-anthropocene>. Доклад о человеческом развитии 2021-22. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22>.

– Китай, в РФ – наименьшее, в 2021 г. потери уменьшились во всех странах по сравнению с 2018 и 2019 гг. (рис. 10).

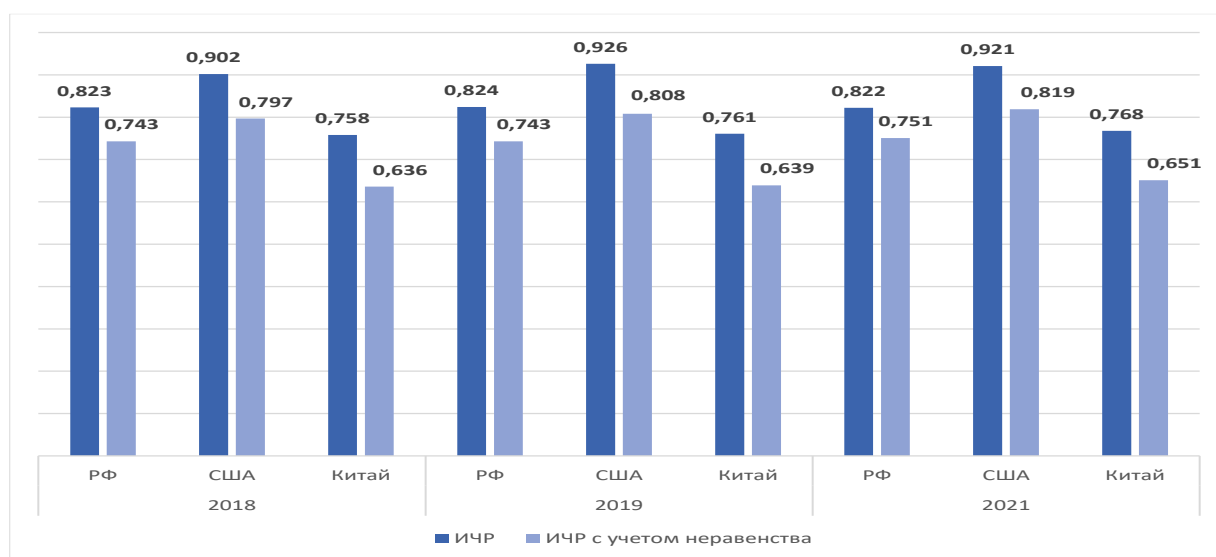

Рис. 9 – Динамика Индекса человеческого развития в РФ, США и Китае с учетом воздействия неравенства¹⁹

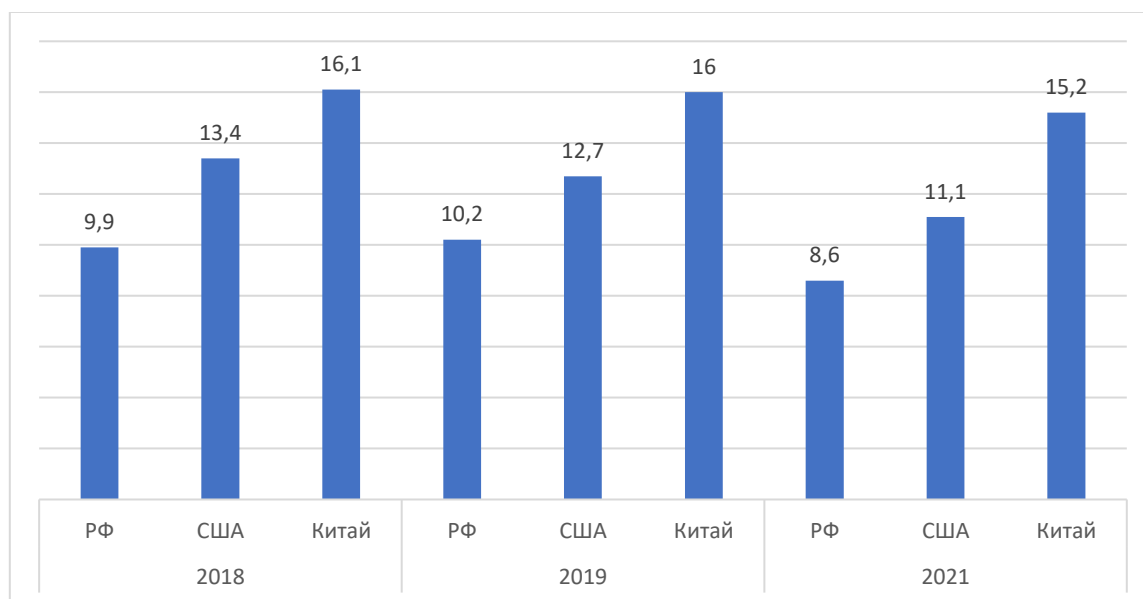

Рис. 10 – Динамика общих потерь развития вследствие неравенства, %²⁰

¹⁹ Составлено по: Доклад о человеческом развитии 2019. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2019>. Доклад о человеческом развитии 2020. URL: <https://hdr.undp.org/en/dashboard-human-development-anthropocene>. Доклад о человеческом развитии 2021-22. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22>.

²⁰ Составлено по Доклад о человеческом развитии 2019. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2019>. Доклад о человеческом развитии 2020. URL: <https://hdr.undp.org/en/dashboard-human-development-anthropocene>. Доклад о человеческом развитии 2021-22. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22>.

Следующий пересмотр расчета ИЧР имел место в 2020 г., что было обусловлено развитием концепции «антропоцена». Под «антропоценом» понимается новая геологическая эпоха, которая, в свою очередь, характеризуется наличием большого количества экзистенциальных планетарных угроз, исходящих от человека. В эпоху «антропоцена» человек доминирует в большинстве «аспектов природного мира и функционирования земной системы»²¹ и влияет на мир, в котором он живет. В «Докладе о человеческом развитии 2020 г.» предлагается рассчитывать ИРЧ с учетом планетарной нагрузки. Для расчета такого индекса вводится поправочный коэффициент, который представляет собой среднее арифметическое показателей, измеряющих выбросы диоксида углерода и ресурсозатраты на душу населения. Таким образом, ИРЧ, скорректированный с учетом планетарной нагрузки является индикатором «давления человека на планету»²². Обратим внимание на динамику этого индекса 2019-2021 гг. в США, Китае и России (рис. 11, 12)

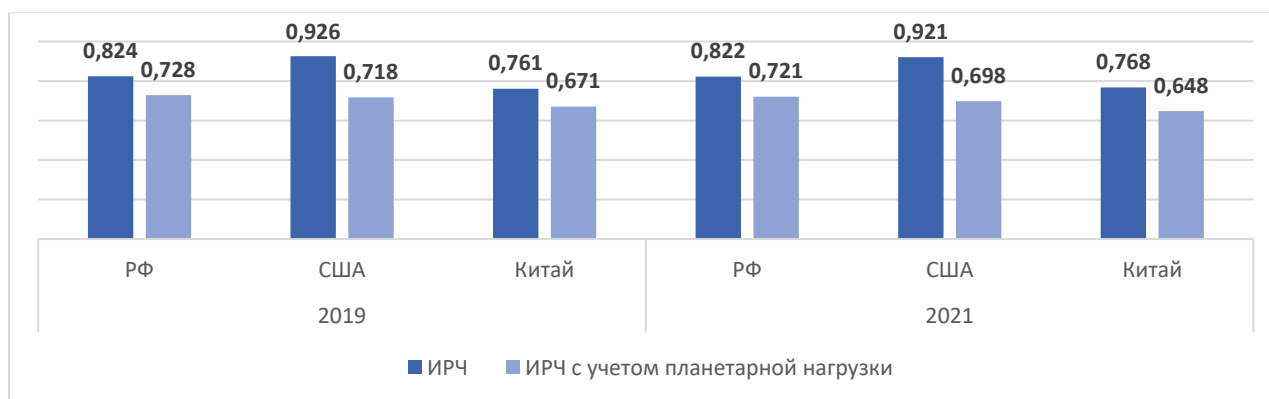

Рис. 11 - Динамика ИЧР в РФ, США и Китае с учетом планетарной нагрузки²³

²¹ Доклад о человеческом развитии 2020. URL: <https://hdr.undp.org/en/dashboard-human-development-anthropocene>. С. 48.

²² Доклад о человеческом развитии 2020. URL: <https://hdr.undp.org/en/dashboard-human-development-anthropocene>. С. 244

²³ Составлено по: Составлено по: Доклад о человеческом развитии 2020. URL: <https://hdr.undp.org/en/dashboard-human-development-anthropocene>. Доклад о человеческом развитии 2021-22. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22>.

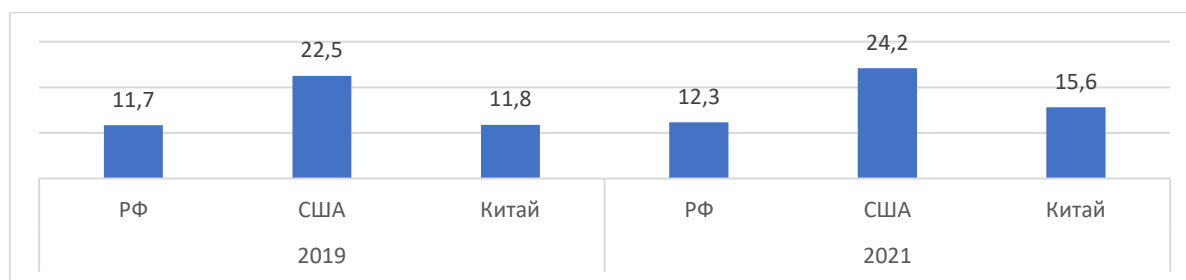

Рис. 12 - Разница в значениях ИЧР с учетом планетарной нагрузки и ИЧР в РФ, США и Китае (%)²⁴

Наибольший разрыв между ИЧР и ИЧР с учетом планетарной нагрузки и в 2019 г., и в 2021 г. в США (почти в 2 раза больше, чем в России), в Китае этот разрыв увеличился в 2021 г. на 3,8 %, а в России эта разница оставалась практически неизменной.

Достаточно интересен Индекс качества жизни, предложенный в 1993 г. Всемирной организацией здравоохранения (WHOQOL), который, по мнению автора, представляет собой достаточно нетипичный и редкий случай измерения качества жизни *только на основе субъективных оценок* в отличие от предыдущего индекса, опирающегося только на объективный подход. Скевингтон С., Лотфи М. и Оконнел К. дают пояснение по поводу смыслового содержания категории «качество жизни» с точки зрения Всемирной организации здравоохранения (Skevington et al., 2004). Исследователи отмечают, что ВОЗ под качеством жизни понимает «восприятие индивидом своего положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых он живет, а также в соответствии с его целями, ожиданиями, стандартами и проблемами» ((Skevington et al.: 299, 2004). Ключевая идея здесь заключается в самооценке «восприятия» индивидом, то есть оценить качество своей жизнедеятельности может только сам индивид, *а не некие представления, принятые в обществе и/или определяемые государством*. Несмотря на определение, которое формирует достаточно широкий взгляд на понимание и оценку благополучия, по факту индекс ВОЗ специализируется на узкой сфере – сфере физического и психического самочувствия индивида и рассматривает в качестве ключевого фактора, влияющего на «восприятие индивидом своего положения» – в сфере

²⁴ Составлено по: Доклад о человеческом развитии 2020. URL: <https://hdr.undp.org/en/dashboard-human-development-anthropocene>. Доклад о человеческом развитии 2021-22. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22>

здоровья. В разработке индекса принимали участие 15 национальных центров, в итоге был предложен общий протокол проведения расчетов и разработан опросник, состоящий из 100 пунктов, объединенных, в свою очередь в 6 кластеров (рис. 13)²⁵.

Общая самооценка качества жизни

Общая самооценка уровня своего здоровья

1. Самооценка физического здоровья

- Энергия и усталость
- Боль и дискомфорт
- Сон и отдых

2. Самооценка психологического здоровья

- Имидж и внешность
- Негативные чувства
- Позитивные чувства
- Самооценка
- Мышление, обучение, память и концентрация

3. Самооценка уровня независимости

- Степень мобильности
- Способность выполнять повседневную деятельность
- Зависимость от лекарственных средств
- Работоспособность

4. Самооценка социальных отношений

- Личные взаимоотношения
- Поддержка социума
- Сексуальная активность

5. Самооценка окружающей среды

- Финансовые ресурсы
- Свобода, физическая защищенность
- Уровень здравоохранения и социального обслуживания: доступность и качество
- Домашняя обстановка
- Возможность развития навыков и приобретения новой информации
- Участие и возможности для досуга
- Физическая среда (загрязнение/шум/дорожное движение/климат)
- Транспорт

6. Духовность/Религия/Личные убеждения

Рис. 13 - Общий протокол проведения расчетов Индекса качества жизни Всемирной организацией здравоохранения (WHOQOL)

²⁵ Составлено по: URL: <https://www.who.int/tools/whoqol> (дата обращения - 24.01.2024)

Таким образом, Индекс качества жизни ВОЗ является индикатором того, что позволяет делать индивиду его здоровье в различных сферах и областях его жизнедеятельности. Позднее была разработана краткая версия опросника ВОЗ по оценке качества жизни - WHOQOL-BREF²⁶, которая чаще всего и используется в исследованиях и оценках здоровья и благополучия. Обратим внимание, в отличие от предшествующего индекса качества жизни – ИЧР ООН, регулярной широкой пострановой оценки на основе разработанных опросников не производилось и не производится. Данная методика, как правило, используется для стандартизации исследований качества жизни *узкой целевой группы* – пациентов, и, чаще всего, пациентов с психическими, онкозаболеваниями и др. тяжелыми заболеваниями, под воздействием которых образ жизни индивидов может сильно изменяться (Михалкина и др.,2020).

Показатели качества жизни – ИЧР ООН и Индекс качества жизни ВОЗ (WHOQOL) не стали единственными примерами апробации новых измерительных практик: логика развития подобных показателей продолжилась. Так, в феврале 2008 года французское правительство обратилось к Стиглицу Дж., Сену А. и Фитусси Ж.П. для создания Комиссии, впоследствии получившей название «Комиссия по измерению экономической эффективности и социального прогресса» (СМЕРСП)²⁷. Цель Комиссии заключалась в том, чтобы определить *пределы ВВП* как индикатора экономической деятельности и социального прогресса, включая проблемы с его измерением, рассмотреть, какая дополнительная информация может потребоваться для получения более актуальных показателей социального прогресса, оценить осуществимость альтернативных инструментов измерения и обсудить, как соответствующим образом представить статистическую информацию. В 2009 г. был опубликован доклад Комиссии Стиглица–Сена–Фитусси об измерении экономических показателей и социального прогресса (Stiglitz, Sen & Fitoussi, 2009), который был

²⁶ Формы опросников по методике ВОЗ. URL: <https://www.who.int/tools/whoqol/whoqol-100>; <https://www.who.int/tools/whoqol/whoqol-bref>

²⁷ Сайт Комиссии по измерению экономической эффективности и социального прогресса. URL: <https://www.insee.fr/fr/information/2550927>

воспринят с большим политическим интересом. В 2015 г. обсуждение продолжилось, и как результат появились совместные книги Стиглица Д., Фитусси Ж.П. и Дюрана Д.: «Помимо ВВП: измерение того, что влияет на экономическую и социальную эффективность» (Stiglitz, Fitoussi & Durand, 2018) и «Для хорошего измерения: продвижение исследований в области критериев благополучия помимо ВВП» (Stiglitz, Fitoussi & Durand, 2018)²⁸. В Докладе Стиглица–Сена–Фитусси *«подчеркивалась важность многомерного определения благополучия и содержалась рекомендация о 8-ми параметрах благополучия»*²⁹: а) материальный уровень жизни; б) здоровье; в) образование; г) личная деятельность, включая работу; д) политическая ориентация и управление; е) социальные связи и отношения; ж) окружающая среда (нынешние и будущие условия); з) отсутствие безопасности, как экономического, так и физического характера. При этом Стиглиц Дж., Сен А. и Фитусси Ж.П. придерживались использования не только объективных, *но и субъективных метрик.*

В 2023 г. актуальность такого подхода была институционализована на конференция европейских статистиков (71-ая пленарная сессия). В рамках сессии было зафиксировано следующее: *«... показатели благополучия ориентированы на то, чтобы представить целостную и полную картину текущей жизненной ситуации отдельных лиц, домохозяйств и сообществ, в том числе как позитивные, так и негативные аспекты. Показатели благополучия сосредоточены на том, что важно для жизни людей в измеряемом контексте. Этот подход значительно отличается от использования лишь обычных показателей дохода, которые затрагивают только один аспект жизни людей. Показатели благополучия предоставляют информацию, которую можно*

²⁸ Углубленный обзор измерения текущего благополучия. Европейская экономическая комиссия, Конференция европейских статистиков, Семьдесят первая пленарная сессия, Женева, 22–23 июня 2023 года. URL: <https://unece.org/sites/default/files/2023-05/CES%202023%207%20R.pdf> (дата обращения 12.12.2023)

²⁹ Там же. С.5.

использовать для оценки общей жизненной ситуации граждан и домохозяйств, а также можно использовать при разработке политики и принятии решений...»³⁰.

В рамках этого подхода во многих странах разрабатываются и апробируются новые показатели для оценки качества жизни – показатели благополучия с учетом более широкого взгляда на параметры и с использованием не только объективных, но и субъективных методов оценки: Индекс лучшей жизни ОЭСР³¹ (Better Life Index), Индекс качества жизни Евростат (QoL Eurostat), Индекс счастья. Рассмотрим подробно.

С 2011 г. рассчитывается *Индекс лучшей жизни ОЭСР (Better Life Index)* на основе объективной и субъективной оценок по одиннадцати параметрам: *доход и богатство, работа и качество работы, жилье, здоровье, знания и навыки, качество окружающей среды, субъективное благополучие, защищенность, баланс работы и личной жизни, социальные связи, гражданская активность. Для анализа и оценки полного распределения текущих результатов. Составляющие индекса, в свою очередь, измеряются 1-3 показателями.* При выборе показателей использовались такие критерии, как значимость (достоверность, глубина, актуальность для политики) и качество данных (прогностическая достоверность, охват, своевременность, межстрановая сопоставимость и т.д.)³², а также в процессе консультации со странами-членами ОЭСР. В 2020 г. Индекс лучшей жизни был рассчитан и для РФ.³³ По сути, индекс качества жизни представляет собой «приборную панель», а не агрегированный индекс, что также формирует тренд в области выбора подхода к измерению: выбор одного совокупного показателя или выбор совокупности показателей. Так, по данным ОЭСР, РФ добилась прогресса в улучшении качества жизни своих граждан, несмотря на более низкие, чем в среднем, оценки

³⁰ Углубленный обзор измерения текущего благополучия. Европейская экономическая комиссия, Конференция европейских статистиков, Семьдесят первая пленарная сессия, Женева, 22–23 июня 2023 года. URL: <https://unece.org/sites/default/files/2023-05/CES%202023%207%20R.pdf> (дата обращения 12.12.2023). С. 4

³¹ Организация экономического сотрудничества и развития – ОЭСР (the Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD)

³² Обобщено по: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/#/5555555441>

³³ Составлено по данным: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/countries/russian-federation/>

по некоторым позициям. Доход домохозяйства на душу населения составлял 19 546 дол. в год (средний показатель в ОЭСЭР - 30 490 дол.). Около 70% людей в возрасте от 15 до 64 лет в Российской Федерации имели оплачиваемую работу (средний показатель - 66%). Около 75% мужчин были заняты на оплачиваемой работе против 65% женщин. Что касается образования и навыков, на тот период в Российской Федерации 95% взрослых в возрасте 25-64 лет имели полное среднее образование, что выше среднего показателя по ОЭСР (79%). Качество системы образования проверялось в рамках Программы международной оценки учащихся ОЭСР (PISA). В соответствии с этой оценкой, средний ученик набрал 481 балл по грамотности чтения, математике и естественным наукам, что было немного ниже среднего показателя (488 баллов). Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Российской Федерации составила - 73 года, что на восемь лет ниже среднего показателя по ОЭСР, составляющего 81 год. Ожидаемая продолжительность жизни женщин составляла 78 лет по сравнению с 68 годами у мужчин. Уровень содержания в атмосфере PM_{2,5} – мельчайших частиц загрязнителя воздуха, достаточно мелких, чтобы проникать в легкие и вызывать повреждение, – составляет 11,8 микрограмма на кубический метр, что ниже среднего показателя (14 микрограммов на кубический метр). В Российской Федерации 62% людей отмечали, что они удовлетворены качеством своей воды, что ниже среднего показателя по ОЭСР (84%). В общественной сфере наблюдалось умеренное чувство общности и умеренный уровень гражданского участия: 89% людей считали, что они знают кого-то, на кого они могли бы положиться в трудную минуту, что меньше, чем в среднем по ОЭСР (91%). Общая удовлетворенность жизнью в РФ по шкале от 0 до 10 составила в среднем 5,5 баллов, что ниже среднего показателя по ОЭСР (6,7)³⁴.

В 2012 г. статистической службой Евросоюза были разработаны *показатели качества жизни Евростат (QoL Eurostat)*, включающие в себя оценку не только экономического результата страны и уровня жизни людей, а

³⁴ Составлено по: Индекс лучшей жизни в Российской Федерации. URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/countries/russian-federation/>

широкий спектр факторов, влияющих *на то, что люди ценят в жизни, помимо материальных характеристик*. То есть акцент делался не на условиях и факторах развития, которые не всегда определяются индивидом, в основном экспертным мнением (например, при расчете индекса человеческого развития ООН), а на том, *что ценно для самого индивида*. И этот подход предполагал использование субъективных шкал при оценке качества жизни. Панель показателей укладывается в следующие кластеры оценки:

- Материальные условия жизни (доход и удовлетворенность доходом, уровень материальных лишений, уровень потребления, жилищные условия и удовлетворенность ими).
- Продуктивная или иная деятельность (доходы и льготы, получаемые от трудоустройства и удовлетворенность ими, оценка безопасных условий труда, самооценка индивидами баланса между работой и личной жизнью и др.).
- Уровень образования (общие показатели по полу, возрасту, а также результаты самооценки цифровых и языковых компетенций).
- Показатели организации досуга и социального взаимодействия (качественные и количественные показатели оценки организации и участия индивидов в культурных и спортивных событиях и мероприятиях, отчеты по самооценке частоты общения с близкими и дальними родственниками, семьей, уровень участия в добровольческих проектах и др.).
- Показатели экономической и физической безопасности (защищенность доходов, уровень преступности и т.д.).
- Доверие к государственным институтам и соблюдение основных граждански прав.
- Условия окружающей среды (уровень загрязнения воздуха, уровень шума, удовлетворенность условиями окружающей среды).
- Самооценка опыта, полученного в течение жизни (общая удовлетворенность жизнью, оценка ощущения счастья в последние 4 недели).

Обратим внимание, что данные для расчета вышеописанных показателей качества жизни по методике Евростата собираются и анализируются систематически только для стран – членов Европейского союза с 2003 г.³⁵

В 2006 г. Фондом новой экономики (Великобритания) был разработан Индекс счастливой планеты (HPI - Happy Planet Index)³⁶, для расчета которого использовались следующие показатели: удовлетворенность жизнью; ожидаемая продолжительность жизни; «экологический след». В 2019 г. в пятерку стран с самым высоким индексом попали: Коста-Рика (значение HPI – 62,1), Вануату (60,4), Колумбия (60,2), Швейцария (60,1), Эквадор (58,8). Подчеркнем, что в эту пятерку попали страны с совершенно разным уровнем ВВП, например в Швейцарии уровень ВВП в 2019 г. в 22 раза был больше, чем в Вануату. Объясняется это тем, что при расчетах серьезное влияние оказывал расчет такого показателя, как «экологический след» (воздействие, которое каждый житель страны оказывает на окружающую среду). Данный индекс не получил всеобщего распространения и использования.

В 2012 г. ООН опубликовал первый *Всемирный отчет о счастье*, в котором было представлено пострановое сравнение индикаторов и предикторов субъективного благополучия. В качестве данных, на которые основывались расчеты, использовались данные всемирного опроса Гэллага (Gallup World Poll), Всемирного исследования ценностей (World Values Survey), Европейского социального исследования (European Social Survey). Оценка уровня субъективного благополучия опиралась на анализ когнитивной и аффективной метрик, а именно самоотчеты об удовлетворенности жизнью в целом и о пережитых эмоциях (оценка положительных и отрицательных «аффектов»). Для оценки удовлетворенности жизнью использовалась «лестница Кантрила» - The Cantril Self-Anchoring Striving Scale³⁷ (Cantril, 1965). Суть заключалась в том, что информанту предлагали представить лестницу со ступенями,

³⁵ База данных QoL Eurostat URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/quality-of-life/database> (дата обращения 19.12.2023)

³⁶ Составлено по: URL: <https://happyplanetindex.org/about-us/> (дата обращения – 30.01.2024)

³⁷ Прим. автора. Часто данную шкалу называют лестницей Кантрила (the Cantril ladder).

пронумерованными от нуля внизу до 10 вверху, верхняя ступенька лестницы представляла наилучшую возможную жизнь, а нижняя - наихудшую из возможных и ответить на вопрос: «На какой ступени лестницы, по вашему личному мнению, вы стоите в настоящее время?». Для оценки «эмоциональных» компонентов субъективного благополучия, в опросах Гэллапа респондентам предлагали оценить, какие позитивные и негативные эмоции они чувствовали «вчера» (как часто испытывали радость, как часто смеялись и как часто они беспокоились, испытывали грусть, злость, депрессию). Вчерашние эмоции хорошо объясняются событиями дня, о которых спрашивают, а жизненные оценки более точно отражают обстоятельства жизни в целом. В Европейском социальном исследовании и Всемирном исследовании ценностей (World Values Survey) задавался другой вопрос «Принимая все аспекты жизни во внимание, насколько, по вашему мнению, вы счастливы?»³⁸. Сформулированные таким образом вопрос побуждал охватить больший промежуток времени, чем «счастье, которое человек испытывал вчера»^{39, 40}.

Рассмотрим данные по субъектным оценкам качества жизни в России, Китае и США, представленные во Всемирных отчетах по счастью (рис. 14). Выбор именно этих стран обусловлен тем, что эти три страны представляют разные экономические модели (рыночную, смешанную и социалистическую рыночную), имеют сопоставимый геополитический вес и демонстрируют различную динамику показателей качества жизни. По этим данным, удовлетворенность жизнью в США с 2004 по 2022 гг. превышала на 1–2 пп. такой же индикатор в России и на 2–3 пп. в Китае. Однако в Китае в 2020–2021 гг. и России в 2022 г. этот индикатор начал увеличиваться, а в США снижаться.

³⁸ Прим. автора. Вопросы были сходные, но отличались шкалы: в Европейском социальном исследовании использовалась шкала от 0 до 10, а во Всемирном исследовании ценностей – шкала «очень счастливы», «вполне счастливы», «не очень счастливы» или «совсем не счастливы».

³⁹ Всемирный отчет по счастью, 2012 г. URL: <https://worldhappiness.report/ed/2012/> (дата обращения: 22.01.2024 г.)

⁴⁰ Прим. автора. Повышенное внимание автора диссертации к метрикам аффективного компонента связано с последующими результатами исследований, связанными с измерением субъективного благополучия на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (представлено в главе 2).

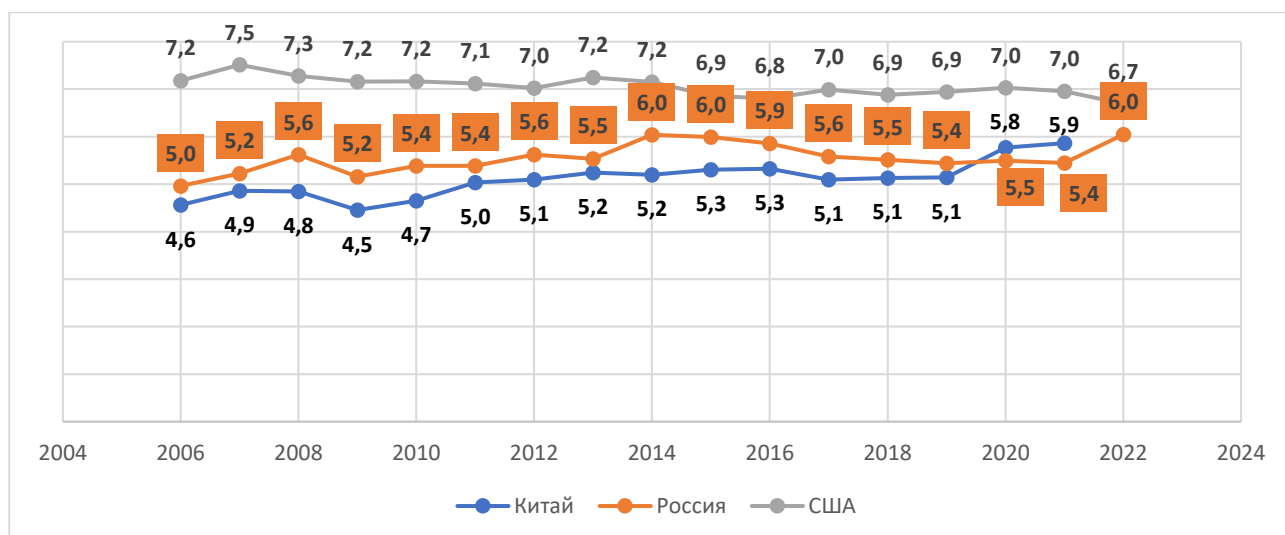

Рис. 14 – Динамика индексов удовлетворенности жизнью в Китае, России и США по данным всемирных отчетов по счастью за период 2004–2022 гг.⁴¹

На следующих графиках представлена динамика индексов положительных и отрицательных «аффектов» (рис. 15 и рис. 16).

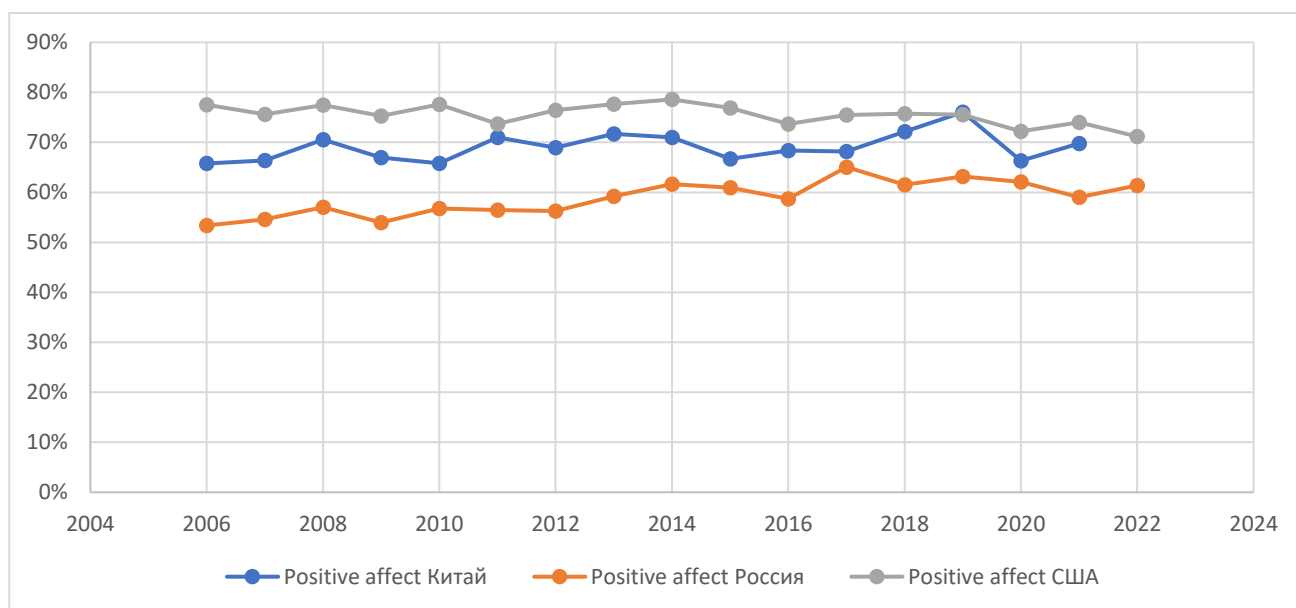

Рис. 15 – Динамика «положительных» аффектов за период 2004-2022 гг. в России, Китае и США, % (доля информантов, испытывавших накануне опроса положительные эмоции)⁴²

⁴¹ Составлено по данным Всемирного отчета по счастью за 2023 г. URL: [World Happiness Report Data Dashboard | The World Happiness Report](https://worldhappinessreport.com/dashboards/) (дата обращения – 23.01.2024 г.)

⁴² Использовался тот же ресурс.

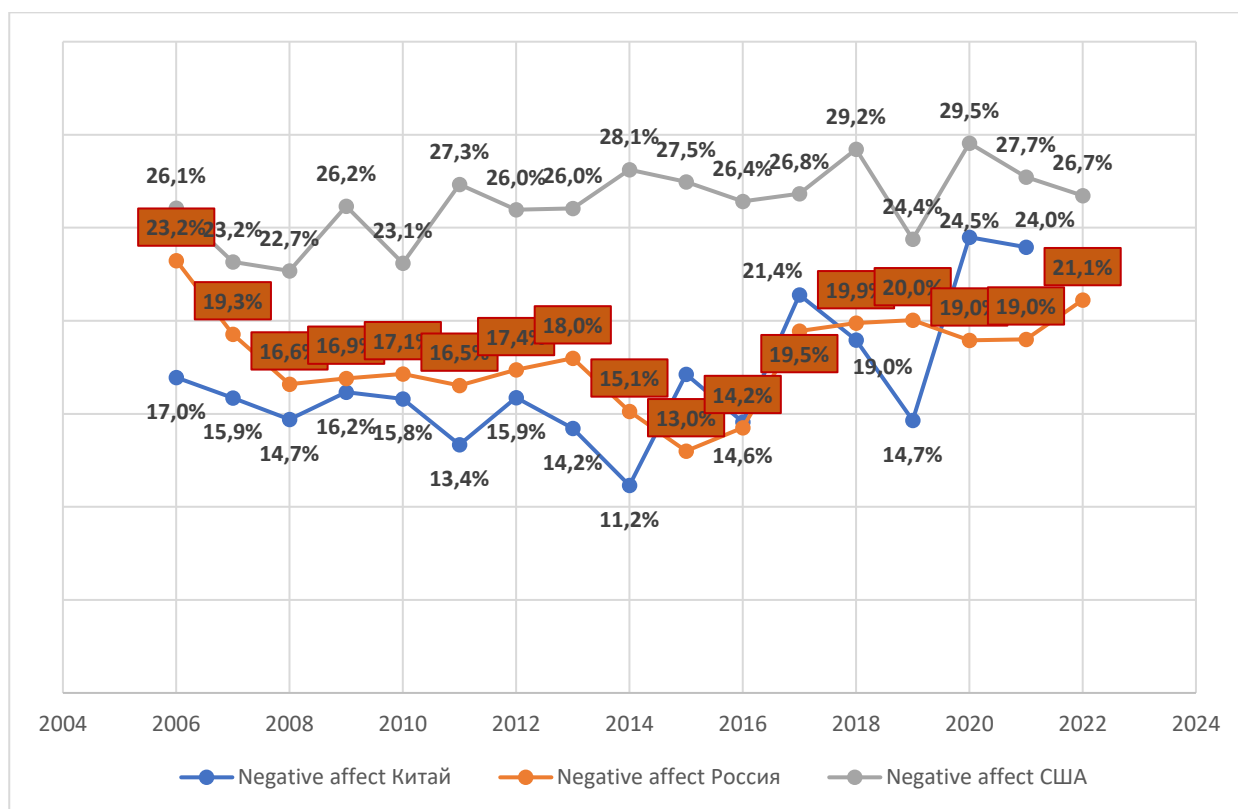

Рис. 16 – Динамика «отрицательных» аффектов за период 2004-2022 гг. в России, Китае и США, % (доля информантов, испытывавших накануне опроса отрицательные эмоции)⁴³

Анализ графиков аффективных индексов на рис. 15 и 16 показал, что в США информанты испытывали больше чувство радости, смеялись по сравнению с Россией и Китаем, однако в большей степени страдали, испытывали чувство грусти, депрессии и злости. Во всемирных отчетах счастья исследуются факторы, воздействующие на индикаторы субъективного благополучия, в частности⁴⁴:

1. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (по данным Индикаторов всемирного развития – WDI).
2. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни (данные Всемирной организации здравоохранения – WHO).

⁴³ Составлено по данным Всемирного отчета по счастью за 2023 г. URL: <https://worldhappiness.report/data/> (дата обращения – 23.01.2024 г.)

⁴⁴ Составлено по тому же источнику.

3. Социальная поддержка (статистика ответов на вопрос Всемирного опроса Гэллапа – WGP: «Если бы вы попали в беду, есть ли у вас родственники или друзья, на помощь которых вы можете рассчитывать, когда она вам понадобится?»).

4. Свобода жизненного выбора (статистика ответов на вопрос Всемирного опроса Гэллапа – WGP: «Удовлетворены ли вы своей свободой выбирать, что вам делать со своей жизнью?»).

5. Щедрость (статистика ответов на вопрос Всемирного опроса Гэллапа – WGP: «Жертвовали ли вы деньги на благотворительность в прошлом месяце?»)

6. Восприятие коррупции (статистика ответов на вопросы Всемирного опроса Гэллапа – WGP: «Широко ли распространена коррупция в правительстве или нет?» и «Широко ли распространена коррупция внутри предприятий или нет?»).

Согласно многолетним исследованиям разработчиков всемирных отчетов по субъективному благополучию, именно вышеперечисленные факторы объясняют более 75% различий в уровне удовлетворенности жизнью в разных странах, рассчитанного по шкале Кантрилла. Однако аффективные индикаторы, в особенности уровень отрицательных эмоций в меньшей степени объяснялся этими факторами (имели более низкие и незначимые коэффициенты, так, например, ВВП на душу населения и ожидаемая продолжительность здоровой жизни вообще не влияли на уровень аффективной компоненты субъективного благополучия).

Параллельно с индексами качества жизни, предлагаемыми международными организациями и национальными исследовательскими группами, разрабатывались *частные индексы*. Рассмотрим некоторые из них, получивших широкое признание.

Так, в 2005 г. британской компанией The Economist Group разрабатывался *Индекс качества жизни (The Economist Intelligence Unit's Quality-of-life Index)*⁴⁵,

⁴⁵ Составлено по: Economist (2005). The economist intelligence unit's quality-of-life index. https://www.economist.com/media/pdf/QUALITY_OF_LIFE.pdf

базирующийся на методологии, которая связывала субъективную оценку качества жизни и объективные факторы, влияющие на удовлетворенность жизни. При этом последняя измерялась на основе данных опросов индивидов, ответивших на вопрос по 4-х балльной шкале: «В целом вы очень довольны, вполне довольны, не очень довольны, совсем не довольны жизнью, которую вы ведете?» А объективные факторы были выявлены на основе корреляционно-регрессионного анализа и составили следующий перечень⁴⁶:

- Материальное благополучие (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности).
- Здоровье (ожидаемая продолжительность жизни при рождении).
- Политическая стабильность и безопасность (рейтинги).
- Семейная жизнь (коэффициент разводов (на 1000 чел. населения)).
- Общественная жизнь (переменная, принимающая значение 1, если страна имеет высокий уровень посещаемости церкви или членства в профсоюзах; в противном случае – 0).
- Климат и география (используется широта для различения теплого и холодного климата).
- Гарантия занятости (уровень безработицы).
- Политическая свобода (индексы политических и гражданских свобод).
- Гендерное равенство (соотношение средних заработков мужчин и женщин).

Данный индекс измерялся постраново дважды. В 2005 г. в расчете The Economist Intelligence Unit's Quality-of-life Index приняло участие 111 стран. Россия заняла 105-е место в этом рейтинге, а индекс качества жизни составил 4,8⁴⁷. В 2013 г. разработчики индекса предложили новое его наименование – *Индекс предпочтительного места рождения (Where-to-be-born Index)*, которое,

⁴⁶ Прим. автора. В скобка указан показатель.

⁴⁷ Составлено по: URL: https://www.economist.com/media/pdf/QUALITY_OF_LIFE.pdf

вероятно, по их замыслу должно было отражать главную идею этого показателя, а именно, определение стран, в которых созданы наилучшие условия для здоровой, безопасной и благополучной жизни. В 2013 г. в оценке приняло участие уже меньше стран (80 стран), Россия заняла в этом рейтинге - 72-е место (5, 31)⁴⁸. Но индекс этого года подсчитали во второй и последний раз и больше к нему не возвращались.

С 2012 г. по настоящее время активно развивается глобальная база данных о стоимости и качестве жизни Numbeo, в рамках которой предлагается рассчитывать *интегральный индекс качества жизни (Numbeo Quality of Life Index)* с учетом объективных показателей⁴⁹:

- Индекс покупательной способности (чем выше, тем лучше),
- Индекс загрязнения (чем ниже, тем лучше),
- Соотношение стоимости жилья к доходу (чем ниже, тем лучше),
- Индекс стоимости жизни (чем ниже, тем лучше),
- Индекс безопасности (чем выше, тем лучше),
- Индекс здравоохранения (чем выше, тем лучше),
- Индекс времени в пути (чем ниже, тем лучше),
- Климатический индекс (чем выше, тем лучше).

Обратим внимание, что база данных Numbeo формируется на основе технологии краудсорсинга, предполагающая добровольны опрос любого посетителя сайта из какой-либо страны или города в соответствии с методологией расчета частных и интегрального показателей качества жизни. В России, по оценкам платформы Numbeo, индекс качества жизни в 2023 г. невысокий и составил 106,52 п. из 240 п. (67-е место из 84). Для сравнения страны, вошедшие в первую десятку стран с высоким уровнем качества жизни (Люксембург, Нидерланды, Ирландия, Дания, Финляндия, Швейцария, Оман, Австрия, Норвегия, Испания) получили оценку от 177,7 до 200,1 п.п. Значение

⁴⁸ Суммарная оценки из 10.

⁴⁹ Составлено по: URL: https://www.numbeo.com/quality-of-life/indices_explained.jsp

частных показателей, учитываемых при расчете данного индекса представлено в табл. 2.

Таблица 2 - Индекс качества жизни (Numbeo Quality of Life Index) в России по состоянию на ноябрь 2023 г.⁵⁰

Наименование показателя	Значение, п.п.	Интерпретация
Индекс покупательной способности	41.72	Низкий
Индекс загрязнения	60.72	Высокий
Соотношение стоимости жилья к доходу	60.47	Высокий
Индекс стоимости жизни	42.35	Умеренный
Индекс безопасности	30.75	Очень низкий
Индекс здравоохранения	14.08	Высокий
Индекс времени в пути	43.43	Высокий
Климатический индекс	59.93	Умеренный

Необходимо подчеркнуть, что в современных индексах качества жизни значительное внимание уделяется анализу качества той сферы жизни, которая связана с экологией, так, например, при расчете индекса качества жизни Numbeo, используется два таких показателя: индекс загрязнения и индекс времени в пути. Достаточно интересен последний индекс. Он рассчитывается на основе частных индексов: индекса трафика, индекса времени (среднее время в пути), индекса неудовлетворенности временем в пути, индекса неэффективного использования времени в пути, индекса выбросов CO₂. Значение индекса времени в пути в России – 43.43 п.п. (высокое). Индекс времени в пути, по сути, показывает, какой вред окружающей среде приносит транспорт, которым пользуются люди в течение дня. По интерпретации Numbeo, в России каждый пассажир ежегодно производит около 1015,50 кг CO₂ в результате поездки на работу или в школу. Чтобы уравновесить этот выброс углерода, потребуется примерно 46,65 деревьев на одного пассажира для производства достаточного количества кислорода. Укажем на умеренный уровень стоимости жизни. Так, по оценкам платформы Numbeo, в России стоимость содержания семьи из четырех человек составляла 150923,4 руб., ежемесячные расходы на одного человека - 43355,6 руб. (для

⁵⁰Источник: https://www.numbeo.com/quality-of-life/country_result.jsp?country=Russia (дата обращения: 21.11.2023).

сравнения, по данным Росстата, см. рис. 3 выше, среднедушевые доходы во втором квартале 2023 г. – 47798 руб.)⁵¹. Самые высокие климатические индексы в г. Краснодаре и г. Ростове-на-Дону (78,72 и 73,85 соответственно)⁵². Обратим внимание также на сравнение индексов качества жизни по Российским городам. Первое место в рейтинге занимает г. Нижний Новгород. Индекс качества жизни Numbeo в этом городе составил 141,2 п.п., что на 34,68 п.п. выше среднероссийского уровня (табл. 3).

Таблица 3 – Российские города с высоким уровнем качества жизни по методике Numbeo (по состоянию на ноябрь 2023 г.)

Ранг	Город	Значение индекса качества жизни
1	Нижний Новгород	141,2
2	Москва	118,2
3	Санкт-Петербург	108,8
4	Екатеринбург	92,7
5	Новосибирск	84,2

Отметим также, что Нижний Новгород занимает 6-е место в рейтинге городов Восточной Европы по значению интегрального индекса качества жизни Numbeo.

Безусловно, все вышперечисленные индикаторы качества жизни не ограничивают их полный перечень, а их обзор был необходим для формирования представления о многомерности практики измерения качества жизни, о том, какие основные подходы используются современными исследователями в области оценки благополучия, а также о том, что уровень благополучия индивида не может оцениваться только через призму «доходных» и/или других объективных показателей, необходимо как в практике, так и при принятии решений руководствоваться и субъективным подходом, субъективными метриками (развитие практики измерения качества жизни см. на рис. 17).

⁵¹ Источник: https://www.numbeo.com/cost-of-living/country_result.jsp?country=Russia (дата обращения: 21.11.2023).

⁵² Источник: https://www.numbeo.com/climate/country_result.jsp?country=Russia (дата обращения: 21.11.2023).

Схема методологической эволюции концепции качества жизни наглядно демонстрирует «эволюцию» в понимании социально-экономического развития - от традиционной концепции благосостояния (welfare) к более комплексной концепции благополучия (well-being). Ключевым моментом этого перехода заключается в том, что концепция благосостояния была сосредоточена преимущественно на объективных показателях - доходы, потребление, сбережения, экономический рост (ВВП). Это отражено в правой части схемы (например, ВВП, Индекс измерения экономического благосостояния, Индекс устойчивости экономического благосостояния). Однако происходит важная трансформация - переход к концепции благополучия, которая включает не только материальное благосостояние, но и удовлетворенность жизнью, счастье (метрики субъективного благополучия). Это требует развития и применения субъективных показателей, что отчетливо показано в левой части схемы. Здесь мы видим разнообразные индексы, ориентированные именно на измерение качества жизни через субъективное восприятие (Индекс качества жизни, Индекс счастливой планеты, Индекс лучшей жизни ОЭСР, Показатели качества жизни Евростат, «приборная панель» Всемирных отчетов счастья). Этот переход отражает более глубокое понимание того, что экономический рост сам по себе не обеспечивает улучшения жизни людей, если не учитываются их субъективные оценки благополучия, удовлетворенности жизнью и ощущения счастья. Схема также демонстрирует, что современная парадигма стремится объединить оба подхода - как объективные, так и субъективные показатели - для более полного и точного измерения качества жизни человека.

Рис. 17 – Методологическая эволюция концепции качества жизни⁵³

⁵³ Составлено автором.

Проведенный анализ в рамках данного параграфа свидетельствует о существенном расхождении между теоретическими концепциями качества жизни и практикой его измерения в Российской Федерации (дихотомии теории и практики). В то время как значительное число исследователей обосновывают необходимость комплексного подхода к оценке качества жизни через сочетание объективных и субъективных показателей, в практике государственной статистики (в частности, Росстата) *преобладает одномерный подход*, основанный преимущественно на неоклассических теориях и сводящий оценку качества жизни к измерению показателей благосостояния (уровень дохода, потребления, сбережений), имеющих «объективную» природу.

Безусловно, объективные показатели обладают как преимуществами, так и недостатками (Скачкова, 2025). К преимуществам относятся:

1. Измеримость (возможность получения конкретных числовых значений, например, среднедушевой доход, обеспеченность жильем в кв. метрах, продолжительность жизни в годах).

2. Сравнимость (возможность сопоставления данных между различными территориями, социальными группами и временными периодами, что позволяет отслеживать динамику изменений).

3. Статистическая обоснованность (наличие устоявшихся методологий сбора и обработки данных, верифицируемых научным сообществом).

4. Относительная непредвзятость (минимизация влияния субъективных факторов при сборе данных, что снижает риск искажения информации).

5. Операциональность (возможность использования для конкретных управленческих решений и формирования целевых программ).

К недостаткам объективных метрик качества жизни можно отнести:

1. Отсутствие контекста (игнорирование культурных особенностей, семейных традиций, социальных связей и эмоциональных аспектов жизни; например, одинаковый уровень дохода может по-разному восприниматься в разных культурных средах даже).

2. Игнорирование индивидуальных различий (например, личных предпочтений, ценностей и жизненных приоритетов; так, для одних людей материальное благополучие может быть менее значимо, чем творческая самореализация или общественное признание).

3. Сложность интерпретации (например, иллюзия роста сбережений в результате «переоценки валютных депозитов в рублевом выражении»; рост заболеваемости, а не доступность медицины в связи с увеличением расходов на здравоохранение).

4. Возможность манипулирования (избирательное использование статистических данных для обоснования политических решений; акцентирование внимания на позитивных, например, средних, показателях при игнорировании негативных).

5. Несоответствие формальных показателей реальной жизни (официальный уровень безработицы может не учитывать «скрытую безработицу» или неполную занятость; официальные доходы часто не отражают теневые доходы населения).

6. Ограниченная экологическая чувствительность (экономические показатели типа ВВП могут расти одновременно с истощением природных ресурсов и ухудшением экологической ситуации, что в долгосрочной перспективе может снижать качество жизни).

В этой связи интеграция субъективных показателей в практику оценки качества жизни населения представляется необходимым шагом для формирования комплексной и достоверной картины благополучия в России. Метрики субъективного благополучия, основанные на самооценке удовлетворенности различными аспектами жизни, ощущении счастья, восприятии социальной справедливости и безопасности и др., позволяют значительно обогатить аналитический инструментарий для принятия социально-экономических решений.

Необходимо также отметить, что переход к комплексному (многомерному) подходу к оценке качества жизни требует методологических трансформаций в

деятельности органов статистики, координации усилий научного сообщества и властных структур, а также изменения парадигмального подхода к пониманию благополучия. И именно такой комплексный подход способен обеспечить более глубокое понимание процессов, происходящих в обществе, и служить надежной основой для принятия управленческих решений, действительно, повышающих качество жизни россиян.

В этой связи, в следующем параграфе будет продолжен процесс обоснования значимости субъективных подходов, теорий и концепций, а также предложен концепт благополучия, опирающийся на рассмотренный комплексный (многомерный) подход в оценке качества жизни.

1.2. Новая парадигма⁵⁴ измерения качества жизни: синтез теории благосостояния и теории субъективного благополучия⁵⁵

Согласно Куну Т., наука развивается через смену парадигм – когда старая модель объяснения мира не справляется с накопившимися противоречиями, происходит научная революция и формируется новая парадигма (Кун, 1975). И, действительно, новые факты и новая проблематика социально-экономического развития стимулируют развитие экономической науки в направлении перехода от неоклассической теории благосостояния (теория предельной полезности и

⁵⁴ Прим. автора. Под термином «парадигма» понимается доминирующий способ мышления или концептуальная рамка, концепция.

⁵⁵ Данный параграф составлен по материалам: Клименко, Л. В., Скачкова, Л.С. Субъективное благополучие преподавателей российских вузов Опыт эмпирического исследования // Вопросы образования. – 2020. – № 4. – С. 37-63. – DOI 10.17323/1814-9545-2020-4-37-63 выполненной по гранту РФФИ 2018–2020 гг., 18-010-00952 «Исследование субъективного благополучия россиян на примере научно-педагогических работников: факторы и динамика» (рук. Скачкова Л.С.) ; Скачкова Л.С., Герасимова О.Я., Кривошеева-Медянцева Д.Д., Яковлева Е.А. (2023). Экономика счастья: исследование об исследованиях // Journal of Institutional Studies 15(3): 125–146. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.3.125-146 выполненной по гранту РФ 2023 – 2024, 23-28-00636, «Социально-экономические факторы счастья россиян» (рук. Скачкова Л.С.) в рамках конкурса «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами»

производительности, теория общего равновесия, теория рациональных ожиданий и др.) к теории субъективного благополучия⁵⁶, в основе которой лежит идея оценки индивидом того, в какой степени реализуются его потребности (предпочтения) в течение жизни или в данный момент времени. Безусловно, в неоклассической экономической теории исследовался индивидуальный выбор в зависимости от предпочтений. Но *все ли предпочтения* индивидов учитывались при анализе, не имел ли такой анализ несколько ограниченный характер? По сути, в рамках теории предельной полезности объяснялось, как формируются те или иные индивидуальные предпочтения, как осуществлялся выбор того или иного набора товаров и услуг в зависимости от бюджетных ограничений, но фактически происходило отображение действительности (семейство кривых безразличия). То есть в данный момент времени могла складываться одна структура предпочтений, в следующий момент времени – другая структура предпочтений. Но, в подобных исследованиях, не изучались и не ставились вопросы о том, что могло повлиять на эту структуру предпочтений, *как она формируется и довольны ли индивиды именно этой структурой в тот или иной момент времени*. Маккерон Г. указывает именно на этот аспект в развитии двух экономических подходов: традиционного («перспективная» полезность) и нового («ретроспективная» полезность). Он отмечает, «полезность – это то, что люди стремятся (в перспективе) максимизировать, а субъективное благополучие – это то, что люди понимают под вопросом, ответ на который используется (ретроспективно) в качестве руководства по воспоминанию, фильтрации, обобщению и описанию своего опыта (MacKerron: 708, 2012). Таким образом, в теории субъективного благополучия измеряется «опытная полезность» в отличие от «ожидаемой полезности» в неоклассических теориях благосостояния.

Гэлбрейт Дж. в своей работе «Общество изобилия» отмечал, что концепция благосостояния формировалась в недрах «обществ бедности», то есть в тот период, когда и американская, и европейские экономики находились на

⁵⁶ Прим. автора. В данном диссертационном исследовании «счастье» и «субъективное благополучие» используется как синонимы.

пути к «обществу изобилия» (Гэлбрейт: 2018). Экономические теории Смита А., Рикардо Д., Милля Дж. С., Мальтуса Т. и др. классиков сформировали, по мнению Гэлбрейта Дж., фундамент либеральных теорий, опирающихся на предпосылки всеобщей бедности и настаивающих на том, что у каждого участника рынка есть возможность смены статуса «бедного» на статус «богатого» в условиях действия «невидимой руки» (Гэлбрейт: 8, 2018). Как отмечает Гэлбрейт Дж., «большинство стран мира имеют «весьма недолгий опыт благосостояния...во второй половине XX века в странах Запада, особенно в США, возникло «невиданное доселе изобилие...общество изменилось, стало более развитым и богатым, при этом экономические идеи не претерпели существенных изменений» (Гэлбрейт: 367, 2018). Гэлбрейт Дж. настаивал *на смене традиционной парадигмы благосостояния*, «если не противостоять либеральным взглядам, не менять парадигму управления социально-экономическим прогрессом, то «лучше быть нищим в бедной стране, чем бедным в процветающей» (Гэлбрейт: 8, 2018).

В 70-х гг. XX в. Истерлином Р.Е. (Easterlin, 1973) в ходе эксперимента, в котором людей из разных стран просили оценить свой уровень счастья, была обнаружена некоторая закономерность. Оказалось, что уровень благосостояния страны, измеряемый валовым внутренним доходом, не влиял на долю людей, которые считали себя счастливыми в долгосрочной перспективе. Это умозаключение получило название «парадокс Истерлина» и породило огромное количество тем для обсуждений в социальных и экономических науках, что, также стимулировало переосмысление традиционных экономических концепций и предметных областей экономических исследований (о парадоксе Истерлина подробнее см. подробнее в п.4.3). Основная идея Истерлина Р. заключалась в том, что уровень дохода не всегда связан с удовлетворенностью жизнью. Существует некий порог в том или ином обществе, при котором экономический рост, экономические выгоды не приносят и не обеспечивают удовлетворения, экономические выгоды больше не делают людей счастливыми (Easterlin, 1973). Конечно, благодаря экономическому росту материальное положение может

улучшиться, но вместе с тем могут пострадать другие аспекты жизни человека (например, качество окружающей среды, в которой можно жить, баланс между работой и жизнью и др.). Инглхарт Р. в своих исследованиях ценностей также обнаружил этот порог (некую точку насыщения), когда экономический рост больше не приносит ощущение благополучия индивидам (Inglehart et al., 2010). *Подобные исследования позволили закрепить идею, во-первых, о том, что качество жизни определяется множеством скрытых факторов, имеющих, часто субъективную природу, и, во-вторых, об использовании не только рациональных подходов (объективных метрик) к измерению качества жизни, благополучия индивидов.* Неэкономические аспекты жизни становятся все более значимыми, в экономической теории концепция «благосостояния», основанная на рациональном подходе, сменяется в целом концепцией «благополучия»: ориентация не только на уровень дохода, но и на уровень субъективного восприятия своего дохода, субъективного восприятия своего существования в экономике и обществе (себя как индивида, и себя как члена группы – семьи, работы, друзей и др.). (Клименко, Скачкова, 2020)

Рациональный «экономикс», использующий *ceteris paribus* («при прочих равных условиях»), не имел больше веской аргументации в объяснении экономических процессов и явлений. В 60-е годы прошлого столетия был брошен вызов «рациональности» экономических решений и экономического поведения, субъективная категория «счастье» ворвалась в экономическую науку стремительно и бесповоротно. Нерациональные, субъективные начала экономической теории стали закрепляться через формальные институты признания нового знания: высокий уровень цитируемости публикаций и рост индекса проминентности по проблематике субъективного благополучия в международных и национальных научных базах данных⁵⁷, нобелевские премии

⁵⁷ Индекс проминентности по ключевым словам: «счастье», «субъективное благополучие», «удовлетворенность жизнью в SciVal за период с 2012 по 2021 приблизился к уровню 99,036%.

по поведенческой экономике⁵⁸, специализированные базы данных знаний по экономике счастья (например, Всемирная база данных счастья)⁵⁹, признанные исследовательские сообщества (например, Центр исследования экономики счастья в университете Эразмуса в Роттердаме⁶⁰) и др. Феномен субъективного благополучия заставляет все большее количество экономистов расширять границы традиционной науки, придавать большее значение субъективным показателям оценки эффективности социально-экономического прогресса.

В Докладе Комиссии по измерению экономической эффективности и социального прогресса Стиглиц Й., Сен А. и Фитосуи Дж. отмечается: «...То, что мы измеряем, влияет на то, что мы делаем; и, если наши измерения ошибочны, решения могут быть искажены...» (Stiglitz et al., 2009). И, действительно, несут ли традиционные показатели информацию, на основе которой можно принимать обоснованные решения? Так, для оценки эффективности экономики Росстат применяет такие показатели как отношение объема инвестиций в основной капитал к ВРП, индекс производительности труда, коэффициент обновления основных фондов, фондовооруженность, фондоотдача, прирост высокопроизводительных рабочих мест и др. В экономической практике накопилось достаточно много кейсов, когда серьезные кризисы возникали на фоне положительной динамики объективных экономических показателей. Например, когда начинался мировой финансовый кризис (2008–2013 гг.), рост показателей инвестиционной активности и ипотечного кредитования был беспрецедентным, что рассматривалось как свидетельство улучшения благосостояния и стабильности. А итог был печален: «объективная оценка» не позволила вовремя принять эффективные решения. Или, о чем может свидетельствовать низкий уровень безработицы? В России в 2022 г. и 2023 г. уровень безработицы достиг рекордно низких значений и составил – 3,9% и 3,6%

⁵⁸ Даниэль Канеман получил нобелевскую премию в 2002 г. за интеграцию психологических исследований в экономическую науку, особенно в отношении человеческих суждений и принятия решений в условиях неопределенности; Ричард Талер – в 2017 г. за вклад в поведенческую экономику.

⁵⁹ Всемирная база счастья. URL: <https://worlddatabaseofhappiness.eur.nl/collections/measures-of-happiness/contents-introtext/abstract-chapter6/>

⁶⁰ Erasmus Happiness Economics Research Organisation. URL: <https://www.eur.nl/en/ehero>

соответственно⁶¹. Можно ли говорить об успешных экономических решениях в области политики занятости в условиях отрицательных темпов роста ВВП? Такой уровень безработицы означает, что все в экономике практически заняты, тогда возникает вопрос, почему ВВП не растет более быстрыми темпами? Рост дохода больше не связывают с ростом удовлетворенности жизнью, а связывают с «беспрецедентным неравенством и тревогой»⁶². Таким образом, в экономической науке возникает необходимость поиска новых подходов к объяснению различных процессов и закономерностей.

Введение в понимание сущности субъективного благополучия

Субъективное благополучие является объектом исследования разных наук: экономики, позитивной психологии, медицины, социологии и др., что, с одной стороны, обуславливает сложность в достижении согласия в понимании сущности объекта и методах его измерения, а, с другой стороны, формирует совершенно новую междисциплинарную область исследований, которая, по мнению Александровой А., получила в последние десятилетия название «science of wellbeing» (Alexandrova, 2017). Динер Е. в своей работе «Subjective Well-Being» 1984 г. отмечает, что первые дискуссии в академической и неакадемической сферах о субъективном благополучии индивидов появились в 60-е гг. XX в. (Diener, 1984). И, к сожалению, единого подхода по поводу сущности, структуры, факторов и показателей измерения субъективного благополучия не сложилось и по настоящее время. Интерпретация того, что такое субъективное благополучие – не является тривиальной задачей. Имеет место терминологическая путаница, то есть сам термин «субъективное благополучие» оспаривается в многочисленных исследованиях и публикациях. Достаточно часто, сущностно, понимая одно и то же, авторы используют разные определения этой категории. Например, часто в качестве синонимов

⁶¹ По данным: URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force

⁶² Цитата Дж. Сакса: URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-economics-of-happiness/russian#>

«субъективного благополучия» используются такие термины как «счастье», «субъективное экономическое благополучие», «удовлетворенность жизнью», «эмоциональное благополучие», «качество жизни», «психологическое благополучие» и др. Отметим, что достаточно устойчивой и более частой является ассоциация *категории «субъективного благополучия» с категорией «счастья»*. Обратим внимание, что в данном диссертационном исследовании **принимается такая ассоциация**. В 1974 г. такую ассоциацию ввел Истерлин Р.Е. (Easterlin, 1974). Один из первых отечественных исследователей субъективного благополучия Хащенко В.А. считает, что объективный подход, согласно которому измерение благополучия индивида складывается только из уровня дохода, является некорректным и не соответствует жизненным реалиям. Более целесообразным и современным Хащенко В.А. считает субъективный подход, где человек самостоятельно оценивает уровень своего финансового благополучия (Хащенко, 2011). Здесь Хащенко В.А. фактически можно отнести к той части последователей измерения благополучия, которые считают, что оно может быть измерено только субъективно. Таким образом, в анализе качества жизни индивидов, в анализе эффективности социально-экономических процессов в целом появляется новая «субъективная» метрика, которая, по мнению, Ангнера Е. должна измерять такие факторы, от которых индивиду становится хорошо во всех сферах своей жизнедеятельности (Angner, 2010). Также обратим внимание, что единой точки зрения на то, какие составляющие субъективного благополучия учитываются и оцениваются индивидом не существует. Но, обобщая накопленные к сегодняшнему моменту исследования, возможно сделать классификацию подходов и очертить контур комплексной структуры субъективного благополучия.

Чаще всего в исследованиях встречается двухчастная конструкция субъективного благополучия, а именно, его деление на аффективную и когнитивную составляющие. Под аффективной составляющей понимается то, что индивид чувствует, переживает в данный момент времени, под когнитивной – самостоятельная оценка индивидов реализации прошедших, настоящих и

будущих аспектов своей жизни. То есть в одном случае, это «суждение» о счастье, в другом случае — это «переживание в данный момент времени» счастья. И эти два компонента могут быть и не связаны. Такое понимание структуры субъективного благополучия встречается во многих работах исследователей в данной области. Динер Э. приходит к выводу, что субъективное благополучие связано, во-первых, с ежедневным эмоциональным восприятием текущих событий в жизни, которые могут быть как позитивными, так и негативными; во-вторых, с оценкой уровня достижения признанного в обществе стандарта счастливой жизни с учетом культурных ценностей и установок; в-третьих, с оценкой достигнутого уровня счастья по своим собственным критериям (Diener, 1984). По мнению Селигмена М., переживание счастья может включать в себя эмоциональные переживания, относящиеся к прошлому, настоящему и будущему, что и обосновывает включение таких компонентов как удовольствие и удовлетворение (Seligman, 2002). Парфит Д. также выражает похожие суждения относительно структуры субъективного благополучия (Parfit, 1984): это психическое состояние в данный момент времени; уровень удовлетворенности предпочтений или исполнение желаний индивида; уровень соответствия некоторым безусловным общепризнанным в обществе детерминантам (*objective-list accounts*), обладая которыми человек обязательно должен быть счастливым (например, стремление иметь детей и быть хорошим родителем, моральные нормы и установки, развитие способностей и т.д.). Андрус Ф. и Витеи С. считают, что объектом при измерении уровня субъективного благополучия могут быть: оценка удовлетворенностью жизнью; факты эмоций, вызванных положительными и отрицательными случаями в жизни человека (Andrews et al., 1976).

Бредбурн Н. развивал идею достижения баланса между негативными и позитивными эмоциями (*Affect Balance Scale*) индивидов. *Affect Balance Scale* представляет собой разницу между положительными и отрицательными эмоциями. По мнению Н. Бредбурна, отсутствие негативных эмоций совсем не означает наличие позитивных эмоций (Bradburn, 1969). Канеман Д., Дитон А. в

поисках ответа на вопрос «Можно ли счастье купить за деньги?» приходят к выводу о том, что счастье включает в себя, во-первых, эмоциональное благополучие, которое можно получить только через опыт переживания ежедневных эмоций индивида (радости, грусти, гнева и т.д) и, во-вторых, оценку удовлетворенности жизнью – восприятие, мнение людей в целом о своей жизни (Kahneman, Deaton, 2010). Канеман Д., Дитон А. обращают внимание на зависимость между эмоциональными состояниями индивидов, субъективной оценкой их жизни и демографическими характеристиками: наличие детей, пол, семейный статус, принадлежность к религии, показателями здоровья: тучность, масса, здоровье (наличие или отсутствие гипертонии, высокого уровня холестерина, диабета, инфаркта миокарда, астмы, рака или других хронических заболеваний) и др. Макгрегор Дж., Поу Н. (Mcgregor et al., 2017) под субъективным благополучием человека подразумевают: то, что индивид имеет (material well-being); то, как индивид может использовать то, что у него есть (relational well-being); уровень удовлетворенности, которое индивид получает от того, что у него есть и что он может сделать (subjective well-being). Российские исследователи Филоненко Ю.В., Яковлева Е.А. (Филоненко, Яковлева, 2019) под субъективным благополучием подразумевают субъективную оценку индивидом своего социально-экономического положения и его личное восприятие своего состояния в триаде аффекта (совокупности чувств и настроений человека), счастья (превышения положительных эмоций над отрицательными) и удовлетворенности жизнью (как когнитивная сторона субъективного благополучия) .

Необходимо также обратить внимание на подходы Винховена Р., Кайнулянен С. И Саари Дж. Этот подход, одной стороны, схож с условным делением структуры субъективного благополучия на аффективный (текущее восприятие своей жизни) и когнитивный (оценочное восприятие индивидом своей жизни) компоненты, но, с другой стороны, расставляет новые акценты (Kainulainen et al., 2018). В исследованиях указанных авторов формулируется две концепции понимания сущности «счастья»: эвдемонистическую и

гедонистическую. Согласно гедонистической концепции, счастье – это получение удовольствия от многих аспектов жизни, которую проживает индивид. Гедонистическая концепция счастья предполагает оценку того, насколько человек доволен своей жизнью. И в рамках данной концепции часто используют термин удовлетворенность жизнью. А эвдемонистическая концепция охватывает более широкий спектр мотивов, которые связаны с раскрытием человеческого потенциала (самоактуализацией, предназначением, самовыражением, жизнь, в ходе которой человек реализует свое собственное «я» и др.).

В своих исследованиях Винховен Р. (Veenhoven, 1984) предлагает интерпретацию гедонистической концепции счастья и предлагает формулу всеобщего счастья (overall happiness), источником которого является, во-первых, получение аффективного (бессознательного) удовольствия от удовлетворения универсальных человеческих потребностей (needs), которые возникают постоянно, так как они суть необходимости поддержания человеческого существования, и, во-вторых, получение сознательного удовлетворения от исполнения желаний, реализацию целей (wants). Винховена Р., Кайнулянен С. И Саари Дж. в своих исследованиях нашли подтверждение следующим гипотезам: 1) люди признают и понимают разницу между аффективным и когнитивным уровнями счастья; 2) участие обоих компонентов: аффективного и когнитивного (удовлетворение потребностей и желаний) имеет большее воздействие на общий уровень счастья, чем если бы они действовали отдельно; 3) наибольшее воздействие на общий уровень счастья имеет аффективный компонент; 4) два компонента счастья опираются на разные детерминанты: удовлетворенность желаний более связана с успехом, поддержанием стандартов «лучшей жизни», и поэтому детерминантой является доход, в удовлетворении общие стандарты хорошей жизни, такие как доход, а аффективный уровень более тесно связаны с такими детерминантами как физическое здоровье (Kainulainen et al., 2018).

Отечественный исследователь Леонтьев Д. А. объединяет гедонистический и эвдемонистический подходы в понимании субъективного

благополучия («счастье минимум» и «счастье максимум» соответственно). «Счастье-минимум» связано с качеством жизни, обеспечивающим удовлетворение базовых потребностей. Повышать такой уровень субъективного благополучия можно через повышение материальной обеспеченности, поэтому такое счастье может быть предметом для дарения другим человеком или объектом регулирования для государства (это может быть питание, покупка жилья, одежды, семейный очаг, секс, безопасность и уверенность в завтрашнем дне). Но после достижения минимального уровня счастья в некоей условной точке, где универсальные базовые потребности насыщаются, субъективное благополучие человека начинает определяться совершенно другими факторами (Леонтьев, 2020).

Андреенкова А. В., исследуя «парадокс Истерлина» в постсоветских странах, предположила, что определенную роль в формировании субъективных представлений о счастье играют национально-культурные особенности населения. Анализируя Всемирное исследование ценностей, она обнаруживает, что среди стран с высокими уровнем счастья оказались: Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан; со средним уровнем счастья: Азербайджан, Армения, Эстония, Латвия и Беларусь и с низким - Россия, Грузия, Украина, Литва и Молдова. Андреенковой А.В. доказывається гипотеза культурной детерминированности оценок счастья, в соответствии с которой восприятие счастья зависит не только и не столько от условий, в которых люди живут в настоящем, а от глубоких, усвоенных поколениями представлений о жизни, от коллективных норм и традиций, то есть, часто, скрытые от прямого наблюдения (Андреенкова. 2020). Ранее на этот эффект обратили внимание Инкелас А. и Левинсов Д., утверждавшие, что уникальные характеристики нации, «национального характера формируют межстрановые различия уровня счастья (Inkeles et al., 1997). Антипина О. Н. также обращает внимание на то, что очень важно при оценке уровня счастья учитывать культурную принадлежность или идентичность человека. Однако она представляет несколько иные результаты, показывая, что в странах с индивидуалистической культурой люди более

счастливы, чем в странах с коллективистской культурой (Антипина, 2017). Дежу Е, Ю-Кван Онг и Юджун Лян также, занимаясь изучением взаимосвязи между национальными индексами культуры и уровнем субъективного благополучия, доказали, что наибольшее влияние на индекс субъективного благополучия влияет фактор дистанции власти (согласие индивида с принятой в культуре общества иерархией) и гендерного равенства. И, в частности, в странах с коллективной культурой, таких как Китай, уровень субъективного благополучия оказался ниже, чем в странах с индивидуалистической культурой. Исследователи установили, что для повышения уровня субъективного благополучия желательно, во-первых, снижение дистанции власти и укрепление демократии, и, во-вторых, повышение гендерного равенства (Ye et al., 2015). В этой связи, необходимо обратить внимание еще на один инсайт. Он связан с концепцией соотношения личного и коллективного благополучия. Личное благополучие означает оценку индивидуумом качества своей жизни, коллективное благополучие связано с качеством жизни, которое присуще коллективу, группе (домохозяйство, соседи, социальные сети). И часто люди могут отказываться от своего собственного благополучия ради благополучия коллектива, социальной жизни (например, добровольцы, которые уходят на фронт, высокие налоги для обеспечения социальной поддержки и снижение неравенства доходов среди населения, изоляция во время пандемий).

Сибирев В. А., Головин Н. А. предлагают обращать внимание в исследованиях уровня счастья на межпоколенческие различия. С их точки зрения, принадлежность к разным условным поколениям является значимой детерминантой благополучия. Исследуя уровень счастья советского поколения (предпенсионеры, пенсионеры), поколения X (1965 – 1980 гг.), Y (1981-1994 гг.) и Z (с 1995 г.), они обнаруживают, что у старшего поколения (советское и поколение X) показатели благополучия гораздо выше, чем показатели поколений Y и Z, у которых четко, как они отмечают, выражен рост неудовлетворенности своим положением в обществе, а также дефицит исполнения своих жизненных ожиданий (Сибирев и др., 2020).

Обратим внимание еще на одну переменную субъективного благополучия – это удовлетворение и/или удовольствие, которое индивиды могут получать от профессиональной занятости, то есть от своей работы. Соуза-Поза Альфонсо, Соуза-Поза Андрес, исследуя межстрановые различия в удовлетворенности работой, установили, что работа является одним из факторов удовлетворенности жизнью (Sousa-Poza et al., 2000). Георгеллис И. и Ланге Т. на основе данных Европейского исследования ценностей также доказывают наличие такой взаимосвязи (Georgellis et al., 2012). Соболева Н.Э. на основе анализа данных 34 регионов РФ показывает положительный эффект влияния удовлетворенности работой на удовлетворенность жизнью. Соболева Н. Э. обнаружила, что удовлетворенность работой вносит больший вклад в удовлетворенность жизнью у лиц с высшим образованием, и, что вклад работы в удовлетворенность жизнью неоднороден для разных социальных групп (Соболева, 2020). Достаточно интересны выводы исследований, проведенных Акерлофом Дж. и Крэнтоном Р., о формировании профессиональной самоидентификации и ее влиянии на мотивацию и результативность труда в организации. Исследователи утверждают, что при осознании работниками своей идентичности с профессиональной средой и организацией возможна ситуация повышения их продуктивности и в условиях задания слабых денежных стимулов, и в этом случае профессиональная самоидентификация и денежные стимулы являются субститутами. И, именно, работники с наибольшей приверженностью являются наиболее продуктивными (Akerlof, Kranton, 2005).

Таким образом, национальные и культурные особенности, профессиональная самоидентификация, внутренние целевые установки (эвдемония) др. (перечень этих факторов будет расширен в следующей главе) могут в значительной степени влиять на субъективное благополучие индивидов. Вместе с теми, эти факторы, по мнению автора, можно охарактеризовать как *«ненаблюдаемые скрытые факторы»*, имеющими субъективную природу (могут существенным образом отличаться между индивидами) и влияющими на качество жизни в целом.

«Ненаблюдаемые скрытые факторы» субъективной природы требуют от экономистов выхода за рамки традиционной методологии. По мнению Маккерона Г., «счастье» может показаться маловероятным объектом для изучения «мрачной экономической науки», и, что это может быть несколько самонадеянным и выглядеть так, как будто экономисты пытаются колонизировать не только смежные дисциплины, но и весь поиск смысла жизни. Но, с другой стороны, Маккерон Г. обращает внимание на то, что эта интригующая тема предлагает невероятную перспективу для аналитического решения мировых проблем, а для экономистов новую интеллектуальную территорию, где отдача от исследований остается относительно высокой (Maskeron, 2012). И, действительно, в рамках относительно нового для экономической науки подхода, в основе которого лежат субъективные оценки, исследуют иные источники роста качества жизни помимо «доходных»: индикаторы счастья и факторы, влияющие на него; исследуют экономическое поведение индивидов в зависимости от уровня счастья; разрабатывают новые социально-экономические политики, в основе которых лежит современная концепция качества жизни. Кларк Э. утверждает, что данные о счастье могут быть использованы для решения ряда «экономических загадок» (Clark: 2, 2018): если самозанятые счастливее, чем работающие по найму, почему большинство из нас все еще работают на других людей? (Blanchflower, Oswald, 1998; Frey, Benz, 2008); почему заработная плата так сильно различается в разных отраслях и профессиях? (Clark, 2003; Pischke, 2010); насколько велико должно быть неравенство в обществе? (Clark et al., 2015); что приносит больший вред: инфляция или безработица? (Di Tella et al., 2001); как мы можем оценить влияние общественных благ на нашу жизнедеятельность, таких как зеленые насаждения, загрязнение окружающей среды и шум самолетов? (Van Praag, Baarsma, 2005; Luechinger, 2009; Krekel et al., 2016).

Вместе со сторонниками развития *нового мейнстрима* в экономических исследованиях, безусловно, присутствует и огромная армия противников. Так, в частности, Смит В. (Smith, 2008), Хаммермеш Д. (Hamermesh, 2004) удивлены,

что экономисты, экономические журналы стали уделять много внимания «довольно глупому анализу» счастья в экономических исследованиях. Критика данного направления сводится к следующему.

Во-первых, сомнительность достоверности и «объективности» измерения субъективного благополучия, полное отрицание использования субъективных оценок. Гилберт Д. (Gilbert, 2006) утверждает, что субъективные переживания неизмеримы и несоизмеримы, например, невозможно соизмерить опыт восприятия цвета: нет никаких доказательство, что один и тот же цвет одинаков в восприятии для разных индивидов. И, действительно, если разные люди оценивают удовлетворенность жизнью на 7 из 10 баллов, то эти «7 баллов» означают в восприятиях каждого из них совершенно разные переживания и оценки. И, можно ли в этом случае судить об уровне субъективного благополучия, а тем более осуществлять сравнение? По сути, данная точка зрения близка к философской концепции «субъективного идеализма»⁶³, согласно которой реальность не существует независимо от воли и сознания субъекта. Реальность, в которой существуют индивиды, это совокупность их собственных индивидуальных и отличных от ощущений, переживаний, настроений других субъектов. Но тогда, по мнению автора, не существует и объективной реальности, которую активно описывают и изучают «рациональные» экономисты. Следовательно, имеет смысл использовать и анализировать именно субъективные оценки. Винховен Р. (Veenhoven, 2004) в качестве аргумента против критики субъективного подхода обращает внимание на эволюционное и генетическое сходство людей, что может в некотором смысле «усреднять» их предпочтения и считать в этой связи, что такое измерение и такое сравнение не должно казаться слишком удивительным.

Во-вторых, наличие проблематики измерения субъективного благополучия. И, действительно, совокупность существующих исследований по данной тематике не позволяет в настоящий момент выделить, какой-то общий, а

⁶³ Прим. автора. Представителями субъективного идеализма являются Дж. Беркли, Й. Фихте, Д. Юм, И. Кант, Ф. Ницше, Ж. Сартр, М. Хайдеггер и др.

точнее общепризнанный и верифицированный подход и метод для измерения уровня счастья. Но, как было обозначено выше, и как будет показано в следующей главе диссертационного исследования, освещающей результаты *обзора предметного поля по данной тематике*, теория субъективного благополучия является новым направлением в экономической науке, по сравнению с концепциями и теориями благосостояния, использующей иную методологию к объяснению поведения людей в социально-экономических системах и иные метрики для оценки эффективности функционирования социально-экономических систем.

В-третьих, исследование субъективного благополучия представляется достаточно интересным, но *оно не должно развиваться в рамках экономических теорий*, то есть вопрос о том, зачем экономистам заниматься исследованием счастья, с этой точки зрения, имеет однозначный ответ: экономистам не следует заниматься подобными исследованиями. Хаммермеш Д. (Hamermesh, 2004) считает, что экономисты не должны отказываться от теоретически рамок анализа поведения максимизирующих полезность индивидов. Однако данное мнение достаточно сильно расходится с существующей практикой и новыми трендами в экономическом анализе.

Выводы по главе 1. В российской практике наблюдается существенный разрыв между теоретической разработанностью концепции качества жизни и ее практической реализацией (дихотомия). Несмотря на научное признание необходимости комплексного (многомерного) подхода, сочетающего объективные и субъективные показатели, государственная статистика (Росстат) придерживается преимущественно *одномерного подхода, основанного на неоклассических теориях и сводящего оценку к измерению объективных показателей благосостояния* (например, среднедушевые доходы, среднемесячная заработная плата, коэффициент Джини, дефицит денежных доходов, структура потребительских расходов и др.) и *традиционных демографических и социально-экономических метрик* (например, число семей, состоящих на учете для получения жилья, ожидаемая продолжительность жизни

при рождении, уровень образования населения, уровень занятости и безработицы, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу и др.). Данная дихотомия может приводить к серьезным последствиям: принимаемые управленческие решения, базирующиеся преимущественно на объективных показателях, практически полностью игнорируют субъективное восприятие благополучия гражданами, что не позволяет сформировать полную картину социально-экономического развития и часто ведет к неэффективным решениям.

Объективные показатели, имеющие неоспоримые преимущества (измеримость, сравнимость, непредвзятость, статистическая обоснованность), обладают и *рядом существенных недостатков*. Так, объективные показатели не учитывают культурные, социальные и эмоциональные аспекты жизни, игнорируют индивидуальные различия, не всегда отражают реальное положение дел (например, высокий уровень дохода не всегда соответствует высокому уровню удовлетворенности жизнью), могут использоваться для манипулирования данными (например, использование средних величин не всегда информативно). В этой связи, интеграция субъективных показателей в практику оценки качества жизни необходима для формирования комплексной картины благополучия россиян. Субъективные показатели при наличии недостатков, могли бы существенным образом, решать проблему учета ненаблюдаемых скрытых факторов (влияние индивидуальных различий и особенностей), обеспечивать гибкость (адаптацию к различным культурным и социальным контекстам, объяснение уникальных аспектов жизни людей в разных обществах и культурах), повышать чувствительность к изменениям (более быстрая реакция к изменениям в жизни человека, например, через эмоции, стресс), а также обеспечивать ориентацию на человекоцентричность в связи с разнообразием жизни индивидов (учет различных аспектов жизни людей, важных для них). Переход к комплексному (многомерному) подходу требует методологических трансформаций в деятельности статистических органов, координации усилий научного сообщества и властных структур, а также *изменения парадигмы измерения качества жизни*.

Новая парадигма в российской практике измерения качества жизни должна представлять собой фундаментальную трансформацию традиционного подхода к оценке социально-экономического развития, расширяя его до целостного *концепта благополучия (well-being)*, охватывающего как объективные условия существования, так и субъективный опыт индивидов в различных сферах жизнедеятельности. Фактически она объединяет исследования, как в области теорий благосостояния (welfare), так и в области теорий субъективного (subjective well-being), см. рис.17.

Ключевые характеристики новой парадигмы:

1. *Интеграция объективных и субъективных показателей.* Наряду с традиционными объективными метриками (среднедушевые доходы, среднемесячная заработная плата, структура потребительских расходов, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень образования населения, уровень занятости и безработицы, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу и др.) парадигма включает субъективные оценки – удовлетворенность жизнью, удовлетворенность работой, удовлетворенность доходом, уровень счастья и др.

2. *Многомерность и комплексность.* Парадигма рассматривает качество жизни как сложную систему взаимосвязанных компонентов, охватывающих все сферы человеческого существования (экономическую, социальную, психологическую, культурную, экологическую и др.).

3. *Учет ненаблюдаемых скрытых факторов.* Парадигма признает влияние латентных переменных, которые не поддаются прямому измерению, но значительно влияют на благополучие (ценности, ожидания, социальные связи, культурный, национальный, региональный контексты и др.). В этой связи, отследить вариацию таких переменных возможно только в условиях долгосрочных лонгитюдных исследований.

4. *Отказ от агрегированных метрик (индексов)* в связи с многообразием показателей, использующих разную методологию построения и расчета, и *использование системы взаимосвязанных, но независимо*

интерпретируемых показателей, что, в свою очередь, позволяет сохранять информационную ценность каждого измерения.

5. *Междисциплинарный синтез*. Парадигма базируется на интеграции достижений экономики, социологии, психологии, антропологии и других наук, что обеспечивает холистическое понимание феномена благополучия.

Таким образом, новая парадигма должна не просто расширить инструментарий измерения качества жизни, но концептуально преобразовать само понимание благополучия как многогранного феномена, в котором субъективное восприятие имеет не меньшее значение, чем объективные условия существования. Это позволяет разрабатывать более эффективные и человеко-ориентированные стратегии социально-экономического развития.

Как было обозначено выше, новая парадигма измерения качества жизни, по сути, превращается в *концепт благополучия (well-being)*, объединяющий как подходы теории благосостояния (*welfare*), так и подходы теории субъективного благополучия (*subjective well-being*). По мнению автора, теория благосостояния имеет прочные позиции в российской исследовательской практике и прикладной сфере измерения социально-экономических показателей. Методологический аппарат оценки благосостояния населения в России характеризуется высокой степенью разработанности, наличием устоявшихся индикаторов и систематизированных подходов к сбору и интерпретации данных. Государственная статистика, академические исследования и прикладные разработки в этой области опираются на внушительную теоретическую базу и многолетний опыт эмпирических исследований. В то же время, концепция субъективного благополучия, несмотря на растущий интерес к ней в мировой науке, в российском научном дискурсе представлена не системно, по некоторым аспектам - фрагментарно и не имеет однозначной сформированности. Наблюдается терминологическая неоднородность, отсутствие консенсуса относительно ключевых компонентов и детерминант субъективного благополучия, а также недостаточная интеграция данного концепта в систему социально-экономического мониторинга.

Учитывая выявленный дисбаланс между степенью разработанности теории благосостояния и концепции субъективного благополучия в российском научном контексте, представляется необходимым провести систематический теоретический анализ существующих подходов к пониманию и измерению субъективного благополучия. В следующем параграфе будут представлены результаты развития теоретико-методологических основ субъективного благополучия на основе метода *scoping review*, что позволит систематизировать имеющиеся знания в данной области.

2. ОБЗОР ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ: ПОИСК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ТЕОРИИ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ⁶⁴

В данной главе ставится задача доказательства институционализации научного направления – теории субъективного благополучия в самостоятельную область исследований, которая не является просто частью существующих направлений экономической теории (например, теории благосостояния, теории полезности, поведенческой экономики и т.д.).

Как было обозначено в главе 1, новая парадигма измерения качества жизни, по сути, превращается в концепт благополучия (well-being), объединяющий как подходы теории благосостояния (welfare), так и подходы теории субъективного благополучия (subjective well-being). Учитывая выявленный дисбаланс между степенью разработанности теории благосостояния и концепции субъективного благополучия в российском научном контексте, представляется необходимым провести *систематический теоретический анализ существующих подходов к пониманию и измерению субъективного благополучия*.

«Достаточно сложно принимать новое и отказываться от традиционных теорий и концепций, но это приходится делать в случаях, когда «священные и незыблемые» идеи больше не могут описывать и объяснять новые и «непостоянные» социально-экономические процессы и явления» (Гэлбрейт: 14–15, 2018). В данный момент времени в новой области знания – теории субъективного благополучия, по мнению автора, наблюдается этап

⁶⁴ Данная глава составлена по результатам, изложенным в публикации: Скачкова Л.С., Герасимова О.Я., Кривошеева-Медянцева Д.Д., Яковлева Е.А. (2023). Экономика счастья: исследование об исследованиях // Journal of Institutional Studies 15(3): 125–146. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.3.125-146 выполненной по гранту РФФ 2023 – 2024, 23-28-00636, «Социально-экономические факторы счастья россиян» (рук. Скачкова Л.С.) в рамках конкурса «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами».

«напряженности (tension) между знанием и незнанием» (Popper, 1992). «Незнание» сосредоточилось вокруг влияния субъективных факторов на экономическую эффективность в свете проблематики отрицательной взаимосвязи уровня дохода и удовлетворенности жизнью, неравенством и бедностью, положительной взаимосвязи между уровнем счастья и уровнем производительности труда и др. А возникновение проблем толкает, по мнению Поппера К., к поиску новых теорий – нового знания. «Именно проблема заставляет нас учиться, развивать наше знание, экспериментировать и наблюдать» (Поппер: 370, 2014). «Наша цель как ученых состоит в открытии истины относительно наших проблем, и наши теории мы должны рассматривать как серьезные попытки найти истину. Если даже они не истинны, они могут быть по крайней мере важными ступеньками на пути к истине, инструментами для последующих открытий...» (Поппер: 408, 2014).

Для доказательства самостоятельного существования нового экономического знания – субъективного благополучия, автором диссертационного исследования было предложено использовать один из инструментов исследовательского синтеза – «обзор предметного поля» (scoping review), который достаточно редко применяется в российских экономических исследованиях, но наилучшим образом подходит для укрепления позиций новой экономической теории. Автор обращает внимание на то, что поиск доказательств обоснованности существования новой теории – теории субъективного благополучия необходим, так как именно достижения исследователей этого направления позволяют формировать и укреплять новый комплексный подход к измерению и оценке качества жизни.

2.1. Методология изучения предметного поля субъективного благополучия

В связи с интенсивным ростом научного знания, развитием инфраструктуры оперативного доступа к нему возникает растерянность и беспокойство относительно того, как не ошибиться при формулировке и доказательстве своих собственных гипотез. Можно столкнуться с тем, что гипотезы уже давно были доказаны или опровергнуты. И в этой связи, обратим внимание на существование двух методологий к обоснованию научных гипотез и постановке исследовательских задач: традиционные обзоры литературы и исследовательский синтез (систематические обзоры и обзоры предметного поля), см. рис.18.

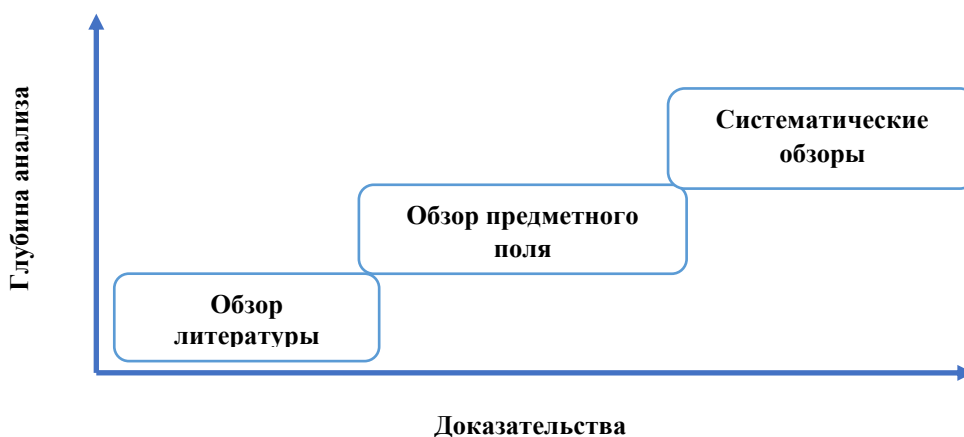

Рис.18 – Методология синтеза научного знания⁶⁵

Как правило, в *традиционных обзорах литературы* используется только определенная доля статей от общей их совокупности, и, довольно часто, осуществляется поиск того, что может подтвердить сформулированную гипотезу, можно сказать, что идет подстройка к выдвигаемым гипотезам. Например, существует достаточно большое количество статей о взаимосвязи уровня субъективного благополучия (счастья) и возраста, которая принимает U-образную форму, и, соответственно, чаще в обзорах публикаций авторы

⁶⁵ Составлен авторами.

приводят именно эти публикации, в которых доказывалась такая зависимость, хотя существует достаточно большое количество исследований, в которых она опровергается.

Методология исследовательского синтеза (research synthesis), используемая в медицинских науках, но не получившая пока должного признания и распространения в общественных науках, связана с тем, что идеи, гипотезы и методы новых исследований формируются на основе глубокого и всестороннего анализа *всего объема существующего знания*, обобщения всех наиболее существенных результатов, открытий и достижений в выбранной области (Харрис и др., 2014). Значимость такого рода исследовательского синтеза была институционализована, во-первых, посредством создания в 1991 г. Центра обзоров и распространения Национальной службы здравоохранения (the NHS Centre for Reviews and Dissemination) и Кокрейновского центра (Cochrane Centre) в Великобритании, а, во-вторых, формированием новых норм принятия решений в области лечения пациентов – норм доказательной медицины. К настоящему времени сформировались следующие виды исследовательского синтеза: обзор проблемного поля (scoping review/ScR) и систематический обзор (systematic review/SR). И, хотя хронологически систематические обзоры (SR) появились раньше обзоров предметного поля (ScR), логически целесообразно начинать исследовательский синтез с последнего.

Основная идея проведения обзоров по методологии ScR (обзор предметного поля) состоит в определении ключевых исследовательских «фокусов» в четко ограниченном предметном поле (например, экономике счастья). Обзоры предметного поля позволяют на основе больших данных (публикации) определять, какие исследования проводятся и каковы их результаты, какие данные и методы использовались для доказательства выдвигаемых в рамках предметного поля гипотезы, уточняются ключевые понятия и определения, определяются характеристики и факторы, связанные с выявленными концепциями в рамках предметного поля (Munn et al.: 2, 2018;

Peters et al., 2020; Кулакова и др., 2021). Обзоры предметного поля формируют предпосылки для последующего исследовательского синтеза – проведению систематических обзоров (SR). Систематические обзоры, в свою очередь, представляют собой узконаправленный синтез и анализ публикаций для ответа на конкретный вопрос (например, зависит ли уровень субъективного благополучия от возраста, зависит ли уровень счастья от дохода). В рамках обзоров предметного поля (ScR) могут рассматриваться неоднородные исследования: это могут быть и первичные, и вторичные, и систематические, и качественные, и количественные исследования, это могут быть исследования, использующие разные подходы к формированию выборки и разные методы анализа и обработки данных. А систематические обзоры, как правило, синтезируют количественные исследования, проводимые с использованием одинаковых принципов к формированию выборке и сходных методов анализа и оценки, что позволяет осуществлять их повторную проверку и верификацию, в том числе с использованием методов корреляционно-регрессионного анализа (мета-анализ данных). Таким образом, при проведении систематических обзоров (SR) появляется возможность критического осмысления всех результатов по данной тематике в мире. В обзорах предметного поля (ScR) нет возможности использования такого критического подхода в связи с неоднородностью исследований. Однако, и обзоры предметного поля, и систематические обзоры проводятся с использованием стандартизированного алгоритма, при этом основные его этапы схожи, отличия связаны со спецификой каждого из видов исследовательского синтеза. В диссертационной работе была использована следующая методика проведения обзора предметного поля, учитывающая редкий опыт использования этого метода (Кулакова и др.: 6–7, 2021; Arksey et al., 2005), см. табл.4.

Таблица 4 – Методика проведения обзора предметного поля (scoring review)⁶⁶

Этапы	Содержание	Результат
1. Планирование	1.1. Постановка цели	Определение границ предметного поля
	1.2. Формулировка вопроса исследования	Ориентир для определения критериев включения и исключения исследований из анализа
	1.3. Создание команды	Оптимальная численность участников проектов Инструктирование участников об этапах, их продолжительности и содержании
2. Поиск и отбор информации	2.1. Определение источников поиска	Перечень и обоснование использования научных баз данных
	2.2. Определение критериев включения и исключения	Ключевые слова и критерии для отбора наиболее цитируемых публикаций для автоматизированного поиска доказательств в научных базах данных. Критерии «полнотекстового» анализа публикаций для «ручного» поиска доказательств
	2.3. Отбор по критериям	Формирование «воронки» исследовательского синтеза Итоговый список публикаций для извлечения информации
3. Извлечение данных	3.1. Формирование инструмента для извлечения информации	Создание структурированной электронной формы с индикаторами для распределения извлеченной информации
	3.2. Пилотный этап для решения проблемы избыточного объема информации	Пробное внесение данных не менее, чем двумя исследователями независимо друг от друга с последующим сопоставлением результатов, устранением несогласованности и коррекцией структурированной формы при необходимости (Кулакова и др.: 8, 2021; Arksey et al., 2005)
	3.3. Извлечение данных	Внесение информации из итогового списка в структурированную электронную базу данных (в том числе кодирование информации для удобства последующей обработки)
4. Анализ и обобщение данных	Описательная статистика и тематический анализ полученных данных	Подготовка общего отчета по результатам каждого из этапов проведения обзора ⁶⁷ Выявление ключевых трендов/фокусов/пробелов/недостаточно исследованных областей предметного поля

Планирование: цель и исследовательский вопрос

Являются ли богатые члены общества обычно счастливее, чем бедные? И являются ли счастливые работники более производительными? Чем отличаются

⁶⁶ Составлено автором.

⁶⁷ Прим. В результате проведения исследовательского синтеза составляются отчеты в соответствии со стандартами. Для систематических обзоров существует стандарт PRISMA-Preferred Reporting Items for Systematic reviews and Meta-Analyses (Higgins et al., 2021), разработанный специалистами Кокрейновского центра. При этом систематические обзоры аккумулируются в базе данных - PROSPERO (<https://www.crd.york.ac.uk/PROSPERO/>), что позволяет не дублировать исследовательский синтез по тем или иным вопросам. К обзорам предметного поля нет таких жестких требований, так как научные дискуссии по поводу того, каким должен стандарт ScR продолжаются.

богатые страны от бедных? Более развитые страны обычно счастливее? Связан ли рост доходов страны с ростом уровня счастья? И наоборот? Как меняется потребительское поведение в зависимости от изменения уровня счастья в различных сферах и отраслях экономики? Достаточно вопросов, на которые пытались и продолжают пытаться отвечать самые смелые экономисты. Таким образом, субъективное благополучия – это то предметное поле, которое включает в себя результаты многочисленных поисков ответов на эти и другие вопросы, связанные поиском «экономической» сущности неэкономической категории «счастья». Целью проведения ScR являлся поиск, накопление и обобщение доказательств перехода от второго, «допарадигмального» этапа развития нового научного направления – экономики счастья (экономики субъективного благополучия), когда формируются общепринятые концепции и апробируются методы исследования, к «парадигмальному» - этапу создания теории и её признанию научным сообществом (Клименко и др., 2020:8). В качестве *основного вопроса* ставится вопрос поиска экономической сущности, предикторов и последствий счастья/субъективного благополучия (СБ). Иными словами, обнаружение согласованных мнений по поводу категориально-понятийного аппарата, экономических факторов, влияющих на уровень счастья, а также экономических последствий, на которые существенным образом влияет СБ. Обзор предметного поля экономики счастья проводился группой исследователей в количестве 4-х человек в течение 6 месяцев (с 1 декабря 2022 г. по 1 июня 2023 г.) под руководством автора диссертационного исследования⁶⁸.

Поиск и отбор информации: источники, критерии исключения, воронка отбора

Обзор предметного поля (ScR) основывался на анализе публикаций из Google Scholar, SciVal, Elibrary, World Database of Happiness. Первоначальные

⁶⁸ Прим. Исследование выполнялось в рамках гранта Российского научного фонда «Социально-экономические факторы счастья россиян» № 23–28–00636, <https://rscf.ru/project/23-28-00636/>

поисковые запросы осуществлялись по следующим ключевым словам и словосочетаниям: *subjective well being* (субъективное благополучие), *happiness* (счастье), *economics of happiness* (экономика счастья), *well-being* (благополучие), *life satisfaction* (удовлетворенность жизнью), *Easterlin paradox* (парадокс Истерлина), *happiness index* (индекс счастья)⁶⁹, см. рис. 19.

Рис. 19 – Динамика и рост публикационной активности в рамках предметного поля субъективного благополучия

При анализе публикаций, по ключевым словам, «счастье» (*happiness*) и «благополучие» (*well-being*) были обнаружено большое множество результатов, находящихся вне анализируемого предметного поля (в частности, публикации, в которых не анализировался «экономический» смысл «счастья»). Данные публикации были исключены. Отбор статей осуществлялся вручную, учитывая релевантность запросу, количество цитирований, год публикации.

Следующие критерии отбора зависели от специфики используемых в поиске баз данных. Так, в Google scholar и World Database of Happiness сортировка осуществлялась по релевантности, в SciVal и Elibrary по количеству цитирований⁷⁰. Отдельно авторы обращали внимание на публикации 2020–2023

⁶⁹ Прим. авторов. Все научные тексты, отобранные для анализа, являются полнотекстовыми статьями типа Article и Article Review. Монографии, учебные пособия, справочники, книги, диссертации, материалы сборников конференций были исключены на этапе отбора публикаций с помощью настроек в базах данных.

⁷⁰ Например, в SciVal исключались публикации, имеющие меньше 50 цитирований.

гг., которые еще не успели набрать достаточное число цитирований, но при этом обладали высокой релевантностью для целей настоящего исследования. В результате такого отбора воронка отбора сузилась до 575 статей, а после исключения дублей (71 статья) был получен «длинный» список статей (табл. 5).

Таблица 5 – Распределение «длинного» списка статей

База данных	Период	Количество статей
Google Scholar	1977–2023	200
SciVal	2012–2022	162
Elibrary	1989–2022	92
World Database of Happiness (WDH)	2002-2021	50
Итого		504

При анализе публикаций была проведена многоуровневая категоризация материала. Статьи распределялись не строго по тематическим сферам, а скорее по широким категориям, что позволило определить общие характеристики и принадлежность каждой работы к определенному исследовательскому направлению. Такой подход дал возможность выявить доминирующие области научного интереса и получить общее представление о структуре анализируемого корпуса публикаций (рис. 20).

Рис. 20 – Распределение «длинного» списка статей по категориям

Научные статьи медицинско-психологической направленности (категории «здоровье», «генетика», «психология»), а также работы о субъективном благополучии в плоскости социологии, теологии, политологии, урбанистики и медиа, были исключены из дальнейшего анализа. Также были исключены из последующего полнотекстового анализа статьи с узкой тематикой. В данную категорию попадали специфические исследования с небольшими выборками, привязанными к конкретной местности, социальному или демографическому статусам, роду занятий или временному промежутку. Например, статья, посвященная оценке удовлетворенности жизнью среди сельскохозяйственных работников Китая в определенной местности (Chen et al., 2016) или работа о влиянии романтических отношений на удовлетворенность жизнью молодых аргентинцев (Fascio et al., 2014). Логично, что для дальнейшего анализа отбирались статьи из категорий, непосредственно связанных с экономикой (общая экономика, экономика труда, экономика окружающей среды, демография), а также статьи из категорий «теоретические статьи» и «систематический обзор и/или метаанализ» (см. перечень идентификаторов категорий в табл. 6).

Таблица 6 – Критерии отбора публикаций для формирования «короткого» списка

Категория	Ключевые слова - идентификаторы
Общая экономика	Доход, национальное благосостояние, качество жизни, бедность, потребление, долг, неравенство, экономический рост, экономическое поведение, парадокс Истерлина, экономика домохозяйств, финансовый кризис
Экономика труда	Досуг, удовлетворенность работой, профессиональная идентичность, траектории карьеры, занятость, безработица, производительность труда, миграция, баланс работа-жизнь
Экономика окружающей среды	Устойчивое развитие, зеленая экономика, экстерналии, транспорт, мобильность
Демография	Гендер, семейное положение, возраст (в контексте экономических отношений и субъективного благополучия)

В статьях, распределенных в категорию «теоретические», содержался большой объем знаний о концепте субъективного благополучия. Четверть статей в этой категории принадлежали основоположникам теории субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью, таких как Динер Э., Венховен Р., Лукас Р., Истерлин Р. и др. Эти статьи, а также статьи о субъективном благополучии в жанрах систематического обзора и метаанализа также были включены в «короткий» список для последующего полнотекстового анализа. Таким образом, было отобрано 255 статей в соответствии с критериями отбора, представленными в таблице 6. В ходе последующего отбора были исключены еще 45 публикаций в связи с отсутствием доступа к полному тексту публикации (22 статьи) или с сомнительным качеством публикаций. Итоговую выборку («короткий» список) сформировало 210 статей.

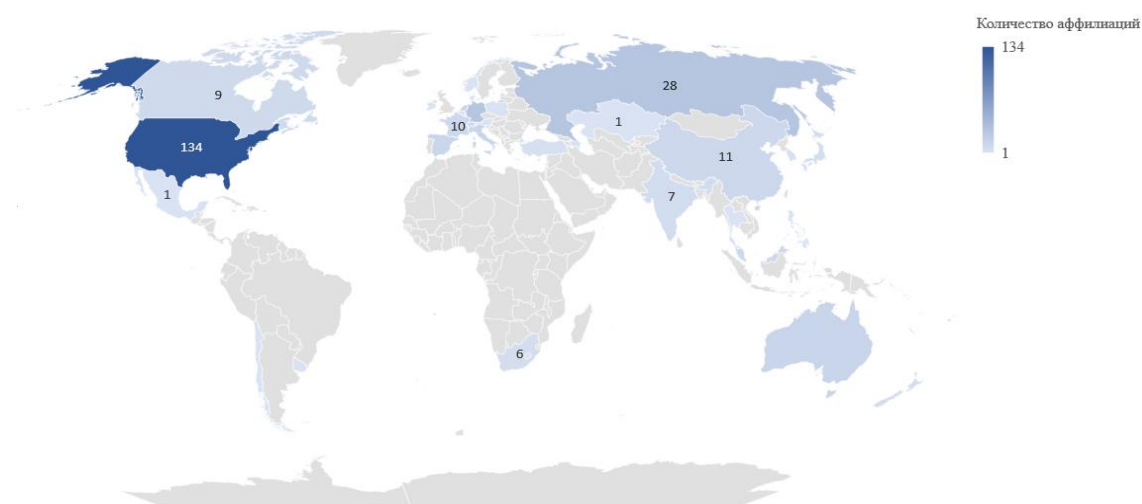

Рис. 21 – Анализ аффилиаций авторов «короткого» списка публикаций

Анализ аффилиаций (рис. 21) выявил большую долю исследований, участниками которых являлись американские исследователи – 134 из 399 (33,5%). Довольно значительно число и российских аффилиаций.

Количество источников, в которых были опубликованы статьи из итогового списка «воронки», представлено было 154 изданиями различной направленности. В данный перечень, преимущественно, входили научные журналы, и в значительно меньшем количестве главы из книг, специальных

изданий университетов. 43% публикаций обзора сосредоточились в 18% журналах, вошедших в итоговый список за период 1960 – 2024 гг. Среди научных изданий, вошедших в этот приоритетный список такие, как «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены»⁷¹, «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право» и «Социологические исследования». В список журналов, в которых было опубликовано наибольшее количество публикаций (31 статья из 210), вошли следующие: Social Indicators Research, Journal of Economic Behavior & Organization и Journal of Happiness studies. Все журналы были распределены по 8-ми сферам, в каждой из которой посредством описательной статистики были определены издания с наибольшим количеством статей, а также выделены наиболее цитируемые статьи и их авторы (результаты см. в табл. 7).

Таблица 7 – Статистика научных журналов предметного поля экономики счастья

Тематика журналов ⁷²	Количество журналов	Общее количество публикаций	Журналы с наибольшим количеством публикаций/ автор (ы) статей с наибольшим цитированием
Экономика, в том числе поведенческая и экспериментальная экономика	46	65	Journal of Economic Behavior & Organization/ Frijters, P., Beatton, T. (2012) ⁷³ Journal of behavioral and experimental economics/ Lane, T. (2017) International Review of Economics/ Clark, A.E. (2017) Economic Journal/ Bryson, A., MacKerron, G. (2017)
Журналы с неоднородной тематикой ⁷⁴	35	30	Journal of Consumer Affairs/ Iyer, R., Muncy, J.A. (2016)

⁷¹ В 2020 г. номер 1 журнала был полностью посвящен теме «Счастье и субъективное благополучие в России»

⁷² Располагаются по убыванию по признаку «количество журналов»

⁷³ Перечень публикаций авторов в данной таблице можно найти в списке литературы к статье

⁷⁴ Журналы, которые трудно было объединить в одну тематическую область (например, очень узкая тематика или наоборот широкая и междисциплинарная тематику)

Тематика журналов ⁷²	Количество журналов	Общее количество публикаций	Журналы с наибольшим количеством публикаций/ автор (ы) статей с наибольшим цитированием
			Journal of Consumer Research/ Richins, M. L. (1992) Transport Reviews/ De Vos, J., Schwanen, T., Van Acker, V., & Witlox, F. (2013).
Психология, в том числе экономическая и социальная психология	27	40	Journal of Personality and Social Psychology/ Luhmann M, Hofmann W, Eid M, Lucas RE (2012) American psychologist/ Diener, E. (2012) Psychological bulletin/ Diener, E., Suh, E. M., Lucas, R. E., & Smith, H. L. (1999)
Социология и социальная политика	14	30	Social Indicators Research/ Diener, E., Inglehart, R., Tay, L. (2013). Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены/ Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. (2020) Социологические исследования/ Козырева, П. М. (2015)
Экономика труда/человеческие ресурсы/демография/качество жизни	12	14	Applied Research in Quality of Life/ Paloma, V., Escobar-Ballesta, M., Galván-Vega, B., Díaz-Bautista, J. D., & Benítez, I. (2021) Human relations/ Rain, J. S., Lane, I. M., & Steiner, D. D. (1991) Journal of Population Economics/ Blanchflower, D.G. (2021)
Экология и окружающая среда	7	13	Ecological Economics/ Ferreira, S., Akay, A., Brereton, F., Cuñado, J., Martinsson, P., Moro, M., Ningal, T. (2013) Environment and Development Economics/ Qasim, M., Grimes, A. (2022)
Медицина/эпидемиология/геронтология/здоровье ⁷⁵	7	6	Larson, R. (1978)/ Diener, E. D., & Suh, M. E. (1997)/ Graham, C. (2008)

⁷⁵ Журналы по данной тематике были распределены равномерно, невозможно было выделить журнал с наибольшим количеством публикаций. Поэтому в данной графе представлены только наиболее цитируемые статьи

Тематика журналов ⁷²	Количество журналов	Общее количество публикаций	Журналы с наибольшим количеством публикаций/ автор (ы) статьей с наибольшим цитированием
Специализированные журналы, занимающиеся исследованием счастья/субъективного благополучия	5	12	Journal of happiness studies/ Newman, D. B., Tay, L., & Diener, E. (2014)/ Cummins, R. A. (2000)/ Yu, S., Levesque-Bristol, C., & Maeda, Y. (2018)
	153	210	

Извлечение данных

Извлечение данных представляло собой процесс полнотекстового анализа статей итогового списка и извлечение данных в соответствии с заданной структурой элементов анализа. Иными словами, проводилось «исследование об исследованиях». В качестве ключевых элементов структуры для сортировки и последующего анализа были выделены формальные и содержательные критерии⁷⁶ (табл.8).

Таблица 8 – Критерии для извлечения информации из итогового списка «воронки» публикаций

Содержательные критерии	Формальные критерии
–операционализация категории «счастье»/ «субъективное благополучие» (понятие/определение/сущность), –«фокусы» исследования (основная гипотеза, концепция, идея исследования), –казуальные зависимости субъективного благополучия: факторы и следствия влияния	–методы сбора данных и измерения, –источники данных, –методы анализа данных

На основе критериев, указанных в таблице 8, была сформирована структурированная электронная форма, куда вносилась информация из итогового списка публикаций для последующего анализа и обобщения (табл. 9 и пример работы с электронной формой в Приложении 1).

⁷⁶ Авторская классификация.

Таблица 9 – Структура электронной формы обзора ScR (фрагмент)

Название публикации	Год публикации	Аффилиация авторов	География исследований	Определения счастья/субъективного благополучия	Фокус исследований	Факторы	Влияние субъективного благополучия	Тип исследования ⁷⁷	Тип данных ⁷⁸	Тип методов ⁷⁹	Методы сбора первичных данных ⁸⁰	Источник вторичных данных ⁸¹	Методы измерения субъективного благополучия	Методы анализа данных

В соответствии с рекомендациями ряда исследователей на данном этапе было проведено пробное внесение данных с участием двух исследователей из команды, действовавших независимо друг от друга, с последующим сопоставлением результатов, устранением несогласованности и коррекцией структурированной формы при необходимости (Кулакова и др.: 8, 2021; Arksey et al., 2005). Далее была осуществлена кодировка вносимой информации, что упростило впоследствии задачу формирования по некоторым критериям описательной статистики и итогового исследовательского синтеза (см. Приложение 1).

2.2. Результаты обзора предметного поля: конституирование теории субъективного благополучия

Операционализация категории «субъективное благополучие». Многие исследователи используют дефиниции «счастье» и «субъективное благополучие» как взаимозаменяемые (Diener et al., 2018a, 2018b; Easterlin, 2006;

⁷⁷ Тип исследования: кросс-секционное, панельное, обзор литературы, систематический обзор, метаанализ, другое.

⁷⁸ Тип данных: первичные и вторичные.

⁷⁹ Тип методов: качественные, количественные, другое.

⁸⁰ Методы сбора первичных данных: интервьюирование, опрос/анкетирование, полевое исследование/наблюдение, эксперимент, другое.

⁸¹ Необходимо было вставить название.

Veenhoven, 2015). Работа В. Вилсона была одной из первых, где исследовались предпосылки, определяющие уровень счастья. Так, В. Вилсон считал, что счастливый человек – это молодой, здоровый, образованный, беззаботный, религиозный, женатый оптимист с хорошо оплачиваемой работой (Wilson, 1967). Динер Э., один из основоположников современной теории субъективного благополучия, в своих многочисленных работах не раз ссылаясь на Вилсона В., отнюдь не соглашаясь с ним (Diener, 1984; Diener et al., 1999; Diener et al., 2003; Diener et al., 2009; Diener, 2012; Diener et al., 2018a). В концепции субъективного благополучия, разработанной Динером Э. и его последователями, конструкт счастья признавался сложным, имеющим тройственную структуру с такими элементами как положительное воздействие (positive affect), отрицательное воздействие (negative affect) и удовлетворенность жизнью (life satisfaction) (Diener, 1984; Chamberlain, 1988). Субъективное благополучие представляет собой «широкую категорию явлений, включающих эмоциональные реакции людей, удовлетворение от сферы деятельности и глобальные суждения о своей жизни» (Diener et al., 1999). Концепт Динера Э. получил поддержку большого количества исследователей счастья в разных сферах (Martín-María et al., 2017; Şimşek, 2009; Jorm et al., 2014; Voukelatou et al., 2021; Azizan et al., 2018; Veenhoven, 1996; 2010). Однако Маккерон Г. считает, что субъективное благополучие или счастье не является монолитным понятием, а скорее зонтичным термином для различных способов, которыми мы оцениваем свою жизнь (Mackerron, 2012). Следовательно, терминология в научной области субъективного благополучия далека от унификации.

Выделяются гедонистический и эвдемонистический подходы к определению счастья. С позиций гедонизма, получение удовольствия и достижение чувства удовлетворенности есть цель человеческого существования, иными словами человек стремиться сделать так, чтобы ему было хорошо. Из гедонистической концепции счастья вырастает термин «гедонистическое колесо» или «гедонистическая беговая дорожка» (hedonic treadmill) (Diener et al., 2009; Diener et al., 2018b; Steel et al., 2018; Wang et al., 2016). Условное

нахождение внутри гедонистического колеса предполагает, что потребности человека бесконечно растут, а достижение намеченных целей или получение удовольствия хоть и будет влиять на уровень счастья, но кратковременно, а затем индивид адаптируется к новым обстоятельствам (Diener et al., 2009: 395) и опять будет стремиться достигать, искать новые радости жизни. Второй подход – эвдемонистический (Dolan et al., 2012; Yu et al., 2018) в большей мере связан с человеческим субъективизмом, психологией. Эвдемонистического подхода придерживалась Рифф К. (Ryff, 1989), которая выделила 6 детерминант счастья – самопринятие, позитивные отношения с другими, личностный рост, наличие цели в жизни, автономия и мастерство как способность справляться с теми трудностями, которые встречаются в повседневной жизни. Обращает на себя внимания еще одна эвдемонистическая теория субъективного благополучия – теория самодетерминации Деси Э. и Риана Р. (*self-determination theory*) (Ryan et al., 2017). Данная теория фокусируется на трех базовых психологических потребностях – автономии, компетентности и «родстве» - поддержанию взаимосвязей с другими людьми. Несмотря на то, что теория самодетерминации была разработана еще в 1980-х гг., ее активно используют в современных исследованиях субъективного благополучия (White et al., 2012; Dolan et al., 2012; Yu et al., 2018).

В исследованиях выделяются восходящие (*bottom-up theories*) и нисходящие (*top-down theories*) теории субъективного благополучия. В восходящих теориях предполагается, что счастье – это совокупность небольших удовольствий или цепочка положительных внешних событий. В рамках восходящей теории путь к счастью – это удовлетворение потребностей. Концепция гедонистического колеса, описанная выше, и есть одна из «восходящих» теорий. В то же время противоположный подход или нисходящий подразумевает, что человек будет способен на позитивные эмоции в отношении событий, происходящих в его жизни, если у него уже есть некий «врожденный» уровень счастья, благополучия, устойчивости и жизнелюбия. Из нисходящего подхода логически вытекает еще одно деление людей на тех, кто

предрасположен испытывать позитивные эмоции (экстраверты) и на тех, кому чувство счастья несвойственно (невротики). Такое деление довольно популярно в статьях о субъективном благополучии (Diener et al., 2003; Steel et al., 2018, 2019; Lucas et al., 2008; Azizan et al., 2018). В целом генетически обусловленные особенности личности признаются одним из наиболее сильных и стойких факторов, оказывающим влияние на уровень счастья (Diener et al., 1999: 279).

Выделяется синтетический подход Долана П. (Dolan et al., 2008), в соответствии с которым предлагается пять концепций благополучия: (1) *удовлетворенность предпочтений*, при котором благополучие заключается в свободе и ресурсах для удовлетворения собственных желаний; (2) *объективные базовые потребности*, при которых благополучие - это удовлетворение фиксированного набора материальных, психологических и социальных потребностей, которые определяются экзогенно; (3) *процветание (или эвдемонистическое благополучие)*, при котором благополучие означает реализацию потенциала человека по таким параметрам, как автономия, личностный рост или позитивное родство; (4) *гедонистический (или аффективный)*, в котором благополучие является синонимом позитивного аффективного баланса, относительного преобладания позитивного настроения и чувств; (5) *оценочный (или когнитивный)*, в котором благополучие является собственной оценкой индивидом своей жизни в соответствии с некоторым позитивным критерием.

Достаточно часто в публикациях короткого списка обзора предметного поля авторы отмечают спор двух концепций: теории полезности и теории субъективного благополучия (об этом уже упоминалось в п.1.2). Обе концепции отвергают внешние критерии или суждения, отдавая предпочтение человеку как единственному, кто имеет право оценивать свое собственное благополучие (Potts, 2010). В основе теории полезности лежит идея удовлетворения предпочтений индивида (preference satisfaction/PS). В своей самой строгой форме подход PS использует понятие полезности, которую индивид получает от товаров и услуг, исходя из решений, которые он принимает на основе своих

предпочтений, чем и определяется его экономическое поведение. И чем больше индивид удовлетворит своих предпочтений, тем выше уровень его благополучия. И в этом смысле, ближайшим синонимом полезности является счастье или субъективное благополучие. Но, теория полезности также предполагает, что индивиды действуют рационально, а, следовательно, стремятся максимизировать полезность. Набор вариантов максимизации полезности индивидом ограничивается его бюджетом, и, следовательно, увеличение бюджета всегда подразумевает выбор наиболее предпочтительных вариантов, и, тем самым, увеличение благополучия. Таким образом, с точки зрения теории полезности, уровень благополучия вследствие удовлетворения своих предпочтений возрастает с ростом дохода. Однако, исследователи-сторонники теории субъективного благополучия считают, что часто предпочтения не являются очень хорошим показателем благополучия, связанного с последствиями выбора. Большее значение имеет самооценка показателей полезности, то есть большее значение имеет не уровень удовлетворения предпочтений индивидом, а то, как сам индивид оценивает этот уровень. *Самооценки* представляются относительно надежными индикаторами индивидуального благополучия (Dolan et al., 2008). Вместо подхода «полезность решения», основанного на выявленных предпочтениях (отражаемых в потребительском поведении) или исследования заявленных предпочтений (например, с использованием метода условной оценки), в теории счастья рассматривается благополучие человека как система оценок своей жизни (Inglehart, 1996).

«Фокусы» исследований о субъективном благополучии. Используя методику систематизации исследований об исследованиях экономики счастья некоторых авторов (Frey, 2002; Dolan et al., 2008, Mackerron, 2012), «фокусы» из итогового списка (210 статей) были классифицированы на восемь основных групп: (1) обзорные статьи по экономике счастья; (2) доход, богатство; (3) личные и демографические характеристики; (4) характеристики социального развития; (5) как люди организуют и проводят свое время; (6) отношения и

убеждения по отношению к различным аспектам жизни; (7) взаимоотношения; (8) более широкие аспекты экономической, экологической, социальной и политической среды. Анализ был дополнен разделом, в которых рассматривается влияние субъективного благополучия на потребительское, инвестиционное, предпринимательское, организационное поведение (9). Некоторые статьи были включены в несколько групп одновременно. Итоговый рейтинг основных фокусов исследований представлен в таблице 10.

Таблица 10 – «Фокусы» исследований предметного поля субъективного благополучия

(1) Обзорные статьи по экономике счастья	(2) Доход, богатство	(3) Личные и демографические характеристики	(4) Характеристики социального развития	(5) Удовлетворенность временем, проведенным на работе, и социальной деятельностью	(6) Отношение к различным аспектам жизни	(7) Взаимоотношения	(8) Макро аспекты экономической, экологической, социальной и политической среды	(9) Влияние субъективного благополучия на различные аспекты и экономические показатели (удовлетворенность трудом, производительность труда, уровень потребления, сбережения и др.)
27%	27%	10%	11,9%	18,6%	11,4%	9,5%	25,2%	5,7%

Лидирующей по количеству публикаций является группа *обзорных статей по экономике счастья (1)*, в которых авторы пытаются дать определения дефиниции – счастья или субъективное благополучие, доля таких публикаций

составила 27%. В группе «Доход, богатство» (2) включены исследования, анализирующие влияние величины *абсолютных и относительных доходов на субъективное благополучие (27%)*. В данных публикациях изучаются два аспекта взаимосвязи между доходом и счастьем. Во-первых, увеличивает ли более высокий доход на душу населения уровень счастья в обществе? Во-вторых, являются ли люди с высоким доходом в стране и в конкретный момент времени более счастливыми, чем люди с низким доходом? Изучается абсолютный доход, доход по отношению к доходам других людей и доход по отношению к прошлым доходам (Clark, 2018; Diener et al., 2013).

Взаимосвязь между доходом на душу населения и субъективным благополучием в обществе имеет противоречивые доказательства. Во многих межстрановых исследованиях сообщается, что в среднем люди, живущие в богатых странах, счастливее тех, кто живет в бедных странах. Напротив, существует поразительная и любопытная взаимосвязь, получившая название «парадокс Истерлина» (Easterlin, 1974). Суть парадокса, описанного Истерлином Р. на основе лонгитюдного анализа данных, состоит в том, что в краткосрочной перспективе доход и уровень счастья находятся в прямой зависимости, вместе с тем если со временем доход продолжает расти, он уже не будет оказывать значительного влияния на уровень субъективного благополучия. Несмотря на то, что «парадокс Истерлина» часто пытаются критиковать и оспаривать, у этой теории все же больше поклонников, а ученые по всему миру стараются подтвердить или опровергнуть наличие закономерности, выявленной Истерлином Р., на основе современных данных (Howell et al., 2008; Sacks et al., 2012; Steel et al., 2018; Tan et al., 2020; Voukelatou et al., 2021). Также Ларин А. и Филясов С., основываясь на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, подтвердили справедливость парадокса Истерлина для России (Ларин и др., 2018).

В публикациях ScR рассматривается влияние относительного и абсолютного дохода на уровень счастья. Во многих исследованиях абсолютный доход имеет положительную связь с субъективным благополучием индивида, и ее влияние затмевает другие факторы (таких как здоровье, статус на рынке труда

и семейное положение), по крайней мере, в развитых странах. Результаты в целом свидетельствуют о положительной, но уменьшающейся отдаче от дохода. Исследования, в которых учитывался относительный доход, определяемый в различных референтных группах, показывают, что благополучие сильно зависит от относительных показателей (Ferrer-i-Carbonell, 2004; Diener, 2012; Howell et al., 2008; Tan et al., 2020). Дополнительный доход может и не повышать уровень благополучия, если в соответствующей группе сравнения наблюдается аналогичный рост дохода. В некоторых исследованиях установлено, что доход референтной группы индивида оказывает значительное негативное влияние на уровень его счастья; фактически, доход референтной группы может быть значительно более важным, чем собственный абсолютный доход для индивидуального счастья (Frey et al., 2002; Cheung et al., 2016). Обычно предполагается, что этот эффект вызван озабоченностью статусом, иногда описываемой как соперничество или ревность. Социальное сравнение может работать и в обратном направлении, если рост доходов других интерпретируется как сигнал о собственных будущих возможностях получения дохода. Эффекты зависти и честолюбия не являются взаимоисключающими. (Knight et al., 2012). Истерлин Р. отмечает, что если эффект относительного дохода доминирует над эффектом абсолютного дохода, то это объясняет, почему данные кросс-секционных исследований показывают, что более богатые люди в обществе более счастливы, но что средний уровень счастья остается неизменным по мере того, как все члены общества становятся богаче (Easterlin, 2001).

В публикациях из группы статей обзора, посвященного макро- аспектам экономической, экологической, социальной и политической среды (8), рассматриваются *макроэкономические факторы, такие как, неравенство доходов, уровень безработицы, инфляция, социальное обеспечение и государственное страхование, экономические и политические свободы, а также вопросы окружающей среды* – климат, среда проживания и урбанизация, составил (25,2%). В комбинированных исследованиях временных рядов и срезов было показано, что более высокий уровень инфляции существенно снижает

уровень субъективного благополучия. Было показано, что 5% населения переходят из одной категории удовлетворенности жизнью в другую, более низкую, например, из категории «очень удовлетворен» в категорию «довольно удовлетворен» (Frey et al., 2002). Было установлено, что национальный уровень безработицы снижает уровень субъективного благополучия, хотя исследования ограничены.

После кризиса 2008 г. исследователи стали уделять еще больше внимания темам, выходящим за рамки ВВП, таким как устойчивое развитие, экономическая свобода и неравенство, а также расширили анализ по таким темам, как роль субъективного благополучия в потребительском поведении, предпринимательстве и различных организационных контекстах (Ballas, 2021; Dominko et al., 2022; Stanca, 2010). Отмечается, что проживание в небезопасном или неблагополучном регионе отрицательно сказывается на СБ (Dolan et al., 2008; Тихонова, 2015). Данные о влиянии качества окружающей среды все еще очень ограничены, хотя несколько исследований показывают негативное влияние загрязнения воздуха на уровень субъективного благополучия. Некоторые исследования также выявили связь между климатом и уровнем счастья (Zhang et al., 2017; Li et al., 2014).

Безработица оказывает одно из самых значительных негативных воздействий на уровень субъективного благополучия, не зависящее от связанных с ней материальных потерь (Frey et al., 2002; Luhmann et al., 2012). Также есть свидетельства, что после прекращения безработицы люди не возвращаются к уровню удовлетворенности жизнью, который был до безработицы. Аналогичным образом, исследователи экономики счастья обнаружили, что любой период безработицы за последние несколько лет оказывает негативное влияние на комбинированную шкалу общего счастья (Bonasia et al., 2022).

Публикации, анализирующие удовлетворенность временем, проведенным на работе, и социальной деятельностью: волонтерство, культура, физическая активность и др. занимают 18,6% в ScR (5). Данные о влиянии различных видов и занятости несколько противоречивы. Выявлена обратная U-образная кривая

между удовлетворенностью жизнью и количеством отработанных часов, благополучие растёт по мере увеличения количества отработанных часов, но только до определенного момента, после чего оно начинает падать (Keldenich, 2022; Gash et al., 2010). На примере Германии было обнаружено снижение удовлетворенности жизнью при увеличении времени, затрачиваемого на дорогу, а также снижение благополучия других членов семьи (Stutzer et al., 2010). Участие в общественной жизни и волонтерство могут оказывать положительное влияние, но этот вывод несколько изменчив. Существуют доказательства, что общение и регулярное посещение церкви связаны с более высоким уровнем счастья (Diener et al., 2018a). Обнаружено, что индивидуальный уровень субъективного благополучия наиболее сильно связан с культурными ценностями, способствующими развитию отношений, и социальным капиталом, которые, как правило, обуславливают более уникальную дисперсию в удовлетворенности жизнью, чем зарплата индивидов (Steel et al., 2018).

Публикации *об отношениях к важным аспектам жизни, таким как, финансовое положение, социальный статус, доверию к коллегам и социальному окружению, политика и религия (б)* составили долю в 11,4% от статей итогового списка ScR. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что отношение к своим жизненным обстоятельствам может быть очень важным предиктором удовлетворенности жизнью. Одной из областей, которая была относительно подробно исследована, является финансовая удовлетворенность. Худшее восприятие своего текущего финансового положения обычно связано с более низкой удовлетворенностью жизнью (Tay et al., 2017; Ngamaba et al., 2020; García-Mata et al., 2022). Обнаружено, что социальное доверие (доверие к большинству других людей) связано с более высокой удовлетворенностью жизнью и счастьем (Kudebayeva et al., 2022).

Доля публикаций, рассматривающих характеристики социального развития человека, такие как уровень образования, здоровья, культурные особенности (4), составила в обзоре 11,9%. Тема здоровья является абсолютным лидером данного раздела. Некоторые исследования обнаруживают

положительную связь между дополнительным уровнем образования и субъективным благополучием (Helliwell, 2003; Clark, 2018). В исследованиях показывается сильная связь между уровнем субъективного благополучия, физическим и психологическим здоровьем (Solanes et al., 2021; Dacanay, 2018; Van Praag et al., 2003; Graham, 2008).

Еще одним значимым «фокусом» исследования является влияние принадлежности индивида к определенному типу культуры – индивидуалистическому или коллективистскому на уровень субъективного благополучия (Camfield et al., 2008; Yu et al., 2018; Steel et al., 2018). Основная идея состоит в том, что представители разных типов культур будут иметь разный набор ценностей. Таким образом, набор факторов, определяющих их уровень счастья, также будет различаться. Согласно Динеру Э., представители индивидуалистических культур воспринимают себя более счастливыми, вместе с тем среди индивидуалистов больше, чем среди носителей коллективистских культур и ценностей, распространены разводы и суициды. Это связывается с тем фактом, что в рамках индивидуалистических обществ, люди в основном сами несут ответственность за свои действия, в то же время, они в меньшей степени ограничены нормативными установками и общественными ожиданиями (Diener et al., 2003: 412).

10 % составила доля статей, посвященных вопросам личных и демографических характеристик и их влиянию на субъективную оценку благополучия (3). Достаточно широкое распространения получила концепция, основанная на зависимости уровня счастья от возраста человека (Diener et al., 2018b; Dolan et al., 2012; Graham et al., 2017; Blanchflower, 2021). Графически данная зависимость представляет собой кривую в форме английской буквы U. У-форма кривой субъективного благополучия фактически означает, что в возрасте примерно 40-50 лет человек максимально несчастлив, напротив в ранней молодости и в старости уровень счастья максимальный. Это связывается с тем, что в ранней молодости люди как правило полны энтузиазма, энергии и оптимизма, со временем по мере роста ответственности и экономических

обязательств уровень счастья снижается, а в зрелые годы люди развивают высокую адаптивность, находятся в принятии своей жизни, соответственно, уровень счастья снова возрастает.

Как и в случае с парадоксом Истерлина, концепт U-формы вызывает споры в научной среде, вместе с тем, есть современные исследования, которые эмпирически доказали ее справедливость для большого числа стран (145 стран в выборке) (Blanchflower, 2021).

Публикации, включенные в группу «Взаимоотношения (семейное положение, наличие детей)» (7), составили 9,5 % от итогового списка обзора предметного поля. Несмотря на некоторые различия между результатами исследований, можно сделать вывод, что пребывание в браке связано с самым высоким уровнем субъективного благополучия, а раздельное проживание - с самым низким, ниже даже, чем развод или вдовство (Илюхин и др., 2018; Luhmann et al., 2012).

Данные о влиянии наличия детей на субъективное благополучие неоднозначны и различаются в зависимости от методов измерения и страны. Обнаружено, что наличие детей оказывает незначительное влияние на уровень аффективного компонента счастья (счастье «здесь и сейчас», но имеет положительное влияние на удовлетворенность жизнью (когнитивный компонент). Это согласуется с теорией о том, что дети накладывают ограничения на ежедневные положительные эмоции (счастье), но, тем не менее, люди считают их важной частью своего общего благополучия на когнитивном уровне восприятия. В некоторых публикациях предлагаются результаты большей вероятности положительной связи между детьми и удовлетворенностью жизнью в случае соответствия дохода составу домохозяйства (Dolan et al., 2008; Keldenich, 2022).

Казуальные зависимости субъективного благополучия: факторы и следствия влияния. Субъективное благополучие или счастье – это довольно сложно измеряемый показатель, а факторов, способных оказать влияние на него, очень много. На основе анализа 210 научных статей, был получен большой

список факторов (количество наблюдений $N=1333$ ⁸²; неповторяющихся факторов - 88), оказывающих, влияние на уровень счастья. Необходимо отметить, что природа этих факторов может быть объективной и субъективной (Diener, 1984; Diener et al., 1999; Wang et al., 2016; Tan et al., 2020; Voukelatou et al., 2021).

Факторы, выявленные в ходе анализа, были классифицированы на 9 категорий, при этом в каждой из них факторы выстраивались по частоте их упоминания (см. табл. 11⁸³).

В 5,6 % публикаций итогового списка обзора предметного поля исследуется влияние субъективного благополучия или счастья на различные аспекты экономической жизни. В частности, обнаружена взаимосвязь между субъективным благополучием и решениями индивида в области потребления (приобретения продуктов питания, расходы на одежды, траты на досуг, аренду, коммунальные расходы) и сбережения (Guven, 2012; Dominko, 2022; García-Mata et al., 2022).

Достаточно интересны выводы относительно положительного влияния субъективного благополучия на успешность поиска работы и вероятность безработицы (Wolf et al., 2022; Easterlin, 2013), а также на удовлетворенность работой и уровень производительности труда (Clark, 2018).

В некоторых публикациях отмечается положительное влияние уровня счастья на предпринимательскую и инвестиционную активность (Naudé et al., 2014; Chuluun et al., 2016), а также на уровень финансовой безопасности и нестабильности (Roll et al., 2022).

⁸² Одно наблюдение – это упоминание фактора в статье. Несколько упоминаний фактора в тексте одной статьи – это одно наблюдение, то есть повторные упоминания одного и того же фактора в работе не оказывают влияние на общее количество упоминаний. При этом допускается, что фактор может иметь как положительное, так и отрицательное влияние на субъективное благополучие.

⁸³ В таблице в каждой категории представлены только наиболее упоминаемые факторы.

Таблица 11 – Классификация факторов субъективного благополучия

№ п/п	Категория факторов, влияющих на субъективное благополучие	Доля категории, %	% - частота упоминания Ф в % от N=1333				
			Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф5
1	Экономические	21	доход	безработица	неравенство доходов	финансовый статус	экономический рост
2	Демографические	20	образование	возраст	пол	этап жизни	семейное положение
3	Социальные	15	социальные связи	культура	религия, вероисповедание	семейные отношения	ценности
4	Профессиональные	10	удовлетворенность работой	баланс работа - досуг	наличие факта работы	автономия	мастерство
5	Физиологические	13	здоровье	генетика	эмоции	адаптивность	питание
6	Обусловленные средой	8	экология, среда, климат, погода	безопасность	урбанизация, городская среда, размер города/государства	качество воды, воздуха, уровень шума	мобильность
7	Институциональные и политические	7	доверие	политические права и свободы	качество институтов	коррупция	доступ к информации, свобода СМИ, свобода слова
8	Связанные с личностным развитием	4	цели	стремления	самооценка	личный рост	самореализация
9	Значимые события	2	Развод, потеря близкого, наследство, выигрыш в лотерею, катастрофы, отпуск, выход на пенсию, смена места работы, рождение, свадьба, эмиграция, беременность и т.д.				

Обзор результатов анализа формальных критериев (методы сбора данных и измерения, источники данных, методы анализа данных). Анализ исследований итогового списка показал, что в 41% публикаций авторы использовали качественные методы сбора данных, а в 59% - количественные. Наиболее распространенным качественным методом при изучении субъективного благополучия оказался обзор публикаций - 89%. А среди количественных методов доминирующее положение занимали опросы (97,4%).

В исследованиях субъективного благополучия делается акцент *на собственной оценке человеком своей жизни*, а не на суждении других или каких-либо объективных данных и включает самооценку удовлетворенности жизнью и ее различными областями, а также аффективные оценки эмоций и настроений. И, следовательно, логично, что наиболее популярным методом измерения субъективного благополучия является опрос.

Исследователи измеряют счастье с помощью рейтинговых шкал. Некоторые факторы при составлении опросов могут влиять на объективность результатов (тип вопросов, задаваемых перед вопросами о счастье, а также настроение людей во время оценки их субъективного благополучия). Проанализировав финальную выборку статей, было выявлено, что нет единой методики и единой шкалы для оценки уровня счастья, в том числе, удовлетворенности жизнью и ее компонентами. Но несмотря на отсутствие единообразия в исследованиях, можно выделить общий подход к оценке уровня счастья. Для диагностики, как правило используются вопросы, которые вызывают участвующих информантов на самооценку/самоотчет относительно своего ощущения счастья в данный момент времени (аффективный компонент), а также на оценку жизни в целом либо отдельных ее аспектов (когнитивный компонент). При этом при измерении аффективного компонента используются вопросы и шкалы, позволяющие оценивать эмоциональное состояние индивида *в данный момент времени* (позитивные и негативные эмоции), а при оценке когнитивного компонента - вопросы и шкалы, позволяющие оценить индивиду *свою жизнь в целом по прошествии времени*. В той или иной степени формулировки вопросов различаются, но основная идея остается сходной (примеры вопросов см. в табл. 12). И, несмотря, на сходство подходов, различные формулировки не позволяют сделать мета-анализ данных.

**Таблица 12 – Вопросы и шкалы измерения субъективного благополучия
(типичные примеры)**

Вопрос	Шкалы	Источники данных
Когнитивный компонент		
В целом, насколько вы удовлетворены той жизнью, которую ведете?	не совсем удовлетворены, не очень удовлетворены, довольно удовлетворены, очень удовлетворены	Евробарометр ⁸⁴ /Gallup World Poll ⁸⁵ / General Social Survey ⁸⁶ / World Database of Happiness ⁸⁷
Учитывая все вместе взятое, в какой степени вы считаете себя счастливым человеком?	очень счастлива, вполне счастлив, не очень счастлив, совсем не счастлив	World Values Survey/Dutch household survey ⁸⁸
Учитывая все обстоятельства, насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом в эти дни?	1 - совсем не удовлетворен, 10 -очень удовлетворен	World Values Survey ⁸⁹
В какой степени вы считаете себя счастливым человеком? / В целом, насколько вы удовлетворены своей жизнью?	очень счастлив, довольно счастлив, скорее счастлив, чем несчастлив, не очень счастлив, совсем не счастлив, затрудняюсь ответить	Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE) ⁹⁰
Аффективный компонент		
Испытывали ли Вы следующие позитивные и негативные состояния в течение дня: улыбка/смех, удовольствие, гнев, печаль, беспокойство, депрессия?	да, нет	Gallup World Poll

⁸⁴ Евробарометр – серия опросов общественного мнения, проводимых Европейской комиссией с 1973 г. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/screen/home>

⁸⁵ Gallup World Poll – регулярные опросы общественного мнения, проводимые в США с 1935 г. URL: <https://www.gallup.com/analytics/318875/global-research.aspx>

⁸⁶ General Social Survey - это социологический опрос, созданный в 1972 году Национальным центром изучения общественного мнения (NORC) при Чикагском университете. URL: <https://gss.norc.org/>

⁸⁷ World Database of Happiness - Всемирная база данных о счастье, основанная в Исследовательской организации Erasmus EHERO (Роттердамский университет Эразма), возглавляемый в настоящее время Руутом Венховеном. URL: <https://worlddatabaseofhappiness.eur.nl/this-database/concept/>

⁸⁸ Dutch household survey - Датское обследование домохозяйств, в рамках которого ежегодно, начиная с 1993 г., собираются данные о 2000 голландских семьях. URL: <https://www.eui.eu/Research/Library/ResearchGuides/Economics/Statistics/DataPortal/DNB>

⁸⁹ World Values Survey - международная исследовательская программа, посвященная научному изучению социальных, политических, экономических, религиозных и культурных ценностей людей в мире, был начата в 1981 году его основателем и первым президентом (1981-2013) профессором Рональдом Инглхартом из Мичиганского университета (США) и его командой, и с тех пор работает более чем в 120 обществах мира. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org>

⁹⁰ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rhms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>)

При оценке аффективного компонента субъективного благополучия (ощущение счастья в данный момент времени) используются две методики: метод выборочной фиксации опыта и метод реконструкции дня. Метод выборочной фиксации опыта (*experience sampling method*) собирает информацию об опыте людей в режиме реального времени в их естественной среде обитания. Информанты получают запрограммированный таймер и специальный журнал. По сигналу таймера участники делают записи в журнале о своём текущем опыте, поведении и эмоциях в настоящий момент. По правилам исследования, участник опроса должен сделать запись именно в момент сигнала, а не позже, и именно в том месте, где он находится в это время (Чинакова, 2016.). Кроме того, важным условием является неосведомленность испытуемого относительно времени сигнала. В рамках метода реконструкции дня (*day reconstruction method - DRM*) людей просят восстановить свои действия (жизненные эпизоды) за предыдущий день (пробуждение, завтрак, работа, поход в кино и т. д.) и оценить чувства, испытываемые во время каждого из них (радость, грусть, страх и др.). Данный метод позволяет определять показатели гедонистического благополучия путем суммирования «счастья» по эпизодам (нервозность/взволнованность, грусть/подавленность, удовлетворение/ расслабленность, разочарование, нетерпение и др.), а также выявить время, проведенное в преимущественно позитивном и негативном аффективном состоянии (Dolan, 2015).

Анализируя формальные критерии в рамках ScR экономики счастья, обратим внимание на источники данных. В 13,8% публикаций использовались первичные данные, собранные непосредственно самими исследователями. Большинство таких исследователей в 93% случаев использовали опросы, в остальных – интервьюирование. В 86,2% публикаций использовались количественные данные, собранные ранее в рамках различных масштабных исследовательских проектов в разных странах мира (см. табл.13). Некоторые из исследований были полностью посвящены различным аспектам субъективного благополучия, а некоторые включали в себя отдельные вопросы, но могли быть посвящены другим темам. Использование данных из перечисленных источников

формировало большую достоверность и обоснованность выводам в связи с чем, что они были собраны в ходе лонгитюдных кросс-секционных и панельных исследований (23,3% и 21,4% соответственно были использованы в статьях итогового списка обзора).

Таблица 13 - Источники вторичных количественных данных в исследованиях субъективного благополучия

Международные исследования	
Страны Европы	Eurobarometer Survey European Values Study European Quality of Life Survey European Social Survey
Страны Азии	Asia Barometers
Страны Африки	Afro Barometers
Всемирные исследования	World Data base of Happiness International Social Survey Program World Values Surveys Gallup World Poll Happy Planet Index OECD Better Live Index World Happiness Report Pew Global Attitudes Survey
Страны Латинской Америки	Latinobarometer
Национальные исследования	
США	Americas Barometer General Social Surveys in the USA
Великобритания	British Household Panel Survey Census of UK population UK Household Longitudinal Study British Office for National Statistics English Longitudinal Study of Aging Annual Population Survey for the UK
Германия	German Socio-Economic Panel Glücksatlas
Россия	Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ
Китай	China Family Panel Studies Chinese General Social Survey Chinese Household Income Project The annual official household survey for China (by the National Bureau of Statistics)
Австралия	Household Income Labour Dynamics Australia
Голландия	Dutch Household Survey Netherlands Institute for Social Research Statistics Netherlands
Швейцария	Swiss Household Panel
Италия	Survey on Household Income and Wealth of the Bank of Italy
Эквадор	Employment survey of Ecuador conducted by the National Institute of Statistics and Census

Обработка и анализ данных в публикациях, безусловно, зависели от того, каким образом были собраны данные, от их типа, и поэтому использовались и качественные, и количественные методы. Что касается качественных методов, то применялись библиометрические методы. Наиболее популярным количественными методами являлся корреляционный анализ, который использовался для выявления силы и направления связи между уровнем субъективного благополучия индивида и отдельными факторами (общеэкономическими, демографическими, социальными, профессиональными, физиологическими и др.), а также регрессионный анализ для выявления степени влияния отдельных факторов (независимых переменных) на уровень субъективного благополучия (зависимую переменную). Также в большом количестве источников использовались такие методы как метод систематического обзора (например, метод PRISMA), мета-анализ данных.

Таким образом, обзор предметного поля (ScR) теории субъективного благополучия, представленный выше, может стать вкладом в общую работу исследователей, стремящихся своими усилиями явно или неявно к переходу нового научного направления экономики от «допарадигмального» к «парадигмальному» этапу развития – формированию самостоятельного научного знания.

Выводы к главе 2. Во-первых, в поисках доказательств самостоятельного существования нового экономического знания – субъективного благополучия, автором диссертационного исследования было предложено использовать один из инструментов исследовательского синтеза – «обзор предметного поля» (scoping review), который достаточно редко применяется в российских экономических исследованиях, но наилучшим образом подходит для укрепления позиций новой экономической теории. В рамках диссертационного исследования методика проведения обзора предметного поля (scoping review) была адаптирована и апробирована в соответствии вышеобозначенной задачей. Разработанная методика проведения обзора предметного поля (scoping review) субъективного благополучия включала в себя: 1) планирование (постановка

цели: определение границ предметного поля; формулировка вопроса исследования: создание ориентира для критериев включения/исключения; формирование оптимального состава участников и их инструктаж), 2) поиск и отбор информации (определение источников поиска: обоснованный выбор научных баз данных; установление критериев включения/исключения: разработка ключевых слов для автоматизированного поиска и критериев для полнотекстового анализа; отбор по критериям: формирование «воронки» исследовательского синтеза и итогового списка публикаций), 3) извлечение данных (создание инструмента извлечения: разработка структурированной электронной формы с индикаторами; пилотный этап: тестирование процесса извлечения данных несколькими исследователями с последующим согласованием; внесение информации в структурированную базу данных с кодированием), 4) анализ и обобщение результатов (описательная статистика и тематический анализ полученных данных: выявление ключевых трендов/фокусов/пробелов/недостаточно исследованных областей предметного поля). Разработанный структурированный четырехэтапный подход к анализу предметного поля (scoping review) субъективного благополучия обеспечил методологическую целостность при работе с неоднородными исследованиями. Применение адаптированной методики позволило осуществить научно обоснованный переход от массива более чем 200 тысяч публикаций к 210 ключевым работам, систематизировать используемые категории, концептуальные подходы к измерению, исследовательские фокусы и факторы, влияющие на субъективное благополучие.

Во-вторых, результатов обзора предметного поля (scoping review) позволяют, по мнению автора, выявить следующие конституирующие признаки теории субъективного благополучия как отдельной самостоятельной области научного познания.

1) Специфический категориальный аппарат (удовлетворенность жизнью, уровень счастья, удовлетворенность работой, удовлетворенность здоровьем, уровень счастья и др.), при этом принимается конструкт Динера Э. в

качестве базового определения субъективного благополучия, под которым понимается, во-первых, ежедневное эмоциональное восприятие текущих событий в жизни, которые могут как позитивными (*positive affect*), так и негативными (*negative affect*), во-вторых, оценка индивидом уровня счастья в соответствии со своими собственными критериями и/или уровнем достижения признанного в обществе стандарта счастливой жизни с учетом культурных ценностей и установок (*life satisfaction*)⁹¹.

2) Собственный предмет исследования - субъективное восприятие качества жизни: эмоциональное восприятие различных сфер жизни – «переживания в данный момент времени» и оценка или суждение о жизни (в целом или отдельных ее сфер) по прошествии времени.

3) Оригинальная методология измерения, основанная на субъективных самооценках индивидов (когнитивные и аффективные оценки) и предполагающая изучение влияния на субъективное благополучие как традиционных факторов, так и скрытых ненаблюдаемых факторов, связанных с индивидуальными различиями или изменениями, происходящими с индивидами с течением времени. При этом к традиционным факторам относятся: общеэкономические (доход, безработица и др.); демографические (образование, возраст, пол и др.), социальные (связи, культура, религия и др.), профессиональные (удовлетворенность работой, досуг и др.), физиологические (здоровье, генетические особенности и др.), обусловленные средой (экология, климат, погода, городская среда и др.), институциональные и политические (доверие, политические права и свободы, качество институтов и др.). А к скрытым ненаблюдаемым факторам, связанным с индивидуальными различиями или изменениями, относятся факторы личностного развития (цели, стремление, самооценка и др.), факторы, определяемыми значимыми событиями в жизни индивидов (развод, потеря близкого, наследство, свадьба и др.) и др.

⁹¹ Прим. автора. Далее в работе под субъективным благополучием будет пониматься именно такая его характеристика.

4) Уникальные причинно-следственные связи и закономерности, не объясняемые в рамках традиционных экономических теорий: взаимосвязь между субъективным благополучием и решениями индивида в области потребления (приобретения продуктов питания, расходы на одежды, траты на досуг, аренду, коммунальные расходы) и сбережения, уровнем счастья и успешностью поиска работы, удовлетворенностью работой, уровнем производительности труда, предпринимательской и инвестиционной активностью, а также влияние субъективного благополучия на уровень финансовой безопасности и нестабильности.

5) Наличие уникальных эмпирических феноменов – парадоксальных явлений, среди которых: «парадокс Истерлина» (отсутствие прямой корреляции между ростом национального дохода и уровнем счастья); эффект адаптации к бедности/богатству (тенденция адаптации к своему материальному положению: после значительного изменения дохода, как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения, уровень субъективного благополучия индивидов может резко изменяться, но затем постепенно возвращается к исходному состоянию); парадокс социального сравнения и эффект относительного дохода (индивид может быть объективно богатым, но чувствовать себя неудовлетворенным жизнью, если окружающие его люди располагают большим, по сравнению с ним, доходом; и наоборот, индивид с относительно низким доходом может быть счастлив, если его доход выше, чем у окружающих) и др. Эти эмпирические феномены имеют важное значение для понимания взаимосвязи между экономическими показателями и субъективным благополучием людей, а также для разработки более эффективной социально-экономической политики, направленной на повышение качества жизни населения.

3. ИЗМЕРЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В РФ⁹²

Недостатки измерения качества жизни в России, рассмотренные в первой главе, исследовательский синтез существующих мировых исследований в области субъективного благополучия – во второй главе, простимулировали автора диссертационного исследования, с одной стороны, апробировать принятые измерительные практики субъективного благополучия, а, с другой стороны, осуществить эмпирическую проверку и верификацию выводов относительно влияния тех или иных социально-экономических факторов на уровень субъективного благополучия в России. Это способствует поиску оптимального комплексного инструментария для использования в практике национальной оценки качества жизни, что, в свою очередь, может повысить эффективность принятых решений в области социально-экономических политик. Исследовательский конструкт включал в себя, во-первых, измерение аффективного и когнитивного компонентов субъективного благополучия; во-вторых, перечень факторов, имеющих как объективную, так и субъективную природу (представлен в таблице 10 в главе 2). В качестве эмпирической базы исследования использовались панельные данные Российского мониторинга экономического и социального положения (РМЭЗ НИУ ВШЭ). РМЭЗ НИУ ВШЭ представляет собой альтернативу государственной статистике и содержит микроэкономические данные (социально-экономические показатели, имеющие как объективную, так и субъективную природу), полученные на базе обследования по научно обоснованной национальной выборке⁹³. Обратим

⁹² Данная глава составлена по результатам, изложенным в публикации: Скачкова, Л. С. Индексы субъективного благополучия в оценке уровня счастья россиян / Л. С. Скачкова, О. Я. Герасимова, Д. Д. Кривошеева-Медянцева // Управленец. – 2024. – Т. 15, № 5. – С. 2–21. – DOI 10.29141/2218-5003-2024-15-5-1, выполненной по гранту РФФ 2023 – 2024, 23-28-00636, «Социально-экономические факторы счастья россиян» (рук. Скачкова Л.С.) в рамках конкурса «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами»

⁹³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>)

внимание на то, что эмпирический анализ проводился за период 2013–2022 гг. (за последние 10 лет).

3.1. Динамика индексов субъективного благополучия и анализ различий за период 2013–2022 гг.

В рамках данного параграфа представляются результаты *измерения уровня счастья россиян, в частности его аффективного и когнитивного компонентов, и выводы относительно того, в какую сторону (худшую или лучшую) изменялась жизнь россиян за последние 10 лет.*

Для реализации цели измерения субъективного благополучия россиян важно было решить следующие задачи: *во-первых*, сформировать исследовательский конструкт для отбора субъективных метрик из базы данных РМЭЗ НИУ ВШЭ; *во-вторых*, определить методику расчета индексов субъективного благополучия (аффективного и когнитивного); *в-третьих*, осуществить выбор факторов для анализа различий в изменении индексов счастья за выбранный период наблюдений.

Рассмотрим, каким образом решались указанные задачи. *Во-первых*, опираясь на результаты обзора предметного поля (глава 2), осуществлялся поиск сложившейся практике измерения метрикам опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ. Как правило, для измерения когнитивного компонента используются вопросы «В целом, насколько вы удовлетворены той жизнью, которую ведете?», «Учитывая все вместе взятое, в какой степени вы считаете себя счастливым человеком?», то есть предлагают в целом оценить свою жизнь. В Российском мониторинге экономического положения и здоровья населения есть сходный вопрос: «J65. Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?». Для измерения же аффективного компонента используются вопросы следующего типа: «Испытывали ли Вы следующие позитивные и негативные состояния в течение дня: улыбка/смех, удовольствие, гнев, печаль, беспокойство,

депрессия?» (то есть, «здесь и сейчас», «недавно»). В опроснике РМЭЗ НИУ ВШЭ используется вопрос: «M170 Скажите, пожалуйста, Вы счастливы?». В связи тем, что у информантов могли возникать неоднозначные реакции при ответе на данный вопрос (то есть индивид может рассуждать как когнитивно («оценка по прошествии времени»), так и аффективно («оценка «здесь и сейчас»)). В той связи эти два вопроса были протестированы с целью понимания того, что чувствуют, о чем думают люди при ответе на эти вопросы (опрошено 44 чел.), результаты этого небольшого опроса позволили авторам обосновать использование вопроса «M170» для оценки аффективного, а вопроса «J65» – когнитивного компонентов счастья россиян (табл. 14). В вопросах использовалась шкала Ликерта (например, «очень счастливы», «довольно счастливы», «скорее счастливы, чем не счастливы», «не очень счастливы», «совсем несчастливы»)

Таблица 14 – Индикаторы субъективного благополучия россиян на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ

ИНДИКАТОРЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ		
УРОВЕНЬ СЧАСТЬЯ (ЧЕЛОВЕК ЧУВСТВУЮЩИЙ)	Скажите, пожалуйста, Вы счастливы?	Аффективный уровень оценки СБ
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ (ЧЕЛОВЕК ОЦЕНИВАЮЩИЙ)	Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?	Когнитивный уровень оценки СБ

Во-вторых, индексы аффективного и когнитивного компонентов субъективного благополучия рассчитывались по следующей методике: *из доли положительных ответов респондентов (например, сумма долей ответов «очень счастливы» и «довольно счастливы») вычиталась доля отрицательных (сумма долей ответов «не очень счастливы» и «совсем несчастливы»)).* При этом доля нейтральных ответов не учитывалась («скорее счастливы, чем не счастливы»). Логично, что индекс должен колебаться в диапазоне от +100 % до – 100%, чем ближе значение индексов к +100%, тем выше уровень счастья (его аффективный или когнитивный компонент). Подобные методики расчета индексов используется ВЦИОМ, в частности, при расчете индексов

удовлетворенности жизнью, индекса счастья⁹⁴; при расчете индексов доверия: индекса потребительских ожиданий, индекса потребительского доверия и др. (Таханова и др., 2017); индексов удовлетворенности материальным положением (Клименко, Скачкова, 2020) и др.

В-третьих, достаточно любопытным является не просто замер и анализ динамики индексов за определенный период, но и *анализ различий в уровне счастья* в зависимости от социально-демографических факторов и некоторых факторов, которые, с точки зрения современной концепции счастья, представляются важными для сферы жизнедеятельности любого индивида, а именно: здоровье, работа, доход. И, в этой связи, в РМЭЗ НИУ ВШЭ был осуществлен поиск данных, которые могли бы реализовать данную идею. В таблице 15 представлен перечень этих факторов и вопросов, позволившим расширить идею измерения уровня счастья россиян. Важно также обратить внимание на то, что и для измерения значений факторов в РМЭЗ НИУ ВШЭ использовалась шкала Ликерта⁹⁵.

Таблица 15 – Факторы счастья россиян и их индикаторы (вопросы из взрослого опросника РМЭЗ НИУ ВШЭ)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ	
ПОЛ	H5. ПОЛ РЕСПОНДЕНТА
ВОЗРАСТ	AGE
ОБРАЗОВАНИЕ	DIPLOM
СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ/	J322. Состоите ли Вы в зарегистрированном браке?
НАЛИЧИЕ ДЕТЕЙ	J72.172. Сколько всего у Вас детей? J72.171. У Вас есть дети, родные или официально усыновленные
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ	
Удовлетворенность здоровьем	M3. Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете Ваше здоровье? Оно у Вас...
Удовлетворенность работой	J1.1.1. Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены Вашей работой в целом? J1.1.3. Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены оплатой Вашего труда
Удовлетворенность доходом	J66.1. Насколько Вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?

⁹⁴ Расчет индекса удовлетворенности жизнью ВЦИОМ. URL:<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring>; расчет индекса счастья ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja-monitoring>

⁹⁵ Например, «очень счастливы», «довольно счастливы», «скорее счастливы, чем не счастливы», «не очень счастливы», «совсем несчастливы».

Важно отметить, что анализ данных осуществлялся за период 2013–2022 гг. (за последние 10 лет), в связи с тем, что в более старых опросниках не всегда можно было встретить те вопросы, которые есть в новых (например, вопросы, связанные с удовлетворенностью работой). Однако было обнаружено, что данные по вопросу «М.170 Скажите, пожалуйста, Вы счастливы?» присутствуют только за 2016, 2017 гг. Что, безусловно, стало некоторым ограничением для проведения исследования, так как присутствовала идея не только измерения аффективного, и когнитивного компонента, но и их сравнении: в какой степени тот или иной компонент чувствителен по отношению к тому или иному фактору.

Обзор динамики индексов счастья россиян

Наименьшее значение индекса удовлетворенности жизнью (когнитивный индекс счастья) наблюдалось в 2016 г. (25%), а максимальное – в 2022 г. (34%). Несмотря на то, что за период 2013-2022 гг. индексы удовлетворенности жизнью демонстрировали *невысокие значения*, имел место значительный относительный прирост этого показателя, который составил 17%⁹⁶ (рис. 22). Обратим внимание на то, что с 2013 по 2016 гг. индекс снизился на 4%, а затем в 2017 г. поднялся до уровня 2013 г. Вероятно, снижение индекса удовлетворенности жизнью россиян было связано с ухудшением общей экономической ситуации, именно в этот период фиксируется экономический кризис в России (воссоединение с Крымом, введение санкций, удешевление рубля, раскручивание инфляционной спирали, значительное снижение реальных доходов населения и др.). В 2017 г. российская экономика адаптируется, происходит снижение инфляции, нефтезависимости рубля, рост реальных заработных плат и рост потребления, что, вполне логично и привело к росту удовлетворенности жизнью. Таким образом, можно предположить, что рост индекса субъективного благополучия также, как и рост объективных экономических показателей, являлся индикатором эффективности социально-экономических решений. И, вполне

⁹⁶ Расчет прироста индекса: $(34-29)/29*100\%=17\%$

вероятно, более высокое значение индекса в 2022 г. может свидетельствовать об успешности таких решений после 2017 г. Оценивая аффективный компонент СБ обратим внимание, во-первых, на его рост с 30% в 2016 г. до 33% в 2017 г.; а, во-вторых, на более высокие значения по сравнению с удовлетворенностью жизнью (превышение на 5% и 4% соответственно в 2016 г. и в 2017 г.).

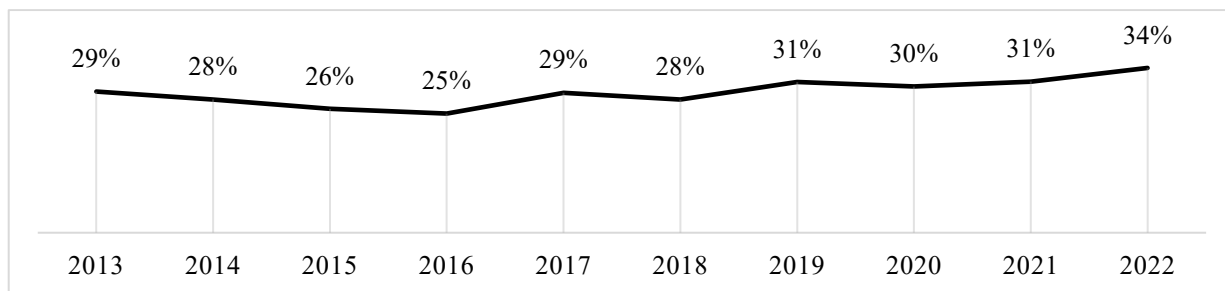

Рис. 22 - Индекс удовлетворенностью жизнью в РФ (когнитивный компонент субъективного благополучия), %

Однако данные расчеты значительно расходились с расчетами, проведенными ВЦИОМ (рис.23). На основе данных ВЦИОМ, удовлетворенность жизнью не падала, а стремительно росла: с 59% в 2013 г. до 70% в 2015 г. и 66% в 2016 г. Такое расхождение, вероятно, может быть связано с разным восприятием респондентами вопросов-индикаторов удовлетворенности жизнью. Вопросом, который используется ВЦИОМ («..в жизни всякое бывает...если говорить в целом...»), происходит в некотором смысле «настраивание» индивидов, то есть это нормально, когда «и хорошо, и плохо».

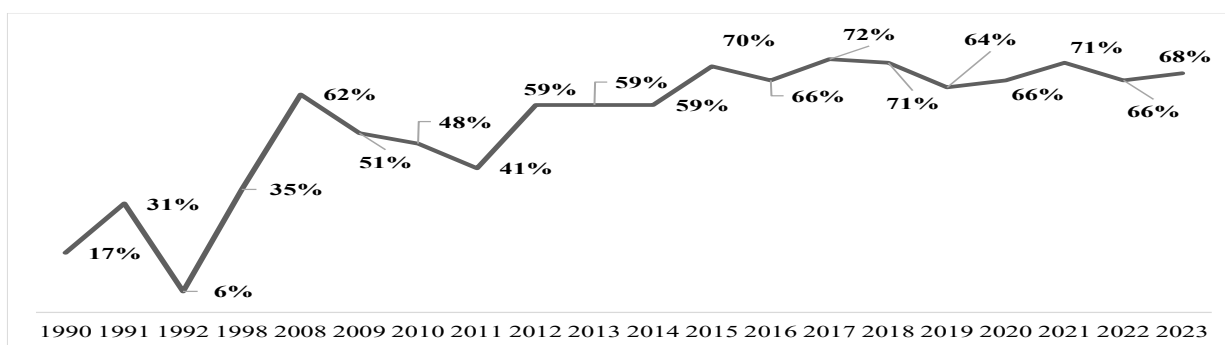

Рис. 23 - Индекс счастья РФ по опросу ВЦИОМ⁹⁷, %

Обнаружены различия в индексах счастья среди мужчин и женщин. Так, индекс удовлетворенности оказывался выше у мужчин, чем у женщин в течение 2013-2022 гг. (рис.24). Индекс счастья (аффективный компонент) был выше у мужчин на 10% (в 2016 г. – 36% и 26%, в 2017 г. – 39% и 29%). Кроме того, у мужчин значение показателей обоих компонентов субъективного благополучия всегда были выше, а у женщин - ниже общероссийских индексов счастья.

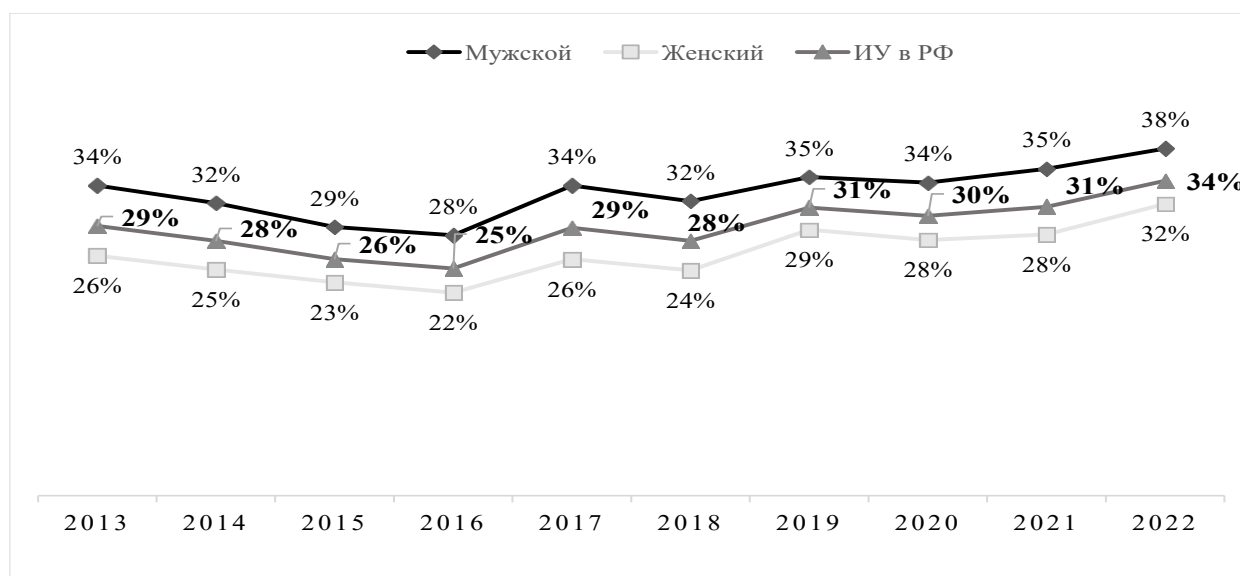

Рис. 24 - Динамика индекса удовлетворённости жизни (КогСБ) в зависимости от пола, %

Согласно данным последнего доклада ООН о счастье⁹⁸, во всем мире молодые люди в возрасте 15–24 лет более удовлетворены жизнью, чем пожилые. Однако, фиксируются межстрановые различия: в частности, в Северной Америке уровень счастья среди молодежи упал настолько резко, что сейчас они менее счастливы, чем люди старшего поколения. Напротив, в странах Центральной и Восточной Европы с переходной экономикой молодежь намного счастливее пожилых. В Западной Европе в целом уровень счастья одинаков во всех возрастных когортах, в то время как в других странах он имеет тенденцию к снижению на протяжении жизненного цикла (с периодическим подъемом у пожилых людей). Кроме того, в бывшем Советском Союзе и Восточной Азии

⁹⁸ Всемирный доклад о счастье – 2024. URL: <https://worldhappiness.report/ed/2024/happiness-and-age-summary/>

также наблюдался значительный рост уровня счастья в любом возрасте. Индекс удовлетворенности жизнью россиян снижался с увеличением возраста, и если в возрастных группах до 44 лет он был выше общероссийского индекса удовлетворенности, то, начиная, с 45 лет оказывался ниже него⁹⁹ (рис. 25). Выявлено, что в 2016 г. и 2017 г. динамика аффективного индекса счастья по возрастным группам соответствовала этим же тенденциям.

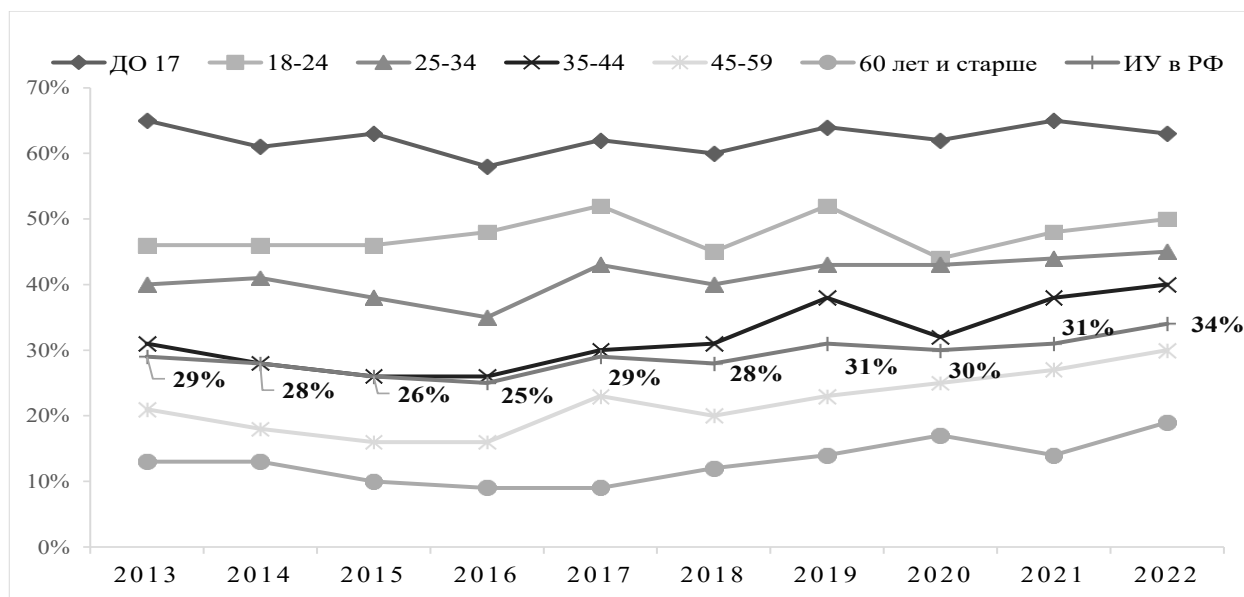

Рис. 25 - Индекс удовлетворенности жизнью (КогСБ) в возрастных группах, %

Разница между значениями индексов удовлетворенности самой молодой и самой старшей возрастных групп представлена на рисунке 26. В среднем лица моложе 17 лет в 2 раза были более удовлетворены жизнью, чем лица старше 60 лет за последние 10 лет. В большей степени наблюдалась разница значений показателя аффективного компонента счастья россиян в аналогичных возрастных группах: в 2016 г. – 60%, в 2017 г. – 57%.

⁹⁹ Возрастные категории выбраны, основываясь на классификации ВЦИОМ.

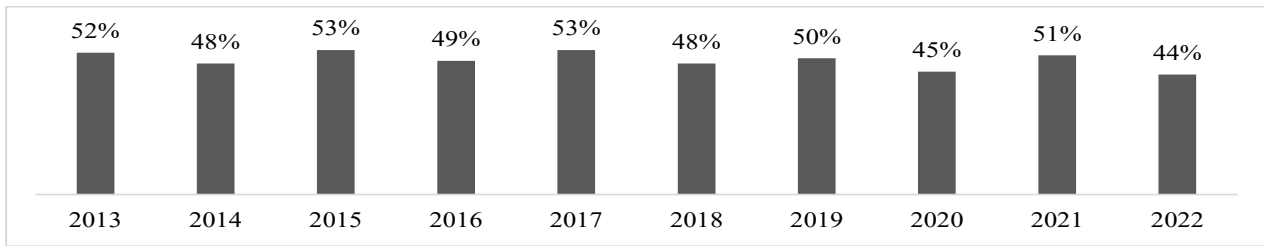

Рис. 26 - Разница между значениями индексов удовлетворенности жизнью (КогСБ) в возрастной группе младше 17 лет и старше 60 лет, %

Переход от анализа по возрастным группам к общему анализу изменчивости уровня счастья в зависимости от возраста, продемонстрировал солидарность с выводами ряда исследователей об U-образной зависимости этих двух категорий (Diener et al., 2018b; Dolan et al., 2012; Graham et al., 2017; Blanchflower, 2021). U-образная форма кривой субъективного благополучия демонстрирует следующее: по достижению возраста 40-50 лет уровень счастья значительно снижается и достигает своего минимума, а в ранней молодости и в старости уровень счастья максимальный. «Это связывается с тем, что в ранней молодости люди, как правило, полны энтузиазма, энергии и оптимизма, со временем, по мере роста ответственности и экономических обязательств уровень счастья снижается, а в зрелые годы люди развивают высокую адаптивность, приходят к состоянию принятия своей жизни, соответственно, уровень счастья снова возрастает» (Скачкова и др., 2023). Диаграммы рассеяния на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ продемонстрировали снижение уровня удовлетворенности жизнью с увеличением возраста, однако минимального значения этот уровень достигает не в 40-50 лет, а в промежутке от 63 до 73 лет, после этого наблюдается значительный рост, достигающий или превышающий уровень субъективного благополучия 14-летнего возраста (Приложение 2).

Другую зависимость демонстрирует диаграмма рассеяния аффективного компонента субъективного благополучия и возраста. На рисунке 27 визуализированы противоположные тенденции влияния возраста на различные компоненты счастья россиян. Если индекс удовлетворенности у лиц старше 73–

75 лет склонен был к возрастанию, то аффективный индекс счастья имел тенденцию к уменьшению.

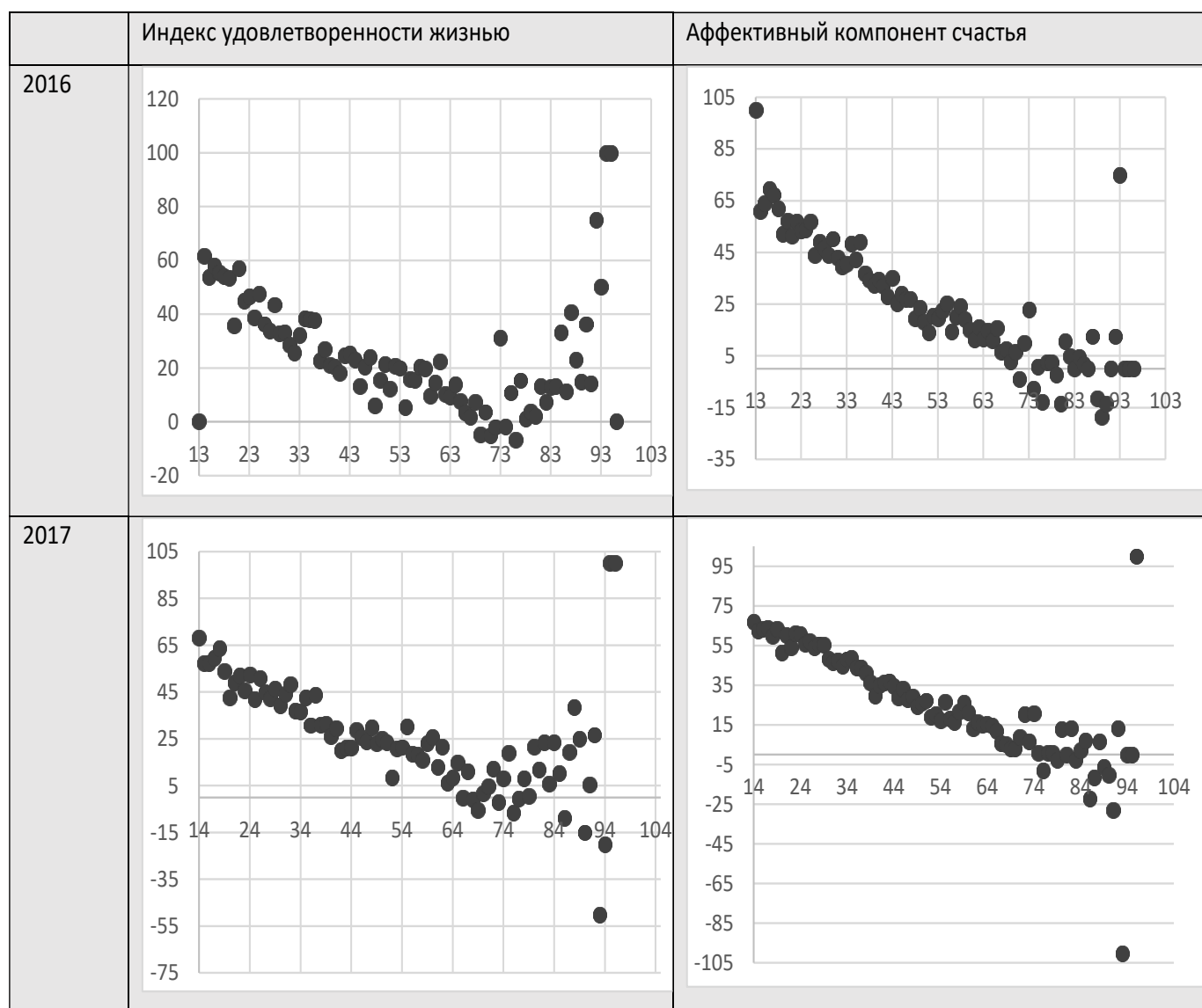

Рис. 27 - Влияние возраста на различные компоненты счастья россиян (КогСБ и АфСБ)

Некоторые исследования обнаруживают положительную связь между уровнем образования и субъективным благополучием (Helliwell, 2003; Clark, 2018). Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ с 2013 г. по 2022 г. наиболее удовлетворены жизнью лица с высшим образованием, показатель удовлетворенности этой группы населения выше общероссийского индекса.

Интересно, что в 2021 и 2022 гг. индекс КоГСБ лиц с законченным среднеспециальным и незаконченным средним образованием практически совпал со средним индексом по стране (рис. 28). Возможно, рост индекса удовлетворенности жизнью у лиц с незаконченным средним образованием мог быть вызван улучшением уровня благосостояния (ростом заработной платы, ростом доходов). Вследствие роста дефицита трудовых ресурсов растет спрос не только на лиц с законченным образованием, но и на лиц с более низкой квалификацией.

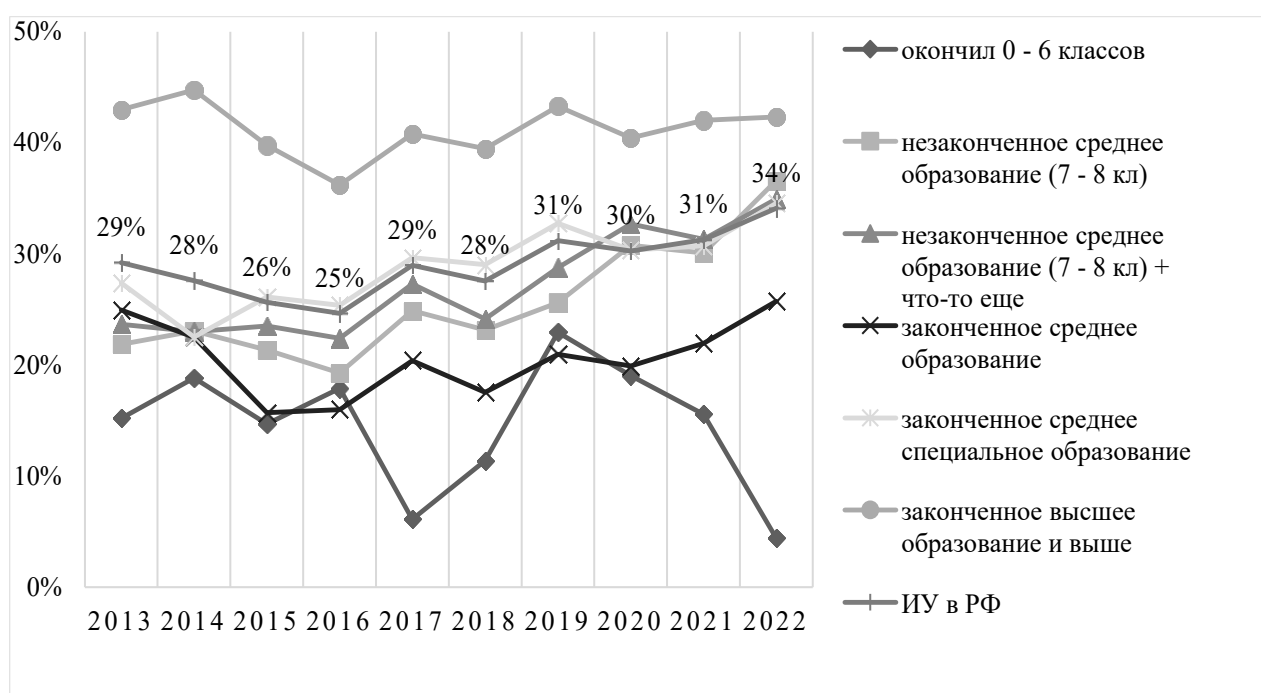

Рис. 28 - Динамика индекса удовлетворенности жизнью (КоГСБ) в зависимости от уровня образования, %

В исследованиях различных авторов выявлено, что пребывание в браке связано с самым высоким уровнем субъективного благополучия, а раздельное проживание - с самым низким, даже ниже, чем развод или вдовство (Илюхин и др., 2018; Luhmann et al., 2012). Однако согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, наибольшее значение индекса удовлетворенности жизнью прослеживается у лиц, состоящих в первом браке и лиц, никогда не состоявших в браке (рис. 29). Индекс удовлетворенности у лиц, никогда не состоящих в браке, а также в

первом и повторном зарегистрированном браке оказался выше общероссийского показателя.

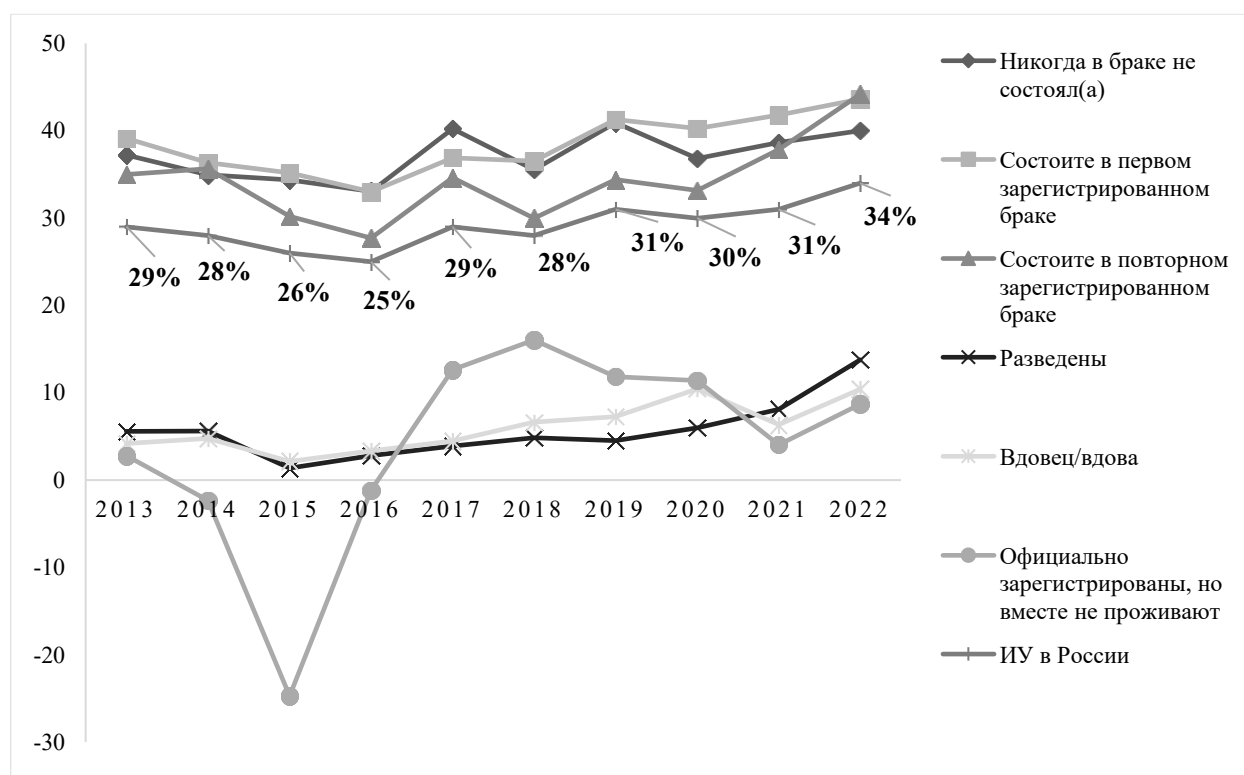

Рис. 29 - Индекс удовлетворенности жизнью россиян (КогСБ) в зависимости от семейного положения, %

Данные о влиянии наличия детей на субъективное благополучия неоднозначны и различаются в зависимости от методов измерения и страны. В некоторых публикациях предлагаются результаты большей вероятности положительной связи между детьми и удовлетворенностью жизнью в случае соответствия дохода составу домохозяйства (Dolan et al., 2008; Keldenich, 2022). В рамках авторского исследования было выявлено, что индекс удовлетворенности жизнью выше у лиц, не имевших детей. Данный показатель выше общероссийского индекса, а также индекса удовлетворенности лиц, имеющих детей. Кроме того, индекс удовлетворенности лиц, имеющих детей ниже общероссийского уровня (рис. 30).

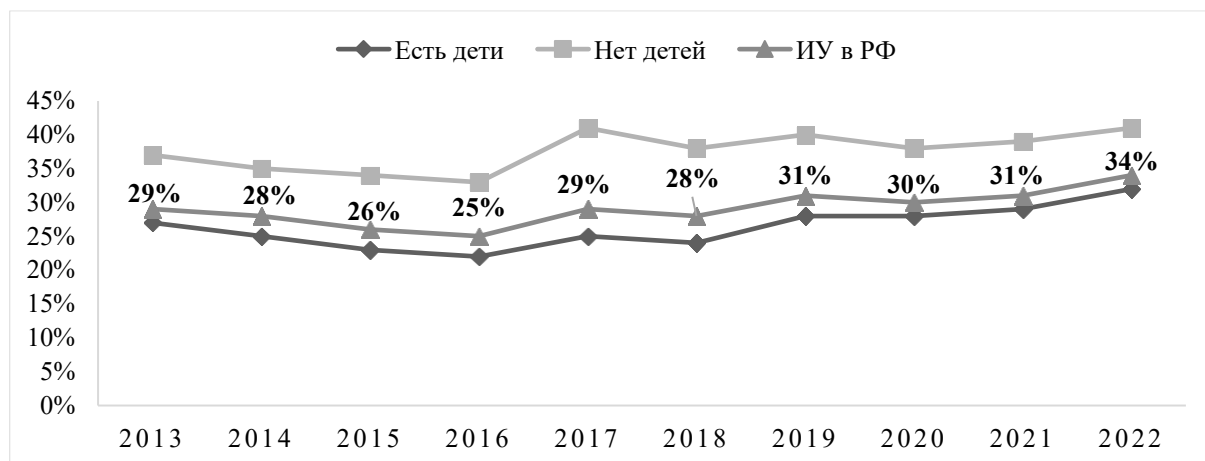

Рис. 30 -Динамика индекса удовлетворенности жизнью (КогСБ) в зависимости от наличия детей, %

Индекс удовлетворенности жизнью выше у лиц, имеющих 2-х, 3-х и более детей по сравнению с теми, у кого один ребенок. Только в 2014 году у последней группы индекс удовлетворенности был выше, чем в многодетных семьях. Но у всех групп, имеющих детей он ниже, чем общероссийский показатель. А самыми неудовлетворенными жизнью из этой категории являлись лица с одним ребенком (рис. 31).

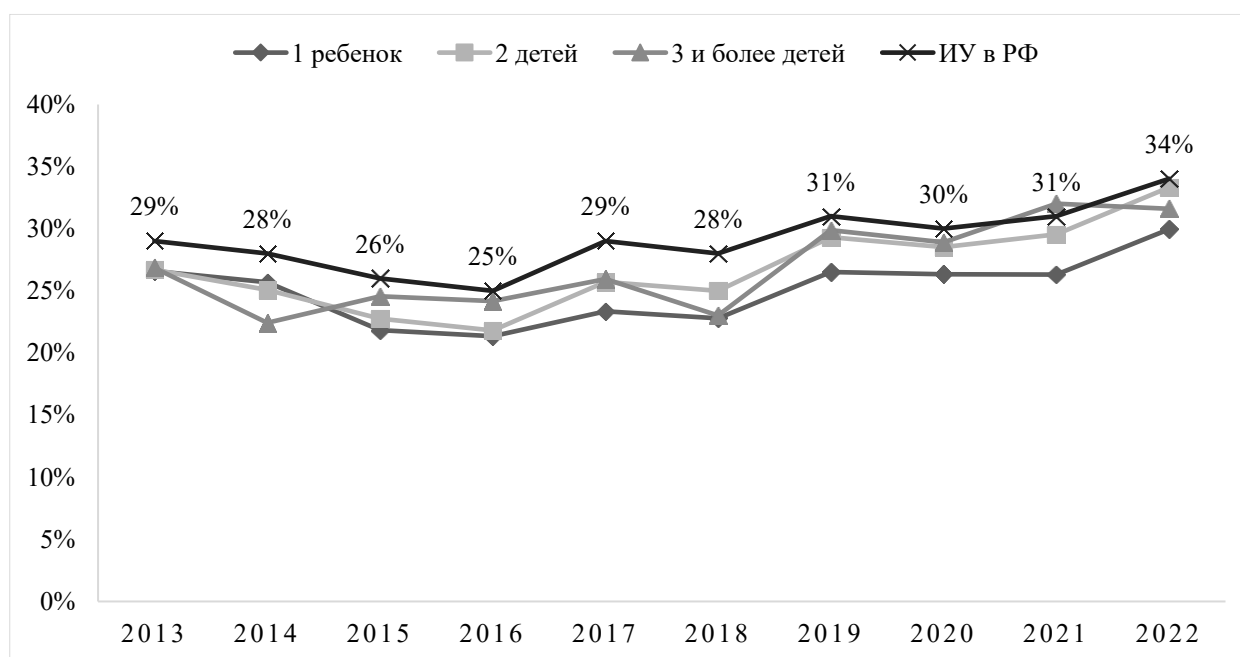

Рис. 31 - Динамика индекса удовлетворенности жизнью (КогСБ) в зависимости от количества детей, %

Разница между максимальным и минимальным значением индекса удовлетворенности в зависимости от наличия или отсутствия детей представлена на рисунке 32. В среднем с 2013 по 2022 г. она составляла 11%.

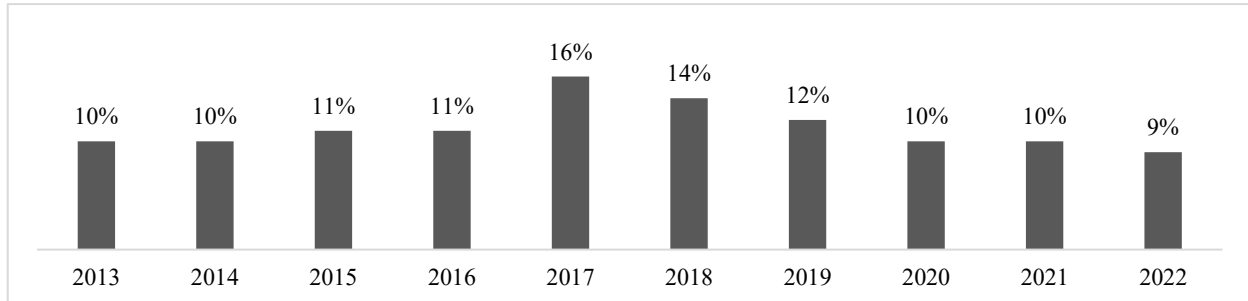

Рис. 32 - Разница между значениями индексов удовлетворенности жизнью (КогСб) в зависимости от наличия или отсутствия детей, %

Кроме того, выявлено что в 2016 г. и 2017 г. разброс между максимальным и минимальным значением аффективного индекса счастья составлял 2% и 5% соответственно, а удовлетворенности жизнью 11% и 16%. То есть, наличие детей оказывало незначительное влияние на аффективный компонент счастья, но имело большее влияние на удовлетворенность жизнью. Это согласуется с теорией о том, что дети накладывают ограничения на ежедневные положительные эмоции, но, тем не менее, люди считают их важной частью своего общего благополучия.

В исследованиях различных ученых доказана сильная связь между уровнем субъективного благополучия, физическим и психологическим здоровьем (Solanes et al., 2021; Dacanay, 2018; Van Praag et al., 2003; Graham, 2008). В рамках данного исследования использовались субъективные оценки здоровья, а именно - статистика ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете Ваше здоровье?»¹⁰⁰ (рис. 33). Обратим внимание, что за десятилетний период доля респондентов, которые оценивали свое здоровье как

¹⁰⁰ При ответе на данный вопрос использовалась шкала Ликерта: «Очень хорошее», «Хорошее», «Среднее», «не хорошее, но и не плохое», «Плохое», «Совсем плохое».

«плохое или совсем плохое» практически не изменялась (от 8,9 до 11,3%), а, начиная, с 2018 г. начала снижаться и этот тренд сохранялся до 2022 г.

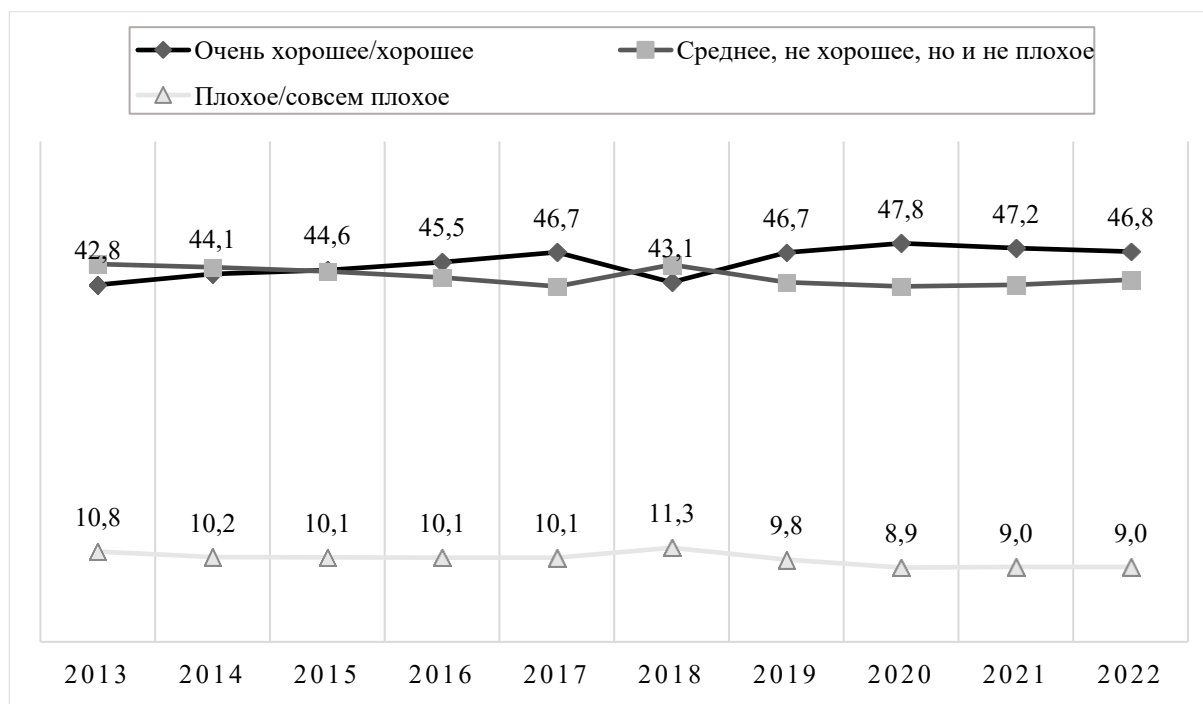

Рис. 33 – Динамика субъективных оценок здоровья (по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ), %

Информанты с плохим или совсем плохим здоровьем оказались в значительной степени неудовлетворенными своей жизнью, что демонстрировали индексы счастья, имевшие только отрицательные значения за рассматриваемый период. Наиболее удовлетворёнными жизнью были лица с очень хорошим или хорошим здоровьем, и в этом случае когнитивные индексы счастья значительно превышали средние показатели (в среднем в 1,5–2 раза) (рис. 34). Аффективные индексы счастья еще в большей степени оказались чувствительны к уровню здоровья индивида: разброс между максимальным и минимальным значением индекса счастья составлял 127 пп. и 116 пп. соответственно в 2016 и 2017 гг.

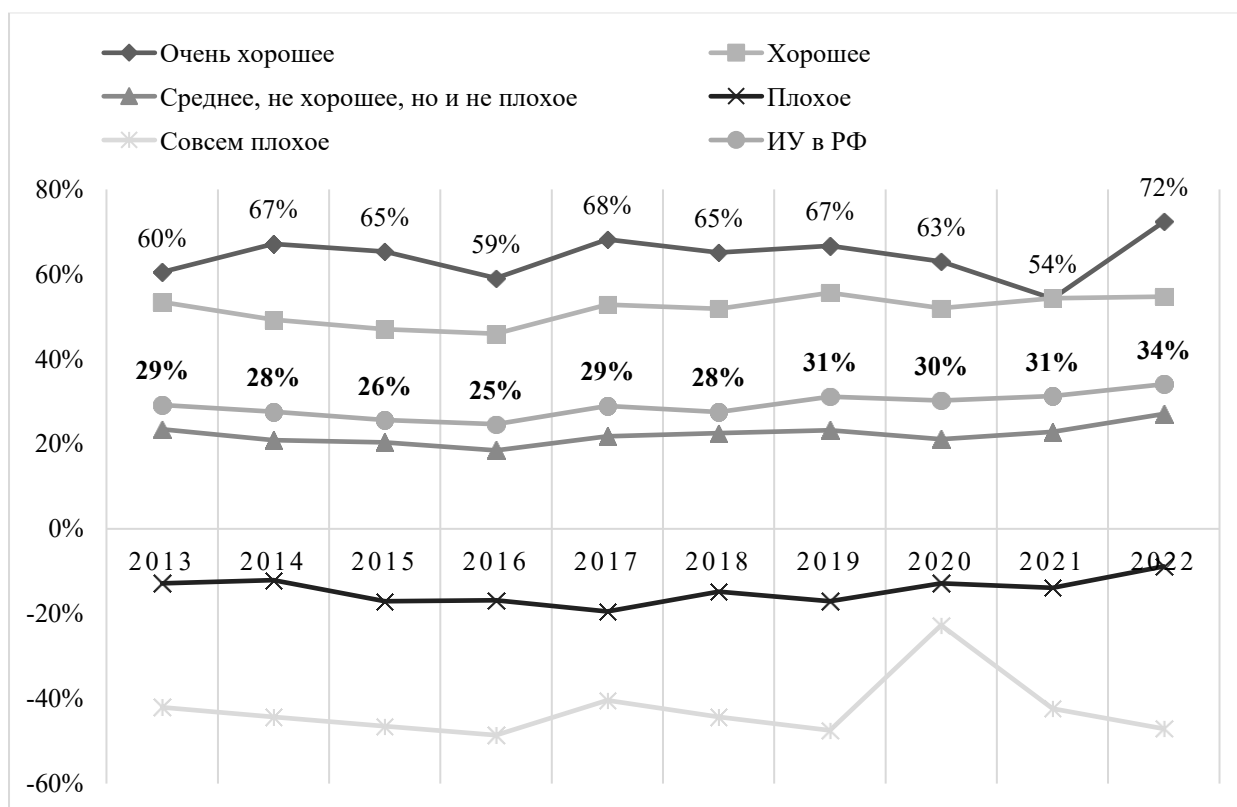

Рис. 34 - Динамика индекса удовлетворенности жизнью (КогСб) в зависимости от удовлетворенности здоровьем, %

Используя аналогичную методику расчета индексов счастья (разница между положительными и отрицательными ответами респондентов) были проведены измерения индексов удовлетворенности работой, оплатой труда и материальным положением (рис.35). Последний индекс демонстрировал значительную отрицательную динамику, индекс удовлетворенности оплатой труда до 2017 г. также был отрицательным, но, начиная с 2020 г. начал расти и уже в 2022 г. составил 13,7%, что в 5 раз больше, чем 10 лет назад. Динамика этих двух индексов свидетельствует о том, что количество информантов, недовольных оплатой труда и своим материальным положением значительно превышала тех, кто был доволен этими показателями качества жизни. А если обратиться к официальной статистике изменения уровня заработной платы в целом по экономике (рис. 36), то обнаруживается достаточно позитивная динамика роста уровня жизни. Таким образом, за последние 10 лет заработная плата выросла более, чем в 2 раза, а уровень удовлетворенности ею, а также

материальным положением оставался на достаточно низком уровне. Такие противоречия, по мнению авторов, формируют дополнительные аргументы в копилку обоснования необходимости использования субъективных показателей в оценке социально-экономического прогресса, так как оценка, опирающаяся только на объективные индикаторы, может существенно исказить реальный уровень качества жизни населения в целом.

Обратим внимание также на то, что при низких значения индексов удовлетворенности оплатой труда и материального положения уровень удовлетворенности работой имел достаточно высокие значения. Например, в 2013 г. разница между уровнем удовлетворенности работой и оплатой труда составляла 58,4 пп., а в 2022 г. – 57,6 пп., то есть за десятилетний период практически не изменилась. Такая разница между индексами может означать, что, безусловно, присутствуют иные факторы, помимо заработной платы, влияющие на уровень удовлетворенности работой в целом.

Рис. 35 - Динамика индексов удовлетворенности работой, оплатой труда и материальным положением, %

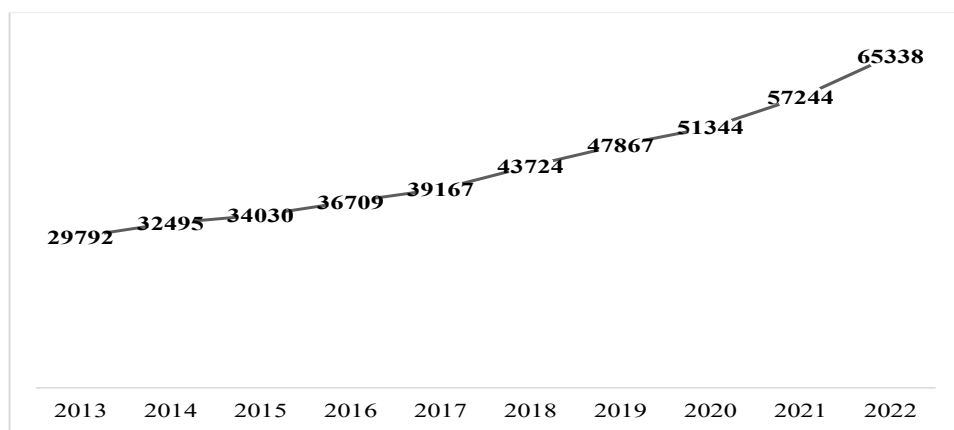

Рис. 36 - Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации в 2013-2022 гг.¹⁰¹

Совершенно логично, что индекс удовлетворенности жизнью оказался выше у лиц, полностью и частично удовлетворенных работой, вместе с тем у тех, кто совсем не удовлетворен работой данный индекс демонстрировал отрицательные значения (рис. 37). То есть, в случае неудовлетворенности работой люди ощущают себя предельно несчастными. Среднее значение разницы между максимальным и минимальным значением индекса удовлетворенности работой за 2013–2022 гг. составляло 88%. При этом выявлено, что индекс счастья менее чувствителен к удовлетворенности работой, так как разница между его максимальным и минимальным значением в 2016 и 2017 гг. составила 56% и 60% соответственно (против 84% и 95% индекса удовлетворенности жизни).

¹⁰¹Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики:
https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

Рис. 37 - Динамика индекса удовлетворенности жизнью в зависимости от уровня удовлетворенности работой, %

Рис. 38 - Изменение когнитивного индекса удовлетворенности жизнью в зависимости от степени удовлетворенности оплатой труда, %

Рис. 39 - Изменение индекса удовлетворенности жизнью в зависимости от степени удовлетворенности материальным положением, %

Также выявлено, что чем выше удовлетворенность оплатой труда, тем выше индекс удовлетворенности жизнью (рис. 38). Разница между уровнем удовлетворенности жизнью тех, кто полностью удовлетворен и тех, кто совсем не удовлетворен оплатой труда за анализируемый десятилетний период в среднем составила 73%. Аффективный индекс счастья в меньшей степени зависит от субъективной оценки оплаты труда, так как разница между его максимальным и минимальным значением в 2016 и 2017 гг. составила 51% и 41% соответственно. Однако, остальные тенденции изменения обоих компонентов субъективного благополучия в зависимости от оплаты труда также схожи (чем она выше, тем выше рассчитанные индексы). Но отметим, что в случае с удовлетворенностью оплатой труда индексы не всегда принимали отрицательные значения (рис. 39), а если и принимали, то были минимальные по сравнению со случаем анализа удовлетворенности работой в целом (рис. 44). Это также может означать воздействие других факторов, связанных с работой, существенно влияющие на уровень субъективного благополучия, что, безусловно, объясняет и обосновывает необходимость использования различных инструментов мотивации (помимо заработной платы) в современных организациях. Худшее восприятие своего текущего финансового положения

обычно связано с более низкой удовлетворенностью жизнью (Tau et al., 2017; Ngamaba et al., 2020; García-Mata et al., 2022). Данное утверждение также подтверждено и авторскими расчетами (рис.46).

Выводы. Опираясь на данные Российского мониторинга социально-экономического положения и состояния здоровья населения НИУ ВШЭ за период 2013–2022 гг., был проведен анализ динамики изменения индексов субъективного благополучия в целом по РФ, проанализированы различия в изменении индексов в зависимости от социально-демографических факторов, а также уровня субъективной оценки индивидами своего здоровья, работы и материального положения.

Для измерения уровня субъективного благополучия или уровня счастья россиян были использованы два показателя, позволившие, с одной стороны, оценивать текущее эмоциональное восприятие своей жизнедеятельности (аффективный компонент СБ), а, с другой стороны, оценивать в целом свою жизнь по прошествии времени, «насколько она удалась или не удалась» (когнитивный компонент СБ).

Значение индексов СБ колебалось в диапазоне от +100 % до –100%, чем ближе значение индексов к +100%, тем выше уровень счастья. Анализ результатов измерения различных компонентов счастья россиян позволил сформулировать следующие выводы.

Во-первых, наименьшее значение индекса удовлетворенности жизнью (когнитивный индекс счастья) наблюдалось в 2016 г. (25%), а максимальное – в 2022 г. (34%). Значение аффективного индекса счастья (ощущение счастья «здесь и сейчас») оказалось выше по сравнению с уровнем когнитивной оценки своей жизни.

Во-вторых, обнаружены различия в том, в какой степени принадлежность к полу, возрасту, наличие того или иного уровня образования, регион проживания, уровень здоровья, удовлетворенность работой в целом, оплатой труда и материальным положением влияют на значение и динамику индексов счастья россиян (КогСБ и АфСБ). А именно:

1) Индексы счастья россиян выше среди мужского населения, при этом уровень аффективного компонента счастья россиян оказался более чувствителен к гендеру по сравнению индексом удовлетворенности жизнью. Кроме того, у мужчин значение показателей обоих компонентов СБ всегда были выше, а у женщин - ниже общероссийских индексов счастья.

2) Индекс удовлетворенности жизнью россиян снижался с увеличением возраста: в группах до 44 лет был выше общероссийских значений, а, начиная, с 45 лет оказывался ниже. Минимального значения этот уровень достигал в промежутке от 63 до 73 лет, после этого наблюдался значительный рост, достигающий или превышающий уровень субъективного благополучия информантов 14-летнего возраста. И если индекс КогСБ у лиц старше 73–75 лет склонен был к возрастанию, то аффективный индекс счастья имел тенденцию к уменьшению.

3) Наиболее удовлетворены жизнью лица с высшим образованием, показатель удовлетворенности этой группы населения выше общероссийского индекса. В 2021 и 2022 гг. индекс счастья (КогСБ) у информантов с законченным среднеспециальным и незаконченным средним образованием практически совпал со средним индексом по стране. Предположительно рост индекса удовлетворенности жизнью у лиц с незаконченным средним образованием мог быть вызван улучшением их уровня благосостояния (ростом заработной платы, ростом доходов), так как вследствие роста дефицита трудовых ресурсов вырос спрос не только на лиц с законченным образованием, но и на лиц с более низкой квалификацией.

4) Индексы счастья различаются в зависимости от семейного положения и наличия детей. Наибольшее значение индекса удовлетворенности жизнью (КогСБ) прослеживается у лиц, состоящих в первом браке и лиц, никогда не состоявших в браке, а также у лиц, не имевших детей. Последний показатель выше общероссийского индекса, а также индекса удовлетворенности лиц, имеющих детей. Наличие детей оказывало незначительное влияние на аффективный компонент счастья по сравнению с уровнем удовлетворенности

жизнью. Это согласуется с теорией о том, что дети накладывают ограничения на ежедневные положительные эмоции, но, тем не менее, люди считают их важной частью своего общего благополучия.

5) Обнаружена большая разница в значениях индексов удовлетворенности жизнью среди информантов с плохим/совсем плохим и с очень хорошим/хорошим здоровьем. В первой группе индексы имели только отрицательные значения (минимальное значение – «-49%», максимальное – «-23» за рассматриваемый период). Во второй же группе когнитивные индексы счастья значительно превышали среднероссийские показатели (в среднем в 1,5–2 раза). Аффективные индексы счастья еще в большей степени оказались чувствительны к уровню здоровья индивидов.

6) За 10-летний период (2013–2022 гг.) уровень удовлетворенности оплатой труда и материальным положением всегда оставался на низком уровне, последний показатель фиксируется за этот период только отрицательными значениями: разброс от «-40,4%» до «-26,1%». При этом уровень жизни в целом по экономике РФ неуклонно рос: за последние 10 лет заработная плата выросла более, чем в 2 раза. Таким образом, использование только объективных показателей для оценки качества и уровня жизни может существенно исказить реальное положение дел в экономике и чревато ошибками в принятии социально-экономических решений. Однако при низких значения индексов удовлетворенности оплатой труда и материального положения уровень удовлетворенности работой имел достаточно высокие значения (в 2013 г. разница между этими показателями составляла 58,4 пп., а в 2022 г. – 57,6 пп.), что косвенным образом свидетельствует о том, что, безусловно, присутствуют иные факторы, помимо заработной платы, влияющие на уровень удовлетворенности работой в целом.

7) В случае неудовлетворенности работой люди ощущали себя предельно несчастными. Среднее значение разницы между максимальным и минимальным значениями индекса удовлетворенности жизнью в зависимости от удовлетворенности работой за 2013–2022 гг. составляло 88%. Напротив, индекс

аффективного счастья оказался менее чувствителен к удовлетворенности работой (разница между его максимальным и минимальным значением в 2016 и 2017 гг. составила 56% и 60%). Обнаружено, что чем выше удовлетворенность оплатой труда, тем выше индекс удовлетворенности жизнью. Аффективный индекс счастья в меньшей степени оказался зависим от субъективной оценки оплаты труда. Худшее восприятие своего материального положения также оказалось связано с более низкой удовлетворенностью жизнью.

Опираясь на полученные результаты, авторы подтвердили выводы существующих исследований относительно факторов, влияющих на различные компоненты субъективного благополучия, среди которых не только, традиционные «объективные» (уровень дохода, уровень заработной платы, социально-демографические характеристики), но и «субъективные» переменные, а именно субъективные оценки здоровья, удовлетворенности работой, оплатой труда и материальным положением. Новый подход к измерению благополучия населения, связанный с субъективными оценками в целом своей жизни и отдельных ее аспектов, позволяет своевременно реагировать на те «провалы» в социально-экономическом развитии, которые не всегда учитываются при использовании традиционных показателей. Все указанные факторы имели различную степень воздействия, что формирует предпосылки для продолжения исследования в направлении более доказательной аргументации о наличии, направленности и степени воздействия «объективных» и «субъективных» переменных на уровень субъективного благополучия. Использование субъективных показателей оценки качества жизни, таких как когнитивные и аффективные индексы счастья, безусловно, *позволяет формировать многомерную и комплексную оценку эффективности решений в области управления качеством жизни россиян.*

3.2. Диагностика устойчивости сегмента «полностью удовлетворенных» и «очень счастливых» россиян¹⁰²

В предыдущем параграфе на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения был продемонстрирован тренд *невысокого роста уровня субъективного благополучия (как когнитивного, так и аффективного его компонентов) за период 2013–2022 гг.* (рис. 29 из предыдущего параграфа). Индексы аффективного компонента субъективного благополучия оказывались немного выше, чем индексы удовлетворенности жизнью, и в целом повторяли тенденцию невысокого уровня, стабильности и небольшого роста (рис. 40).

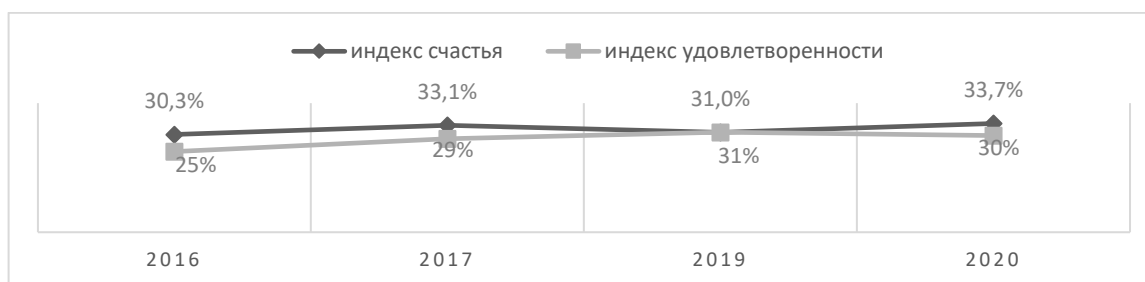

Рис. 40 – Динамика индексов субъективного благополучия (удовлетворенности и счастья) в РФ¹⁰³

По данным ВЦИОМ, *уровень счастья как минимум в 2 и более раз превышал индексы субъективного благополучия, рассчитанные по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ¹⁰⁴.* Вероятно, такое расхождение связано с используемыми метриками (вопросами и измерительными шкалами).

¹⁰² Данный параграф составлен по материалам совместного исследования с другими авторами, изложенными в статье: Скачкова С.Л., Клименко Л.В., Герасимова О.Я., Кривошеева-Медянцева Д.Д. (2024). Благополучные люди в России: роль экономического и социального капитала // Journal of Institutional Studies 16(3): 126–146. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.3.126-146

¹⁰³ Составлено по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ. На данном рисунке используются только данные 4-х лет, в связи с тем, что только они были открыты к моменту проведения исследования.

¹⁰⁴ Данные расчетов индекса счастья ВЦИОМ: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-18042024>

Если обратиться к опросу Gallup World Poll (Всемирный отчет по счастью)¹⁰⁵, удовлетворенность жизнью в России за период 2011–2023 гг. изменилась на 0,5 пп. (в 2011 г. – 5,28 из 10 пп., в 2023 – 5,78 пп.); по интегрированным данным WVS (Всемирного исследования ценностей) и EVS (Европейского исследования ценностей)¹⁰⁶, доля счастливых людей в России с 1993 по 2022 гг. увеличилась на 32,2 пп.: в 1993 г. – 47,2%, в 2022 г. – 79,4%¹⁰⁷. При этом за последние 10 лет случились и экономические, геополитические и эпидемиологические кризисы: пандемия коронавирусной инфекции, межстрановые и региональные военные конфликты и др. Но вместе с тем, уровень субъективного благополучия оставался стабильным. *Означает ли это, что различные внешние социально-экономические катаклизмы не влияли на социально-экономическое самочувствие индивидов или есть некий механизм адаптации к ним?* По сути, одной из функций экономической науки вместе со стремлением к максимизации целевой функции и должна быть функция поиска оптимальных мер для адаптации индивидов к постоянно меняющимся социально-экономическим условиям. Как утверждал Т. Веблен, «развитие институтов человеческого общества и природы человека, как и достигнутый в этом плане прогресс, можно в общих чертах свести к естественному отбору наиболее приспособленного образа мысли и процессу вынужденного приспособления индивидов к окружению, постепенно изменяющемуся с развитием общества и социальных институтов, в условиях которых протекает человеческая жизнь» (Веблен: 13, 1984). Иными словами, речь идет об адаптации индивидов к новым социально-экономическим условиям. *Неизменность того или иного иной уровня субъективного благополучия индивидов в течение*

¹⁰⁵ Статистика ответов по вопросу: «Представьте себе лестницу со ступенями, пронумерованными от 0 внизу до 10 вверху. Верх лестницы представляет для вас лучшую возможную жизнь, а низ лестницы представляет для вас худшую жизнь. На какой ступеньке лестницы, по вашему мнению, вы лично находитесь в настоящее время?»

¹⁰⁶ Доля респондентов, ответивших, что они «очень счастливы» или «скорее счастливы» на вопрос «Если взять все вместе, было бы ты говоришь, что ты...?»

¹⁰⁷ Esteban Ortiz-Ospina and Max Roser (2017) - "Happiness and Life Satisfaction" Published online at OurWorldInData.org. Retrieved from: <https://ourworldindata.org/happiness-and-life-satisfaction>

определенного периода времени может свидетельствовать об адаптации к тем или иным условиям социально-экономического развития.

Дальнейший анализ привел к обнаружению следующего: практически во всех рассмотренных опросах удельный вес «полностью удовлетворенных», либо «очень счастливых» людей в России за последние 10 лет оказался достаточно устойчив по численности вне зависимости от используемой измерительной шкалы (см. рис. 41,42,43).

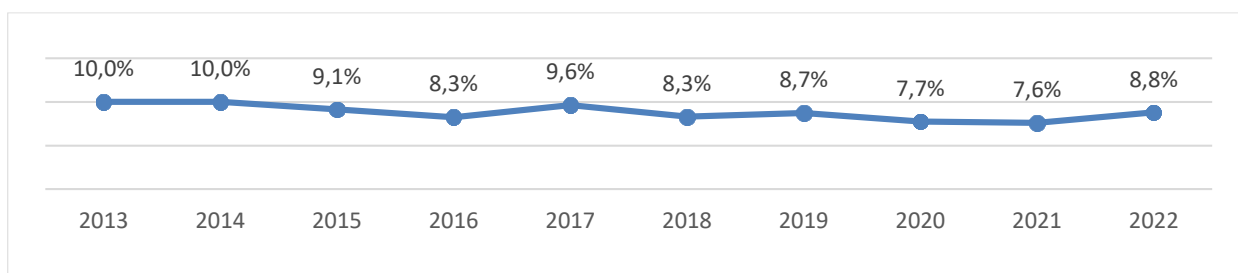

Рис. 41 – «Полностью удовлетворенные» жизнью респонденты¹⁰⁸, %

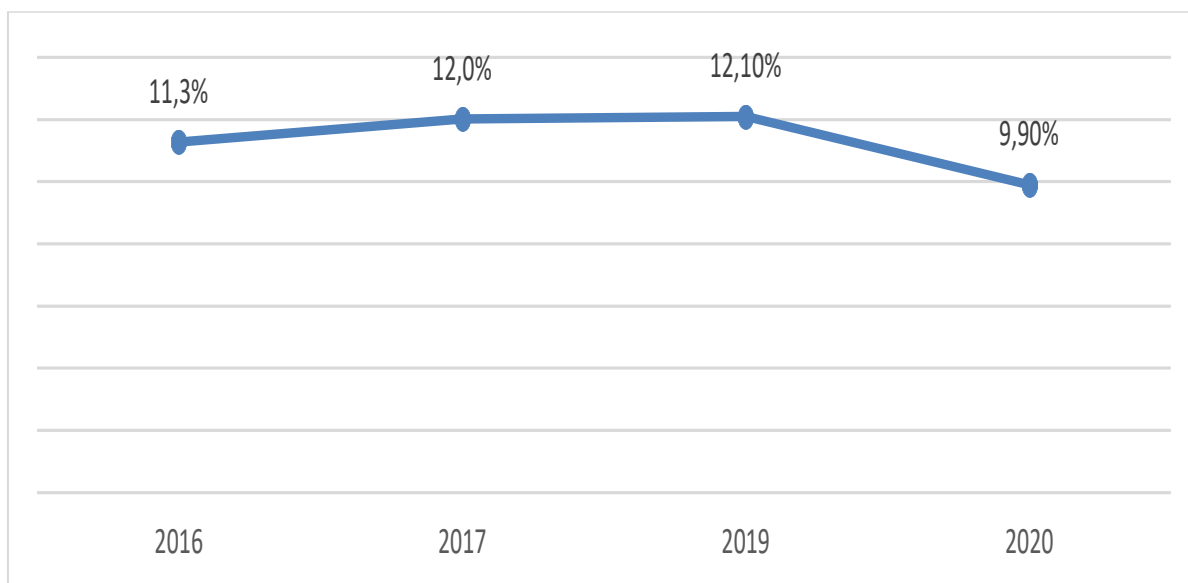

Рис. 42 – «Очень счастливые» респондентов¹⁰⁹, %

¹⁰⁸ Составлено автором по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

¹⁰⁹ Составлено автором по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

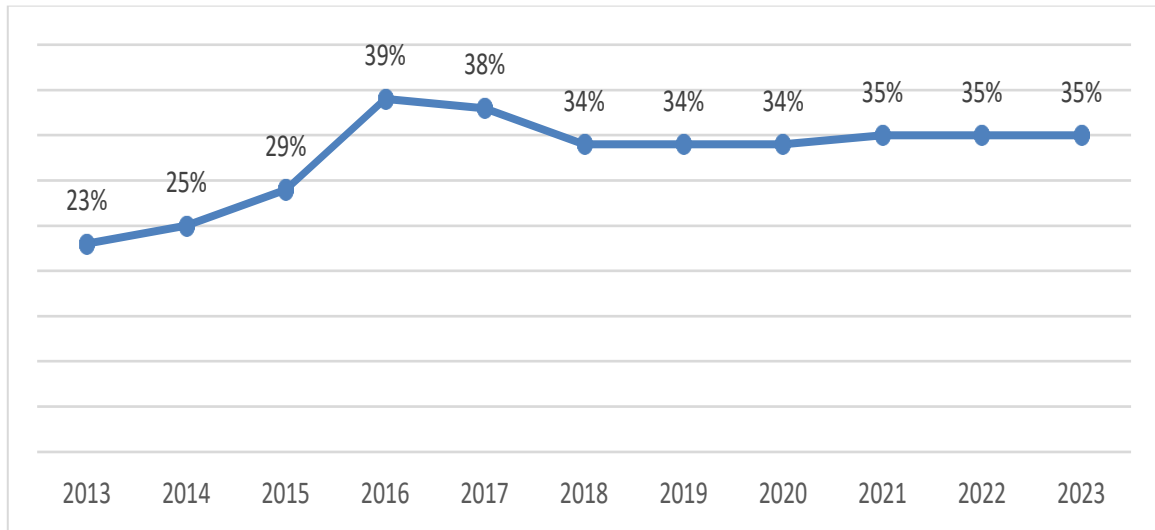

Рис. 43 – «Определенно счастливые» респонденты (по данным ВЦИОМ)¹¹⁰, %

Динамика численности «полностью удовлетворенных» жизнью респондентов колебалась незначительно в пределах 7,6–10 % за последние 10 лет; численность «очень счастливых» - 9,9–12,1%. То есть, колебания в 2,4 пп. и 3,2 пп. свидетельствуют о том, что в течение последних 10 лет одна десятая респондентов демонстрировала поразительную устойчивость к негативному воздействию внешней среды. Подобная устойчивость также продемонстрирована полстером ВЦИОМ, начиная с 2016 г. по 2023 г. колебания также были минимальными и составили 4%. В этой связи возникала идея диагностики факторов устойчивости сегмента «очень счастливых и «полностью удовлетворенных жизнью» россиян. Кто эти люди, которые несмотря на внешние угрозы, могут убедительно утверждать, что они «очень счастливы» и «полностью удовлетворены» своей жизнью? Какие характеристики и детерминирующие факторы могут быть общими для них? Влияют ли на эти позитивные ощущения наличие большего дохода? Материальной обеспеченности? Или большую роль играют социальные связи: поддержка

¹¹⁰ Составлено по: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-18042024>

родственников, друзей, коллеги др.? Влияют ли социально-демографические характеристики: пол, возраст?

В качестве эмпирической базы по-прежнему использовалась база данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения¹¹¹. Однако база данных РМЭЗ НИУ ВШЭ имела ряд ограничений: во-первых, невозможность построения долгосрочной динамики показателей уровня счастья в связи отсутствием доступа к данным, данные (на момент проведения исследования) были открыты только за 4 года (2016, 2017, 2019 и 2020 гг.); во-вторых, отсутствие доступа к некоторым вопросам по всем или по отдельным волнам; в-третьих, наличие специфических вопросов для некоторых волн исследования (например, достаточно большой блок вопросов по социальному капиталу присутствовал только в 2019 г. и 2020 г.), но их отсутствие для других. Наличие вышеуказанных сложностей работы обусловила неравномерное и несплошное использование вопросов и волн РМЭЗ. Руководствуясь, с одной стороны, результатами обзора предметного поля (см. параграф 2.2), а, с другой стороны, ограничениями эмпирической базы данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, был сформирован исследовательский конструкт, который, с одной стороны, включал в себя два индикатора (компонента) субъективного благополучия с наиболее высокими оценками, а, с другой стороны, включал в себя субъективные и объективные факторы, в наибольшей степени воздействующие на устойчивость группы «полностью удовлетворенных жизнью» и «очень счастливых» информантов (табл. 16).

¹¹¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом "ВШЭ" и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Ун-та Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS HSE: (<http://www.hse.ru/rhms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>)

Таблица 16 - Исследовательский конструкт для анализа воздействия демографических, экономических и социальных факторов на устойчивость субъективного благополучия сегмента «полностью удовлетворенных жизнью» и «очень счастливых» индивидов¹¹²

ИНДИКАТОРЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ		
УРОВЕНЬ СЧАСТЬЯ (ЧЕЛОВЕК ЧУВСТВУЮЩИЙ)	Скажите, пожалуйста, Вы счастливы?	Аффективный компонент СБ (сегмент информантов, выбравших вариант ответа «очень счастлив»)
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ (ЧЕЛОВЕК ОЦЕНИВАЮЩИЙ)	Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?	Когнитивный компонент СБ (сегмент информантов, выбравших вариант ответа «полностью удовлетворен»)
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ		
ПОЛ		Пол
ВОЗРАСТ		Количество полных лет
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ		
ДОХОД И НЕРАВЕНСТВО	<i>Субъективные оценки материального положения</i>	<i>Объективные показатели дохода</i>
	Насколько Вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время? А как Вы думаете, через 12 месяцев Вы и Ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня? Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены оплатой Вашего труда	Попробуйте вспомнить, сколько всего денег в течение последних 30 дней Вы лично получили. Пожалуйста, посчитайте всё: зарплату, пенсии, премии, прибыли, пособия, материальную помощь, случайные заработки и другие денежные поступления, в том числе и в валюте, но валюту переведите в рубли
	<i>Самооценка неравенства</i>	-
	Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?	
	<i>Удовлетворенность работой</i>	<i>Факт наличия или отсутствия работы</i>
ЗАНЯТОСТЬ/РАБОТА	Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены Вашей работой в целом?	Ваше основное занятие в настоящее время. Вы сейчас работаете, Вы находитесь в оплачиваемом или неоплачиваемом отпуске или у Вас нет работы?

¹¹² Составлено с использованием результатом обзора предметного поля, представленного в параграфе 2.2.

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА		
	<i>Мнение или самооценка</i>	<i>Факт наличия</i>
ПЕРВИЧНЫЕ ОБЩНОСТИ (СУПРУГИ, ДЕТИ, РОДСТВЕННИКИ, ДРУЗЬЯ)		<p>Состоите ли Вы в зарегистрированном браке? У Вас есть дети, родные или официально усыновленные? Сколько всего у Вас детей? Количество детей моложе 18 лет</p> <p>Как часто Вы общаетесь лично, при встрече с родителями, детьми, другими родственниками?</p> <p>Как часто Вы общаетесь по телефону или с помощью интернета: по скайпу, ватсапу, в социальных сетях с родителями, детьми, другими родственниками?</p> <p>Как часто Вы общаетесь лично, при встрече с друзьями, знакомыми? Как часто Вы общаетесь по телефону или с помощью интернета: по скайпу, ватсапу, в социальных сетях с друзьями, знакомыми?</p>
ВТОРИЧНЫЕ ОБЩНОСТИ (ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА, СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСС, ЭТНОС, ГРАЖДАНСКАЯ НАЦИЯ)	<p>О ком Вы бы могли сказать: «Это – мы».</p> <p>Как часто Вы ощущаете близость, единство... с людьми той же профессии, рода занятий? с жителями Вашего края, республики, области? с теми, кто живет в том же городе или селе, где и Вы?</p> <p>со всеми гражданами России? с людьми Вашей национальности? с людьми, близкими Вам по политическим взглядам? с людьми того же достатка, что и Вы? с людьми Вашей веры?</p>	

Сопряженность между группами «полностью удовлетворенных жизнью» и «очень счастливых» респондентов. В ходе эмпирического анализа обнаружено несовпадение между аффективной и когнитивной метриками СБ в этих группах. По данным опросов 2016 г. и 2017 г. около половины полностью удовлетворенных жизнью респондентов ощущали себя очень счастливыми (47% и 53%), а среди очень счастливых доля тех, кто максимально позитивно оценивает свою жизнь, значительно меньше: 34,1% и 42,6%. По всей видимости подобное несовпадение эмпирически доказывает необходимость выделения разных компонентов субъективного благополучия – когнитивного и аффективного, что также подтверждено в параграфе 3.1.

Влияние демографических характеристик. Среди «полностью удовлетворенных» индивидов обнаруживаются достаточно стабильные возрастные группы: наибольшую долю составляет возрастная группа от 25 до 34 лет и от 35 до 44 лет, только в 2022 г. фиксируется небольшое снижение представленности этой группы среди информантов с наиболее высоким уровнем когнитивного компонента субъективного благополучия. Представленность более молодых (меньше 17 лет и 18–24 лет) и более старших групп (от 45-59 и 60 и более лет) отличается в меньшую сторону, но при этом информанты более старшего поколения имеют чуть больший вес в этой структуре (рис.44). Если обратить внимание на рисунок 45, демонстрирующий распределение «очень счастливых» индивидов, то эта закономерность усиливается, то есть в этой группе почти половина информантов принадлежит к возрастным группам от 25 до 34 лет и от 35- 44 лет. Таким образом, возрастная граница индивидов с более высоким уровнем благополучия смещается в сторону более молодого возраста в отличие от общего тренда зависимости индекса удовлетворенности жизнью (см. параграф 3.1) от возраста (в предыдущем параграфе было показано, что индекс удовлетворенности жизнью начинает расти в промежутке от 63 до 73 лет).

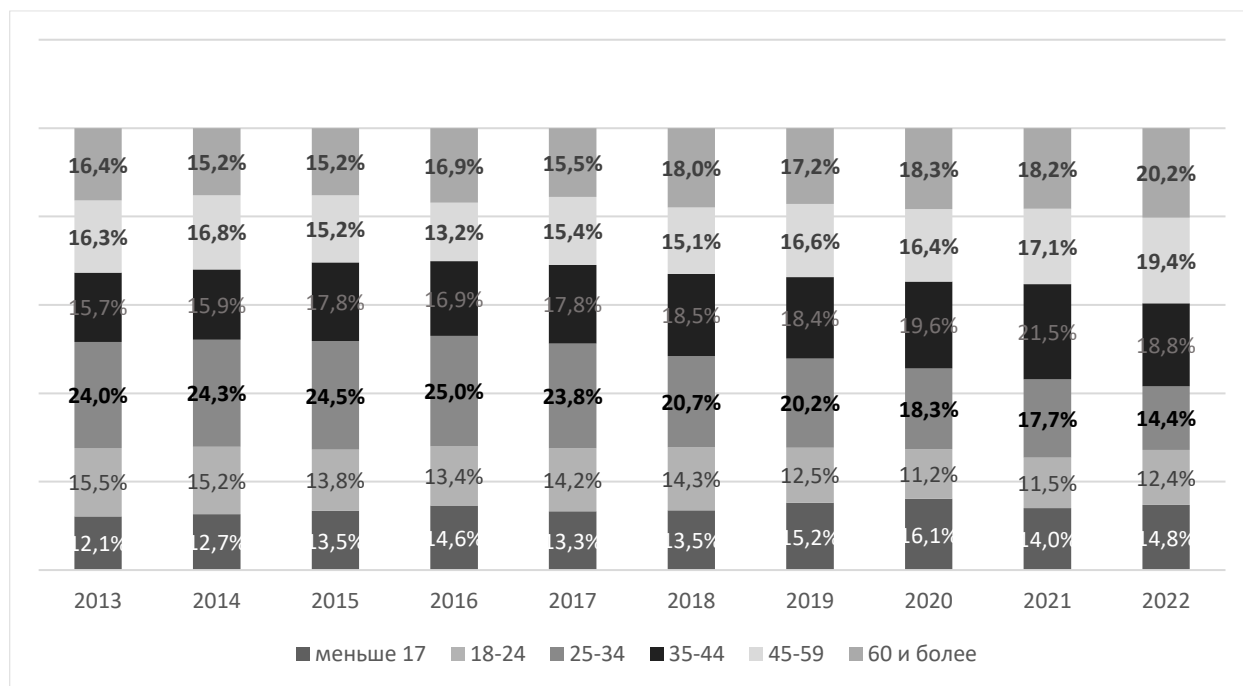

Рис. 44 – Распределение по возрасту информантов среди «полностью удовлетворенных жизнью» информантов, %¹¹³

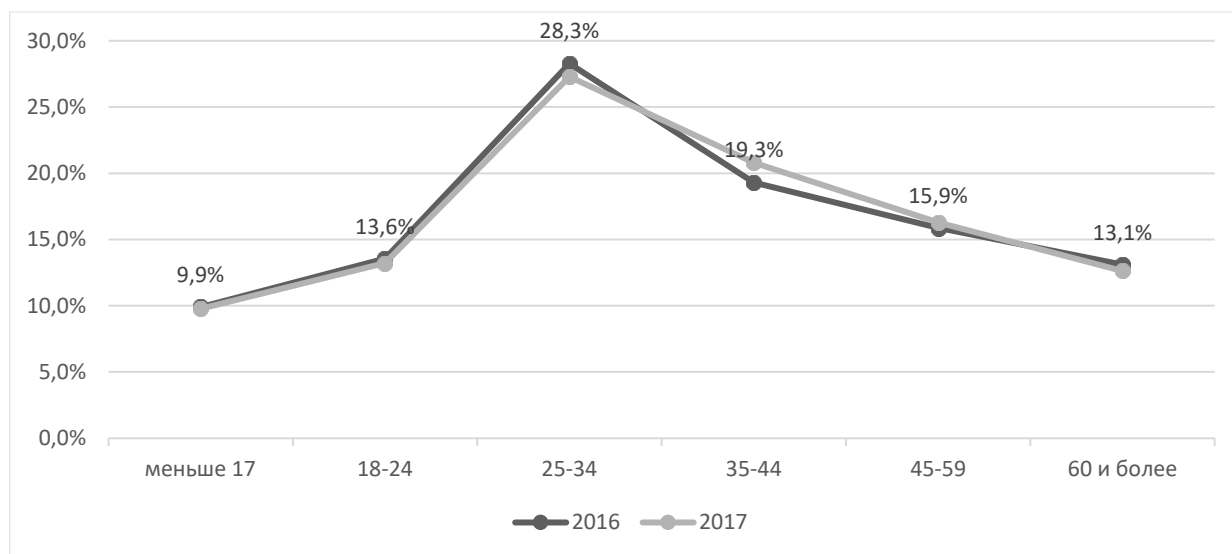

Рис. 45 – Распределение по возрасту информантов среди «очень счастливых», %¹¹⁴

За последние 10 лет в группах максимально удовлетворенных жизнью и полностью счастливых респондентов оказывалось больше женщин, чем мужчин:

¹¹³ Составлено по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

¹¹⁴ Составлено по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

минимальная разница между группами (5,2 %) наблюдалась в 2019 г., а максимальная (13,7%) в 2015 г. Вероятно, в кризисный период (после 2014 г.) мужскому населению пришлось столкнуться с рядом проблем, что повлияло на снижение их оценок жизни в целом. Достаточно большая разница этого показателя среди мужчин и женщин держалась вплоть до 2019 г., а затем в год начала пандемии (снижение социально-экономической активности) почти достигла уровня 2015 г. (12,3%). Подобный тренд наблюдался и в сегменте «очень счастливых» респондентов: превышение доли женщин примерно на 10% (рис. 46 – 47).

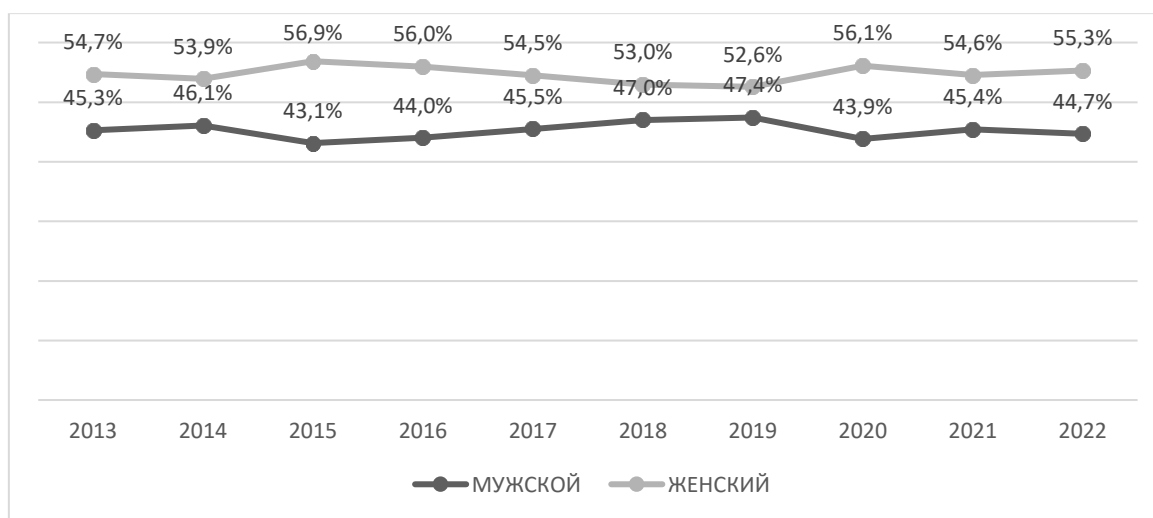

Рис. 46 - Распределение по полу информантов в группе «полностью удовлетворенных жизнью», %¹¹⁵

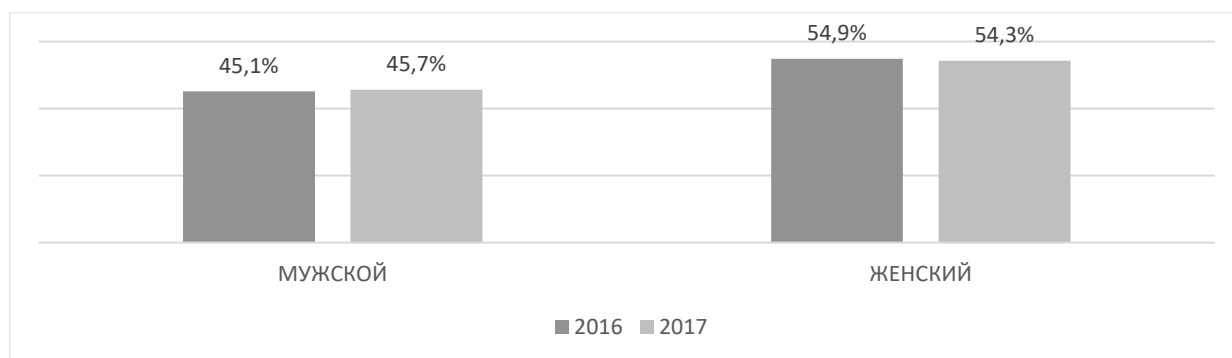

Рис. 47 - Распределение по полу информантов в группе «очень счастливых», %¹¹⁶

¹¹⁵ Составлено по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

¹¹⁶ Составлено по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

Влияние экономических факторов. В соответствии с парадоксом Р. Истерлина, рост уровня дохода положительно связан с уровнем субъективного благополучия в краткосрочной перспективе, однако в долгосрочной – доход перестает оказывать влияние на уровень счастья (Easterlin, 1974). В многочисленных исследованиях «парадокс Истерлина» до сих пор остается «спорной концепцией», так как в одних эмпирических исследованиях подтверждается, а в других – опровергается наличие этой закономерности (Howell et al., 2008; Sacks et al., 2012; Steel et al., 2018; Tan et al., 2020; Voukelatou et al., 2021). Ларин А. и Филясов С., основываясь на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, подтвердили справедливость парадокса Истерлина для России (Ларин и др., 2018). Динер Э. и др. утверждали, что для того, чтобы рост доходов с наибольшей вероятностью повлиял на субъективное благополучие, он должен привести к росту оптимизма, финансовой удовлетворенности и материального благополучия семьи. Канеман Д. и Дитон А. обнаружили, что различные компоненты субъективного благополучия (аффективный и когнитивный) также могут быть по-разному связаны с доходом, поскольку высокий доход более тесно связан с удовлетворенностью жизнью, чем с эмоциональным благополучием (Канеман и Дитон, 2010; Diener et al., 2010). Кроме того, в некоторых исследованиях доказано, что «ценности и жизненные стратегии людей меняются в сторону девальвации материальных интересов и повышения ценности постматериалистических интересов по мере того, как они переходят от простого существования к более высокому уровню экономической и физической безопасности» (Inglehart, 1997).

В рамках опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ для диагностики уровня дохода использовалась статистика ответов на вопрос: «Сколько всего денег в течение последних 30 дней Вы лично получили. Пожалуйста, посчитайте всё: зарплату, пенсии, премии, прибыли, пособия, материальную помощь, случайные заработки и другие денежные поступления, в том числе и в валюте, но валюту переведите в рубли». Из выборки были исключены молодые люди до 18 лет и неработающие, которые за последние 30 дней могли и не получать какой-либо

доход, что, в итоге привело к более-менее равномерному распределению. Далее все доходы были разделены на 13 групп, при этом, в связи с тем, что большинство респондентов имели невысокий уровень поступлений, был выбран шаг в 5000 рублей до достижения уровня 50 000, а затем шаг был увеличен. Это также позволило сделать выборку равномерно распределенной, а выводы более обоснованными.

В исследовании авторы не ставили цели доказательства «парадокса Истерлина», но вытекающая из него идея о том, что самые счастливые или самые удовлетворенные жизнью люди не всегда располагают и большими доходами получила свое подтверждение после сопоставления доходов «полностью удовлетворенных» и «очень счастливых» информантов. На рисунках 48-49 в 2016 г. и в 2017 г. не демонстрируется очевидной закономерности, связанной с тем, что больший доход должен приносить большее удовлетворение или большее удовольствие от жизни. Так, самый высокий уровень субъективного благополучия оказался в группе информантов с невысоким уровнем дохода в интервалах: от 15–20 тыс. рублей и в группе тех, кто получил доход – от 25-30 тыс. руб. (в 2016 г. – 24,6% «очень счастливые» и 26,7% «полностью удовлетворенные», в 2017 г. – 24,1% и 24,2% соответственно). И в целом, общий тренд демонстрирует меньшую долю информантов с высоким доходом в общей доле счастливых и удовлетворенных жизнью. Таким образом, в течение 2016-2017 гг. «устойчивость счастья россиян» не была связана с доходом.

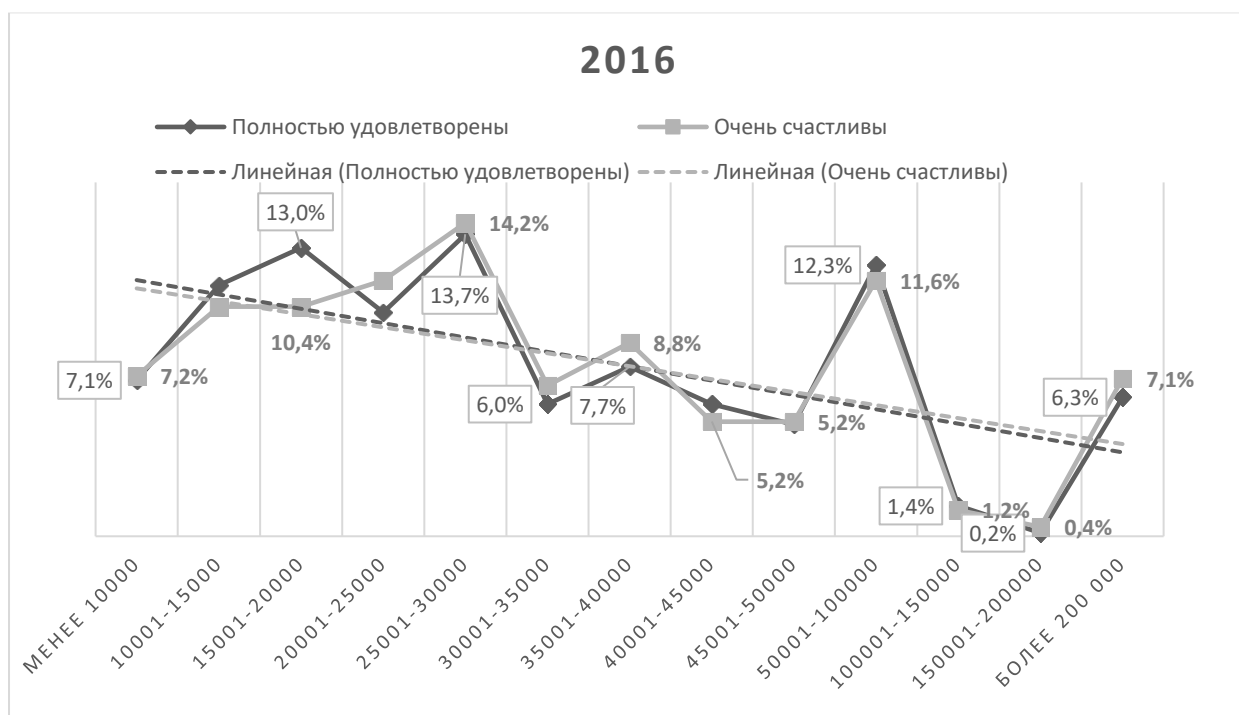

Рис. 48 – Распределение «полностью удовлетворенных жизнью» и «очень счастливых» по уровню дохода (2016), %¹¹⁷

Рис. 49 – Распределение «полностью удовлетворенных жизнью» и «очень счастливых» по уровню дохода (2017), %¹¹⁸

Динамика распределения «полностью удовлетворенных жизнью» с 2018 по 2022 гг. также зафиксировала этот же тренд – присутствия среди информантов

¹¹⁷ Составлено автором по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

¹¹⁸ Составлено автором по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

большинства - с невысоким доходом, только у 1/5 части респондентов доход находился в диапазоне от 50 до 100 тыс. рублей (рис. 50).

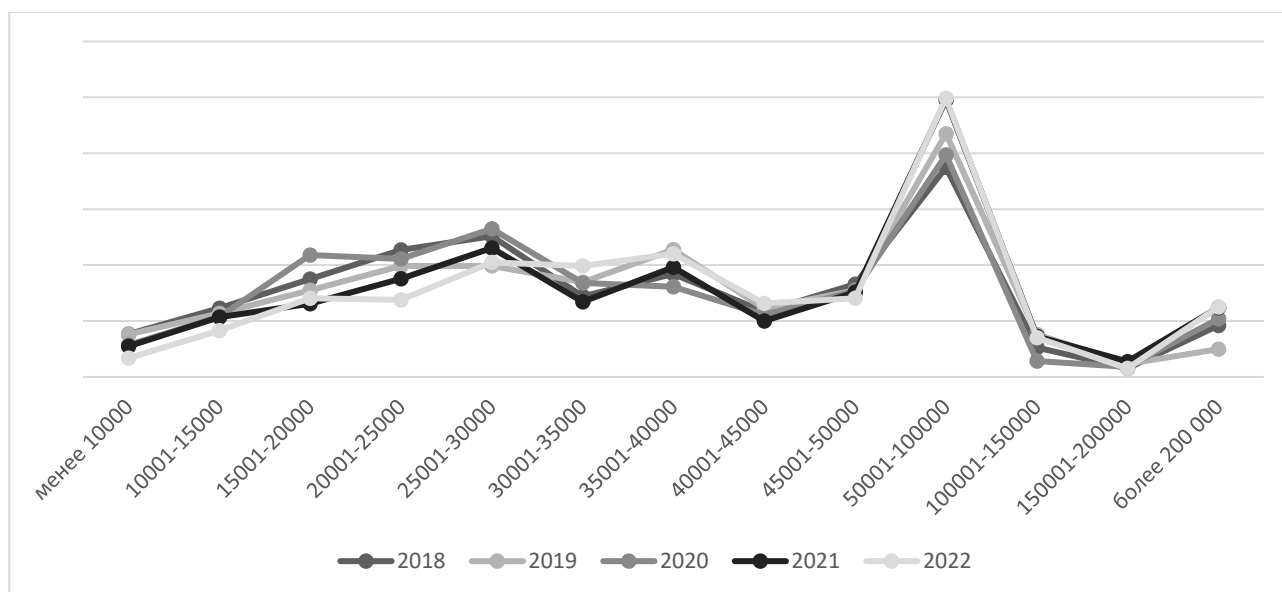

Рис. 50 – Распределение «полностью удовлетворенных жизнью» за период 2018-2022 гг., %¹¹⁹

Среди «полностью удовлетворенных жизнью» только 20% (2016 г.) и 16,2% (2017 г.) «полностью удовлетворены своим материальным положением», а доля последних среди «очень счастливых» в два раза меньше по сравнению с когнитивными оценками (9,4% и 8,5% соответственно в 2016 и 2017 гг.). Возможно, такой низкий уровень связан с негативными эмоциями, переживаемые индивидами в связи с их невысоким материальным положением, о чем, собственно, и свидетельствовал анализ распределения доходов среди самых счастливых и удовлетворенных. Этот же тренд распределения «полностью удовлетворенных своим материальным положением» среди «полностью удовлетворенных жизнью» имел мест и в последующие 5 лет. (рис. 51). Канеман Д. и Дитон А. также отмечали, что различные компоненты субъективного благополучия (аффективный и когнитивный) по-разному могут быть связаны с доходом, высокий доход более тесно связан с

¹¹⁹ Составлено автором по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

удовлетворенностью жизнью, чем с аффективным субъективным благополучием (Kahneman and Deaton, 2010; Diener et al., 2010), см. табл. 17.

Таблица 17 – Субъективное благополучие и удовлетворенность материальным положением (2016-2017), %

			Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?		Скажите, пожалуйста, Вы счастливы?	
			Полностью удовлетворены	Совсем не удовлетворены	Очень счастливы	Совсем несчастливы
Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?	2016 г.	Полностью удовлетворены	20,0%	0,4%	9,4%	0,4%
		Скорее удовлетворены	31,3%	1,7%	27,2%	4,3%
		И да, и нет	15,7%	3,3%	18,1%	7,9%
		Не очень удовлетворены	18,9%	11,0%	24,3%	23,0%
		Совсем не удовлетворены	12,7%	83,2%	20,0%	63,3%
	2017 г.	Полностью удовлетворены	16,2%	0,6%	8,5%	1,1%
		Скорее удовлетворены	33,7%	2,8%	32,1%	5,4%
		И да, и нет	16,5%	3,0%	17,0%	7,6%
		Не очень удовлетворены	17,9%	12,3%	21,4%	18,8%
		Совсем не удовлетворены	13,9%	80,4%	19,6%	65,7%

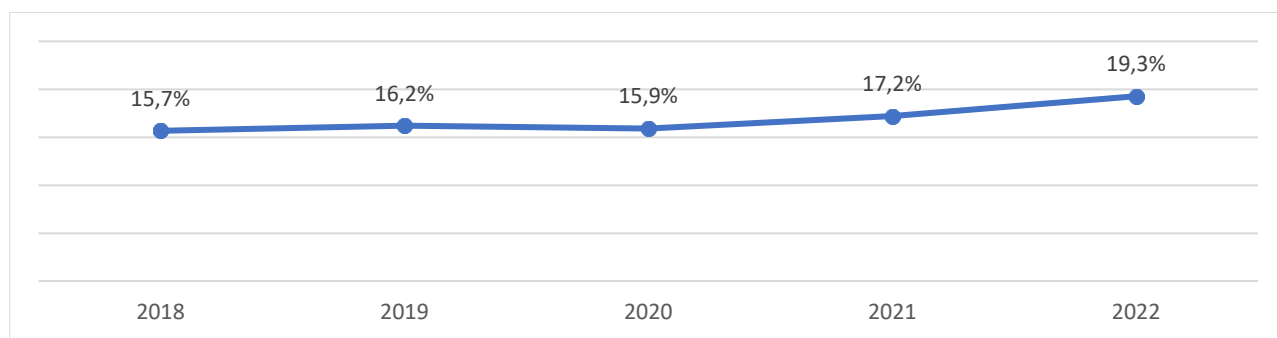

Рис. 51 – Распределение «полностью удовлетворенных материальным положением» информантов среди «полностью удовлетворенных жизнью», 2018-2022 гг.

Среди «полностью удовлетворенных жизнью» оказалось не так много «стабильных» оптимистов, положительно оценивающих перспективы хорошей жизни для своих семей через год: в 2016 г. – 7,3%, а в 2017 г. – 7%. Как показано в таблице 18, гораздо меньше оптимистов оказалось среди «очень счастливых»

(4,9 % и 5,7 %). За период 2017–2020 гг. доля таких информантов значительно снижается до уровня 4,8%. Хотя этот период, как было отмечено в предыдущем параграфе, характеризуется улучшением экономической ситуации (после кризиса 2014 г.), возможно, память о предшествующем периоде нестабильности не позволила сохранить оптимизм в последующем. После 2020 г. доля «полностью удовлетворенных жизнью» информантов, уверенных в своем будущем, напротив выросла до 8,1% (рис. 52).

Таблица 18 – Субъективное благополучие и ожидания относительно уровня своей жизни через год, (2016-2017), %

			Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?		Скажите, пожалуйста, Вы счастливы?	
			Полностью удовлетворены	Совсем не удовлетворены	Очень счастливы	Совсем несчастливы
Как Вы думаете, через 12 месяцев Вы и Ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?	2016	Будете жить намного лучше	7,3%	0,3%	4,9%	-
		Будете жить немного лучше	31,7%	5,3%	30,8%	3,2%
		Ничего не изменится	37,1%	33,0%	36,2%	38,5%
		Будете жить немного хуже	4,1%	14,0%	5,3%	13,7%
		Будете жить намного хуже	2,3%	28,3%	6,5%	27,3%
	2017	Будете жить намного лучше	7,0%	0,5%	5,7%	1,1%
		Будете жить немного лучше	30,2%	5,6%	33,7%	5,1%
		Ничего не изменится	39,7%	40,1%	35,1%	43,0%
		Будете жить немного хуже	7,3%	0,3%	4,9%	-
		Будете жить намного хуже	31,7%	5,3%	30,8%	3,2%

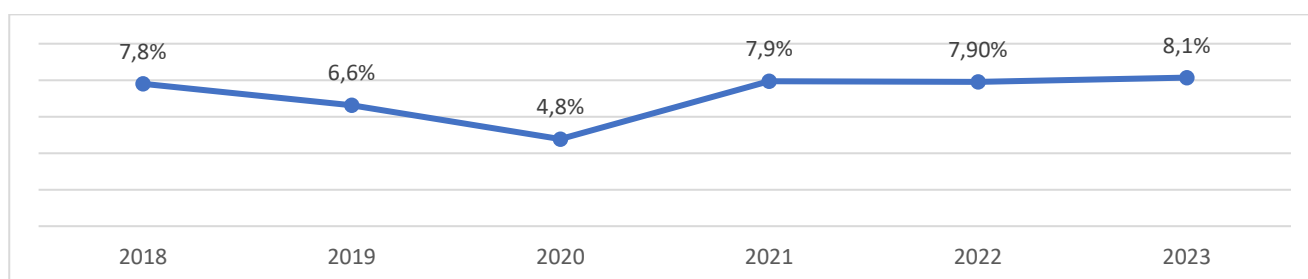

Рис. 52 – Динамика доли уверенных в своем будущем через год в сегменте «полностью удовлетворенных жизнью» информантов (2018-2020)¹²⁰, %

¹²⁰ Составлено автором по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

Уровень оплаты труда немного больше устраивает россиян с высокими показателями «удовлетворенности жизнью» (когнитивный компонент СБ) по сравнению с показателями аффективного СБ (23,8% против 14,8% в 2016 г., и 22,3% против 16,7% в 2017 г.), что также подтверждает доказанные гипотезы Канемана Д. и Дитона А. ((Kahneman and Deaton, 2010; Diener et al., 2010), см. табл. 19.

Таблица 19 – Субъективное благополучие и удовлетворенность оплатой труда (2016-2017 гг.), %

			Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?		Скажите, пожалуйста, Вы счастливы?	
			Полностью удовлетворены	Совсем не удовлетворены	Очень счастливы	Совсем несчастливы
Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены оплатой Вашего труда?	2016 г.	Полностью удовлетворены	23,8%	1,8%	14,8%	
		Скорее удовлетворены	32,9%	11,6%	36,7%	6,0%
		И да, и нет	17,4%	18,4%	16,6%	16,4%
		Не очень удовлетворены	17,4%	37,4%	23,1%	46,3%
		Совсем не удовлетворены	7,3%	30,0%	6,8%	28,4%
	2017 г.	Полностью удовлетворены	22,3%	4,3%	16,7%	7,0%
		Скорее удовлетворены	36,7%	7,4%	35,6%	11,3%
		И да, и нет	15,9%	26,1%	17,5%	15,5%
		Не очень удовлетворены	15,9%	28,1%	20,7%	38,0%
		Совсем не удовлетворены	7,5%	32,1%	7,5%	28,2%

В последующие годы (2018-2022 гг.), наблюдался рост доли удовлетворенных оплатой труда (с 24,3% до 33,3%) в сегменте информантов с высоким уровнем субъективного благополучия (рис. 60). Если сравнить степень воздействия удовлетворенности материальным положением и удовлетворенности оплатой труда на когнитивный компонент субъективного благополучия, то влияние последнего сильнее. Так, в 2022 г. этот разрыв составил 14% (рис. 53). Безусловно, с одной стороны, улучшение в сегменте удовлетворенных оплатой труда, могло бы свидетельствовать об успешности социально-экономических политик в этом направлении в России (например, политика роста заработных плат), но, с другой стороны, может

свидетельствовать о недоработке в области развития диверсификации социально-экономической поддержки, например, может другие аспекты, которые люди вкладывают в понятие материального положения, такие как обеспеченность жильем, социальные выплаты не являются удовлетворительными. И, в этом смысле, подтверждается необходимость широкого использования субъективного подхода, а точнее, субъективных метрик в оценке эффективности социально-экономических инвестиций и принятии управленческих решений.

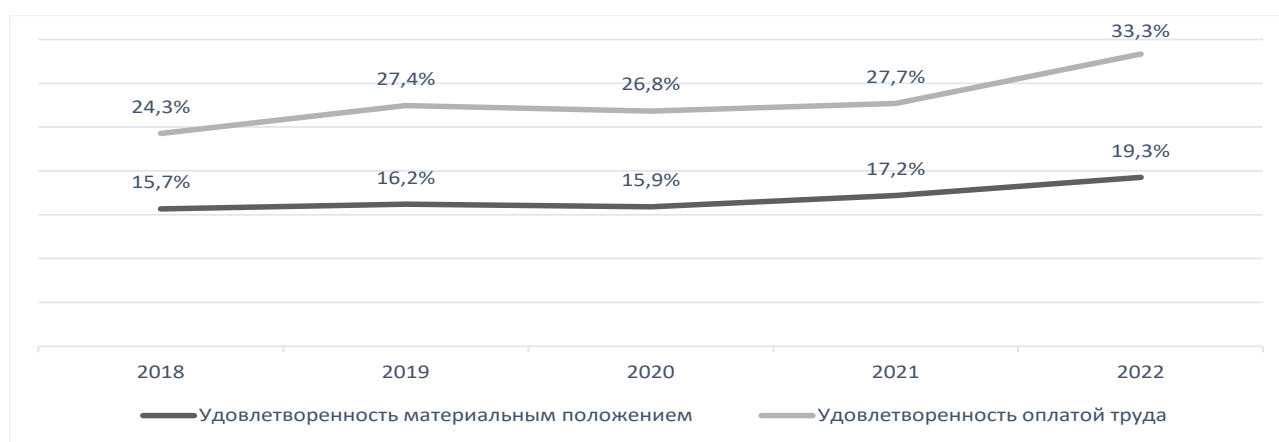

Рис. 53 – Динамика изменения доли удовлетворенных своим материальным положением и оплатой труда в сегменте «полностью удовлетворенных жизнью» россиян (2018-2022 гг.)¹²¹, %

В исследованиях субъективного благополучия рассматривается вопрос влияния восприятия неравенства индивидами (субъективного фактора) на их оценку своего благополучия. Идентификация с определенной референтной группой и самооценки индивидов внутри нее играют гораздо большую роль, чем абсолютный уровень дохода в настоящий момент, в особенности в быстро меняющихся и нестабильных условиях. В качестве референтной группы могут выступать семья, коллеги, соседи и др., то есть относительный уровень дохода, воспринимаемый в сравнении со своей референтной группой, может быть

¹²¹ Составлено автором по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ

важнее для индивида, чем абсолютный доход, также, как и неравенство внутри своей референтной группы ощущается острее, чем неравенство в целом (Hauret and Williams, 2019). Так, при равных значениях абсолютного дохода, один индивид, располагая суммой X , в менее обеспеченном окружении будет чувствовать себя счастливее, чем другой индивид, который, располагая тем же количеством денег X , но окружен более богатыми (Kelley et al., 2016). Таким образом, эффект относительного дохода доминирует над эффектом абсолютного дохода. По мнению, Истерлина Р., такое явление объясняет, почему более богатые люди в обществе более счастливы, но, что средний уровень счастья остается неизменным по мере того, как все члены общества становятся богаче (Easterlin, 2001). Социальное сравнение может работать и в обратном направлении, если рост доходов других интерпретируется как сигнал о собственных будущих возможностях получения дохода (Knight et al., 2012). Иными словами, высокий доход в другой, пока недоступной референтной группе, может служить движущей силой для индивида и оказывать положительное влияние. Фактор надежды (the «hope factor»), таким образом, может нивелировать негативное влияние на субъективное благополучие более высоких доходов в референтной группе, поскольку индивид будет позитивно смотреть в будущее (Clark & d'Ambrosio, 2015).

В РМЭЗ НИУ ВШЭ тестировались похожие индикаторы восприятия неравенства, частности задавался вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой - богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?» Среди «очень счастливых людей» (46,5% в 2016 г. и 45,9% в 2017 г.) оказались те группы населения, которые оценивают свое положение на этой своеобразной лестнице «нищие-богатые» – на 4–5 баллов по 9-балльной шкале (табл. 20). А среди тех, кто считает, свой доход очень высоким (8–9 баллов) отсутствуют «совсем несчастливые». В то время как в группах с самыми низкими доходами «очень счастливые» присутствуют. Что касается удовлетворенности жизнью, то здесь целесообразно обратить внимание, на то, что и в 2016, и в 2017

гг., самые неудовлетворенные в основном находились на первых трех - самых низких - ступенях «лестницы богатства» (82,6 % в 2016 г. и 81,4 % в 2017 г.). Что касается полностью удовлетворенных людей, то как и в случае с «полностью счастливыми», наибольшее их количество (более 50% в обоих анализируемых годах) сосредоточено посередине – на четвертой и пятой ступенях «лестницы благосостояния».

Таблица 20 – Восприятие неравенства и субъективное благополучие (2016-2017 гг.), %

	2016	Полностью удовлетворены	Совсем не удовлетворены	Очень счастливы	Совсем несчастливы
Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой - богатые. На какой из девяти ступеней находитеесь сегодня Вы лично?	НИЗШАЯ СТУПЕНЬ	3%	31%	4,9%	29,9%
	2	5%	30%	7,0%	24,1%
	3	14%	22%	18,9%	23,4%
	4	23%	8%	20,3%	9,0%
	5	31%	4%	26,2%	5,0%
	6	13%	1%	12,3%	2,5%
	7	7%	0%	5,7%	0,4%
	8	1%	0%	0,8%	0,4%
	ВЫСШАЯ СТУПЕНЬ	0%	0%	0,3%	0%
	2017	Полностью удовлетворены	Совсем не удовлетворены	Очень счастливы	Совсем несчастливы
	НИЗШАЯ СТУПЕНЬ	5%	25%	6,7%	23,5%
	2	5%	31%	6,6%	32,9%
	3	14%	26%	15,4%	21,7%
	4	22%	9%	19,9%	10,8%
	5	29%	5%	26,0%	5,8%
	6	12%	1%	9,5%	1,1%
	7	8%	0%	11,4%	1,1%
	8	1%	0%	1,0%	0%
	ВЫСШАЯ СТУПЕНЬ	0%	0%	0,3%	0%

Таким образом, очень низкие доходы являются причиной крайнего несчастья и неудовлетворенности, но, вместе с тем, для максимального счастья и удовлетворенности жизнью вполне достаточно иметь средний уровень дохода. В последующий периоды (2018-2022 гг.) фиксируется такой же тренд:

достаточность среднего дохода для того, чтобы полностью испытывать удовлетворенность жизнью (табл. 21).

Таблица 21 – Распределение «полностью удовлетворенных жизнью» информантов на «лестнице восприятия неравенства» (2013-2022 гг.), %

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
НИЗШАЯ СТУПЕНЬ	6,3%	3,6%	2,4%	1,5%	3,9%	1,2%	1,0%	1,1%	0,7%	0,6%
2	3,4%	2,7%	4,8%	4,0%	4,9%	5,4%	4,7%	4,5%	4,3%	3,8%
3	10,8%	10,8%	12,5%	14,7%	15,0%	14,6%	11,4%	13,4%	10,3%	9,6%
4	18,5%	19,1%	16,1%	23,8%	23,7%	20,6%	20,6%	22,2%	22,2%	24,5%
5	28,4%	33,9%	36,9%	32,8%	29,9%	32,9%	33,9%	31,5%	28,7%	31,0%
6	16,5%	13,9%	15,2%	12,4%	12,4%	13,2%	16,5%	15,9%	15,1%	16,1%
7	10,5%	11,6%	8,4%	6,7%	7,2%	7,5%	8,3%	6,6%	11,2%	8,3%
8	3,3%	2,6%	1,2%	1,5%	1,3%	2,6%	1,8%	2,1%	2,8%	2,1%
ВЫСШАЯ СТУПЕНЬ	1,1%	0,5%	0,4%	0,2%	0,5%	1,1%	0,1%	1,8%	1,5%	1,8%

Статус занятости. Взаимосвязь между общим уровнем безработицы и субъективным благополучием неоднозначна. Некоторые исследователи доказывают, что отрицательное влияние безработицы на индивидов меньше в странах с высоким уровнем безработицы, т.е. это воспринимается в обществе как социальная норма (Stutzer & Lalive, 2004; Ritzen, 2019). Другие исследователи считают, что безработица негативно влияет на благополучие занятых людей (Clark, Knabe & Rätzel, 2010; Schwarz, 2012; Winkelmann, 2014). Это можно объяснить наличием страха человека перед длительной безработицей. Любой период безработицы за последние годы оказывает отрицательное влияние на комбинированную шкалу общего счастья (Bonasia et al., 2022), и наличие опыта, связанного с безработицей, снижает уровень счастья даже после трудоустройства (Clark, Georgellis & Sanfey, 2001; Scheve, Esche, Schupp (2017). Ритцен Дж. утверждает, что «счастье - это ключ к продуктивной экономике, а работа - ключ к индивидуальному счастью» (Ritzen, 2019). Некоторые исследователи сравнивают статус безработного с разводом или потерей близкого родственника (Layard, Clark & Senik, 2013). Таким образом, во многих

исследованиях выявлено, что безработица снижает удовлетворенность жизнью (Lim, 2017; Eren & Aşıcı, 2017; Frey, 2018; Barros, Dieguez & Nunes, 2019) и одновременно увеличивает неравенство в уровне счастья (Vecchetti, Massari & Naticchioni, 2013). Однако анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2016-2017 гг. показал, что *статус занятости не является предиктором субъективного благополучия среди «полностью удовлетворенных жизнью» и «очень счастливых» россиян*. Самооценка субъективного благополучия работающих и безработных оказалось практически поровну (табл. 22). Кроме того, в 2016–2017 гг. страх потерять работу присутствовал у трети полностью «удовлетворенных жизнью» и «очень счастливых» россиян, а половина респондентов из «счастливого сегмента» были уверены, что смогут найти работу не хуже той, на которой они работают сейчас. Примерно такой же тренд продемонстрирован в последующем периоде (2018-2022 гг.) среди «полностью удовлетворенных жизнью» россиян: их представленность практически является равной в этом сегменте (рис. 54). В этой связи, можно предположить, что факт наличия работы не обязательно гарантирует высокий уровень субъективного благополучия.

Таблица 22 – Статус занятости и субъективное благополучие (2016-2017), %

	Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?		Скажите, пожалуйста, Вы счастливы?	
	2016	2017	2016	2017
	Полностью удовлетворены жизнью		Очень счастливы	
Работающие респонденты	51,6%	53,1%	53,7%	52,3%
Респонденты, не имеющие работу	43,7%	43,2%	41,4%	42,4%

Рис. 54 - Распределение работающих и неработающих респондентов в сегменте «полностью удовлетворенных жизнью» ((2018-2022 гг.), %

Исследования в области взаимосвязи удовлетворенности работой и удовлетворенностью жизнью в целом достаточно популярны (Andrews and Withey, 1976; Argyle, 1989; Vermunt и др., 1989; Veenhoven, 1996; Kousha & Mohseni, 1997). Одни исследователи считают, что общие эмоциональные состояния «выплескиваются» и сильно влияют на самооценку работы (Judge & Locke, 1993; Staw, Bell, & Clausen, 1986; Staw & Ross, 1985). Другие, наоборот, утверждали, что удовлетворенность работой влияет на удовлетворенность жизнью (Rousseau, 1978).

В рамках РМЭЗ НИУ ВШЭ тестировался вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены Вашей работой в целом?»¹²², анализ ответов сегмента респондентов с высоким уровнем субъективного благополучия показал, что среди «полностью удовлетворенных жизнью» россиян находится чуть больше 1/3 «полностью удовлетворенных работой» как в 2016, так и в 2017 г. А вот среди тех, кто считает себя «очень счастливыми» удовлетворенных работой уже было чуть более ¼. Вероятно, общие эмоциональные состояния «выплескиваются» на оценку работы, что и обуславливает более низкий уровень этого показателя среди тех, в кого высок уровень аффективного счастья (табл. 23).

¹²² В вопросе использовалась шкала Ликерта: «Полностью удовлетворены», «Скорее удовлетворены», «И да, и нет», «Не очень удовлетворены», «Совсем не удовлетворены»

Таблица 23 - Удовлетворенность работой и субъективное благополучие (2016-2017), %

	Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?		Скажите, пожалуйста, Вы счастливы?	
	2016	2017	2016	2017
	Полностью удовлетворены жизнью		Очень счастливы	
Полностью удовлетворены работой	35,7%	35,6%	26,0%	27,5%

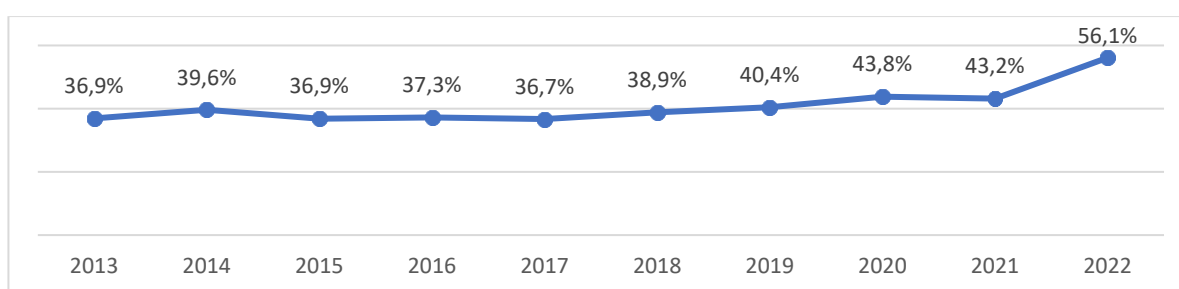

Рис. 55 – Распределение «полностью удовлетворенных работой» респондентов в сегменте «полностью удовлетворенных жизнью» (2013-2022 гг.), %

Обратим внимание на изменение распределения «полностью удовлетворенных работой» среди информантов с высоким уровнем когнитивного компонента субъективного благополучия. С 2013 по 2017 гг., как показано на рисунке 55, таких россиян была примерно третья часть, а к 2022 г. их становится больше половины (с 2013 по 2022 гг., абсолютный рост составил 20,8%). Автор диссертационного исследования предполагает, что рост доли удовлетворенности работой среди «счастливых россиян», особенно после 2020 г. (год начала пандемии), мог быть связан, например, с изменением форм организации труда, в том числе дистанционных, позволившими по иному распределять и управлять своим рабочим временем (мотивация выбором и свободой) и, тем самым, способствующей повышению мотивации и высоких оценок индивидов.

Влияние социального капитала. В диссертационном исследовании использовалась классификация социального капитала Баумана З. (Бауман, 2004), в соответствии с которой, выделяют *первичные* (примордиальные) и *вторичные общности* («мы-идентификация» индивида). Первичные группы социального капитала базируются на эмпатийной близости и интенсивности контактов, позволяющие чувствовать индивиду социально-психологическую безопасность и комфорт. К данным общностям относятся *семья и близкий круг общения*. К вторичным общностям относятся более широкие группы: социальный класс, этнос, гражданская нация.

Различные исследования показывают, что позитивная самооценка принадлежности к социальной группе связана с повышением субъективного благополучия (Helliwell et al., 2004; Veenhoven, 2008; Morrison et al., 2011). Это происходит и за счет формирования эмоциональной близости, так и в силу конвертации социального капитала в экономический, символический и пр. Камалов Э. считает, «чем в большей степени индивид ассоциирует себя с группой, тем больше успех группы влияет на его самочувствие» (Камалов и др., 2020)¹²³.

*Эмпирический анализ влияния индикаторов принадлежности к первичной общности (семья и дети)*¹²⁴. В 2016 г. и 2017 г. информанты, состоявшие в браке, оценивали выше свое благополучие по сравнению с другими семейными статусами («полностью удовлетворены жизнью» – 52–53%, «очень счастливы» – 60–62%). Меньше всего в группе респондентов с высоким уровнем СБ оказалось «разведенных» и в статусе «вдовец (вдова)», и в группе с высоким уровнем аффективного СБ их оказалось еще меньше, чем в группе с высоким уровнем когнитивного СБ (табл. 24).

¹²³ Камалов Э.А., Понарин Э.Д. Национальная гордость и субъективное благополучие россиян //Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 183.

¹²⁴ При анализе представленности респондентов с различными статусами и принадлежности к первичной общности используются данные РМЭЗ НИУ ВШЭ 2016, 2017, так как именно в эти годы открыт доступ к вопросам, измеряющим аффективный компонент СБ, а для автора представилось интересным сравнить распределение респондентов в соответствии с выраженностью аффективного и когнитивного компонентов СБ; а также используются данные 2019 и 2020 гг., так как только в этих волнах открыт доступ к вопросам-индикаторам социального капитала респондентов, которые больше не открыты ни в одной из волн.

Таблица 24 - Распределение в зависимости от семейного статуса в группе респондентов с высокими показателями СБ, %

	полностью удовлетворены жизнью		полностью счастливы	
	2016	2017	2016	2017
Семейное положение				
Никогда в браке не состояли	26,6	26,4	21,8	23,9
Состоите в зарегистрированном браке	51,5	52,9	61,5	59,2
Живете вместе, но не зарегистрированы	10,1	10,7	9,3	10,2
Разведены и в браке не состоите	3,4	3,8	2,9	2,7
Вдовец (вдова)	8,1	5,8	4,2	3,5

В сегменте высоких показателей субъективного благополучия большинство респондентов имели детей («полностью удовлетворены жизнью» - 64–65%, «очень счастливы» - 67–69%). Наличие детей младше 18 лет чаще в обеих группах респондентов было связано с ощущением более низкого уровня обоих компонентов субъективного благополучия (табл. 25-26).

Таблица 25 - Распределение респондентов по признаку «наличие детей» в группе респондентов с высоким уровнем СБ (2016-2017 гг.), %

Наличие детей			
полностью удовлетворены жизнью		полностью счастливы	
2016	2017	2016	2017
65,3	64,2	68,8	67,4
34,7	35,8	31,2	32,5

Таблица 26 - Распределение респондентов в зависимости от количества детей в сегменте с высоким уровнем СБ (2016-2017 гг.), %

	Количество всех детей					Количество детей моложе 18 лет			
	полностью удовлетворены жизнью		полностью счастливы			полностью удовлетворены жизнью		полностью счастливы	
	2016	2017	2016	2017		2016	2017	2016	2017
1	41,1	40,9	39,3	39,3	1	40,7	44,0	34,9	38,4
2	46,8	45,4	45,0	45,5	2	32,7	30,3	34,9	33,1
3	9,8	10,7	13,0	11,5	3	22,3	20,0	24,5	22,3
4	1,3	2,1	1,5	3,0	4	3,3	4,2	4,5	4,5
5 и >	1,0	0,9	1,1	0,7	5 и >	0,2	0,3	0,4	0,2

Анализ эмпирических данных показал, что люди, которые себя считают счастливыми, *значительно чаще общаются с членами семьи и друзьями* как лично, так и по телефону или интернету, по сравнению с теми, кто ощущает себя несчастными. Социальные связи с близкими группами имеют наибольшее значение для «счастливых» россиян. Например, около 60% представителей первой группы общались с семьей лично каждый день, что на 13% больше по сравнению со второй группой в 2020 году и на 18% в 2019 году. Кроме того, «счастливые» россияне связывались с родными по телефону или интернету на 22% и 32% чаще, чем несчастные (табл. 27).

Исследование 2019 г. также показало, что *активное участие в жизни детей и внуков* положительно влияло на высокий уровень аффективного компонента СБ. Очень счастливые респонденты ухаживали за младшими членами семьи каждый день в 45,1% случаев, тогда как среди несчастливых этот показатель составляет лишь 16,9%. Лишь 10% счастливых респондентов никогда не ухаживал за детьми, в то время как среди несчастливых этот процент вырос до одной трети (табл. 28).

Таблица 27 - Структура и частота социальных контактов «счастливых» и «несчастливых» респондентов (2019-2020 гг.), %

	2020 г.		2019 г.		2020 г.		2019 г.	
	Очень счастливы	Совсем несчастливы	Очень счастливы	Совсем несчастливы	Очень счастливы	Совсем несчастливы	Очень счастливы	Совсем несчастливы
Как часто Вы общаетесь лично, при встрече с родителями, детьми, другими родственниками?					Как часто Вы общаетесь лично, при встрече с друзьями, знакомыми?			
каждый день	61,0	47,9	59,7	41,3	29,9	8,8	32,9	16,9
несколько раз в неделю	23,4	13,5	23,8	12,7	36,1	23,3	35,6	23,9
реже	6,0	20,0	6,4	19,2	14,4	34,0	13,9	32,4
никогда	0,6	5,1	0,6	5,6	1,0	13,5	1,2	10,8
Как часто Вы общаетесь по телефону или с помощью интернета: по скайпу, ватсапу, в социальных сетях с родителями, детьми, другими родственниками?					Как часто Вы общаетесь по телефону или с помощью интернета: по скайпу, ватсапу, в социальных сетях с друзьями, знакомыми?			
каждый день	64,3	42,3	61,5	29,1	40,8	20,0	40,9	16,0
несколько раз в неделю	24,8	22,8	22,3	21,6	37,5	25,1	35,0	24,9
реже	2,8	10,7	3,7	12,7	7,5	26,0	8,5	12,7
никогда	1,9	10,2	3,1	17,8	1,5	12,6	2,2	17,8

Таблица 28 – Распределение заботящихся о своих близких в сегменте «очень счастливых» респондентов (2019 г.), %

Как часто Вы ухаживаете за Вашими детьми, внуками?		
	Очень счастливы	Совсем несчастливы
Каждый день	45,1%	16,9%
Несколько раз в неделю	7,7%	5,2%
Реже	3,8%	6,6%
Никогда	11,6%	34,3%
Раз в одну-две недели	2,8%	1,4%
Не относится	25,5%	32,4%
Затрудняюсь ответить	1,6%	3,3%
Отказ от ответа	1,9%	
Итого	100%	100%

Эмпирический анализ влияния индикаторов принадлежности к вторичной общности. Показатели идентификации со вторичными общностями (принадлежность к профессии, религии, гражданской общности др.) измерялись опросами РМЭЗ НИУ ВШЭ в 2020 г. Эмпирические замеры продемонстрировали, что в структуре социальной идентичности граждан с высоким уровнем аффективного компонента СБ доминируют профессиональные (50% ответов «часто»), национальные (37,2%), поселенческие (34,9%) и классовые (34,5%) группы (табл. 29).

Таблица 29 - Групповая идентичность «счастливых» и «несчастливых» респондентов. Опрос 2020 г.

	Очень счастливы	Совсем несчастливы	Очень счастливы	Совсем несчастливы
О ком Вы бы могли сказать: «Это – мы». Как часто Вы ощущаете близость, единство...				
с людьми той же профессии, рода занятий?			со всеми гражданами России?	
Часто	50,0	23,3	21,2	9,7
Иногда	39,4	42,8	52,0	33,6
Никогда	6,9	25,1	18,9	24,7
с жителями Вашего края, республики, области?			с теми, кто живет в том же городе или селе, где и Вы?	
Часто	22,8	10,4	34,9	25,6
Иногда	54,0	39,4	53,0	55,8
Никогда	16,5	21,2	8,2	13,0
с людьми Вашей национальности?			с людьми того же достатка, что и Вы?	
Часто	37,2	31,3	34,5	25,6
Иногда	48,7	54,8	47,6	53,0
Никогда	9,5	9,0	10,9	14,9
с людьми, близкими Вам по политическим взглядам?			с людьми Вашей веры?	
Часто	20,5	16,7	25,3	17,7
Иногда	44,7	38,6	45,5	47,9
Никогда	21,7	31,2	17,8	24,2

На этом фоне фиксируется выраженная разница в показателях значимости идентичности с членами своей профессиональной группы – для сегмента счастливых людей она в два раза важнее, чем для несчастливых (50% против 23,3%). Эти данные подчеркивают важность «профессиональной идентичности» для ощущения счастья, что позволяет делать выводы об эффективности усилий в направлении развития этой категории, одной из составляющих качества жизни. Управление профессиональной идентичностью вероятно может повышать уровень субъективного благополучия индивидов, что, в свою очередь, может сказываться и на результативности их поведения в различных сферах их жизнедеятельности, в том числе экономической.

Среди «очень счастливых» информантов отмечается более высокая значимость общегражданских (21,2% против 9,7%) и региональных (22,8% против 10,4%) идентичностей. А идентичность с другими макрообщностями (религиозными, национальными и политическими) слабо влияла на благополучие индивида (табл. 51).

На фоне экономических и геополитических кризисов исследование показало, что *национальная гордость может служить компенсирующим фактором для устойчивости субъективного благополучия россиян*. Эмпирические данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2020 г. подтвердили эту связь. В частности, 73,2% счастливых россиян «часто» или «иногда» ощущали единство с другими гражданами своей страны. В то же время, среди несчастливых респондентов этот показатель значительно ниже – всего 43,3%. Кроме того, идентификация с жителями своего региона также более выражена у счастливых опрошенных: 76,8% против 49,8% среди несчастливых. Это подчеркивает важность гражданской и региональной идентичности для повышения уровня эмоционального компонента субъективного благополучия (табл. 51).

Таким образом, *частота и качество социальных связей в примордиальных общностях (дети, родители, друзья), а также важность социальной интеграции (профессиональной, гражданской и региональной) способствуют формированию устойчивости сегмента россиян с высоким*

уровнем эмоционального (аффективного) компонента субъективного благополучия.

Выводы. Таким образом, устойчивость сегмента индивидов с высоким уровнем субъективного благополучия за последние 10 лет, по сути, демонстрирует их способность к адаптации в постоянно изменяющихся экзо- и эндогенных условиях его жизнедеятельности. Проведенный анализ позволил **обнаружить в устойчивом сегменте «полностью удовлетворенных жизнью» и «очень счастливых» информантов в течение последних 10 лет, во-первых,** стабильную адаптивность индивидов женского пола, а именно присутствие большей доли женщин; **во-вторых,** смещение аскриптивной границы в сторону более молодого поколения; **в-третьих,** отсутствие значимости статуса занятости при попадании в данную группу; **в-четвертых,** постепенное увеличения доли удовлетворенных своей работой индивидов, вероятно, вследствие развития новых форм организации труда; **в-пятых,** меньшую значимость экономического капитала (измеряемого через доход, удовлетворенность материальным положением и оплатой труда) по сравнению с параметрами социального капитала (в группах с высоким уровнем показателей счастья фиксировался средний уровень дохода); **в-шестых,** большую включенность в социальные связи с семьей и друзьями (сегмент преимущественно счастливых россиян заметно чаще общается с членами своей семьи и друзьями, заботится о младших детях и/ или внуках); **в-седьмых,** позитивную идентификация с профессиональными, национальными, территориальными общностями.

Таким образом, метрики субъективного благополучия, измеряемые через общие когнитивные и аффективные индикаторы счастья, а также сравнительный анализ объективных и субъективных характеристик (демографических, экономических, профессиональных и социальных), предопределивших распределение индивидов в группу с более высокими показателями счастья, позволяют, по сути, **определить новые символические границы (symbolic boundary approach).** Эти символические границы накладываются на уже

существующее традиционное деление внутри общества по общепринятым социально-экономическим параметрам. Социальные и экономические границы объективированы, и проявляются в неравном доступе к ресурсам (материальным и нематериальным) и социальным возможностям, что проявляется в устойчивых поведенческих моделях (Lamont and Molnar, 2002). Использование символических границ позволяет увидеть степень разнообразия внутри традиционных существующих социально-экономических границ и основания для новых социально-экономических политик и стратегий. Новые символические границы, определяемые субъективными метриками измерения качества жизни, также позволяют исследовать иные аспекты различий в образе жизни людей, не упуская при этом важные структурные и институциональные особенности существующего общественного устройства (Jarness, 2015). Иными словами, «то, что люди чувствуют и думают о своей жизни, имеет большое значение для понимания благополучия в любом обществе, в котором значение придается не только мнению экспертов или руководителей, но и всех людей в этом обществе» (Diener et al., 2003).

3.3. Детерминанты удовлетворенности жизнью в РФ: роль дохода, демографических факторов, динамики материального достатка

В 1974 г. Истерлином Р. был предложен ряд идей и выводов относительно взаимосвязи дохода и субъективного благополучия. Проанализировав данные 29 национальных *кроссекционных опросов*, Истерлин Р. обнаружил, что с ростом дохода уровень счастья увеличивался: в каждом отдельном опросе те, кто находился в группе с высоким уровнем дохода в среднем, были счастливее тех, кто находился в группе с низкими доходами. Однако, когда эта гипотеза проверялась *на данных межстранового анализа*, взаимосвязь уровня валового внутреннего продукта и среднего уровня счастья оказывалась не такой очевидной. Так, по результатам данных Gallup-полстера, большинство стран с

самыми низкими доходами имели средние показатели субъективного благополучия (Easterlin: 105-108, 1974), что, по мнению, Истерлина Р. могло свидетельствовать *о влиянии культурной неоднородности* стран, относящихся как к категории богатых, так и к категории бедных. *Анализ временных рядов* также демонстрировал неочевидность прямой связи между субъективным благополучием и доходом. Исследуя распределение бедных и богатых в зависимости от роста субъективного благополучия за различные периоды в США (с 1946 по 1952 гг. и с 1963 по 1970 гг.), Истерлин Р. обнаружил, что, например, доля счастливых респондентов в группах как с высокими, так и с низкими доходами увеличивалась в эти периоды.

Последние наблюдения и позволили Истерлину Р. указать *на парадокс*, который заключается в противоречии во взаимосвязи счастья и дохода в определенный момент времени (кроссекционные данные) и с течением времени (данные временных рядов). А именно, *несвязанность счастья и дохода может проявляться с течением времени* (в долгосрочной перспективе), а в краткосрочной перспективе эти две величины, как правило, могут быть выше для групп индивидов с высоким доходом и ниже – с низким (Easterlin, O'Connor, 2020). Объясняя причину данного противоречия, Истерлин Р., а также О'Коннор К., Тверски А., Канеман Д. и др. указывали на существование феномена «социального сравнения». По мнению, Тверски А. и Канемана Д., люди, оценивая различные обстоятельства своей жизни, имеют в виду некий референтный уровень – «внутренний эталон» (Tversky, Kahneman, 1991). Так, таким «внутренним эталоном» могут быть доходы других людей. Достаточно типичной является ситуация, когда доходы у индивида увеличиваются, но в меньшей степени, чем доходы его референтной группы, и, в результате, положительный эффект роста собственных доходов на уровень счастья нейтрализуется ростом доходов индивидов в сопоставимой группе. Как результат, уровень субъективного благополучия в среднем может оставаться неизменным. Де Нев Э. обратил внимание на действие «парадокса Истерлина» в условиях экономического роста (De Neve et al., 2015). В случае отрицательных

темпов экономического роста индивиды могли выбирать в качестве «внутреннего эталона» свой прежний пиковый доход, и в этом случае также были возможны ситуации, когда доход рос, а уровень субъективного благополучия оставался на прежнем уровне (Easterlin, O'Connor: 14, 2020).

Нейтрализация субъективного благополучия в условиях роста дохода в долгосрочной перспективе объясняется также *феноменом адаптации*, формирующимся вследствие изменения стандартов условий жизни, потребления, в целом благополучия. Истерлин Р. отмечал, что в результате постоянного роста доходов развивается опыт социализации каждого поколения, что приводит к формированию нового «внутреннего эталона» - новых стандартов благополучия, стандартов потребления, стандартов вкусов, предпочтений, происходит постепенное увеличение количества предметов домашнего обихода и т.д. Иными словами, *новая социальная норма развивается вместе с реальным опытом людей*, и, как отмечал Истерлин Р., этот факт не учитывался в экономическом анализе. Как правило, «экономический анализ долгое время не был способен противостоять неудобным последствиям этого механизма, предполагая, что вкусы заданы и /или неизмеримы» (Easterlin: 116, 1974). Таким образом, уровень субъективного благополучия со временем подходит к некоей черте адаптации, и люди больше не реагируют на то, что раньше им приносило удовольствие или удовлетворение от жизни *до тех пор, пока не будет сформирован новый стандарт*. Так, например Ди Телла Р., Хайскин-Де Нев Дж. и МакКулох Р. на данных немецкой панели SOEP, исследуя адаптацию к росту дохода (неизменность средней удовлетворенности жизнью несмотря на экономический рост), установили, что она наступает в течение четырех лет (Di Tella et. Al., 2010). Кларк Э. на данных Британской панели домохозяйств (BHPS) высказал предположение, что адаптация к изменениям трудового дохода происходит в течение одного года (Clark, 1999). Иными словами, экономический рост, рост доходов не всегда приводили общество к всеобщему благополучию, а, скорее, сам процесс роста обуславливал процесс адаптации к предшествующей структуре благополучия. В этой связи,

представляется актуальным проводить постоянные исследования, измеряющие структуру, факторы и параметры постоянно изменяющегося благополучия для поиска точки входа на новую «гедонистическую дорожку». И, как отметил в этой связи Брэдберн Н., *«если мы лучше будем понимать, как люди приходят к своим суждениям о собственном счастье ..., мы будем в лучшем положении для разработки и осуществления эффективной социальной политики»* (Bradburn: 233,1969).

Таким образом, изучение и объяснение влияния дохода на субъективное благополучия не является простой и тривиальной задачей. Достаточно часто исследователи пытаются с различной долей успешности доказывать или опровергать «парадокс Истерлина». Так, Родионовой Л.А., на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за период 2000-2012 гг. был исследовано влияние дохода на уровень удовлетворенности жизнью в России. Эконометрический анализ показал, что на данном временном промежутке доход увеличивал вероятность быть счастливыми *в среднем на 0,09 пп.* Родионова Л.А., анализируя динамику изменения средней удовлетворенности жизнью по доходным группам, обнаружила, что самыми счастливыми оказались самые состоятельные респонденты (верхняя 25%-ная группа), а самыми несчастливыми – респонденты из нижней 25%-ной группы. Кроме того, вариация удовлетворенности жизни зависела от различных значений дохода параболически: с увеличением дохода происходил быстрый прирост показателя счастья для информантов с небольшим доходом до точки «насыщения» (60 тыс. рублей), после которой этот эффект замедлялся. В группе респондентов с высоким уровнем материального достатка рост дохода не приносил такого же роста удовлетворенности жизнью (Родионова, 2014). И, таким образом, был продемонстрирован эффект адаптации уровня удовлетворенности жизнью в условиях роста дохода. Однако, как правильно заметили Ларин А. В. и Филясов С.В., Родионова Л. А., по сути, не исследовала «привыкание» конкретных индивидов к изменениям в доходе с течением времени», а рассматривала пространственный эффект адаптации (Ларин и др.:64, 2018). Родионова Л.А. использовала пробит-модель, Ларин А.В.

и Филясов С.В. в качестве базовой модели использовали модель ARDL (Autoregressive Distributed Lag), которая как раз и позволила исследовать как краткосрочные, так и долгосрочные отношения между переменными. Однако в качестве независимой переменной исследователи использовали не показатель «удовлетворенность жизнью», а показатель «удовлетворенность материальным положением». Было доказано, что между удовлетворенностью материальным положением и реальным доходом существует краткосрочная связь, а «прямой эффект от шока в доходе является статистически незначимым уже на пятый год» (Ларин и др.: 73, 2018). Таким образом, был сделан вывод о преобладании эффекта адаптации к доходу и, соответственно, подтверждении парадокса. Эффект же социального сравнения оказался статистически незначим в объяснении уровня удовлетворенности материальным положением (Ларин и др., 2018).

Достаточно интересны исследования эффектов адаптации к доходу в группах индивидов с низким уровнем дохода Кларка Э. (Clark et al., 2014). Так, на данных немецкой панели SOEP за период 1992–2011 гг. Кларком Э. не было получено никаких доказательств, что люди адаптируются к бедности с течением времени: «бедность начиналась плохо и заканчивалась плохо». Это означало, что у лиц, испытывавших финансовые трудности, уровень удовлетворенности жизнью при длительном пребывании в таких условиях снижался. В этой группе отсутствовал механизм адаптации к бедности. Представляет также интерес изучение адаптации к доходу в группах с высоким материальным достатком. Согласно исследованиям, подтверждающих парадокс Истерлина (Easterlin, 1995; Easterlin, O'Connor, 2020; Helliwell, Putnam, 2004; Deaton, 2008; Layard, 2005; De Neve et al., 2015; Di Tella et. Al., 2010; Stevenson, Wolfers, 2008; Inglehart, 1990; Родионова, 2014; Ларин и др., 2018 и др.) со временем должна происходить такая адаптация. В ответ на колебания дохода индивиды могут со временем привыкать к своему высокому уровню жизни. Это может приводить к тому, что их удовлетворенность жизнью и счастье становятся менее зависимыми от изменений финансового положения. Адаптация к доходу может проявляться в

том, что даже при наличии значительных финансовых ресурсов, индивиды из верхней части доходного распределения начинают воспринимать свой уровень жизни как норму, что, в свою очередь, может обуславливать незначимость влияния дохода на их уровень счастья.

В этой связи возник авторский интерес в развитии данного направления теории субъективного благополучия, а, конкретно, *в изучении вариативности субъективного благополучия в зависимости от уровня дохода и продолжительности пребывания в состояниях высокого и низкого материального достатка* на панельных данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)¹²⁵ за период 2007–2021 гг.

Важно понимать, что учет национальных особенностей в подобных исследованиях представляет особую значимость, в связи с тем, что в России, *во-первых*, сформировались особые паттерны экономического неравенства, ненаблюдаемые в других странах (стремительное формирование олигархического капитала, сочетание сырьевой ренты и бедности, феномен «работающих бедных», социальные лифты советского и постсоветского периода, сочетание рыночных механизмов и значительное влияние государства на экономику и др.); *во-вторых*, имеет место быть особое отношение к богатству и бедности, сформированное под влиянием православных традиций и советского наследия (наличие специфических стратегий адаптации населения к экономическими условиям, характерным для российского менталитета); *в-третьих*, существует территориальная гетерогенность (огромная территория с существенными региональными различиями); *в-четвертых*, хорошо работают механизмы социальной защиты, позволяющие преодолевать бедность и сохранять благосостояние. *Вероятно, более глубокое понимание воздействия*

¹²⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>)

дохода на субъективное благополучие может внести вклад в формирование новой методологии для анализа и принятия решений в области социальной политики, создавать более таргетированные инструменты социальной поддержки, учитывающих российскую специфику.

Данные и их ограничения

Для решения задачи исследования использовались результаты лонгитюдного опроса индивидов и сконструированные переменные по доходам и расходам домохозяйств за период 2007–2021 гг. (16–30 волны) из базы данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE))¹²⁶.

Учитывая несбалансированность панели, для оценки репрезентативности данных за рассматриваемый период был проведен анализ на «истощение и удержание панели» (attrition&retantion). Статистический анализ и обработка данных осуществлялись в программной среде R (версия 4.4.3). На рисунках 56-57 и в таблице 30 представлены результаты анализа.

¹²⁶ Данные по индивидам: <https://www.hse.ru/rlms/spss>; сконструированные данные по доходам и расходам домохозяйств: <https://www.hse.ru/rlms/consruct>

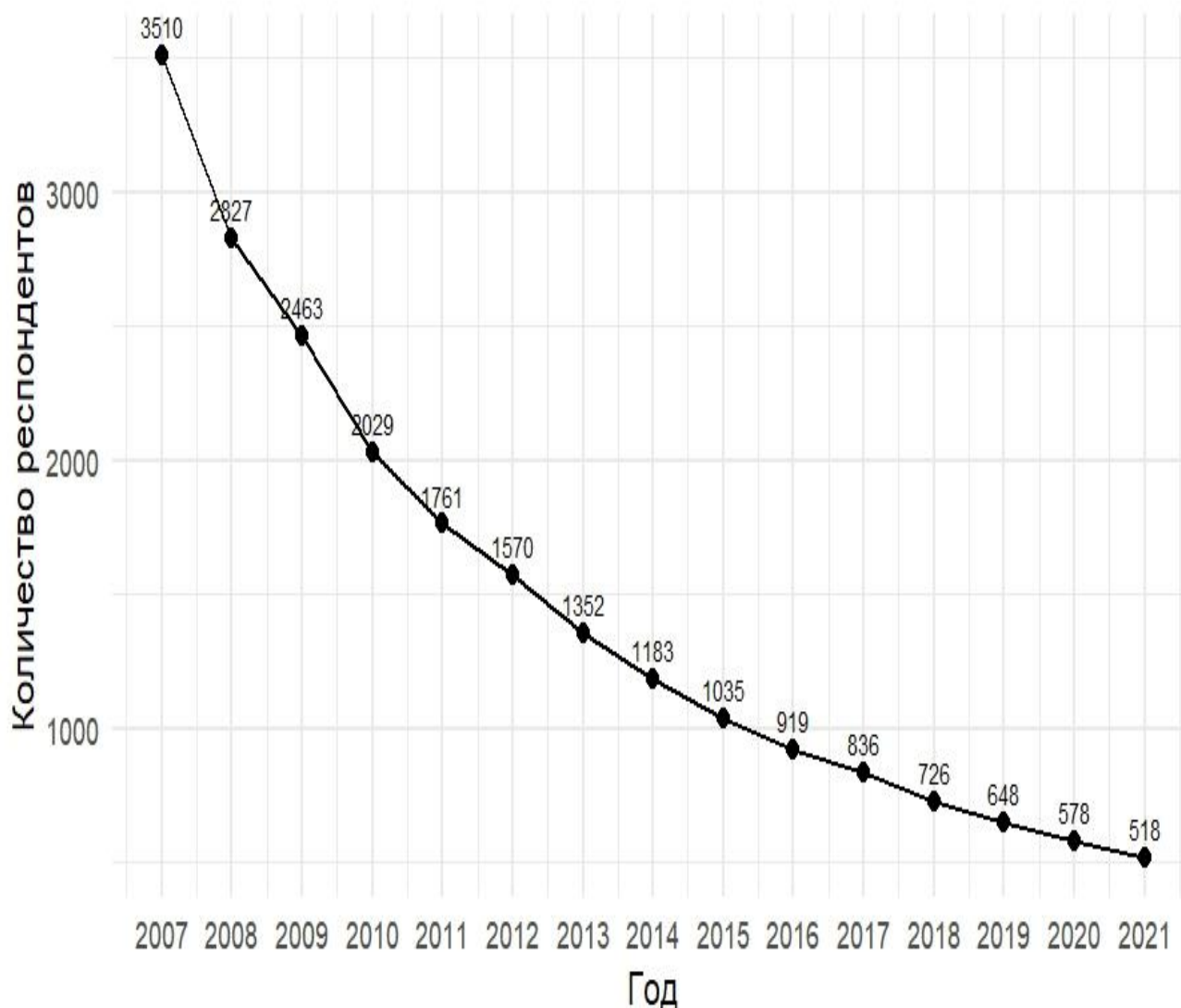

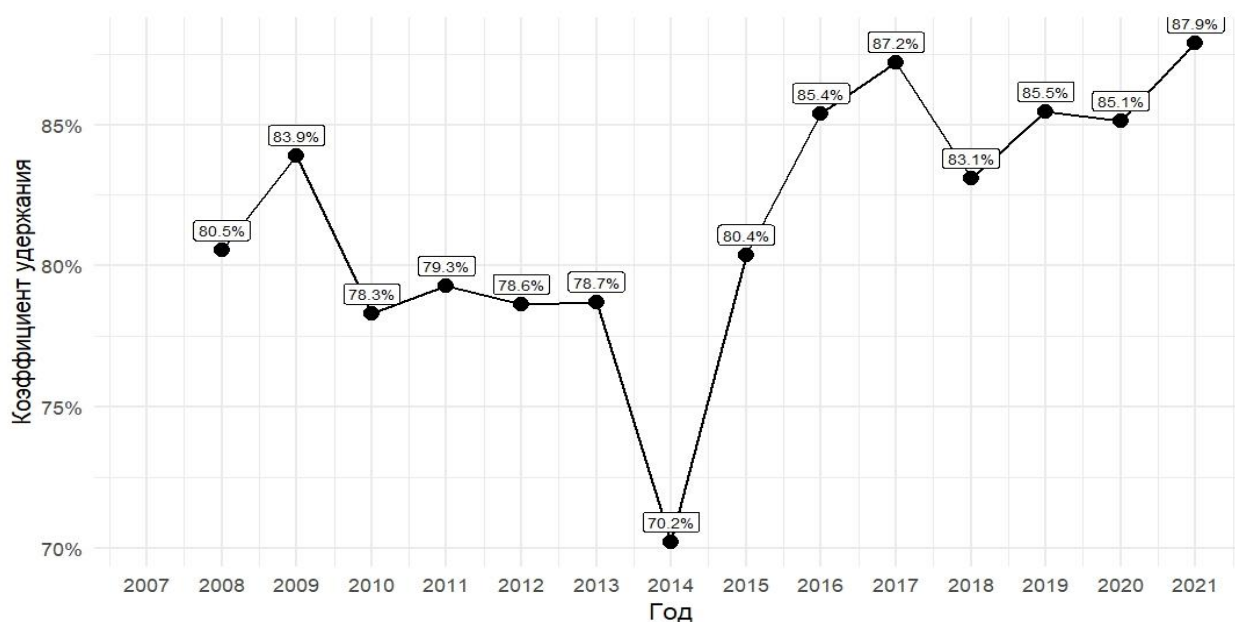
Рис. 56 – Результаты анализа «истощения панели», чел.¹²⁷

График на рисунке 63 демонстрирует убывающее количество респондентов с 2007 по 2021 гг. (сокращение размера выборки - с 3510 респондентов в 2007 г. до 518 в 2021 г., на 85% по сравнению с первоначальным количеством респондентов). Однако, по мнению автора, в течение 10 лет рассматриваемого периода в панели сохранилось вполне достаточное количество уникальных респондентов, что, безусловно, позволило в дальнейшем делать обоснованные выводы.

¹²⁷ Составлено автором.

Таблица 30 – Анализ «удержания панели» (2007-2021 гг.)¹²⁸

год	Количество респондентов на начало периода	Количество новых респондентов	Количество удерживаемых респондентов	Количество выбывших респондентов	Коэффициент удержания
2007	3510	3510	0	0	
2008	3387	560	2827	683	0,81
2009	3395	403	2992	545	0,84
2010	4780	1959	2821	737	0,78
2011	5261	1166	4095	990	0,79
2012	5314	941	4373	1124	0,79
2013	5110	676	4434	1131	0,79
2014	4210	335	3875	1522	0,70
2015	4157	390	3767	826	0,80
2016	4199	346	3853	607	0,85
2017	4246	350	3896	537	0,87
2018	4016	302	3714	718	0,83
2019	3865	237	3628	584	0,85
2020	3742	309	3433	575	0,85
2021	3694	267	3427	453	0,88
Общее количество наблюдений	62886				

Рис. 57 – Коэффициент «удержания панели» (2007-2021 гг.)¹²⁹

¹²⁸ Прим. автора. При анализе удержания не учитываются уникальные коды респондентов, считается их общее количество по соответствующим показателям в таблице

¹²⁹ Составлено автором.

На графике (рис. 57) и в таблице 30 продемонстрированы высокие коэффициенты удержания (в основном 80-88%), что свидетельствует о стабильности общего количества респондентов и могло также обеспечивать репрезентативность выборки и достоверность результатов на протяжении времени. Даже в «проблемном» 2014 г. коэффициент удержания, составивший 70%, выглядел достаточно приемлемым.

Таким образом, анализ удержания и истощения панели позволил, по мнению автора, использовать эти данные для получения достоверных и репрезентативных выводов, в том числе в контексте лонгитюдных исследований. Однако при анализе пребывания индивидов в состояниях низкого или высокого материального достатка важно было впоследствии учитывать значительное истощение панели в последние годы анализируемого периода. Небольшой размер выборки в последние годы мог бы снижать статистическую мощность выводов.

Выбор переменных

В исследовании использовалась *бинарная пробит-модель со смешанными эффектами* (об обосновании выбора и спецификации модели ниже). Исходная зависимая переменная – удовлетворенность жизнью (*swb*) – измерялась вопросом «Насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?» из взрослого вопросника Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), измеренная по шкале Ликерта (от 1 до 5: полностью удовлетворены – совсем не удовлетворены). Для облегчения интерпретации результатов шкала была изменена на обратную, в которой более высокие значения означали более положительное состояние (значение ответа вычиталось из 6, и, таким образом, 1 означал «совсем не удовлетворены», а 5 – полностью удовлетворены). Далее зависимая переменная была преобразована в бинарную (*swb_binary*), где значение 1 присваивалось респондентам, отметивших оценки «4» и «5» по

используемой шкале субъективного благополучия («полностью удовлетворены» и «скорее удовлетворены»), и 0 – всем остальным. Такое преобразование было обосновано несколькими соображениями. Во-первых, оно позволило фокусироваться на исследовании факторах, способствующих достижению *высокого уровня субъективного благополучия*. Во-вторых, дихотомизация снижала потенциальные проблемы, связанные с неравными «психологическими интервалами» между категориями порядковой шкалы. В-третьих, бинарная спецификация упростила интерпретацию результатов при анализе предельных эффектов.

В качестве *независимых переменных* использовались доход (*aver_income*), продолжительность пребывания в состояниях низкого и высокого материального достатка (*poor/rich*), пол (*gender*), возраст (*age/age_squared*), образование (*h_edu*). Выбор переменных, с одной стороны, был обусловлен исследовательским интересом и задачей, а, с другой стороны, основывался на результатах проведенного обзора предметного поля (см. главу 2). Теоретическое обоснование факторов представлено в таблице 31.

Таблица 31 – Теоретическое обоснование выбора факторов, влияющих на субъективное благополучие¹³⁰

Выбор	Теоретическое обоснование
1	2
Доход (<i>aver_income</i>)	Устойчивая связь между уровнем дохода и субъективным благополучием (Easterlin, 1974; Easterlin, 2001; Clark, 2018; Diener et al., 2013; Howell et al., 2008; Sacks et al., 2012; Steel et al., 2018; Tan et al., 2020; Voukelatou et al., 2021; Ларин и др., 2018; Антипина и др., 2022; Родионова, 2014 и др.)
Продолжительность пребывания в состояниях низкого и высокого материального достатка (<i>poor/rich</i>)	Теории адаптации субъективного благополучия в условиях пребывания в определенном материальном статусе, теории относительного дохода (Easterlin, 1974; Clark et al., 2008; Di Tella et al., 2010; Ferrer-i-Carbonell, 2004; Diener, 2012; Howell et al., 2008; Tan et al., 2020; Frey et al., 2002; Cheung et al., 2016 и др.)

¹³⁰ Составлено автором.

1	2
Пол (gender1) ¹³¹	Гендерные различия в оценке удовлетворенности жизнью, связанные с различными социальными ожиданиями, различными стратегиями стрессоустойчивости, другими гендерно-специфическими факторами (Nolen-Hoeksema & Rusting, 1999; Tesch-Römer et al., 2008; Stone et al., 2010)
Возраст (age/ age_squared)	Подтверждение многочисленными исследованиями нелинейной спецификации возраста (U-образной зависимости), моделирование снижение удовлетворенности жизнью в среднем возрасте с последующим повышением в пожилом (Blanchflower & Oswald, 2008; Diener et al., 2018b; Dolan et al., 2012; Graham et al., 2017; Blanchflower, 2021; Антипина, 2022 и др.)
Образование (h_edu)	Положительная связь между дополнительным уровнем образования и субъективным благополучием (Helliwell, 2003; Clark, 2018); влияние образования на удовлетворенность жизнью как напрямую через расширение возможностей самореализации и когнитивных ресурсов (Michalos, 2008), так и опосредованно через влияние на доход, социальный статус и здоровье (Cuñado & de Gracia, 2012).

Далее представляется важным сделать ряд комментариев и уточнений по поводу использования и преобразования рассмотренных переменных. Так, для расчета среднедушевого дохода (**aver_income**) использовались сконструированные данные доходов и расходов домохозяйств РМЭЗ НИУ ВШЭ. Вычисление переменной осуществлялось путем деления общего дохода домохозяйства на число его членов. При этом показатели дохода рассчитывались в ценах 2003 г., то есть приводились к единому базовому году для обеспечения сопоставимости данных разных лет. При использовании данного предиктора субъективного благополучия, безусловно, были ограничения. В связи с тем, что доходы часто имеют асимметричное распределение с «длинным хвостом» в сторону высоких значений (например, много индивидов с низкими доходами и мало – с высокими), для нормализации данных и повышения качества анализа

¹³¹ Прим. автора. Включение, помимо переменных, связанных с доходом, демографических (пол, возраст, образование) было необходимо для минимизации проблемы пропущенных переменных и получения несмещенных оценок.

был использован логарифм среднедушевого дохода (*log_aver_income*). Новая переменная – *log_aver_income* добавлялась в базу данных обследований индивидов (базу данных, сформированную по результатам взрослого опросника).

Переменные – *poor* (продолжительность пребывания в состоянии низкого материального достатка – «состояние бедности») и *rich* (продолжительность пребывания в состоянии высокого материального достатка – «состояние богатства») рассчитывались по следующему алгоритму. *Во-первых*, определение критериев низкого и высокого материального достатка («граница бедности» и «граница богатства»). *Во-вторых*, отслеживание каждого респондента на протяжении всего периода 2007-2021 гг. *В-третьих*, расчет для каждого респондента количества лет непрерывного пребывания в состоянии низкого материального достатка (бедности), высокого материального достатка (богатства). Все расчеты и статистический анализ, по-прежнему, выполнялись автором в программной среде R (версия 4.4.3). Для обработки панельных данных использовались пакеты *dplyr*, *tidyr*, позволившими эффективно манипулировать структурированными данными. Для анализа продолжительности пребывания респондентов в различных материальных состояниях применялся пакет *survival*.

Рассмотрим результаты реализации оценки моделей для случая с переменной *poor* и переменной *rich*: продолжительности пребывания в состояниях низкого и высокого материального достатка - **«кумулятивных эффектов бедности и богатства»**. Опираясь на подходы Кларка Э., Антипиной О. граница низкого дохода («граница бедности») определялась на уровне 60% от медианного дохода (Clark et al., 2014; Антипина и др., 2022). Таким образом, в группу низкого материального достатка попадали индивиды, имеющих доходы ниже этой границы. Для индивидов с высоким уровнем дохода был установлен порог (граница высокого дохода – «граница богатства») – 160% от медианного дохода. Этот же подход применялся Луо Дж. (Luo, 2021), Антипина О. использовала более высокий порог вхождения в аналогичную группу– 200% (Антипина и др., 2022). Но, как обратил внимание, Кларк Э., определение таких критериев остается весьма и весьма дискуссионным

вопросом (Clark et al.: 5, 2014). На рисунке 58 представлена динамика изменения медианного дохода, границ низкого и высокого дохода за исследуемый период, а на рисунке 59 – динамика изменения медианного дохода в группах индивидов, находящихся в состояниях низкого и высокого материального достатка.

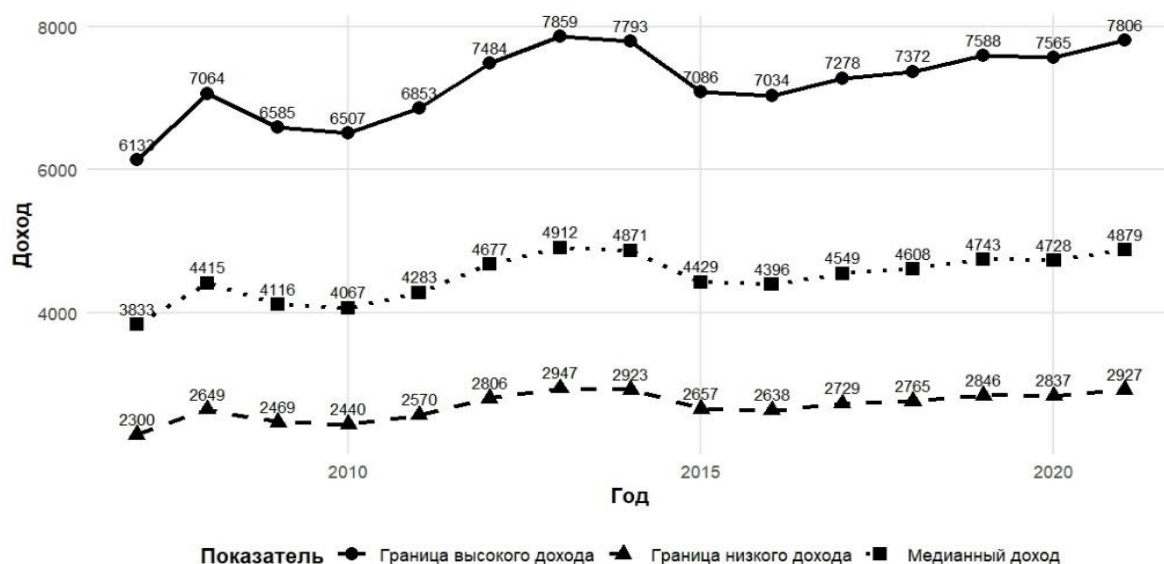

Рис. 58 – Динамика медианного дохода, границ бедности и богатства в РФ, (2007 – 2021 гг.), руб.¹³²

Комментарий к графику. В течение исследуемого периода все три показателя (граница высокого дохода, медианный доход и граница низкого дохода) демонстрировали рост, что указывало на общее повышение доходов населения. В течение 2013-2014 гг. наблюдался пик по всем показателям дохода (граница высокого дохода: значения «7859» и «7793», граница низкого дохода: «2947» и «2923», медианный доход: «4912» и «4871»), после которого происходило некоторое снижение, а затем восстановление к 2021 г.. В параграфе 4.1. при анализе индексов субъективного благополучия обращалось внимание на этот тренд, в данном случае он повторяется. Вероятно снижение произошло из-за экономического кризиса 2014 г. (присоединение Крыма, санкции, падение рубля, инфляция, снижение доходов), к 2017 г. происходит адаптация экономики, снижается инфляция и нефтезависимость рубля, происходит рост зарплат и потребления, что, в свою очередь, могло повлиять и на восстановление уровня доходов к 2021 г. Однако важно констатировать сохранение разрывов между показателями: разница между границей высокого и медианного доходов, между медианным доходом и границей низкого дохода, между границей высокого и низкого доходов оставалась значительной на протяжении всего периода, что свидетельствует о сохранении неравенства.

¹³² Составлено автором.

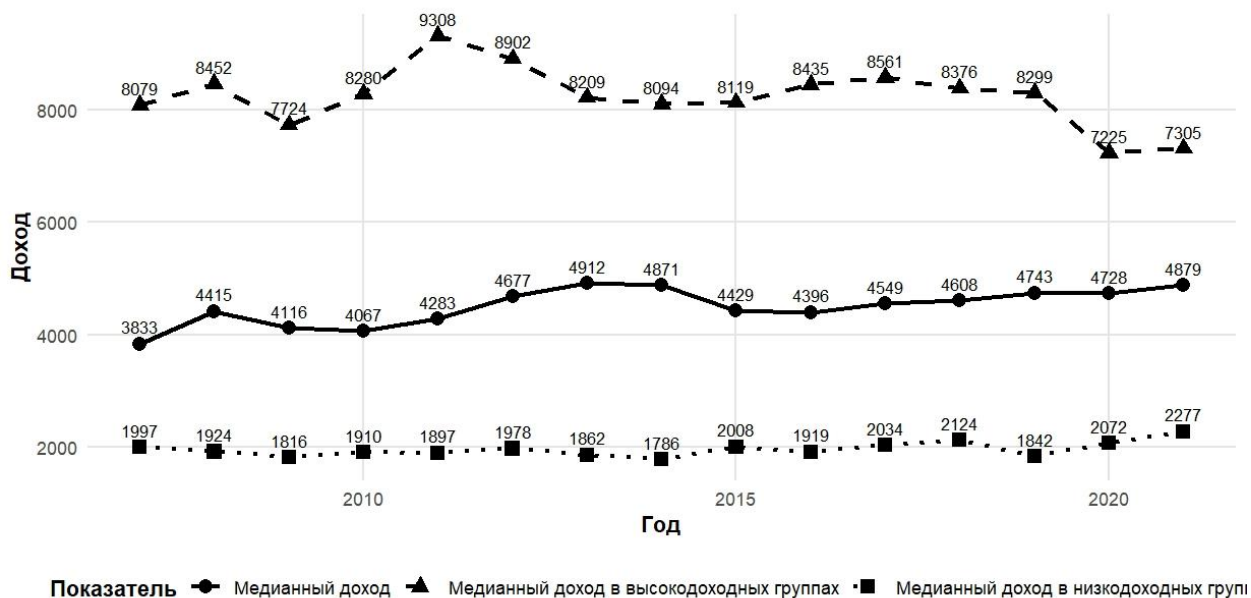

Рис. 59 – Динамика медианного дохода, медианных доходов в низко- и высокодоходных группах в РФ (2007-2021 гг.), руб.¹³³

Комментарий к графику. Аналогично с рис. 3 демонстрируется значительный и устойчивый разрыв между высокодоходной и низкодоходной группами населения на протяжении всего периода 2007–2021 гг. Доходы высокодоходных групп примерно в 4 раза превышали доходы низкодоходных групп, что свидетельствует о существенном неравенстве в распределении доходов. Общий медианный доход находился ближе к показателям низкодоходных, чем высокодоходных групп, что могло указывать на то, что большая часть населения имела доходы ниже среднего. В высокодоходной группе в последние два года произошло падение доходов, что могло быть связано с влиянием пандемии, действительно, приведшей к экономическому спаду, сокращению деловой активности, сокращению бонусов и премиальных выплат в корпоративном секторе, структурных изменений в экономике, затронувших высокооплачиваемые отрасли и т.д.

Далее был осуществлен расчет «кумулятивных эффектов бедности и богатства», для чего было создано по 10 дамми- переменных соответственно для группы *poor* и группы *rich*, каждая из которых фиксировала конкретное количество лет пребывания в соответствующих статусах. Например, если индивид находился в течение исследуемого периода (2007-2021 гг.) 1 год в состоянии низкого материального достатка переменной присваивалось имя *poor_1*, если 2 года – *poor_2*, ..., если 10 и более лет – *poor_10*. Аналогичные переменные были созданы для группы *rich* (*rich_1, rich_2, ..., rich_10*). Однако,

¹³³ Составлено автором.

учитывая вышеописанные ограничения по истощению панельных данных (см. рис. 63) и то, что расчет производились автоматически в программной среде R, важно было убедиться, что каждая из новых переменных имела достаточное количество наблюдений для последующего эконометрического анализа. В этой связи была осуществлена группировка результатов по длительности пребывания в состояниях низкого материального достатка: например, сколько индивидов были бедными 1 год подряд, 2 года подряд...и так далее до 15 лет. Аналогично происходила группировка для тех, кто, напротив, находился непрерывно определенное количество лет в состоянии высокого материального достатка. Результаты этой группировки представлены в таблице 32.

Таблица 32 – Группировка результатов по длительности пребывания индивидов в состояниях низкого и высокого материального достатка, чел.¹³⁴

Продолжительность пребывания в состояниях различного материального достатка, количество лет	Кумулятивный эффект		ИТОГО наблюдений
	Низкий доход (poor)	Высокий доход (rich)	
1	15094	11227	
2	5585	3426	
3	1780	1056	
4	574	405	
5	210	106	
6	66	58	
7	19	4	
8	0	0	
9	0	0	
10	0	0	
ИТОГО наблюдений	23328	16282	39610

Комментарий. Общее количество наблюдений за исследуемый период составило 62505, а доля наблюдений группы респондентов с низким и высоким доходами составила 63% (39610), остальные респонденты – находились либо выше границы бедности, либо ниже границы богатства.

¹³⁴ Составлено автором.

Представленная таблица, с одной стороны, позволила скорректировать выбор переменных для последующего анализа, а, с другой стороны, продемонстрировала степень устойчивости к состоянию бедности или богатства среди респондентов РМЭЗ НИУ ВШЭ. Общее количество наблюдений для низкого дохода (23328) превышало количество наблюдений для высокого дохода (16282), что могло указывать на то, что среди респондентов состояние низкого дохода встречалось чаще. Большинство наблюдений (15094 для низкого дохода и 11227 для высокого дохода) приходилось на краткосрочное пребывание в соответствующем состоянии (1 год). Это могло свидетельствовать о значительной мобильности доходов, то есть индивиды не оставались долго в одной и той же категории, вероятно, могла происходить частая смена финансового положения (индивиды с низким доходом могли переходить, например, в категорию среднего или высокого дохода, и наоборот). С увеличением продолжительности пребывания в определенном состоянии материального достатка количество наблюдений снижалось. Это могло указывать на то, что длительное сохранение как низкого, так и высокого дохода являлось относительно редким явлением. Доля людей, находящихся в состоянии низкого дохода более длительное время, оказалась выше, чем доля людей, сохраняющих высокий доход на протяжении многих лет. Возможно, выход из состояния низкого дохода был сложнее, чем потеря высокого дохода.

После 7 лет не наблюдается случаев длительного пребывания ни в состоянии низкого, ни в состоянии высокого материального достатка, что может говорить либо об ограниченности периода наблюдений, либо о высокой динамике изменения доходов в исследуемой выборке. Принимая во внимание последний факт, в процессе эконометрического моделирования будут использоваться только переменные, для которых есть наблюдения.

Таким образом, выбранные переменные (табл. 53) были соответствующим образом операционализированы, что, по мнению автора, способствовало минимизации проблем измерения.

Выбор эконометрического метода

Для анализа факторов, влияющих на удовлетворенность жизнью, на основе результатов предшественников и наших исследований был выбран *метод бинарной пробит-модели со смешанными эффектами, учитывающий влияние как фиксированных, так и случайных эффектов на зависимую переменную.* Выбор эконометрического метода был обусловлен, **во-первых**, природой зависимой переменной. Поскольку «удовлетворенность жизнью» (*swb_binary*) являлась бинарной переменной, использование, например, линейной регрессионной модели было бы некорректным, так как именно пробит-модели в большей степени подходят для моделирования вероятности бинарных исходов и обеспечивают корректные оценки в диапазоне $[0,1]$. **Во-вторых**, выбор пробит-модели обусловлен предположением о нормальном распределении *ошибок* латентной переменной, что *соответствует теоретическим представлениям о непрерывной природе «скрытой» удовлетворенности жизнью. Действительно, в реальности удовлетворенность жизнью — это непрерывная величина, которая существует в сознании человека.* Иными словами уровень удовлетворенности можно представить как непрерывную шкалу от крайне неудовлетворенного до полностью удовлетворенного состояния. Эта непрерывная величина и есть «скрытая» или латентная удовлетворенность. Величину такой непрерывной величины (латентной удовлетворенности) невозможно измерить, и в опросах можно получить только дискретные ответы. Таким образом, непрерывная латентная переменная приближалась в нашем случае бинарным индикатором. **В-третьих**, в связи с тем, что набор данных имел панельную структуру, где одни и те же индивиды отслеживались в течении нескольких временных периодов, то могла возникнуть проблема зависимости наблюдений. Например, ошибки для одного и того же индивида могли коррелировать во времени, что нарушало бы предположение о независимости наблюдений и приводило бы к смещенным оценкам стандартных ошибок; ненаблюдаемые индивидуальные характеристики могли влиять на зависимую переменную во всех временных периодах, создавая

систематическую зависимость в данных. Учесть индивидуальную гетерогенность и позволили *случайные индивидуальные эффекты*. Кроме того, анализ панельных данных должен был учитывать, что с течением времени могли возникать различные ненаблюдаемые временные шоки (например, экономические кризисы, рецессии, подъемы, институциональные и законодательные изменения и др.), которые могли, в свою очередь, воздействовать на всех индивидов в конкретные периоды. И в этом случае для моделирования временной гетерогенности используются случайные временные эффекты. **В-четвертых**, использование пробит-модели *со смешанными эффектами* позволяло учитывать фиксированные эффекты для основных предикторов, в том числе, неизменных во времени (например, пол, образование), что, в свою очередь, позволило оценить их прямое влияние на зависимую переменную.

Данный метод также использовался в исследованиях субъективного благополучия Ван-Праагом В. и Феррер-Карбонелл А. (Van Praag, Ferrer-i-Carbonell, 2008), Мундалаком Ю. (Mundlak, 1978), Алесиной А., Ди Телла Р., МакКуллохом (Alesina et al., 2004), Дитоном А. и Стоуном А. (Deaton, Stone, 2013), что обеспечивает вклад в накопление знаний по данной проблематике.

Стандартная спецификация бинарной пробит-модели со смешанными эффектами выглядит следующим образом:

$$P(Y_{it} = 1|X_{it}) = \Phi(X_{it}'\beta + \alpha_i + \gamma_t) \quad (3)$$

где:

- Y_{it} - зависимая бинарная переменная,
- $\Phi()$ - кумулятивная функция стандартного нормального распределения,
- X_{it} - вектор объясняющих переменных,
- β – вектор коэффициентов фиксированных эффектов,
- α_i - индивидуальные случайные эффекты,
- γ_t - временные случайные эффекты.

Развернутая спецификация модели (для случая с переменной poor) (4):

$$P_{\text{poor}}(\text{swb_binary_it} = 1 | X_{\text{it}}) = \Phi(\alpha_i + \gamma_t + \beta_1 \log_aver_income_it + \beta_2 \text{poor1_it} + \beta_3 \text{poor2_it} + \beta_4 \text{poor3_it} + \beta_5 \text{poor4_it} + \beta_6 \text{poor5_it} + \beta_7 \text{poor6_it} + \beta_8 \text{poor7_it} + \beta_9 \text{gender1_i} + \beta_{10} \text{age_it} + \beta_{11} \text{age_squared_it} + \beta_{12} \text{h_edu_i})$$

Развернутая спецификация модели (для случая с переменной rich) (5):

$$P_{\text{rich}}(\text{swb_binary_it} = 1 | X_{\text{it}}) = \Phi(\alpha_i + \gamma_t + \beta_1 \log_aver_income_it + \beta_2 \text{rich1_it} + \beta_3 \text{rich2_it} + \beta_4 \text{rich3_it} + \beta_5 \text{rich4_it} + \beta_6 \text{rich5_it} + \beta_7 \text{rich6_it} + \beta_8 \text{rich7_it} + \beta_9 \text{gender1_i} + \beta_{10} \text{age_it} + \beta_{11} \text{age_squared_it} + \beta_{12} \text{h_edu_i})$$

Описание компонентов эконометрической модели:

α_i — индивидуальный случайный эффект, распределенный нормально с нулевым средним и дисперсией σ^2_α ¹³⁵;

γ_t — временной случайный эффект, распределенный нормально с нулевым средним и дисперсией σ^2_γ ¹³⁶;

$\log_aver_income_it$ — логарифм среднедушевого дохода i -го индивида в момент в времени t ;

$\text{poor1}_i \dots \text{poor7}_i$ — продолжительность пребывания в состоянии низкого материального достатка, где i — количество лет пребывания в этом статусе;

¹³⁵ Прим. автора. Свойства распределения α_i : индивидуальный случайный эффект подчиняется гауссовскому (нормальному) закону распределения, нулевое среднее — математическое ожидание $E[\alpha_i] = 0$, что означает отсутствие систематического смещения; дисперсия σ^2_α — параметр, характеризующий разброс индивидуальных эффектов между объектами.

¹³⁶ Прим. автора. Свойства распределения γ_t : временной случайный эффект подчиняется гауссовскому закону распределения; нулевое среднее — математическое ожидание $E[\gamma_t] = 0$, что означает отсутствие систематического смещения во времени; дисперсия σ^2_γ — параметр, характеризующий разброс временных эффектов между различными периодами.

$rich1_i \dots rich7_i$ — продолжительность пребывания в состоянии высокого материального достатка, где i — количество лет пребывания в этом статусе;

$gender1_i$ — пол индивида (постоянная характеристика)

age_it — возраст i -го индивида в момент времени t ¹³⁷;

$age_squared_it$ — квадрат возраста i -го индивида в момент времени t (для учета нелинейного влияния);

h_edu_i — уровень максимально достигнутого законченного образования (среднее образование, среднее специальное образование, высшее образование) i -го индивида (постоянная характеристика).

Модель может быть *представлена через латентную переменную* Z_it (для случая с переменной *poor*) **(6)**:

$$Z_it(\text{poor}) = \alpha_i + \gamma_t + \beta_1 \log_aver_income_it + \\ \beta_2 \text{poor1_i} + \beta_3 \text{poor2_i} + \beta_4 \text{poor3_i} + \beta_5 \text{poor4_i} + \beta_6 \text{poor5_i} + \beta_7 \text{poor6_i} \\ + \beta_8 \text{poor7_i} + \\ \beta_{16} \text{gender_i} + \beta_{17} \text{age_it} + \beta_{18} \text{age_squared_it} + \beta_{19} \text{h_edu_i} + \varepsilon_it$$

Модель с *латентной переменной* Z_it (для случая с переменной *rich*) **(7)**:

$$Z_it(\text{rich}) = \alpha_i + \gamma_t + \beta_1 \log_aver_income_it + \\ \beta_9 \text{rich1_i} + \beta_{10} \text{rich2_i} + \beta_{11} \text{rich3_i} + \beta_{12} \text{rich4_i} + \beta_{13} \text{rich5_i} + \beta_{14} \text{rich6_i} + \\ \beta_{15} \text{rich7_i} + \\ \beta_{16} \text{gender_i} + \beta_{17} \text{age_it} + \beta_{18} \text{age_squared_it} + \beta_{19} \text{h_edu_i} + \varepsilon_it$$

где $\varepsilon_it \sim N(0,1)$ — случайная ошибка;

$swb_binary_it = 1$, если $Z_it > 0$,

$swb_binary_it = 0$, если $Z_it \leq 0$.

¹³⁷ Прим. автора. Использовался диапазон возраста от 19 до 59 лет.

Таким образом, учитывая сложную структуру панельных данных и теоретические представления о непрерывной латентной переменной Z_{it} субъективного благополучия, выбранная бинарная пробит-модель со смешанными эффектами являлась оптимальным методом для анализа. Модель эффективно учитывала двойную гетерогенность: индивидуальную (через случайные эффекты α_i) и временную (через случайные эффекты γ_t), позволяла избегать проблем смещения оценок из-за зависимости наблюдений внутри индивидов, невозможности прямого измерения латентной переменной. Кроме того, как было указано выше, использование данной модели соответствовало подходам, применяемым ведущими исследователями в области субъективного благополучия (Ван-Праагом В., Феррер-Карбонеллом А., Мундалаком Ю., Алесиной А., Ди Телла Р., МакКуллохом, Дитоном А. и Стоуном А.).

*Результаты оценивания, диагностика модели и интерпретация
результатов*

Оценка модели осуществлялась с помощью пакета `glmmTMB` в программной среде R, результаты оценивания представлены в таблицах 33 и 34, на рисунке 67 представлен график предельных эффектов.

Таблица 33 – Результаты оценивания модели
(для случая с использованием переменной *poor*)

Переменная	Коэфф ициент	Станд. ошибка	Z- статис тика	р- значен ие ¹³⁸	Нижняя граница ДИ	Верхняя граница ДИ	Предельны й эффект ¹³⁹
(Intercept)	-1,4146	0,1664	-8,5011	0	-1,7407	-1,0885	-0,5239
age	-0,0597	0,0063	-9,468	0	-0,0721	-0,0474	-0,0077
age squared	0,0005	0,0001	6,0815	0	0,0003	0,0006	0,0002
gender1 ¹⁴⁰	-0,1301	0,0247	-5,2663	0	-0,1785	-0,0817	-0,0482
h_edu2. Secondary ¹⁴¹	0,1326	0,0311	4,2617	0	0,0716	0,1936	0,0491
h_edu3. Vocational	0,2468	0,0343	7,1929	0	0,1796	0,3141	0,0914
h_edu4. Higher	0,4705	0,0357	13,1796	0	0,4005	0,5405	0,1742
log_aver_incom e	0,3353	0,012	27,8565	0	0,3117	0,3589	0,1242
poor_1	-0,0199	0,0213	-0,9353	0,3496	-0,0616	0,0218	-0,0074
poor_2	-0,026	0,032	-0,8105	0,4177	-0,0888	0,0368	-0,0096
poor_3	-0,0826	0,0514	-1,6066	0,1081	-0,1834	0,0182	-0,0306
poor_4	0,0415	0,0846	0,4903	0,6239	-0,1244	0,2073	0,0154
poor_5	0,2169	0,1368	1,5851	0,1129	-0,0513	0,4851	0,0803
poor_6	0,1393	0,2568	0,5424	0,5875	-0,364	0,6425	0,0516
poor_7	0,1166	0,4478	0,2603	0,7946	-0,7612	0,9943	0,0432
AIC	72783.8						
BIC	72937.5						
Random effects:							
	Varian ce	Std.Dev.					
Idind (Intercept)	0.8364	0.9145					
Time (Intercept)	0.0188	0.1370					
Marginal R2 / Conditional R2	0.078/0.503						
Количество наблюдений	62505						
Количество объектов (idind)	11721						
Количество периодов наблюдения	15						

¹³⁸ Статистически значимые переменные ($p < 0.05$).

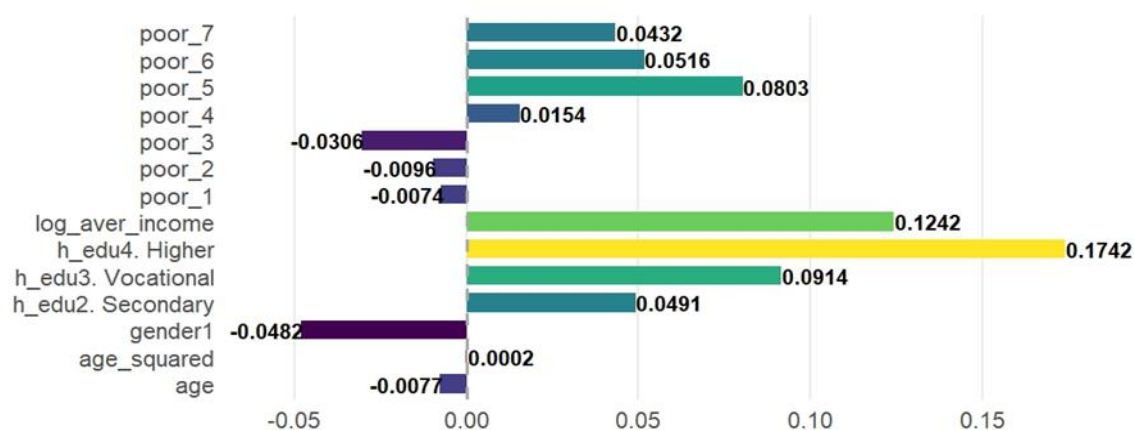
¹³⁹ Рассчитывались средние предельные эффекты (Average Marginal Effects, AME).

¹⁴⁰ В качестве базовой категории для сравнения использовался мужской пол.

¹⁴¹ В качестве базовой категории для сравнения использовалась категория – образование ниже среднего, h_edu2.Secondary – среднее образование, h_edu3.Vocational – среднее специальное, h_edu4.Higher – высшее.

Значение условного (Conditional) R^2 - 0.503 свидетельствовало о том, что модель объясняет примерно 50,3% общей вариации удовлетворенности жизнью при учете как фиксированных, так и случайных эффектов. Маргинальный (Marginal) R^2 , равный 0.078, говорит о том, что фиксированные эффекты объясняют примерно 7,8% дисперсии. Это означало, что большая часть объясненной дисперсии (примерно 42.5%) приходилась на случайные эффекты, а не на фиксированные предикторы. Полученное высокое значение дисперсии для индивидуальных случайных эффектов (0, 8364) свидетельствовало о том, что индивидуальные различия также объясняют значительную часть вариации субъективного благополучия. Иными словами, разные индивиды могут иметь существенно разные значения индикаторов субъективного благополучия. Дисперсия для временных случайных эффектов (0,0188) представляется относительно низкой. Это означало, что субъективное благополучие индивидов относительно стабильно во времени для каждого индивида вне зависимости от каких-либо временных возмущений и шоков.

Проанализируем предельные эффекты (рис. 60).

**Рис. 60 – График предельных эффектов
(для случая с использованием переменной poor)¹⁴²**

¹⁴² Составлено автором.

Пределные эффекты являются хорошим показателем того, как факторы (фиксированные эффекты) в среднем влияют на изменение вероятности наступления моделируемого события (высокого уровня субъективного благополучия – удовлетворенности жизнью). Пределный эффект логарифма среднедушевого дохода (\log_aver_income) – 0,1242. Это означает, что увеличение логарифма среднего дохода на единицу повышает вероятность того, что у индивидов будет фиксироваться высокий уровень удовлетворенности жизнью, на 12,42 %.

Вариативность субъективного благополучия в зависимости от пребывания индивидов в состоянии низкого материального достатка оказалась незначимой: коэффициенты при переменных, каждая из которых обозначала 1 год, 2 года, ... 7 лет пребывания в статусе бедности, имели р-значимость больше 0,05, а доверительные интервалы содержали нулевое значение. *Это интересный результат, показывающий, что объективные показатели бедности в РФ могут не иметь прямого влияния на субъективное благополучие при контроле других факторов*, что противоречит некоторым исследованиям, в частности исследованию эффектов адаптации в группах с низким уровнем дохода Кларка Э. (Clark et al., 2014). Согласно результатам, полученных Кларком Э. на основе анализа немецкой панели SOEP, не было обнаружено фактов адаптации к бедности («бедность начиналась плохо и заканчивалась плохо»). В нашем же случае, уже в первый год пребывания в этом состоянии, появляются, вероятно, механизмы адаптации, позволившие индивидам приспособиться к тяжелым материальным условиям. Таким образом, *результаты, полученные на данных российской панели РМЭЗ НИУ ВШЭ, продемонстрировали разрыв между объективными экономическими показателями и субъективным восприятием своей жизни* (о чем, к слову сказать, шла речь в первой главе диссертации). Этот вывод может иметь значение для разработки и оценки эффективных программ в сфере социально-экономической политики, в частности, по мнению автора, *необходимо пересматривать такие методики*

оценки программ борьбы с бедностью в РФ в направлении использования субъективных метрик, а также использовании более комплексного подхода (см. концепцию благополучия в первой главе), выходящий за рамки объективных экономических показателей.

Далее рассмотрим результаты анализа влияния демографических характеристик (пол, возраст и образования) на вариацию субъективного благополучия. Были зафиксированы гендерные различия в восприятии своего благополучия. Предельный эффект при переменной «пол» (gender1) - «-0,0482» (отрицательный), это означало, что вероятность иметь высокий уровень удовлетворенности жизнью среди женщин на 4,82% ниже, чем у мужчин. Наблюдалась четкая положительная связь между уровнем образования и вероятностью высокого уровня удовлетворенности жизнью. По сравнению с базовой категорией (ниже среднего), высшее образование увеличивало вероятность быть удовлетворенным жизнью на 17,42 %. Возможно, это может объясняться лучшими карьерными перспективами, более высоким социальным статусом, лучшим пониманием жизненных процессов и др.

С увеличением возраста на один год вероятность ощущения высокой удовлетворенности жизнью снижалась на 0,77%. Однако положительный коэффициент при переменной age_squared (предельный эффект - 0,0002) мог бы указывать на U-образную зависимость вероятности высокого уровня удовлетворенности жизнью от возраста. Учитывая данный результат, автором был визуализирован предельный эффект возраста с помощью пакета ggplot2 программной среды R (рис.61).

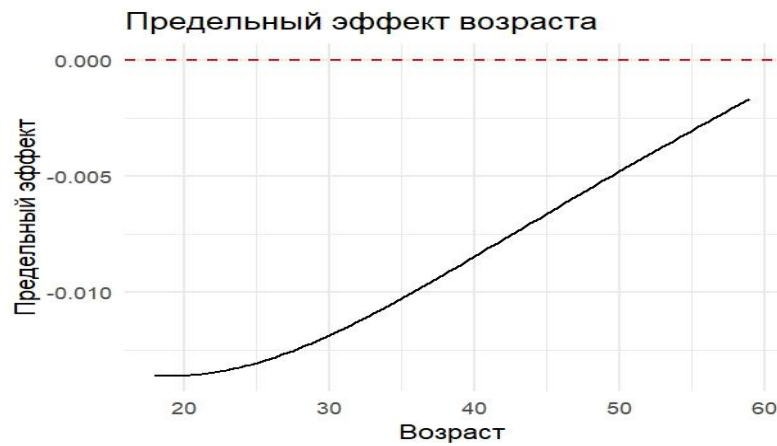

Рис. 61 – Предельный эффект возраста (в промежутке от 19 до 59 лет)

На графике продемонстрировано, что в молодом возрасте (около 19-20 лет) предельный эффект возраста имел отрицательное значение, что означало негативное влияние увеличения возраста на вероятность ощущения в этом возрасте высокой удовлетворенности жизнью. Но, по мере увеличения возраста эта отрицательная зависимость постепенно ослабевала (кривая поднималась на графике вверх) и к 60 годам кривая приближалась к нулевой отметке, таким образом, негативное влияние возраста практически исчезало. Ранее этот возрастной порог был описан в параграфе 3.1 и на диаграммах рассеяния был продемонстрировано, что рост субъективного благополучия начинался в промежутке от 63 до 73 лет. Также отметим, что в связи с тем, что анализ ограничивался диапазоном возраста от 19 до 59 лет, то, следовательно, и график не показал полную U-образную зависимость, а лишь продемонстрировал, как с течением времени снижалось отрицательное воздействие возраста на удовлетворенность жизнью.

Далее перейдем к анализу результатов оценивания модели с переменной *rich* (продолжительность пребывания в состоянии высокого материального достатка).

**Таблица 34 – Результаты оценивания модели
(для случая с использованием переменной rich)**

Переменная	Коэффициент	Станд. ошибка	Z-статистика	p-значение	Нижняя граница ДИ	Верхняя граница ДИ	Предельный эффект
(Intercept)	-1,4376	0,1661	-8,653	0	-1,7633	-1,112	-0,5322
age	-0,0605	0,0063	-9,6206	0	-0,0728	-0,0482	-0,0077
age_squared	0,0005	0,0001	6,2144	0	0,0003	0,0006	0,0002
gender1	-0,1299	0,0247	-5,2565	0	-0,1783	-0,0814	-0,0481
h_edu2. Secondary	0,1329	0,0311	4,2699	0	0,0719	0,1939	0,0492
h_edu3. Vocational	0,2461	0,0343	7,17	0	0,1789	0,3134	0,0911
h_edu4. Higher	0,4697	0,0357	13,152	0	0,3997	0,5397	0,1739
log_aver_income	0,3392	0,0119	28,5316	0	0,3159	0,3625	0,1256
rich_1	0,0166	0,0222	0,7488	0,454	-0,0269	0,0601	0,0062
rich_2	-0,0963	0,0362	-2,6645	0,0077	-0,1672	-0,0255	-0,0357
rich_3	-0,0012	0,0583	-0,0214	0,9829	-0,1156	0,1131	-0,0005
rich_4	0,0971	0,0914	1,0624	0,2881	-0,0821	0,2763	0,036
rich_5	-0,3228	0,1653	-1,9524	0,0509	-0,6468	0,0013	-0,1195
rich_6	0,1379	0,2534	0,5442	0,5863	-0,3587	0,6345	0,051
rich_7	3,4103	13,6352	0,2501	0,8025	-23,3141	30,1348	1,2626
AIC	72783.8						
BIC	72937.5						
Random effects (случайные эффекты):							
	Variance	Std.Dev.					
Idind (Intercept)	0.8361	0.9144					
Time (Intercept)	0.0188	0.1370					
Marginal R2 / Conditional R2	0.079/0.503						
Количество наблюдений	62505						
Количество объектов (idind)	11721						
Количество периодов наблюдения	15						

Полученные оценки фиксированных и случайных эффектов (табл. 34) были практически идентичные случаю рассмотрения модели с переменной *poor*, поэтому сосредоточимся только на анализе влияния продолжительности пребывания в состоянии высокого материального достатка на вариативность субъективного благополучия. Обратим внимание на то, что только две переменные получили значимые оценки: *rich_2* ($p=0,0077$) и *rich_5* ($p=0,0509$).

Пребывание в состоянии высокого материального достатка в течение 2-х летнего периода (*rich_2*), было связано со снижением вероятности быть удовлетворенным жизнью на 3,57% ($p=0,0077$), а более длительное 5-ти летнее пребывание в статусе богатства (*rich_5*) — с еще более значительным снижением вероятности наступления события - на 11,95%. Необходимо подчеркнуть, что последний эффект находился на границе статистической значимости. Остальные переменные (1, 3, 4, 6 и 7-летнее пребывание в состоянии высокого материального достатка) оказались статистически не значимыми.

Таким образом, *обнаружен парадоксальный эффект: периоды высокого материального благосостояния либо не влияли на вероятность высокого субъективного благополучия, либо влияли отрицательно.* Возможно, в первый год (незначимый эффект) отсутствие реакции на увеличение дохода мог связываться с существованием *временного лага* между получением более высокого дохода и его субъективной оценкой (то есть индивид не успевал перестраивать свой образ жизни и ожидания); во второй год (значимое снижение удовлетворенности) могла происходить активная перестройка образа жизни, формирование новой социальной идентичности, новых стандартов потребления и сравнения, *рост запросов и ожиданий*, возникал эффект «гедонистической беговой дорожки», что, собственно, и могло влиять на снижение вероятности быть удовлетворенным той жизнью, которую индивид вел до этого (так как удовлетворенность жизнью – это ретроспективная оценка). Кроме того, с ростом материального положения мог меняться круг общения и группа сравнения (изменение референтной группы), что тоже могло приводить к субъективному ощущению «относительной депривации». В третий и четвертый годы (незначимый эффект) *происходила адаптация к новому уровню дохода*, вырабатывались новые механизмы оценки индивидом своего благополучия, формировалось относительное равновесие между ожиданиями и реальностью. А на пятый год (значимый и больший отрицательный эффект) происходило новое снижение вероятности высоких оценок. Возможно, возникал новый кризис ожиданий и запросов (новый виток «гедонистической дорожки»). Пребывание в

состоянии высокого материального достатка могло вызывать также рост обязательств и стресса (повышенная ответственность, более интенсивная работа и др.), что могло, в свою очередь, смещать фокус с материальных на нематериальные ценности (здоровье, социальные связи, самореализация, чувство безопасности и др.).

Таким образом, можно сделать следующий *важный вывод*. Как и в случае анализа оценок модели с переменной *poor*, ***подтверждается разрыв между объективными экономическими показателями и субъективным восприятием жизни***. Иными словами, это наблюдение свидетельствует о том, что рост благосостояния не трансформируется напрямую в рост субъективного благополучия на индивидуальном уровне, то, вероятно, можно говорить о наличии «парадокса Истерлина», проявляющего себя на индивидуальном уровне.

Причинами указанного разрыва между объективными экономическими показателями и субъективным восприятием жизни могут быть, во-первых, многомерность измерения благополучия - экономические индикаторы затрагивают лишь одно измерение общего субъективного благополучия, существуют и другие метрики. Во-вторых, социально-психологические механизмы адаптации - феномен привыкания снижает субъективную ценность объективных улучшений с течением времени.

Для обеспечения робастности результатов оценки бинарной пробит-модели со смешанными эффектами была проведена альтернативная спецификация модели, а именно проведена оценка многоуровневой модели со смешанными эффектами (*mixed effects model*) с использованием стандартизированной зависимой переменной. Данная процедура позволила верифицировать устойчивость полученных результатов к изменениям в методологии моделирования (результаты оценивания модели со смешанными эффектами представлены в Приложении 3). Сравнительный анализ двух спецификаций показал, что, во-первых, фиксированные коэффициенты в обеих моделях продемонстрировали схожие значения, что, с одной стороны,

подтверждает стабильность выявленных взаимосвязей независимо от преобразования зависимой переменной; во-вторых, информационные критерии для альтернативной модели со стандартизированной зависимой переменной продемонстрировали значительно худшие показатели, а именно, значения критерия Акаике (AIC) и Байесовского информационного критерия (BIC) были приблизительно в 2 раза выше, а значения псевдо R^2 оказались ниже по сравнению с исходной моделью (в таблице 35 представлено сравнение моделей).

Таблица 35 – Сравнение критериев качества моделей

	Бинарная пробит-модель со смешанными эффектами	Модель со смешанными эффектами
AIC/BIC	72783.8/72937.5	153722/153885
Marginal R2 / Conditional R2	0.079/0.503	0.066/0.431

Таким образом, проверка робастности подтвердила надежность результатов исходной спецификации, а также обоснованность её выбора в качестве оптимальной для анализа и интерпретации.

Выводы. Результаты проведенного на основе панельных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ исследования влияния дохода, «кумулятивных эффектов бедности и богатства», а также демографических характеристик на вариативность субъективного благополучия позволили сделать ряд выводов.

1) Эмпирически доказано, что индивидуальные различия, представленные случайными эффектами, играют доминирующую роль в формировании субъективного благополучия россиян, значительно превосходя влияние объективных социально-экономических и демографических факторов: уровня дохода, продолжительности пребывания в различных состояниях материального достатка, пола, возраста, образования - фиксированных эффектов (большая часть объясненной дисперсии приходилась на случайные эффекты: 42,5% против 7,8%, высокое значение дисперсии для индивидуальных случайных эффектов - 0, 8364). Полученные результаты, во-первых, свидетельствуют о необходимости расширения спектра исследуемых

детерминант при разработке программ повышения качества жизни (использование не только объективных, но и субъективных), а, во-вторых, указывают на необходимость персонализированного подхода при формировании социально-экономической политики.

2) Впервые количественно определена относительная стабильность субъективного благополучия во временной перспективе на российской выборке, демонстрирующая устойчивость индивидуальных паттернов восприятия жизненных обстоятельств независимо от внешних временных шоков: экономических кризисов, рецессий, подъемов, институциональных и законодательных изменений и др. (относительно низкая дисперсия временных случайных эффектов - 0,0188). Это обстоятельство позволяет прогнозировать долгосрочные тренды субъективного восприятия качества жизни и оценивать эффективность социально-экономических интервенций в долгосрочной перспективе.

3) Доход является значимым предиктором субъективного благополучия, увеличивая вероятность высокой удовлетворенности жизнью на 12,42% при росте на единицу, что подтверждает важность абсолютного дохода для формирования субъективного благополучия.

4) Объективные показатели пребывания в состоянии низкого материального достатка в российском контексте не имеют статистически значимого влияния на субъективное благополучие населения. Этот факт свидетельствует о наличии механизмов адаптации к неблагоприятным материальным условиям уже в первый год пребывания в состоянии низкого дохода. В этой связи стоит обратить внимание на то, что методология оценки эффективности программ борьбы с бедностью в Российской Федерации требует существенного пересмотра в направлении интеграции субъективных метрик благополучия и использования комплексного подхода, выходящего за рамки объективных экономических показателей.

5) Было установлено, что продолжительное пребывание в состоянии высокого материального благосостояния не ведет к повышению субъективного

благополучия, а имеет циклический характер влияния: отсутствие эффекта в первый год, значимое снижение во второй год, период адаптации в третий-четвертый годы, и повторное значимое снижение на пятый год. Механизм влияния «кумулятивного эффекта богатства» на субъективное благополучие может объясняться, например, действием временного лага в оценке изменений, эффектом «гедонистической беговой дорожки», изменением референтных групп, ростом обязательств и стресса, а также смещением фокуса с материальных на нематериальные ценности.

6) Зафиксирована значительно большая значимость образовательного фактора по сравнению с другими рассматриваемыми социально-экономическими и демографическими факторами. Так наличие высшего образования увеличивает вероятность высокой удовлетворенности жизнью на 17,42% по сравнению с предельными эффектами пола, возраста, дохода и «кумулятивных эффектов бедности и богатства».

7) Обнаружен гендерный разрыв в показателях субъективного благополучия: вероятность высокого уровня удовлетворенности жизнью у женщин на 4,82% ниже, чем у мужчин, что, вероятно, также требует учета при разработке программ социальной поддержки.

8) Влияние возраста на субъективное благополучие имеет нелинейный характер: негативное влияние возраста постепенно ослабевает к 60 годам, а после 63-73 лет наблюдается рост удовлетворенности жизнью, что частично подтверждает U-образную зависимость между возрастом и субъективным благополучием.

4. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

В данной главе представлены результаты исследований, проводимых в течение 2018–2023 гг. и опирающихся на эмпирические данные небольших целевых выборок, в частности опросах научно-педагогических работников, а именно:

1) в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований 18-010-00952 А «Исследование субъективного благополучия россиян на примере научно-педагогических работников: факторы и динамика» (2018–2020 гг.)¹⁴³ впервые была реализована идея измерения и оценки аффективного и когнитивного компонентов субъективного благополучия на примере научно-педагогических работников высших учебных заведений как одной из наиболее социально значимой части трудовых ресурсов;

2) в период реализации проекта по исследованию вовлеченности и удовлетворенности трудом сотрудников ЮФУ (2019-2021 гг.)¹⁴⁴, а также в процессе реализации в 2023 г. инициативного проекта «Разработка и внедрение системы мотивации» (на экономическом факультета) в рамках реализации программы стратегического академического лидерства ЮФУ «Приоритет 2030» достаточно тщательно был изучен фактор, существенно влияющий на субъективное благополучие индивидов – *удовлетворенность работой*.

Качество жизни научно-педагогических работников формируется под влиянием противоречивых факторов, присущих современной академической

¹⁴³ Прим. Автор диссертационного исследования являлась руководителем проекта. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/project_search/o_2073111

¹⁴⁴ Полная информация о результатах проекта содержится в: Михалкина Е. В., Скачкова Л. С., Дюжиков С. А., Шевченко И. К., Тарасенко Л. В., Астоянц М. С. 2021. Социально-профессиональное самочувствие сотрудников ЮФУ: анализ вовлеченности и удовлетворенности (2020-2021 гг.). PREPRINTS.RU. <https://doi.org/10.24108/preprints-3112277>

среде. Академическая деятельность предоставляет уникальные возможности: гибкий график работы, интеллектуальную свободу, перспективы творческой самореализации и международного сотрудничества. Однако эти преимущества сопровождаются серьезными вызовами – высоким уровнем конкуренции и стресса, неопределенностью карьерных траекторий, необходимостью постоянного самосовершенствования и нередко недостаточным материальным вознаграждением. Подобная двойственность академической профессии делает особенно важным понимание того, как сами представители этой сферы воспринимают и оценивают различные аспекты своего благополучия.

В настоящей главе обосновывается применение субъективного подхода к исследованию качества жизни в академической среде и демонстрируется его исследовательский потенциал. Методология субъективного благополучия, центрированная на самооценке индивидами собственного жизненного опыта, оказывается особенно продуктивной для анализа профессиональной группы, чья деятельность в первую очередь мотивируется внутренними стимулами, личными ценностями и индивидуальными концепциями профессионального успеха.

4.1. Субъективное благополучие научно-педагогических работников

Как было обозначено выше, авторское исследование было реализовано в академической сфере и направлено на диагностику характеристик субъективного благополучия научно-педагогических работников и факторов, влияющих на его уровень¹⁴⁵.

¹⁴⁵ Данный параграф составлен по результатам гранта Российского фонда фундаментальных исследований 18-010-00952 А «Исследование субъективного благополучия россиян на примере научно-педагогических работников: факторы и динамика» (2018–2020 гг.), https://www.rfbr.ru/rffi/ru/project_search/o_2073111, а также на основе результатов исследований, изложенных в публикациях: Скачкова Л.С., Клименко Л. В. Субъективное благополучие преподавателей российских вузов Опыт эмпирического исследования // Вопросы образования. – 2020. – № 4. – С. 37-63. – DOI 10.17323/1814-9545-2020-4-37-63; Скачкова Л.С., Щетинина Д. П. Субъективное

В течение апреля – мая 2018 г. проводились фокус-группы с участием научно-педагогических работников федеральных университетов (4 фокус-групп НПР, возраст которых был выше 35 лет; 4 фокус-группы молодых представителей высшей школы, возраст которых не превышал 35 лет) с целью получения *предварительных суждений* по поводу индикаторов и факторов субъективного благополучия целевой группы (Скачкова, Щетинина и др., 2018).

Следующим эмпирическим шагом для идентификации структуры и факторов субъективного благополучия научно-педагогических работников являлось проведение *интервьюирования*. Авторы использовали метод полуструктурированного глубинного интервью. В ходе интервьюирования уточнялись предикторы, детерминанты и факторы субъективного благополучия; аккумулировалась информация об оценках (оценочных суждениях) удовлетворенности своей жизнью и профессией, выделялись факторы, которые «удерживают и выталкивают» из профессии; рефлексия по поводу детерминации показателей результативности труда научно-педагогических работников. Общий сценарий проведения глубинных интервью включал в себя три ключевых блока: во-первых, информационный блок, позволявший получить представление о социально-демографических характеристиках респондента, о характеристиках сферы деятельности, роли в университете, на факультете, кафедре, продуктивности работы, а также общее субъективное ощущение своего текущего самочувствия (здоровья), удовлетворенности своим доходом и жилищными условиями. Во-вторых, блок оценочных суждений относительно уровня удовлетворенности своей жизнью. Группа вопросов второго блока позволяла респондентам поразмышлять о качестве своей жизни (составляющих и собственно субъективной оценки), об уверенности в завтрашнем дне, удовлетворенностью семейными отношениями или отношениями привязанности, о своем ощущении счастья и причинах, которые вызывают это ощущение. В-третьих, блок субъективных оценок своего благополучия в

профессии. В данной части глубинного интервью информантов просили оценить место своей работы, удовлетворенность профессией, карьерным ростом, рабочими задачами, ролью, возможностями развития (Скачкова, Щетинина, 2019).

В результате было проведено 50 глубинных интервью представителей академической профессии из российских региональных, федеральных и опорных вузов: Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону), Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь), Сибирский федеральный университет (г. Красноярск), Крымский федеральный университет (г. Симферополь), Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону), Кубанский государственный университет (г. Краснодар). В процессе интервьюирования проявился достаточно высокий уровень «эмоциональности» («аффективности»), а что касается когнитивных оценок, то они были связаны: с оценкой ценностей (степень ощущения свободы, ощущения смысла жизни, осознания ценности и смысла профессиональной деятельности), общей оценкой качества жизни (материальное благополучие, комфортная среда обитания, социальные связи, самореализация, плодотворный досуг), оценкой институтов (оценка общей ситуации в стране (экономика, политика, образование, здравоохранение, социальная защита), оценкой профессиональной сферы (статус профессии в обществе, возможность профессионального развития, самореализация, академические свободы, отношения в коллективе, профессиональное общение, график работы, уровень прекариатизации (отчетность, административная нагрузка) (Скачкова, Щетинина, 2019).

На основе анализа результатов фокус-групп и глубинных интервью был разработан методологический конструкт исследования субъективного благополучия НПП (см. табл. 36) и сформирована анкета (см. Приложение 4) для проведения опроса научно-педагогических работников федеральных университетов.

Таблица 36 - Эмпирические индикаторы измерения субъективного благополучия НПП

Аффективный компонент	
- соотношение положительных и отрицательных эмоций - восприятие счастья	
Когнитивный компонент	
Ценностно-смысловые установки	- жизненные ценности - степень субъектности в конструировании жизненных стратегий - ощущение свободы
Восприятие различных сторон своей жизни	- материальное благополучие (жилье, одежда, питание, доход) - возможность рекреации (досуг, отдых, общение с друзьями) - приватная сфера (семья, здоровье, личная безопасность)
Оценка профессиональной сферы	- статус профессии в обществе - удовлетворённостью профессиональной деятельностью - профессиональные риски

В основание методологического конструкта оценки субъективного благополучия НПП российских вузов были положены следующие принципы: 1) различие субъективного и объективного измерения благополучия; 2) выделение двух основных компонентов субъективного благополучия: аффективный (соотношение негативных и положительных эмоций в данный момент времени, уровень счастья) и когнитивный (оценка индивидом своего благополучия); 3) учет комплекса детерминант субъективного благополучия при специальном рассмотрении группы профессиональных факторов; 4) включение в исследовательский инструментарий апробированных методик и шкал (индекс эмоционального баланса Н. Бредбурна; шкала удовлетворенности жизнью Кантрила; шкала удовлетворённости работой (The Teaching and Learning International Survey, TALIS). Кроме того, в социологический инструментарий включались вопросы из Европейского социального исследования (ESS) (измерение общего восприятия счастья и жизненные ценности), мониторингового исследования ВЦИОМ (самооценка материального положения). Использование единых шкал позволило сравнить результаты измерений различных аспектов благополучия группы НПП с российским населением и группой учителей, тем самым сделать более обоснованными оценочные интерпретации. (Скачкова, Клименко: 42, 2020).

Эмпирической база была сформирована в 2019 году и представляла собой результаты стандартизированного онлайн-опроса НПР российских федеральных университетов, в котором приняло участие 356 сотрудников 10 федеральных вузов страны (Балтийский федеральный университет (8%), Дальневосточный федеральный университет (15%), Казанский (Приволжский) федеральный университет (6%), Крымский федеральный университет (4%), Северный (Арктический) федеральный университет имени (17%), Северо-Восточный федеральный университет (7%), Северо-Кавказский федеральный университет (11%), Сибирский федеральный университет (8%), Южный федеральный университет (16%), Уральский федеральный университет (8%). Из них 32% мужчин и 68% женщин. По возрасту респонденты распределились следующим образом: 25–34 года – 21%, 35–44 года – 29%, 45-54 года – 18%, 55-64 года – 21%, старше 64 лет – 11% (выборка опрошенных представлена в Приложении 5).

Оценка аффективного компонента субъективного благополучия научно-педагогических работников проводилась на основе шкалы эмоционального баланса Н. Бредбурна (см. табл. 15 и Приложение 6) - Affect Balance Scale (Bradburn, 1969), в соответствии с которой производился расчет показателей по следующему алгоритму: 1) определяется индекс по шкале позитивного баланса (Positive Affect Scale) на основе подсчета количества утвердительных ответов респондентов на пять вопросов, характеризующих положительные эмоции (вопросы 1-5 в табл.37); 2) проводится расчет индекса по шкале негативного баланса (Negative Affect Scale) на другие пять вопросов, маркирующие отрицательные ощущения (вопросы 6-10 в табл. 15); 3) измеряется разница между индексом положительного и отрицательного балансов. Значение индекса эмоционального баланса (ABS) могло колебаться от минимального значения – «-5» до максимального – «5».

**Таблица 37 - Шкала эмоционального баланса Н. Бредбурна
(Bradburn: 56, 1969)**

	да	нет
1. Удовольствие от того, что достигли или завершили что-то	1	2
2. Все складывается так, как Вам бы хотелось	1	2
3. Горжусь, что кто-то похвалил меня за то, что я сделал	1	2
4. Чрезвычайно взволнованы каким-либо событием или испытываете сильный интерес к чему-то	1	2
5. Я чувствую себя абсолютно счастливым	1	2
6. Испытываю чувство беспокойство, не могу сидеть на одном месте	1	2
7. Скука, отсутствие интереса к чему-либо	1	2
8. Подавлен или очень несчастен	1	2
9. Сильное одиночество или удаленность от других людей	1	2
10. Расстроен, потому что кто-то покритиковал тебя	1	2

Следует отметить, что методика Н. Бредбурна направлена на измерение эмоций, которые люди чувствовали в недавнем прошлом. Из вопросов были исключены моменты концентрации на каких-то конкретных событиях (так как в этом случае могла бы возникнуть рефлексия, и это уже было бы не аффективное измерение) и не определялась частота различных эмоций. Операциональность шкалы Н. Бредбурна была подтверждена Э. Динером при осуществлении сравнительного исследования эмоционального благополучия жителей 40 стран (Diener, Suh, 1999). А также применение данной методики апробировалось в исследованиях российских ученых (Трошихина, Манукян, 2017).

Проведенное исследование показало, что у большей части опрошенных научно-педагогических работников позитивные эмоции преобладали над негативными чувствами (значения ABS от 1 до 5 у 76% опрошенных). Однако большую часть респондентов характеризовали невысокие показатели индекса эмоционального баланса (от 1 до 3 у 64% опрошенных).

Возрастные особенности аффективного компонента благополучия проявлялись в том, что положительный баланс эмоций нарастал от сегмента 25–34 года к группе 35-44 года (70% и 80% соответственно), заметно снижался в группе 45-54 года (67%) и потом опять возрастал от сегмента 55-64 года к самому старшему поколению (75% и 95%). Заметна также обусловленность эмоционального баланса наличием ученой степени. Так, доля докторов наук с

уровнем ABS от 3 до 5 превышала аналогичные показатели в группах кандидатов наук и преподавателей без степени (42% против 30% и 29% соответственно)¹⁴⁶. (табл. 38). (Скачкова, Клименко, 2020).

Таблица 38 - Показатели аффективного компонента субъективного благополучия НПП по шкале ABS (индекс эмоционального благополучия), %¹⁴⁷

Индекс эмоционального благополучия (ABS=PAS-NAS)	ABS по всем НПП	ABS по возрастным группам					ABS по квалификационным группам		
		25-34	35-44	45-54	55-64	> 64	без степени	канд. наук	доктор наук
5	3	-	6	-	6	-	2	5	-
4	9	6	8	15	9	11	9	7	16
3	20	19	24	11	21	21	18	18	26
2	25	31	20	37	18	26	28	28	17
1	19	14	22	4	21	37	18	19	19
0	12	19	10	11	15	-	13	13	9
-1	6	3	4	15	6	5	8	5	7
-2	2	3	2	4	3	-	-	3	4
-3	1	3	-	-	-	-	-	1	1
-4	2	3	2	4	-	-	1	1	1
-5	1	-	2	-	-	-	3	-	-

Исследован был также гендерный аспект субъективного благополучия НПП российских университетов (табл. 39) (Скачкова, Щетинина, 2023).

Таблица 39 - Оценка аффективного компонента субъективного благополучия НПП, по шкале ABS (индекс эмоционального благополучия), %

	Индекс эмоционального благополучия (ABS)		
	по всем НПП	женщины НПП	мужчины НПП
5	3	2	6
4	9	10	8
3	20	23	13
2	25	21	34
1	18	19	17
0	13	14	9
-1	6	6	6
-2	2	3	2
-3	1	1	0
-4	2	1	4
-5	1	0	2

¹⁴⁶ Среди респондентов в возрасте от 25 до 34 лет 56% сотрудников без ученой степени и 44% кандидатов наук; в сегменте опрошенных 35-44 года - 77% кандидатов и 10% докторов наук, остальные без степени (здесь и далее); в группе 45-54 года - 61% кандидатов и 19% докторов наук; в сегменте 55-64 года - 51% кандидатов и 46% - докторов наук; в группе старше 64 лет - 40% кандидатов и 45% - докторов наук.

¹⁴⁷ Рассчитано автором.

У большинства респондентов (75%) положительные эмоции преобладали над отрицательными, из них у женщин этот показатель составил 75%, а у мужчин 78%. По общей совокупности информантов обнаружены невысокие показатели индекса эмоционального благополучия (от 1 до 3). Абсолютно счастливыми себя чувствовали примерно одинаковое количество женщин и мужчин (17,6 и 17,9% соответственно).

Измерение общего восприятие счастья НПР осуществлялось с использованием шкалы Европейского социального исследования (The European Social Survey). Исходя из сравнения замеров преподаватели российских федеральных вузов оказались в среднем счастливее, чем население России. В частности, по результатам последней 9 волны ESS россияне оценивали данный показатель на 6,5 средних балла по 10-ти балльной шкале (это один из самых низких показателей по 23 странам, принявшим участие в исследовании, и он практически не меняется с 2012 г.). Тогда как опросы университетских преподавателей зафиксировали «уровень счастья» в 7,0 средних баллов (что сопоставимо с показателями ряда западноевропейских стран) (ESS, 2019)¹⁴⁸. Среди различных подгрупп НПР ощущали себя более «счастливыми» преподаватели в возрасте 55–64 года и обладающие докторской степенью. (табл. 40). (Скачкова, Клименко, 2020).

Таблица 40 - Учитывая все стороны Вашей жизни, насколько Вы счастливы? (шкала от 0 до 10, где 0 – очень несчастливы и 10 – очень счастливы), в средних баллах (Скачкова, Клименко: 45, 2020)

Население РФ (ESS, 2018- 2019 г.)	НПР федеральных университетов, 2019 г.								
	Все	Возраст					Ученая степень		
		25-34	35-44	45-54	55-64	> 64	без степени	канд. наук	доктор наук
6,5	7,0	7,2	6,6	6,7	7,5	6,9	6,4	7,0	7,3

Расчет статистических мер связи между данной интегративной школой, измеряющий уровень счастья, с одной стороны, и переменными «возрастные

¹⁴⁸ В 2018-2019 г. данный показатель составлял во Франции – 7,4 средних балла, в Италии -7,1, в Испании – 7,7, Германий 7,8, в Чехии – 7,1, в Эстонии – 7,3.

группы» и «ученая степень», с другой, также показало наличие выраженного уровня взаимосвязи (статистические коэффициенты имели высокие показатели доверительного интервала). Корреляция переменных «уровень счастья» и «возрастные группы» характеризовалась значением Хи-квадрата Пирсона в 71,865 ($p=0,001$), критерия Крамера в 0,227 ($p=0,001$) и коэффициента Фи в 0,453 ($p=0,001$). Связь между уровнем счастья и профессиональной квалификацией также достаточно сильна и составляла по коэффициенту Хи-квадрат Пирсона 46,507 ($p=0,001$), критерия Крамера в 0,258 ($p=0,001$) и коэффициента Фи в 0,365 ($p=0,001$). (Скачкова, Клименко, 2020). Таким образом, результаты анализа показали, что уровень счастья зависит от возраста и профессионального статуса в данной профессиональной группе.

Уровень счастья НПР незначительно отличался по гендерному критерию (у мужчин - 6,88, у женщин - 7,05) (Скачкова, Щетинина: 114, 2023).

Оценка когнитивного компонента субъективного благополучия/Ценностно-смысловое измерение. В исследовании измерялись жизненные приоритеты преподавательского сообщества. Наиболее важными для опрошенных НПР выступали такие позиции как призвание (совокупный показатель по первым двум вариантам ответа 86%), уважение (79%), свобода в принятии решений (76%), реализация способностей (68%) и творчество (60%). Карьера (41%) и богатство (25%) в этом ряду занимали предпоследние места.

Когнитивный компонент/ Восприятие различных сторон своей жизни. Для интегративной оценки материального благосостояния использовалась шкала и индексная методика, используемая во всероссийских опросах ВЦИОМ. Индекс рассчитывался как разница положительных и средних оценок и отрицательных оценок (см. табл. 41). В целом НПР федеральных университетов выше оценивали свое материальное положение, чем население РФ (80 п. против 50 п.). Наиболее высок данный индекс в подгруппе преподавателей от 55 до 64 лет и докторов наук, а наиболее низкий - в возрастных группах 25-34 года и старше 64 лет, а также в сегменте сотрудников, не обладающих ученой степенью (49 п.). (Скачкова, Клименко, 2020).

Таблица 41 - Оцените Ваше материальное положение в настоящее время? (в %) (Скачкова, Клименко: 49, 2020)

	НПР федеральных университетов, 2019 г.									Жители РФ, 2019 г. [ВЦИОМ, 2019]
	Все	Возраст					ученая степень			
		25-34	35-44	45-54	55-64	>64	без степени	канд. наук	доктор наук	
очень хорошее/хорошее	27	32	26	13	32	32	14	29	36	14
среднее	63	49	67	71	66	49	60	64	61	61
плохое/очень плохое	10	19	8	13	3	19	24	7	3	25
загруд.ответ.	1	0	0	3	0	0	3	0	0	0
индекс	80	62	84	71	94	62	49	86	94	50

Анализ результатов удовлетворенности различных сторон жизни показал, что больше всего респондентов устраивали отношения в семье, питание, обеспеченность одеждой и обувью, жилищными условиями. Менее всего университетские сотрудники были удовлетворены материальной обеспеченностью, возможностями отдыха и досуга. Выявлена большая степень удовлетворенности разными показателями качества жизни среди преподавателей в возрасте от 55 до 64 лет и наименьшая – среди группы 25-34 года. Отмечены также самые низкие оценки материальной обеспеченности и возможностей отдыха со стороны НПР без ученой степени, и состояния здоровья – со стороны докторов наук (табл. 42)

Таблица 42 - Оцените различные стороны своей жизни (используйте шкалу от 0 до 10, где 0 – абсолютная неудовлетворённость, а 10 – максимальная удовлетворённость), в средних баллах (Скачкова, Клименко: 49, 2020)

	Все	возраст					ученая степень		
		25-34	35-44	45-54	55-64	>64	без степени	канд. наук	доктор наук
отношения в семье	8,1	8,0	7,5	8,4	8,4	8,5	7,9	8,1	8,2
питание	7,9	7,4	7,6	8,0	8,7	7,7	6,9	8,2	8,1
одежда и обувь	7,4	6,7	7,4	7,3	7,9	7,4	6,2	7,6	7,7
жилищные условия	7,1	5,8	7,4	5,9	8,0	8,5	5,9	7,2	7,9
место, регион проживания	7,0	6,4	7,1	6,7	7,6	6,9	5,9	7,4	6,9
положение, статус в обществе	7,0	6,3	7,1	6,4	7,8	7,6	5,8	7,3	7,3
уровень личной безопасности	6,9	6,8	6,8	6,5	7,3	6,9	6,4	7,1	6,7
возможность общения с друзьями	6,8	6,9	6,5	6,7	7,2	6,9	6,8	6,9	6,7
возможности проведения досуга	6,3	5,9	6,1	6,3	6,8	6,7	5,6	6,6	6,4
состояние здоровья	6,3	6,5	6,1	6,2	6,4	6,5	6,3	6,5	5,8
возможность отдыха	5,8	5,2	5,7	6,0	6,3	5,9	4,9	6,1	6,1
материальная обеспеченность	5,8	5,4	5,9	5,0	6,5	5,9	4,3	6,0	6,5

С точки зрения опрошенных уровень их дохода не в достаточной степени позволял удовлетворять их базовые потребности (начиная от независимости и заканчивая свободой показатели зафиксированы на уровне не выше 5,9 баллов по 10-ти балльной шкале). На фоне такого критичного восприятия немного выше удовлетворенность респондентов в возрасте 55-64 года и ниже – в возрасте 35-44 года. (табл. 43).

Таблица 43 - Оцените, в какой мере Ваш доход удовлетворяет следующие потребности?(шкала от 0 до 10, где 0 – абсолютная неудовлетворённость, а 10 – максимальная удовлетворённость), в средних баллах (Скачкова, Клименко: 50, 2020)

	Все	возраст					ученая степень		
		25-34	35-44	45-54	55-64	>64	без степени	канд. наук	доктор наук
в независимости и свободе	5,7	5,9	5,7	5,0	6,0	6,0	4,8	5,9	6,0
в материальном благополучии	5,4	5,3	5,5	4,6	6,1	5,5	4,3	5,6	5,9
в самореализации	5,6	5,5	5,4	4,8	6,2	6,2	4,5	5,8	6,2
в безопасности	5,9	5,9	5,6	5,2	6,4	6,2	5,2	6,0	5,9

Около третьей доли НПП федеральных вузов считали, что их заработная плата в целом ниже, чем в среднем по региону (34%). Указывали, что уровень оплаты схож со среднерегionalными показателями 31% опрошенных, и только 28% респондентов считали, что их зарплата выше.

Когнитивный компонент/Профессиональная сфера. Эмпирические данные массового опроса показали, что НПП в средней степени (на 6,5 средних баллов по 10-ти балльной шкале) были согласны с тем, что преимущества их профессии превышают недостатки. Меньшее число респондентов были довольны карьерными перспективами на своей работе. По этим двум позициям наибольшие показатели среди преподавателей от 55 до 64 лет и среди тех, кто имеет ученую степень. Степень лояльности к университету также средняя, показатель согласия с утверждением о желании сменить вуз составляет 6,0 средних баллов (более лояльны опрошенные в возрасте 45-54 года и старше 64 лет, а наименее – НПП без степени). Более высокие оценки параметра «уважения среди коллег и студентов»: по всему массиву опрошенных - 7,8 средних баллов, а среди старших возрастных групп не ниже 8,3 баллов. В своей работе преподаватели больше всего ценили возможности придумывать новое и использовать творческий подход (7,5 средних баллов) и проявлять свои способности (7,5). Выше всего оценки по данным параметрам в группах преподавателей старше 54 лет и тех (от 7,9 до 8,2 средних баллов), кто обладает ученой степенью. Ниже оценивается степень самостоятельности в принятии решений (6,3), наиболее критична в этом отношении самая старшая возрастная группа. Критично оценивается научно-педагогическими работниками эффективность государства в решении социально-экономических проблем вузовских работников – по всем сегментам не выше 4 средних баллов. Но, несмотря на это, большинство опрошенных в целом были довольны своей работой (7,0 средних балла, выше всего в группе 55-64 года) (табл. 44).

Таблица 44 - Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?
(шкала от 0 до 10, где 0 – абсолютно не согласен, а 10 – полностью согласен), в средних баллах (Скачкова, Клименко: 51, 2020)

	Все	возраст					ученая степень		
		25-34	35-44	45-54	55-64	>64	без степени	канд. наук	доктор наук
преимущества моей профессии явно перевешивают недостатки	6,5	6,2	6,6	5,8	6,8	7,0	5,4	6,8	6,7
я доволен карьерными перспективами на своей работе	5,6	5,3	5,6	5,0	6,5	5,5	4,3	5,9	6,0
я хотел бы сменить университет, если бы это было возможно	6,0	6,5	6,3	5,1	6,8	4,7	6,8	5,8	6,0
я пользуюсь уважением среди коллег и студентов	7,8	7,3	7,6	7,8	8,5	8,3	7,6	7,9	7,9
моя профессия позволяет придумывать новое и подходить ко всему творчески	7,5	7,0	7,2	7,4	7,9	8,2	7,0	7,6	7,5
моя работа позволяет показать свои способности	7,5	7,3	7,2	7,0	8,2	7,9	6,6	7,7	7,7
в моей работе есть возможность самому принимать решение о том, что и как делать	6,3	6,2	6,3	6,3	6,6	5,9	5,6	6,5	6,6
государство эффективно решает соц.-эконом. проблемы НПП вузов	3,7	4,0	3,8	3,4	3,9	2,9	3,1	4,1	3,5
в целом я доволен своей работой	7,0	6,4	7,1	6,6	7,8	7,2	5,8	7,3	7,4

В целом мужчины были довольны своей работой на 6,8 баллов, а женщины на 7,17 (Скачкова и др.: 110, 2023). Наиболее привлекательными факторами в профессии научно-педагогического работника для мужчин являлись: удовольствие от процесса преподавания и научной деятельности (80,4%), общение с молодежью, с интересными, творческими людьми (60,7%), возможность гибкого графика работы (51,8%). Женщины на первое место ставили гибкий график работы (73,1%), удовольствие от процесса преподавания и научной деятельности (72,3%), общение с молодежью, с интересными, творческими людьми (65,5%). Кроме того, женщины больше ценили длительный отпуск – 41,2% (мужчины – 26,8%) (Скачкова и др.: 111, 2023).

В заключение опроса преподавателям задавался вопрос, характеризующий общую удовлетворенность жизнью. Данная позиция измерялась через шкалу Кантрила (Cantril's Self-Anchoring Scale). Эмпирические замеры показали, что степень удовлетворенности жизнью НПП была относительно не высока и составляла 6,6 средних балла. Данный показатель вузовских преподавателей немного выше, чем среди всего российского населения, которое по опросам последней волны ESS составлял 5,8 средних баллов (табл. 22). Статистические коэффициенты связи между этим интегративным вопросом и переменным «возрастные группы» и «ученая степень» также позволяют говорить о наличии статистически обоснованной взаимосвязи между удовлетворенностью жизнью и возрастом преподавателей, а также уровнем их профессиональной квалификации.¹⁴⁹ На этом фоне в большей степени были удовлетворены своей жизнью преподаватели в возрасте от 45 до 64 лет, обладающие ученой степенью (табл. 45). Существенных различий по гендерному признаку выявлено не было.

Таблица 45 - Принимая во внимание все стороны жизни, насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время? (шкала от 0 до 10, где 0 – полностью не удовлетворен и 10 – полностью удовлетворен), в средних баллах (Скачкова, Клименко: 54, 2020)

Население РФ (ESS, 2018- 2019 г.)	НПП федеральных университетов, 2019 г.								
	Все	Возраст					Ученая степень		
		25-34	35-44	45-54	55-64	> 64	без степени	канд. наук	доктор наук
5,8	6,6	6,7	6,8	7,4	7,0	6,1	6,1	7,0	7,3

Выводы. Проведенное эмпирическое исследование субъективного благополучия профессиональной группы – научно-педагогических работников позволило:

¹⁴⁹ Вычисленные коэффициенты имеют высокие показатели доверительного интервала. Для пары переменных «удовлетворённость жизнью» и «возрастные группы» Хи-квадрат Пирсона равен 75,368 при уровне значимости в 0,001, критерий Крамера составляет 0,233 (p=0,001) и коэффициент фи - 0,465 (p=0,001). Для переменных «удовлетворённость жизнью» и «ученая степень» Хи-квадрат Пирсона составляет 51,672 (p=0,000), Крамера - 0,272 (p=0,000) и Фи - 0,385 (p=0,000).

Во-первых, разработать специфический методологический конструкт, характерный для данной профессиональной группы, включающий измерение двух элементов: **аффективного компонента**, измеряемого через соотношение положительных и отрицательных эмоций и восприятие в целом своего ощущения счастья; **когнитивного компонента**, состоящего из: **ценностно-смысловых установок** (жизненные ценности, степень субъектности в конструировании жизненных стратегий, ощущение свободы); **восприятия различных сторон жизни: материальное благополучие** (жилье, одежда, питание, доход), **возможность рекреации** (досуг, отдых, общение с друзьями), **приватная сфера** (семья, здоровье, личная безопасность); оценки профессиональной сферы (статус профессии в обществе, удовлетворённость профессиональной деятельностью, профессиональные риски). Для измерения различных аспектов субъективного благополучия в академической профессиональной сфере использовались апробированные методики и шкалы: индекс эмоционального баланса Н. Бредбурна, 10-балльная шкала удовлетворенности жизнью Кантрила, шкала удовлетворённости работой TALIS, а также вопросы из Европейского социального исследования и мониторинговых исследований ВЦИОМ. Использование стандартизированных шкал позволило провести сравнительный анализ результатов НПП с данными по российскому населению, что обеспечило более обоснованные оценочные интерпретации.

Во-вторых, осуществить впервые апробацию двухчастной концепции субъективного благополучия (анализ аффективной и когнитивных компонентов). Было обнаружено, что в профессиональной группе НПП вместе с ситуативным (аффективным) **«профицитом» позитивных эмоций обнаружен более высокий показатель уровня счастья и уровня удовлетворенности жизнью по сравнению со средними значениями среди российского населения**. Так, у 76% НПП зафиксирован *положительный индекс эмоционального благополучия* (от 0 до 5), и только 12% имели отрицательные значения (от -1 до

-5). Показатели счастья (7,0) и удовлетворенности жизнью (6,6) значительно превышали среднероссийские значения (6,5 и 5,8 соответственно).

Во-третьих, обнаружить связь субъективного благополучия НПП с квалификационным уровнем, так доктора наук продемонстрировали *наиболее высокие самооценки материальной обеспеченности* (6,5 баллов против 5,8 баллов в среднем по группе), *более высокую удовлетворенность доходом*, обеспечивающим независимость и свободу (6 баллов против 5,7 баллов), материальное благополучие (5,9 против 5,4 баллов), самореализацию (6,2 против 5,6 баллов); *высокий уровень удовлетворенности работой*¹⁵⁰ (7,4 балла против 7 баллов в среднем по группе). *Респонденты без ученой степени* показали *самые низкие показатели удовлетворенности работой* (5,8 баллов) *и материальной обеспеченности* (4,3 балла). Разрыв между докторами наук и преподавателями без степени по материальной обеспеченности составляет 2,2 балла (6,5 против 4,3), по уровню удовлетворенности работой 1,6 баллов (7,4 против 5,8).

В-четвертых, зафиксировать возрастную специфику субъективного благополучия в профессиональной группе НПП. Так в группе 55–64 лет продемонстрирован максимальный уровень удовлетворенности работой (7,8 баллов против 7 баллов в среднем по группе), материальной обеспеченности (6,5 против 5,8 баллов). В трех подгруппах¹⁵¹, куда вошли респонденты в возрасте менее 54 лет, зафиксированы более низкие значения уровня материальной обеспеченности (5–5,4 балла против 6,5), удовлетворенности доходом по различным параметрам (4,6–5,9 баллов против 6–6,4), удовлетворенности работой (6,4–7,1 баллов против 7,8). При этом *самые низкие самооценки уровня материальной обеспеченности (5 баллов) и удовлетворенности доходом (от 4,6 до 5,2 баллов) в группе среднего возраст 45–54 года, а удовлетворенность работой самая низкая в группе НПП от 25 до 34 лет (6,4 балла)*.

В-пятых, обратить внимание на доминирование нематериальных факторов. Обнаружен достаточно большой разрыв в оценках, *связанных с*

¹⁵⁰ Ответ на вопрос: «В целом я доволен своей работой» (по шкале от 0 до 10 баллов).

¹⁵¹ Прим. автора. 1 подгруппа - 25–34 года, 2 подгруппа - 35–44 год, 3 подгруппа - 45–54 года.

удовлетворенностью материальной обеспеченностью (в среднем по группе НПР – 5,8 баллов), удовлетворенностью доходом (от 5,4 до 5,9 баллов) и удовлетворенностью работой (7 баллов). При этом, среди параметров удовлетворенности работой, наибольшую оценку получили факторы, связанные с уважением со стороны коллег и студентов (7,8 баллов), с возможностью творчества и самореализации (7,5 баллов). Вероятно, принадлежность к профессии и делает профессиональную группу НПР более благополучной (Скачкова, Клименко, 2020).

В-шестых, обнаружить противоречивость самооценок удовлетворенности работой. Так, средний уровень удовлетворенности работой достаточно высок - 7,0 баллов из 10, преимущества профессии были оценены выше недостатков (6,5 баллов), однако желание сменить университет также достаточно высоко (6,0 баллов). Это может указывать на внутреннее противоречие: НПР ценят свою профессию, но не всегда удовлетворены конкретным местом работы.

В-седьмых, выявить довольно критическое отношение к государственной политике в области социально-экономической поддержки профессиональной группы НПР. В этой группе эффективность решения государством социально-экономических проблем оценивается крайне низко - 3,7 баллов из 10. И это самый низкий показатель среди всех оцениваемых параметров. Особенно критичны представители старшей возрастной группы (более 64 лет) - 2,9 баллов. Разрыв между удовлетворенностью работой (7,0) и оценкой государственной политики (3,7) составляет 3,3 балла.

Полученные выводы имеют практическую ценность, которая выражается в следующих аспектах:

1) разработанный специфический методологический конструкт исследования субъективного благополучия может служить инструментом для регулярного мониторинга благополучия профессиональной группы НПР;

2) применение апробированных методик (шкала эмоционального баланса Бредбурна, шкала Кантрила, TALIS) позволяет проводить

сравнительные исследования с другими профессиональными группами и странами;

3) двухчастная концепция (аффективный и когнитивный компоненты) обеспечивает комплексный (многомерный) подход к оценке благополучия;

4) выявление различий в субъективном благополучии профессиональной группы НПР (по уровню квалификации, возрасту) формирует основу для разработки дифференцированных программ мотивации, управления благополучием, программ удержания разных категорий сотрудников, а также иных программ при формировании кадровой политики;

5) результаты исследования могут стать основой для корректировки государственных программ социально-экономической поддержки работников академической сферы;

6) результаты исследования позволяют формировать социальная ценность, которая выражается в появлении дополнительных аргументов в пользу привлекательности развития академической карьеры, позитивного образа данной профессии в связи с тем, что в этой сфере выявлен более высокий уровень счастья и удовлетворенности жизнью.

Таким образом, полученные выводы имеют многоуровневую практическую ценность и могут быть использованы для принятия обоснованных решений как на уровне отдельных вузов, так и на уровне государственной образовательной политики.

4.2. Удовлетворенность работой как фактор субъективной оценки качества жизни: результаты эмпирической оценки¹⁵²

В исследованиях Института социологии РАН при оценке удовлетворенности жизнью (когнитивный компонент) помимо таких критериев, как материальное благополучие, социальные связи, положение (статус) в обществе, возможность получения необходимых образования и знаний, плодотворный досуг рассматриваются дополнительные факторы, а именно: возможность реализовать себя в профессии и комфортные условия на рабочем месте (Латова, 2016; Горшков и др., 2018). Сотрудники с высоким уровнем субъективного благополучия – это высокопродуктивные сотрудники, которые, в том числе, реже увольняются с работы и имеют меньшее количество больничных (Oswald et al., 2015), «моральный дух сотрудников» (уровень удовлетворенности работой) снижает текучесть кадров, уровень абсентеизма, напрямую влияет на качественные и количественные показатели персональной производительности труда (Brayfield, Crickett, 1955; Vroom, 1964; Herzberg et al., 1957). Георгополос Б., Махони Дж. и Джоунс Н., а также Лоулер Э. и Портер Л. объясняли связь между удовлетворенностью трудом и текучестью кадров в организациях в зависимости от того, как работники оценивают вероятность связи этих действий с будущим вознаграждением. Когда работник говорит, что он удовлетворен своей работой, он фактически говорит, что удовлетворение потребностей является результатом его усилий, прикладываемых на рабочем месте. И, как следствие, такое целеполагание может обуславливать то, что высокая удовлетворенность приводит к низкому числу прогулов и увольнений, потому что удовлетворенные люди мотивированы ходить туда, где важные для них потребности удовлетворяются, то есть на работу (Georgopoulos et al., 1957; Lawler, Porter, 1967).

¹⁵² В данном параграфе используются результаты исследования, изложенные в: Михалкина, Е. В., Скачкова, Л. С., Дюжиков, С. А. (2020). Удовлетворенность трудом в академической сфере // Terra Economicus, 18(3), 160–181. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-160-181

Альфонсо Соуза-Поза, Андрес Соуза-Поза считают, что при оценке одной из ключевых составляющих субъективного благополучия индивидов – удовлетворенности трудом (job satisfaction) – большее развитие получили восходящие теории (Bottom-up theories), согласно которым удовлетворенность трудом формируется под воздействием факторов рабочей среды. Сторонники нисходящих теорий, напротив, полагали, что человек априори любит свою работу вне зависимости от воздействия факторов среды. В рамках авторского исследования при анализе удовлетворенности работой использовались две группы индикаторов: work-role inputs (входные индикаторы) и work-role outputs (исходящие индикаторы – результаты) (Михалкина, Скачкова и др., 2020). В качестве входных индикаторов (work-role inputs) Альфонсо Соуза-Поза, Андрес Соуза-Поза рассматривают продолжительность образования (количество лет обучения), продолжительность рабочего дня/рабочей недели, работу в условиях напряженности, соотношение физического и умственного труда и др. условия труда. А в качестве результирующих переменных удовлетворенности трудом (work-role outputs) исследователи предлагают использовать такие факторы, как высокий доход (уровень компенсаций), уровень безопасности на рабочем месте, дополнительные возможности, заинтересованность работой, независимость работы, помощь людей, польза для общества, отношения с менеджментом, отношения с коллегами. Альфонсо Соуза-Поза, Андрес Соуза-Поза обращают внимание на важность *субъективных оценок вышеперечисленных входных и выходных индикаторов* (например, это субъективное восприятие своего дохода, условий труда и т.д.). Удовлетворенность работой зависит от баланса между оценками входных и выходных индикаторов. Исследователи утверждают, что если значение результирующих индикаторов соответствующих факторов (work-role outputs) растет по сравнению с входными (work-role inputs), то удовлетворенность работой увеличивается (Sousa-Poza et al., 2000).

Достаточно интересны выводы исследований, проведенных Дж. Акерлофом Дж., Крэнтоном Р. о формировании профессиональной самоидентификации и ее влиянии на мотивацию и результативность труда в

организации. Исследователи утверждают, что при осознании работниками своей идентичности с профессиональной средой и организацией возможна ситуация повышения их продуктивности и в условиях слабых денежных стимулов (Akerlof, Kranton, 2005). В академических профессиях такая идентичность может быть достаточно ярко выражена. Принадлежность к профессиональному «этносу» может являться одним из компонентов удовлетворенности работой, а, следовательно, и, опосредованно, – фактором субъективного благополучия научно-педагогических работников (Скачкова Л.С., Клименко Л.В., 2020). Как было указано выше (п. 3.1), в процессе глубинных интервью представители академической профессии как раз и указывали на значимость самого содержания работы, особенностей организации рабочего графика, возможность постоянного профессионального и личностного развития, постоянной коммуникации с молодым поколением. Информанты также отметили ряд факторов, которые существенным образом снижали удовлетворенность трудом, среди которых – бюрократия, недостатки и провалы политики в образовании (Скачкова, Щетинина, 2019; Филоненко, Яковлева, 2019). Соболева Н. на примере 38 российских регионов доказала влияние удовлетворенности работой на общую удовлетворенность жизнью, в частности исследователь обратила внимание, что удовлетворенность работой вносит большой вклад в удовлетворенность жизнью у лиц с высшим образованием (Соболева, 2020). Таким образом, накопленная критическая масса авторских концепций и исследовательских подходов к изучению феномена удовлетворенности трудом в той или иной профессиональной сфере позволила сформировать и собственный исследовательский конструкт и методологию.

Методология и исследовательский конструкт удовлетворенности трудом в академической сфере были встроены в расширенную программу изучения социально-профессионального самочувствия научно-педагогических работников Южного федерального университета, реализованной в период с октября 2019 по февраль 2020 года (Михалкина и др., 2021). В целом исследовательская программа по изучению социально-профессионального

самочувствия в федеральном университете была направлена на диагностику факторов неэффективного рабочего поведения преподавателей федерального университета и на поиск новых инструментов вовлеченности и мотивации.

В основу методологии исследования удовлетворенности трудом в академической сфере были положены следующие принципы, подходы и идеи:

во-первых, удовлетворенность трудом может быть измерена только через субъективные оценки индивидуумов;

во-вторых, принимался подход *bottom-up theories* (восходящих теорий), в соответствии с которым удовлетворенность трудом формируется под воздействием факторов: *work-role inputs* (факторы, обеспечивающие и/или характеризующие рабочий процесс) и *work-role outputs* (результаты) (Sousa-Poza et al., 2000);

в-третьих, суждения относительно высокого или невысокого уровня удовлетворенности трудом могут строиться только на сравнительных оценках, так как достижение максимально уровня удовлетворенности трудом не представляется возможным в силу постоянной изменчивости внешних и внутренних факторов, определяющих и влияющих на этот показатель мотивации. С учетом указанных принципов и цели исследования авторами была разработана анкета для проведения онлайн-опроса. Эмпирические индикаторы, включенные в конструкт анкеты, представлены в таблице 46.

Таблица 46 - Эмпирические индикаторы оценки удовлетворенности трудом в академической сфере (Михалкина, Скачкова и др.: 166, 2020)

Уровни индикаторов	Индикаторы	Вопросы в анкете
Общие индикаторы удовлетворенности	Удовлетворенность своей профессиональной деятельностью	Удовлетворены ли вы своей профессиональной деятельностью?
	Удовлетворенность результатами своего труда	Довольны ли вы результатами своего труда?
Work-role inputs (входные индикаторы)	Напряженность труда	Объем работы, которую мне приходится выполнять, чрезмерно велик
	Организация труда	Мне удобен мой рабочий график Руководитель четко и своевременно формулирует текущие задачи
	Условия и безопасность труда	Я удовлетворен техническим оснащением моего рабочего места В моем структурном подразделении созданы комфортные условия труда (оснащенность аудиторного фонда, санитарно-гигиеническое состояние зданий и т.д.)
	Поддержка развития академического сообщества	Существующие в университете программы повышения квалификации/профессиональной переподготовки соответствуют моим потребностям профессионального развития
Work-role outputs (исходящие индикаторы – результаты)	Удовлетворенность заработной платой	Я получаю заработную плату, адекватную моим трудовым усилиям Уровень дохода в ЮФУ заставляет меня искать дополнительный заработок на стороне У меня есть возможность получать доплаты и надбавки за дополнительную работу в университете
	Оценка перспектив карьерного роста	Я вижу для себя перспективы карьерного роста в ЮФУ
	Оценка взаимоотношений с руководством	Я могу повлиять на управленческие решения, принимаемые в университете На работе я имею возможность участвовать в решении сложных и нестандартных задач Мои усилия и профессиональные достижения по достоинству оценены руководителем Я всегда могу рассчитывать на объективную обратную связь со стороны руководителя
	Оценка взаимоотношений с коллегами	Мои усилия и профессиональные достижения по достоинству оценены моими коллегами У меня с коллегами сложились отношения доверия и взаимной поддержки
	Оценка результатов своего профессионального развития	Мой личный профессиональный рост – это движение вперед для всего университета Работа с иностранными студентами – способствует развитию моих профессиональных навыков
	Польза для общества	Я чувствую, что занимаюсь чем-то важным и значимым для общества

В структуре анкетных вопросов, позволяющих выявлять субъективные оценки, использовались порядковые шкалы¹⁵³. Роль информантов в исследовании выполняли сотрудники Южного федерального университета (профессорско-преподавательский состав, научные сотрудники, административно-управленческий персонал, учебно-вспомогательный персонал). На момент проведения исследования численность персонала университета составляла 4748 человек. При формировании выборки использовался метод неслучайной выборки – метод стихийного отбора, то есть разработанная исследователями анкета была отправлена во все структурные подразделения университета, которую по желанию могли заполнить их сотрудники. По итогам онлайн-опроса в исследовании приняли участие 1650 чел., что составляет 34,7% от числа всех сотрудников ЮФУ. Наиболее представительной оказалась группа профессорско-преподавательского состава (55,8%). Остальные категории сотрудников были представлены в меньшей степени: 25,6% – в категории учебно-вспомогательного персонала; 22,5% – в категории административно-управленческого персонала, 9,7% – в категории научных сотрудников.

Обзор результатов эмпирических исследований удовлетворенности трудом в академической сфере. Общие индикаторы удовлетворенности трудом в Южном федеральном университете по сравнению с общероссийскими данными оказались весьма высокими («Удовлетворены ли вы своей профессиональной деятельностью?»). Так, в целом по Южному федеральному университету удовлетворены были своей профессиональной деятельностью 83,3% опрошенных¹⁵⁴ (рис. 62).

¹⁵³ Например, 1 – «полностью удовлетворен», 2 – «скорее удовлетворен», 3 – «скорее не удовлетворен», 4 – «совершенно не удовлетворен», 5 – «затрудняюсь ответить», либо 1 – «согласен», 2 – «скорее согласен», 3 – «скорее не согласен», 4 – «не согласен», 5 – «затрудняюсь ответить».

¹⁵⁴ Прим. авторов. Здесь и далее при освещении эмпирических результатов исследования удовлетворенности трудом в ЮФУ и в целом по России (отрасль «Образование») суммируются положительные оценки, например, общий уровень профессиональной деятельностью в ЮФУ – 83,3% – составил сумму ответов респондентов: «вполне удовлетворен» – 45,8%, «скорее удовлетворен, чем нет» – 37,5%.

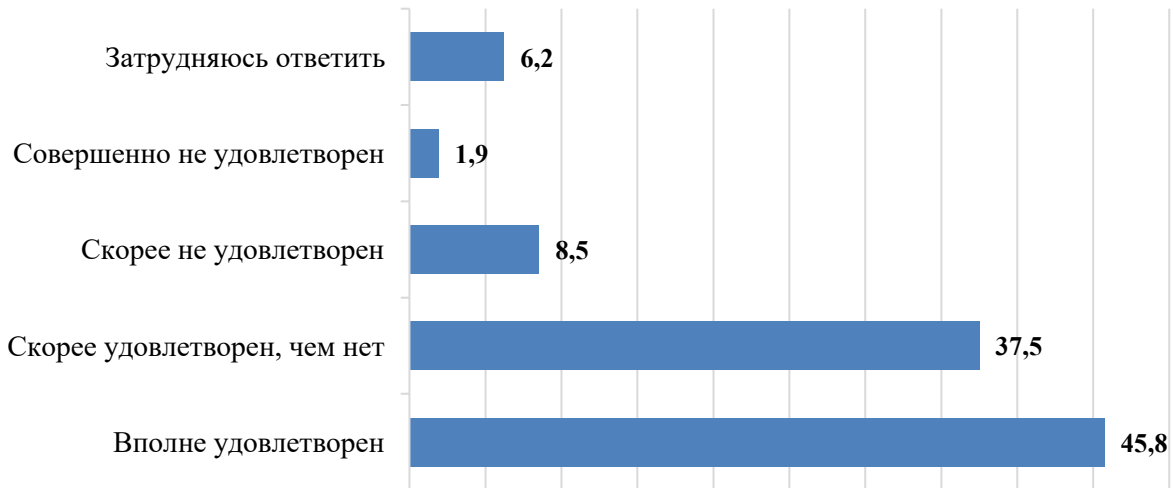

Рис. 62 - Удовлетворенность профессиональной деятельностью сотрудников ЮФУ, % (Михалкина, Скачкова и др.: 167, 2020)

В свою очередь, по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), уровень удовлетворенности работников в отрасли «Образование» до момента проведения опроса (2020 г.) изменялся в диапазоне от 62,1% до 75% (рис. 63).

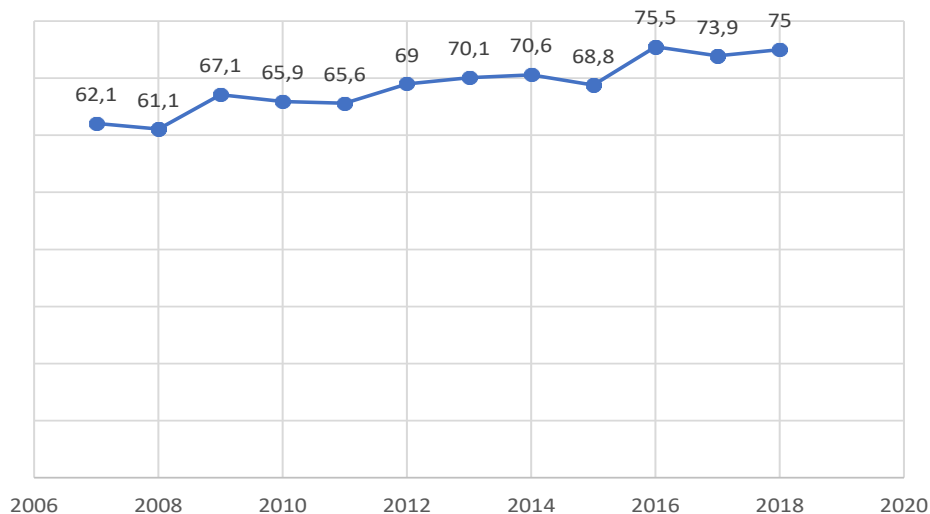

Рис. 63 - Удовлетворенность работой в целом по РФ (отрасль «Образование»), %¹⁵⁵

¹⁵⁵ Составлено по: «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый НИУ ВШЭ и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета

При этом, доля научно-педагогических работников ЮФУ с максимальным уровнем удовлетворенности в ЮФУ составила 85,3%, доля административно-управленческого персонала - 83,9%, минимальный уровень удовлетворенности был зафиксирован у научных сотрудников - 71,4% и учебно-вспомогательного персонала (77,2%) (рис. 64). Интересно, что удовлетворённость профессиональной деятельностью различалась у представителей разных возрастных групп. Так, максимальную удовлетворенность демонстрировали представители старшей возрастной группы (группа «условно пенсионного возраста» старше 60 лет), где в целом удовлетворены были своей профессиональной деятельностью 88,5% опрошенных. В группе молодых работников (младше 30 лет) удовлетворенность профессиональной деятельностью составила 83,4%, а в средней возрастной группе (основной состав сотрудников от 30 до 60 лет) – 82,1%.

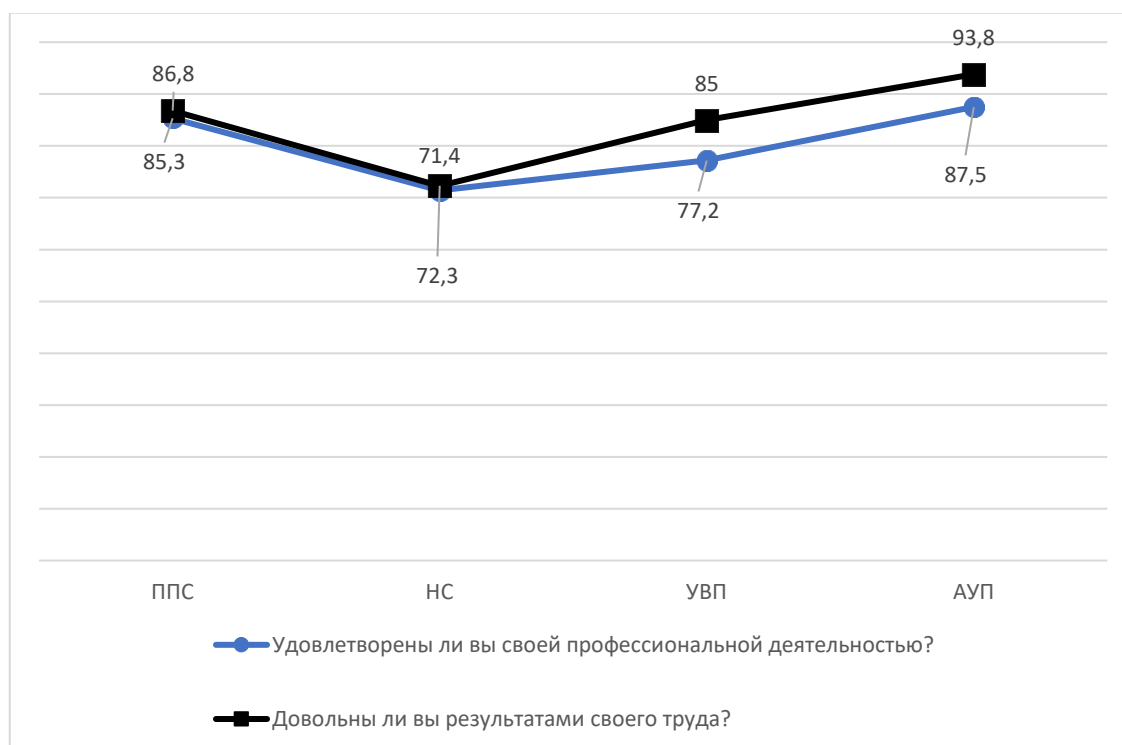
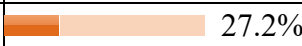
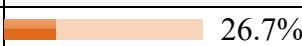

Рис. 64 - Удовлетворенность трудом по профессиональным группам в ЮФУ, % (Михалкина, Скачкова и др.: 167, 2020)

Обратим внимание еще раз на рисунок 64, где также представлена статистика удовлетворенности *результатами труда*. Эти показатели оказались выше показателей удовлетворенности *профессиональной деятельностью*. Означает ли это, что удовлетворенность от результатов труда, которую получают академические работники, выше, чем удовлетворенность самим процессом (профессиональной деятельностью)? Возможно, но этот факт также доказывал необходимость использования подхода *work-role inputs* (анализ факторов, которые обеспечивают рабочий процесс) и *work-role outputs* (факторы, определяющие результат рабочего процесса) при анализе удовлетворенности трудом в целом. В этой связи, были последовательно проанализированы данные, полученные по факторам, обеспечивающим рабочий процесс – *work-role inputs*, и факторам-результатам – *work-role outputs* (см. выше).

К факторам рабочего процесса (work-role inputs) были отнесены: *напряженность труда, организация труда, условия и безопасность труда, условия поддержки академического сообщества*. Относительно чрезмерных трудовых нагрузок мнение сотрудников ЮФУ не было очень категоричным (самооценка напряженности труда). Почти 13% опрошенных затруднились ответить на поставленный вопрос, 45% отметили «согласны» и «скорее согласны» (табл. 47).

Таблица 47 - Общее распределение ответов сотрудников на вопрос «Объем работы, которую мне приходится выполнять, чрезмерно велик» (Михалкина, Скачкова и др.: 169, 2020)

Вариант ответа	Кол-во	%
Согласен	294	 17.8%
Скорее согласен	449	 27.2%
Скорее не согласен	441	 26.7%
Не согласен	258	 15.6%
Затрудняюсь ответить	208	 12.6%
Сумма ответов	1650	

Рабочий график сотрудников ЮФУ явился чуть ли не самым благоприятным фактором труда. Абсолютное большинство (88,1%) опрошенных, в той или иной степени, согласились с тем, что рабочий график им удобен. Каждый второй сотрудник (49%) был согласен с тем, что руководитель четко и своевременно формулирует текущие задачи, треть (33%) – скорее согласны с этим утверждением, 12% – не согласны или скорее не согласны с этим утверждением. Субъективная оценка условий и безопасности труда оказалась ниже, чем оценка этого же показателя по результатам анализа общероссийских данных мониторинга аналогичного фактора в отрасли «Образование» (рис. 65). Так, за последние 14 лет наблюдался рост удовлетворенности этим фактором по России (в 2006 г. – 61,7%, а в 2018 году – 76,7%). При этом в федеральном университете в 2019 г. только 51,7% сотрудников указали на удовлетворенность техническим оснащением рабочего места, а 58,8% – на удовлетворенность оснащенностью аудиторного фонда, санитарно-гигиеническим состоянием здания и т.д.).

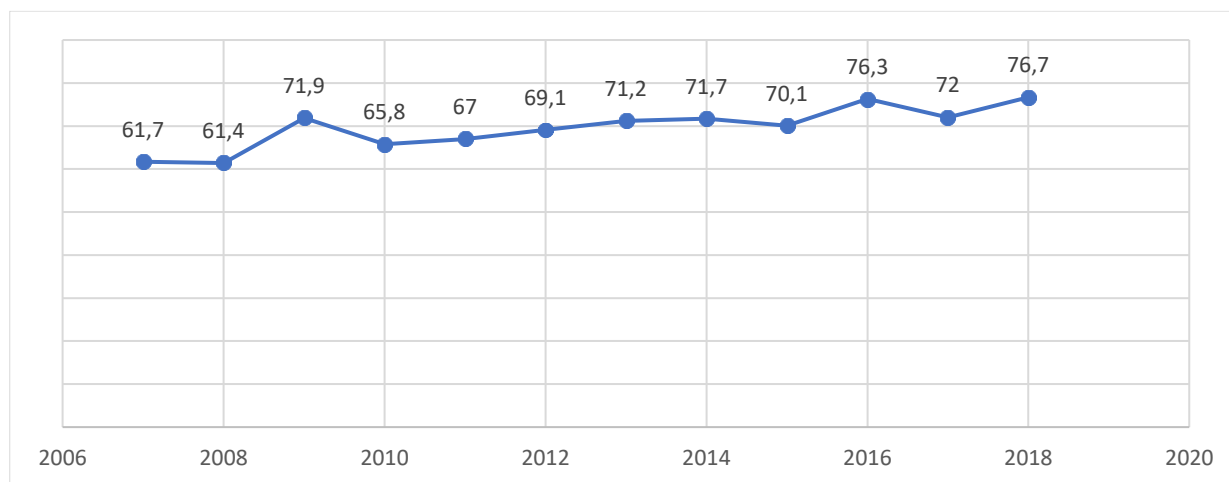

Рис. 65 - Удовлетворенность условиями труда в целом по РФ (отрасль «Образование»), %¹⁵⁶ (Михалкина, Скачкова и др.: 170, 2020)

¹⁵⁶ Составлен по: «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый НИУ ВШЭ и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>)

Аналогичная ситуация среди респондентов была зафиксирована и по оценке эффективности программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки. По мнению только 46,3% респондентов, существующие в университете программы повышения квалификации/профессиональной переподготовки соответствовали их потребностям развития. В целом по РФ наблюдался рост этого показателя: с 42,1% в 2006 году до 53,4% в 2018 году (рис. 66). Но, обратим внимание, что несмотря на то, что показатели удовлетворенности условиями труда и потребностей в профессиональном развитии в федеральном университете оказались ниже, чем в среднем по России.

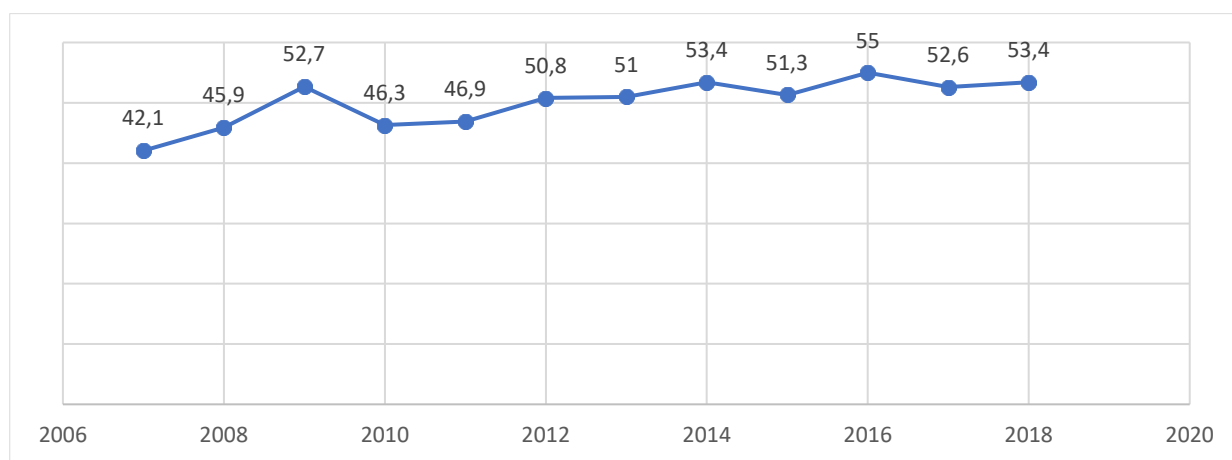

Рис. 66 - Удовлетворенность возможностями профессионального роста в целом по РФ (отрасль «Образование»), %¹⁵⁷ (Михалкина, Скачкова и др.: 170, 2020)

К факторам-результатам (work-role outputs) были отнесены: удовлетворенность заработной платой, перспективы карьерного роста, взаимоотношения с руководством, с коллегами, результаты профессионального развития, а также самооценка значимости профессиональной сферы для общества (см. табл. 1). Только 34,7% респондентов федерального университета

¹⁵⁷ Составлен по: «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый НИУ ВШЭ и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>)

были удовлетворены адекватностью заработной платы трудовым усилиям, а 43,1% – отметили, что у них есть возможность получать доплаты и надбавки за дополнительную работу в университете. И этот показатель повторил тенденцию невысокой субъективной оценки этого фактора в целом по РФ. По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, удовлетворенность оплатой труда в 2018 г. отмечали 35% работников отрасли «Образование», а в 2006 г. этот показатель был рекордно низким (23%) (рис. 67). Изменение в оплате труда педагогических работников были зафиксированы еще в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», согласно которому в российских регионах к 2018 г. необходимо было обеспечить повышение заработной платы преподавателей вузов и научных сотрудников до 200% от средней заработной платы в соответствующем регионе.

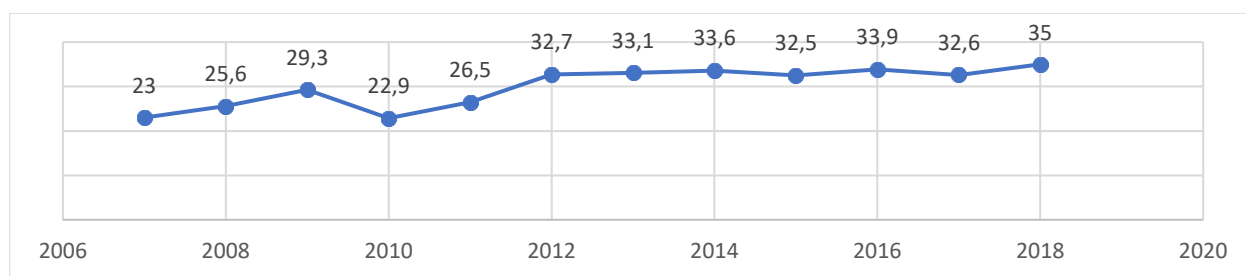

Рис. 67 - Удовлетворенность оплатой труда в целом по РФ (отрасль «Образование»), %¹⁵⁸(Михалкина, Скачкова и др.: 171, 2020)

Обратим внимание, что только 42,5% сотрудников федерального университета видели для себя перспективы карьерного роста, при этом большая часть молодых сотрудников (до 30 лет) мыслили более позитивно о карьере в ЮФУ (59%). Оценка взаимоотношений с руководством исследовалась через анализ субъективных оценок. В качестве субъективных метрик были отобраны

¹⁵⁸ Составлен по: «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый НИУ ВШЭ и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>)

следующие: 1) наличие возможности влияния сотрудников университета на управленческие решения в университете; 2) привлечение сотрудников университета к участию в решении сложных и нестандартных задач, например, через широкое представительство сотрудников в различных рабочих группах, комитетах и комиссиях; 3) оценка руководством университета усилий и профессиональных достижений сотрудников, например, через институт индивидуального рейтинга, различных поощрений, стимулирующих выплат; 4) наличие оценки объективной обратной связи со стороны руководства.

Среди обозначенных факторов наиболее высокий уровень удовлетворенности был отмечен в отношении фактора «объективность обратной связи со стороны руководителя» (79,7%). Однако в отношении фактора ««возможности влияния на управленческие решения в университете» были получены самые низкие оценки (18,2%). Вместе с тем профессорско-преподавательский состав и административные сотрудники университета оценили удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами как высокую. Скорее это связано с тем, что университет в отличие от любой другой корпоративной среды представляет собой определенную университетскую субкультуру, сформированную многолетними традициями, нормами поведения, элементами этики, пронизанной духом сотрудничества и академических свобод. Так, 76,9% респондентов считают, что усилия и профессиональные достижения по достоинству оценены коллегами, а 90,9% опрошенных полагают, что у них сложились отношения доверия и взаимной поддержки. Не все сотрудники понимали важность профессионального роста и его влияние на развитие университета, только 66,2% сотрудников ЮФУ выразили свое согласие относительно утверждения «Мой личный профессиональный рост – это движение вперед для всего университета». 80% сотрудников федерального университета ощущали, что занимаются чем-то важным и значимым для общества. Максимально значимой и важной свою работу оценивали в той или иной мере сотрудники старше 60 лет – их совокупный процент более 85%. В наименьшей степени – сотрудники возрастной группы до 30 лет (72%).

В рамках анализа удовлетворенности трудом в современных университетах обратим внимание на сравнительный анализ факторов рабочего процесса (work-role inputs) и факторов-результатов (work-role outputs) по категориям академического персонала (профессорско-преподавательский состав, научные сотрудники, административно-управленческий персонал, учебно-вспомогательный персонал). В таблице 48 представлены обобщенные ответы респондентов.

Таблица 48 - Удовлетворенность факторами рабочего процесса (work-role inputs), %¹⁵⁹(Михалкина, Скачкова и др.: 172, 2020)

Фактор	Индикатор	ППС	НС	УВП	АУП
1	2	3	4	5	6
Напряженность труда	Объем работы, которую мне приходится выполнять, чрезмерно велик ¹⁶⁰	39	42	58,3	42
Организация труда	Мне удобен мой рабочий график	87,3	87,5	92,9	86,6
	Руководитель четко и своевременно формулирует текущие задачи	81,2	78,6	83,5	84,8
Условия и безопасность труда	Я удовлетворен техническим оснащением моего рабочего места	46,7	55,4	64,2	72,3
	В моем структурном подразделении созданы комфортные условия труда (оснащенность аудиторного фонда, санитарно-гигиеническое состояние зданий и т.д.)	56,7	53,6	65,7	71,4
Поддержка развития академического сообщества	Существующие в университете программы повышения квалификации/профессиональной переподготовки соответствуют моим потребностям профессионального развития	47,3	35,7	46,1	47,3

Для дальнейшего анализа были проведены преобразования в таблице в соответствии с формулой (1):

$$KSij = \frac{JSij}{JSjmax}, \quad (1)$$

¹⁵⁹ Далее сравнительный анализ проводится также по данным исследования удовлетворенности трудом сотрудников ЮФУ, реализованное в рамках более масштабного исследования «Социально-профессиональное самочувствие научно-педагогических работников ЮФУ» (2019–2020).

¹⁶⁰ Чтобы привести в соответствие ответы респондентов на этот вопрос, здесь суммируются не ответы на вопросы «Согласен», «Скорее согласен», а ответы – «Скорее не согласен», «Не согласен».

где KS_{ij} – коэффициент удовлетворенность работой по i -му фактору в j -ой профессиональной группе, JS_j – уровень удовлетворенности i -м фактором в j -ой профессиональной группе, JS_{jmax} – максимальный уровень удовлетворенности i -м фактором в j -ой профессиональной группе. Например,

$$KS_{11} = \frac{39}{58,3} = 0,67, \quad (2)$$

Преобразования по формуле (1) выполнялись по нескольким важным методологическим причинам: во-первых, для сопоставимости данных разных профессиональных групп; во-вторых, для улучшения интерпретируемости результатов (например, коэффициент 0,67 легко понимается и легко интерпретируется, сравнение таких коэффициентов позволяет выявить проблемные зоны, дает возможность ранжировать факторы); в-третьих, для разработки целевых рекомендаций. В результате, таблица 48 была преобразована в таблицу 49.

Таблица 49 - Коэффициенты удовлетворенности факторов рабочего процесса (Михалкина, Скачкова и др.: 173, 2020)

Фактор	Индикатор	ППС	НС	УВП	АУП
1	2	3	4	5	6
Напряженность труда	Объем работы, которую мне приходится выполнять, чрезмерно велик	0,67	0,72	1,00	0,72
Организация труда	Мне удобен мой рабочий график	0,94	0,94	1,00	0,93
	Руководитель четко и своевременно формулирует текущие задачи	0,96	0,93	0,98	1,00
Условия и безопасность труда	Я удовлетворен техническим оснащением моего рабочего места	0,65	0,77	0,89	1,00
	В моем структурном подразделении созданы комфортные условия труда (оснащенность аудиторного фонда, санитарно-гигиеническое состояние зданий и т.д.)	0,79	0,75	0,92	1,00
Поддержка развития академического сообщества	Существующие в университете программы повышения квалификации/профессиональной переподготовки соответствуют моим потребностям профессионального развития	1,00	0,75	0,97	1,00

Следующая итерация с данными в таблице 50 сводилась к суммированию полученных значений коэффициентов. Например, удовлетворенность по фактору «Организация труда» для группы ППС будет равна 1,9 (0,94 + 0,96). Таким образом, таблица 27 была преобразована в следующую – таблицу 28.

Таблица 50 - Обобщенная таблица коэффициентов удовлетворенности факторами рабочего процесса (Михалкина, Скачкова и др.: 173, 2020)

Work-role inputs	ППС	НС	УВП	АУП	Максимальное значение коэффициента для каждой профессиональной группы¹⁶¹
Напряженность труда	0,67	0,72	1,00	0,72	1
Организация труда	1,9	1,87	1,98	1,93	2
Условия и безопасность труда	1,44	1,52	1,81	2	2
Поддержка развития академического сообщества	1,00	0,75	0,97	1,00	1
Общий коэффициент удовлетворенности по факторам рабочего процесса (work-role inputs)	5,01	4,86	5,76	5,65	6
Относительные общие коэффициенты удовлетворенности от их максимального значения	0,84¹⁶²	0,81	0,96	0,94	

Обратим внимание, что инструментарий, представленный в таблицах 26, 27, 28 позволяет осуществлять сравнение только внутри профессиональной группы академических работников по разным категориям, но ни коим образом уже не позволяет делать суждения относительно различных показателей удовлетворенности в целом по университету либо среднероссийских показателей. Иными словами, применяя данную методику, можно только понять, какая из профессиональных групп наименее или наиболее удовлетворена тем или иным фактором. Согласно данным, в целом наиболее удовлетворенными

¹⁶¹ Максимальное значение коэффициента для каждой профессиональной группы равно количеству индикаторов каждого фактора.

¹⁶² Например, $5,01/6=0,84$.

категориями сотрудников по факторам рабочего процесса (work-role inputs) оказались: учебно-вспомогательный персонал (5,76) и административно-управленческий персонал (5,65), а наименее удовлетворенной – научные сотрудники (4,86). Если проводить детальный анализ, то по фактору «напряженность труда» наиболее удовлетворенными являются представители учебно-вспомогательного персонала (2), а наименее удовлетворенными – сотрудники категории профессорско-преподавательского состава (1,44). По фактору «организация труда» значительных расхождений не обнаружено, а по фактору «поддержка развития академического сообщества» не удовлетворены работники профессиональной группы «профессорско-преподавательский состав». Преобразования, продемонстрированные в таблицах 48, 49, 50 были произведены также и по факторам-результатам (work-roles outputs), что отражено в таблице 51.

Таблица 51 - Обобщенная таблица коэффициентов удовлетворенности факторами-результатами (Михалкина, Скачкова и др.: 174, 2020)

Work-role outputs	ППС	НС	УВП	АУП	Максимальное значение коэффициента для каждой профессиональной группы
Удовлетворенность заработной платой	2,8	2,63	2,54	2,55	3
Оценка перспектив карьерного роста	1	0,77	0,66	0,81	1
Оценка взаимоотношений с руководством	3,35	3,29	2,88	3,9	4
Оценка взаимоотношений с коллегами	1,91	2	1,9	1,95	2
Оценка результатов своего профессионального развития	2	1,67	1,58	1,82	2
Польза для общества	1	0,77	0,79	0,99	1
Общий коэффициент удовлетворенности по факторам рабочего процесса (work-role outputs)	12,06	11,13	10,35	12,02	13
Относительные общие коэффициенты удовлетворенности от их максимального значения	0,93	0,86	0,8	0,92	

В целом, наиболее удовлетворенными результатами своего труда оказался академический персонал, относящийся к категориям «профессорско-преподавательский состав» (12,06) и «административно-управленческий персонал» (12,02), а наименее удовлетворенным – учебно-вспомогательный персонал (10,35). Сравнивая удовлетворенность результатами труда по факторам, обратим внимание на то, что, группа профессорско-преподавательского состава была более удовлетворен заработной платой по сравнению с другими категориями персонала. Недовольны перспективами карьерного роста (0,66), взаимоотношениями с руководителем (2,88) и оценкой результатов своего профессионального развития (1,58) сотрудники учебно-вспомогательной категории. Обратим внимание, что именно эта категория персонала в университете имеет очень высокий уровень текучести, но при этом его роль является достаточно значимой в обеспечении эффективной реализации образовательных и исследовательских проектов в современных университетах. И результаты сравнительного анализа позволяют обнаружить проблемные зоны в области мотивации этой категории персонала. Значительных отклонений в субъективных оценках взаимоотношений с коллегами между профессиональными группами не обнаружено. При проведении анализа обнаружен невысокий уровень удовлетворенности результатами своего профессионального развития и ощущение важности и значимости профессиональных достижений среди научных сотрудников по сравнению с другими категориями академического персонала.

Далее было предложено завершить *изложение методики* и результатов сравнительного анализа удовлетворенности трудом построением схематичной матрицы, позволившей классифицировать профессиональные группы по степени удовлетворенности факторами рабочего процесса и факторами результатов труда. На рисунке 68 можно увидеть, что, во-первых, существовала разница в оценке факторов между профессиональными группами, а, во-вторых, внутри каждой группы были зафиксированы разные уровни удовлетворенности

факторами рабочего процесса (work-role inputs) и факторами результатов труда (work-role outputs)¹⁶³.

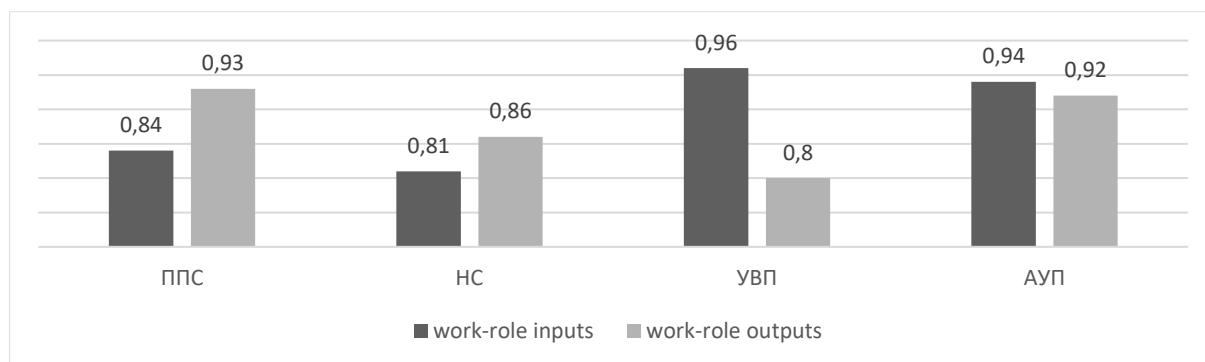

Рис. 68 - Дифференциация уровней удовлетворенности трудом в профессиональных группах академической сферы (на основе кейса ЮФУ) (Михалкина, Скачкова и др.: 175, 2020)

В результате ранжирования коэффициентов удовлетворенности по степени убывания в рассматриваемых группах академической сферы была получена сравнительная матрица удовлетворенности трудом в академической сфере на данных федерального университета (табл. 52).

Таблица 52 - Сравнительная матрица удовлетворенности трудом (Михалкина, Скачкова и др.: 176, 2020)

		work-role inputs		work-role outputs	
		0,84	3	0,93	1
		0,81	4	0,86	3
		0,96	1	0,8	4
		0,94	2	0,92	2

		work-role outputs	
		высокий уровень (1,2)	низкий уровень (3,4)
work-role inputs	высокий уровень (1,2)	АУП	УВП
	низкий уровень (3,4)	ППС	НС

¹⁶³ Построен по данным таблиц 50 и 51.

Анализ матрицы work-role inputs/work-role outputs выявил критическую дифференциацию в условиях труда и мотивации различных категорий персонала университета. Наиболее проблематичной являлась ситуация с учебно-вспомогательным персоналом, который при максимально комфортных факторах рабочего процесса (0,96) демонстрировали неудовлетворенность факторами-результатами (0,80) из-за отсутствия карьерных перспектив и неадекватной системы мотивации. Противоположную картину показывал профессорско-преподавательский состав - максимальные результаты (0,93) достигались за счет внутренней мотивации и профессионального призвания, несмотря на более низкие оценки факторами рабочего процесса. (0,84). Научные сотрудники находились в наиболее критическом положении с минимальными входными показателями (0,81). Единственной группой с оптимальным балансом являлся административно-управленческий персонал (0,94/0,92). Ключевой стратегический вывод заключается в необходимости перехода от унифицированного к дифференцированному подходу в управлении персоналом, где для каждой профессиональной группы разрабатываются специфические программы развития, мотивации и поддержки, учитывающие их уникальные потребности и особенности трудовой деятельности.

Таким образом, полученная матрица могла, с одной стороны, выполнять функцию наглядного аналитического инструментария для сравнительной оценки удовлетворенности трудом в различных профессиональных группах, а, с другой стороны, позволила в некоторой степени получить ориентиры в области совершенствования политики управления мотивацией. Например, согласно полученной матрице, было очевидно, что управление мотивацией и вовлеченностью научных сотрудников требовало первоочередных мер. Однако данная методика имела существенный недостаток. *Если следовать идеи субъективного подхода к оценке различных аспектов качества жизни*, то представляется важным не только получение оценок информантов по поводу степени реализации в организации факторов удовлетворенности трудом, а прежде всего, проведение диагностики того, что представляется ценным для

индивидов на работе. В этой связи, в 2023 г. методика была усовершенствована. На базе экономического факультета в рамках реализации инициативного проекта «Разработка и внедрение системы мотивации» (программа стратегического академического лидерства ЮФУ «Приоритет 2030») была проведено исследование, которое было направлено, с одной стороны, на *самодиагностику факторов*, влияющих на эффективное поведение на рабочем месте, а, с другой стороны, самооценку реализации этих факторов на экономическом факультете Южного федерального университета. В выборку (табл. 53) были включены все штатные сотрудники экономического факультета (68 чел.), но данные были получены от 58 научно-педагогических работников (85%).

**Таблица 53 – Характеристика выборки исследования
удовлетворенности работой на экономическом факультете ЮФУ**

		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	Женский	44	75,9	75,9	75,9
	Мужской	14	24,1	24,1	100,0
	Всего	58	100,0	100,0	
Валидные	31 – 39 лет	13	22,4	22,4	22,4
	40 – 60 лет	37	63,8	63,8	86,2
	До 30 лет	4	6,9	6,9	93,1
	Старше 60 лет	4	6,9	6,9	100,0
	Всего	58	100,0	100,0	

Диагностика удовлетворенности работой проводилась в два этапа. На первом этапе выявлены *те аспекты, которые наиболее значимы* для научно-педагогических работников экономического факультета. По результатам первого этапа получена информация о следующих значимых аспектах мотивации, которые, по сути, формируют все сферы благополучия практически любого индивида, а именно: условия работы, доход, здоровье, жилье, питание, развитие, обратная связь с руководителем, коммуникации с коллегами. Подробные результаты первого этапа представлены в таблицах 54 – 55 (анкета представлена в Приложении 7).

Таблица 54 – Перечень факторов, которые мотивировали на эффективную работу на факультете (1 этап)¹⁶⁴

Фактор	Чел.	Ранг
1. Уровень заработной платы	49	1
2. Оплата публикаций статей, монографий	39	
3. Оплачиваемые факультетом программы обучения, соответствующие потребностям профессионального развития	38	
4. Стимулирующие выплаты за дополнительные функции на факультете	37	
5. Стимулирующие выплаты за достижение показателей Программы развития факультета	27	
6. Оплата участия в конференциях (вступительный взнос, оплата проезда и проживания)	27	
7. Объективная обратная связь от руководителей (заведующего кафедрой, декана факультета)	27	
8. Комфортные условия работы на кафедре (наличие возможности использовать оборудование и рабочее место для подготовки к занятиям, обсуждения проектов со студентами, зона отдыха и др.)	24	
9. Комфортные условия проведения занятий (оснащенность аудиторного фонда, санитарно-гигиеническое состояние здания и т.д.)	24	
10. Оплата абонементов в спортивных клубах/бассейнах	21	
11. Официальные знаки признания от руководства (благодарность ректора, почетные грамоты от декана, вручение памятных знаков, орденов, медалей)	20	
12. Отношения поддержки и доверия со стороны коллег	20	
13. Доступность и возможность получения льгот в соответствии с коллективным договором (материальная помощь, оплата санаторно-курортного отдыха, скидки на обучение в ЮФУ для детей сотрудников и др.)	17	6
14. Корпоративные программы дополнительного медицинского страхования	14	
15. Корпоративные мероприятия на факультете/кафедре, оплачиваемые за счет средств факультета (Новый год, 8 марта, 23 февраля, окончание года, Чай на экономе и др.)	13	
16. Доступность, качество и разнообразие питания в кафе на факультете	12	

¹⁶⁴ Составлено автором

Таблица 55 – Факторы, которые не влияли на мотивацию (1 этап)¹⁶⁵

1.	Зона отдыха на факультете (на перерывах, после занятий)	7
2.	Ипотечные программы для сотрудников	7
3.	Совместный отдых с коллегами	5
4.	Консультирование по вопросам психологической помощи (для сотрудника и членов их семей)	2
5.	Профессиональное признание (статус «Лучший преподаватель», «Ведущий исследователь», «Лучший куратор» и др.)	0
6.	Поддержка профсоюза (отстаивание прав, контроль за условиями труда и отдыха, питанием сотрудников, поддержка в различных жизненных ситуациях: смерть родственников, свадьба, рождение ребенка и др.)	0
7.	Поддержка хобби и досуга (театр с ректором, арт-сезоны и др.)	0

Таким образом, опросник второго этапа анкетирования включал уже более обоснованные факторы удовлетворенности работой (см. Приложение 8), обусловленные мнением сотрудников. По каждому фактору предлагалась шкала от «0» до «10» баллов, где отсутствие баллов означало совершенное несогласие, а максимальное количество баллов – абсолютное согласие. При оценке уровня удовлетворенности НПП системой мотивации были выделены как пороговые значения показателей, так и ранг показателя (табл. 56).

Таблица 56 – Индикаторы удовлетворенности

Характеристика уровня	Значение показателя	Ранг
Высокий уровень удовлетворенности	9-10	1
Средний уровень удовлетворенности	7-8	2
Низкий уровень удовлетворенности	5-6	3
Неудовлетворенность	Менее 5	4

Анализ результатов опроса осуществлялся на основе подсчета мер центральной тенденции (среднее, мода, медиана), далее факторы ранжировались по моде и медиане, как результат, была получена информация, в какой мере реализуются на экономическом факультете ценные для сотрудников аспекты удовлетворенности трудом (табл. 57).

¹⁶⁵ Составлено автором

Таблица 57 – Факторы удовлетворенности трудом НПР экономического факультета (2 этап)

	Средне е	Медиан а	Мод а	Ранжирование по медиане	Ранжирование по моде	Значимост ь
Финансовая поддержка публикационной активности	3,23	3,00	0	неудовлетворенность	неудовлетворенность	2
Стимулирующие выплаты за КПЭ (университет)	4,06	4,00	5	неудовлетворенность	низкий	3
Оплата участия в конференциях	4,06	4,00	0	неудовлетворенность	неудовлетворенность	3
Поддержка здорового образа жизни	3,94	3,00	0	неудовлетворенность	неудовлетворенность	5
ДМС	3,43	3,00	0	неудовлетворенность	неудовлетворенность	7
Питание	3,40	3,00	0	неудовлетворенность	неудовлетворенность	7
Обучение и развитие	4,60	5,00	5	низкий	низкий	2
Стимулирующие выплаты за доп. функции	5,02	5,00	5	низкий	низкий	2
Стимулирующие выплаты за КПЭ (факультет)	4,49	5,00	5	низкий	низкий	3
Заработная плата	5,04	5,00	7	низкий	средний	1
Условия работы	6,04	7,00	8	средний	средний	4
Условия для проведения занятий	6,83	7,00	7	средний	средний	4
Признание со стороны руководства	6,23	7,00	10	средний	высокий	5
Доверие в коллективе	7,68	8,00	8	средний	средний	5
Льготы по коллективному договору	6,17	7,00	8	средний	средний	6
Корпоративные мероприятия, праздники	6,08	7,00	9	средний	высокий	7
Обратная связь от руководства	8,40	9,00	10	высокий	высокий	3
Постановка задач (декан)	8,19	9,00	10	высокий	высокий	3
Постановка задач (заведующий)	8,45	9,00	10	высокий	высокий	3

Неудовлетворены информанты финансовой поддержкой публикационной активности, стимулирующими выплатами за достижение показателей эффективности на уровне университета, оплатой участия в конференциях, поддержкой здорового образа жизни; в наименьшей степени - обучением и развитием, стимулирующими выплатами за выполнение дополнительных функций, выплатами за достижение показателей эффективности на уровне факультета и заработной платой; в средней степени – условиями работы, условиями для проведения занятий, признанием со стороны руководства, доверием в коллективе, льготами по коллективному договору; а высокий уровень удовлетворенности у сотрудников обнаружен по факторам: обратная связь от руководства, постановка задач (декан), постановка задач (заведующий).

Таким образом, данные об удовлетворенности трудом, полученные в рамках исследования социально-профессионального самочувствия научно-педагогических работников Южного федерального университета (2019-2021 гг.), удовлетворенность трудом научно-педагогических работников экономического факультета (2023 г.), а также анализ различных концепций и методологических подходов к изучению удовлетворенности трудом и субъективного благополучия позволили, *во-первых*, адаптировать методику кросс-национальных сравнений Альфонсо Соуза-Поза, Андреса Соуза-Поза (Sousa-Poza, Sousa-Poza, 2000) к анализу кросс-профессиональных сравнений уровня удовлетворенности трудом в целом и отдельно по входящим и исходящим факторам, определяющих ее (work-role inputs/work-role outputs) в академической сфере (Sousa-Poza, Sousa-Poza, 2000); и, *во-вторых*, усовершенствовать методику исследования удовлетворенности, дополнив его этапом диагностики факторов, ценных для информантов - факторов, мотивирующих на эффективную работу, тем самым, обеспечивая внедряемость субъективных метрик в оценку отдельных аспектов качества жизни индивидов. Кроме того, результаты исследований субъективного благополучия научно-педагогических работников, представленные в данной главе, по мнению автора, вносят вклад в использование субъективных метрик в оценке качества жизни.

Выводы к главе 4. В результате проведенного исследования разработан и эмпирически апробирован оригинальный методологический конструкт измерения субъективного благополучия научно-педагогических работников, включающий аффективный (соотношение положительных и отрицательных эмоций) и когнитивный компоненты (ценностно-смысловые установки, восприятие различных сторон жизни, оценка профессиональной сферы). Эмпирически обоснован «феномен академической профессии», проявляющийся в повышенном уровне субъективного благополучия НПП по сравнению с общенациональными показателями (76% НПП имеют положительный индекс эмоционального благополучия, показатели счастья и удовлетворенности жизнью значительно превышают среднероссийские значения). Выявлена специфика оценок субъективного благополучия различных категорий НПП в зависимости от квалификационных (наличие ученой степени) и возрастных характеристик, что обосновывает необходимость дифференцированного подхода к формированию программ мотивации и управлению благополучием в академической сфере. Проведена эмпирическая апробация методики измерения удовлетворенности трудом, позволяющая создать методологическую основу для разработки таргетированных мер поддержки научно-педагогических работников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках диссертационного исследования реализована *идея о целесообразности и необходимости применения субъективных метрик в измерении качества жизни*, так как использование традиционных метрик не всегда формирует достоверную информацию об уровне и структуре благополучия населения, что может приводить к неэффективным государственным интервенциям в социально-экономической сфере. Внедрение такого неортодоксального подхода к измерению и управлению благополучием позволяет актуализировать концепт «человекоцентричности», в соответствии с которыми в центр любых социально-экономических процессов *помещается индивид со своими уникальными ценностями и потребностями, человек - чувствующий, переживающий, обладающий разными способностями и характеристиками, формирующимися под влиянием генетических, социальных, психологических и других переменных*. Решая поставленные задачи диссертационного исследования, были получены следующие результаты:

Во-первых, обнаружено фундаментальное противоречие между теоретическими концепциями качества жизни и практикой его измерения в Российской Федерации (дихотомии теории и практики). В то время как значительное число исследователей обосновывают необходимость комплексного подхода к оценке качества жизни через сочетание объективных и субъективных показателей, в практике государственной статистики (в частности, Росстата) *преобладает одномерный подход*, основанный преимущественно на неоклассических теориях и сводящий оценку качества жизни к измерению показателей благосостояния (уровень дохода, потребления, сбережений), имеющих «объективную» природу.

Безусловно, объективные показатели обладают как преимуществами, так и недостатками. К преимуществам относятся: измеримость (возможность получения конкретных числовых значений, например, среднедушевой доход, обеспеченность жильем в кв. метрах, продолжительность жизни в годах); сравнимость (возможность сопоставления данных между различными территориями, социальными группами и временными периодами, что позволяет отслеживать динамику изменений); статистическая обоснованность (наличие устоявшихся методологий сбора и обработки данных, верифицируемых научным сообществом); относительная непредвзятость (минимизация влияния субъективных факторов при сборе данных, что снижает риск искажения информации); операциональность (возможность использования для конкретных управленческих решений и формирования целевых программ). К недостаткам объективных метрик качества жизни можно отнести: отсутствие контекста (игнорирование культурных особенностей, семейных традиций, социальных связей и эмоциональных аспектов жизни; например, одинаковый уровень дохода может по-разному восприниматься в разных культурных средах даже); игнорирование индивидуальных различий (например, личных предпочтений, ценностей и жизненных приоритетов; так, для одних людей материальное благополучие может быть менее значимо, чем творческая самореализация или общественное признание); сложность интерпретации (например, иллюзия роста сбережений в результате «переоценки валютных депозитов в рублевом выражении»; рост заболеваемости, а не доступность медицины в связи с увеличением расходов на здравоохранение); возможность манипулирования (избирательное использование статистических данных для обоснования политических решений; акцентирование внимания на позитивных, например, средних, показателях при игнорировании негативных); несоответствие формальных показателей реальной жизни (официальный уровень безработицы может не учитывать «скрытую безработицу» или неполную занятость; официальные доходы часто не отражают теневые доходы населения); ограниченная экологическая чувствительность (экономические показатели типа

ВВП могут расти одновременно с истощением природных ресурсов и ухудшением экологической ситуации, что в долгосрочной перспективе может снижать качество жизни).

В этой связи интеграция субъективных показателей в практику оценки качества жизни населения представляется необходимым шагом для формирования комплексной и достоверной картины благополучия в России. Метрики субъективного благополучия, основанные на самооценке удовлетворенности различными аспектами жизни, ощущении счастья, восприятию социальной справедливости и безопасности и др., позволяют значительно обогатить аналитический инструментарий для принятия социально-экономических решений.

Необходимо также отметить, что переход к комплексному (многомерному) подходу к оценке качества жизни требует методологических трансформаций в деятельности органов статистики, координации усилий научного сообщества и властных структур, а также изменения парадигмального подхода к пониманию благополучия. И именно такой комплексный подход способен обеспечить более глубокое понимание процессов, происходящих в обществе, и служить надежной основой для принятия управленческих решений, действительно, повышающих качество жизни россиян.

Во-вторых, предложена новая парадигма к практике измерения качества жизни в РФ. Новая парадигма концептуально преобразует само понимание благополучия как многогранного феномена, в котором субъективное восприятие имеет не меньшее значение, чем объективные условия существования. Новая парадигма в российской практике измерения качества жизни должна представлять собой фундаментальную трансформацию традиционного подхода к оценке социально-экономического развития, расширяя его до целостного концепта благополучия (well-being), охватывающего как объективные условия существования, так и субъективный опыт индивидов в различных сферах жизнедеятельности. Фактически она объединяет исследования, как в области

теорий благосостояния (welfare), так и в области теорий субъективного (subjective well-being), см. рис.17.

Ключевые характеристики новой парадигмы:

1. Интеграция объективных и субъективных показателей. Наряду с традиционными объективными метриками (среднедушевые доходы, среднемесячная заработная плата, структура потребительских расходов, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень образования населения, уровень занятости и безработицы, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу и др.) парадигма включает субъективные оценки – удовлетворенность жизнью, удовлетворенность работой, удовлетворенность доходом, уровень счастья и др.

2. Многомерность и комплексность. Парадигма рассматривает качество жизни как сложную систему взаимосвязанных компонентов, охватывающих все сферы человеческого существования (экономическую, социальную, психологическую, культурную, экологическую и др.).

3. Учет ненаблюдаемых скрытых факторов. Парадигма признает влияние латентных переменных, которые не поддаются прямому измерению, но значительно влияют на благополучие (ценности, ожидания, социальные связи, культурный, национальный, региональный контексты и др.). В этой связи, отследить вариацию таких переменных возможно только в условиях долгосрочных лонгитюдных исследований.

4. Отказ от агрегированных метрик (индексов) в связи с многообразием показателей, использующих разную методологию построения и расчета, и использование системы взаимосвязанных, но независимо интерпретируемых показателей, что, в свою очередь, позволяет сохранять информационную ценность каждого измерения.

5. Междисциплинарный синтез. Парадигма базируется на интеграции достижений экономики, социологии, психологии, антропологии и других наук, что обеспечивает холистическое понимание феномена благополучия.

Таким образом, новая парадигма должна не просто расширить инструментарий измерения качества жизни, но концептуально преобразовать само понимание благополучия как многогранного феномена, в котором субъективное восприятие имеет не меньшее значение, чем объективные условия существования. Это позволяет разрабатывать более эффективные и человеко-ориентированные стратегии социально-экономического развития.

Новая парадигма измерения качества жизни, по сути, превращается в концепт благополучия (well-being), объединяющий как подходы теории благосостояния (welfare), так и подходы теории субъективного благополучия (subjective well-being).

В-третьих, в связи с тем, что концепция субъективного благополучия, несмотря на растущий интерес к ней в мировой науке, в российском научном дискурсе представлена не системно, по некоторым аспектам - фрагментарно и не имеет однозначной сформированности. Наблюдается терминологическая неоднородность, отсутствие консенсуса относительно ключевых компонентов и детерминант субъективного благополучия, а также недостаточная интеграция данного концепта в систему социально-экономического мониторинга. Учитывая выявленный дисбаланс между степенью разработанности теории благосостояния и концепции субъективного благополучия в российском научном контексте, был проведен систематический теоретический анализ существующих подходов к пониманию и измерению субъективного благополучия. С этой целью был **проведен «обзор предметного поля» (scoping review), результаты**, позволивший обобщить, структурировать и проанализировать большой массив существующих знаний в области теории и методологии исследований субъективного благополучия в России и в мире. Результаты обзора предметного поля сформировали новые аргументы для институционализации нового знания в самостоятельную и общепризнанную теорию субъективного благополучия, а также нового направления в экономике – экономики счастья (happiness economics). Обзор предметного поля (scoping review), достаточно редко используемый в российских экономических исследованиях наилучшим образом

подходит для укрепления позиций новой экономической теории. В рамках диссертационного исследования методика проведения обзора предметного поля (scoring review) была адаптирована и апробирована в соответствии обозначенной задачей. Разработанная методика проведения обзора предметного поля (scoring review) субъективного благополучия включала в себя: 1) планирование (постановка цели: определение границ предметного поля; формулировка вопроса исследования: создание ориентира для критериев включения/исключения; формирование оптимального состава участников и их инструктаж); 2) поиск и отбор информации (определение источников поиска: обоснованный выбор научных баз данных; установление критериев включения/исключения: разработка ключевых слов для автоматизированного поиска и критериев для полнотекстового анализа; отбор по критериям: формирование «воронки» исследовательского синтеза и итогового списка публикаций); 3) извлечение данных (создание инструмента извлечения: разработка структурированной электронной формы с индикаторами; пилотный этап: тестирование процесса извлечения данных несколькими исследователями с последующим согласованием; внесение информации в структурированную базу данных с кодированием); 4) анализ и обобщение результатов (описательная статистика и тематический анализ полученных данных: выявление ключевых трендов/фокусов/пробелов/недостаточно исследованных областей предметного поля). В рамках обзора предметного поля удалось осуществить научно обоснованный переход от массива более чем 200 тысяч публикаций к 210 ключевым работам, систематизировать используемые категории, концептуальные подходы к измерению, исследовательские фокусы и факторы, влияющие на субъективное благополучие.

Результаты обзора предметного поля (scoring review) позволили выявить следующие конституирующие признаки теории субъективного благополучия как отдельной самостоятельной области научного познания.

1) Специфический категориальный аппарат (удовлетворенность жизнью, уровень счастья, удовлетворенность работой, удовлетворенность

здоровьем, уровень счастья и др.), при этом принимается конструкт Динера Э. в качестве базового определения субъективного благополучия, под которым понимается, во-первых, ежедневное эмоциональное восприятие текущих событий в жизни, которые могут как позитивными (*positive affect*), так и негативными (*negative affect*), во-вторых, оценка индивидом уровня счастья в соответствии со своими собственными критериями и/или уровнем достижения признанного в обществе стандарта счастливой жизни с учетом культурных ценностей и установок (*life satisfaction*)¹⁶⁶.

2) Собственный предмет исследования - субъективное восприятие качества жизни: эмоциональное восприятие различных сфер жизни – «переживания в данный момент времени» и оценка или суждение о жизни (в целом или отдельных ее сфер) по прошествии времени.

3) Оригинальная методология измерения, основанная на субъективных самооценках индивидов (когнитивные и аффективные оценки) и предполагающая изучение влияния на субъективное благополучие как традиционных факторов, так и скрытых ненаблюдаемых факторов, связанных с индивидуальными различиями или изменениями, происходящими с индивидами с течением времени. При этом к традиционным факторам относятся: общеэкономические (доход, безработица и др.); демографические (образование, возраст, пол и др.), социальные (связи, культура, религия и др.), профессиональные (удовлетворенность работой, досуг и др.), физиологические (здоровье, генетические особенности и др.), обусловленные средой (экология, климат, погода, городская среда и др.), институциональные и политические (доверие, политические права и свободы, качество институтов и др.). А к скрытым ненаблюдаемым факторам, связанным с индивидуальными различиями или изменениями, относятся факторы личностного развития (цели, стремление, самооценка и др.), факторы, определяемыми значимыми событиями в жизни индивидов (развод, потеря близкого, наследство, свадьба и др.) и др.

¹⁶⁶ Прим. автора. Далее в работе под субъективным благополучием будет пониматься именно такая его характеристика.

4) Уникальные причинно-следственные связи и закономерности, не объясняемые в рамках традиционных экономических теорий: взаимосвязь между субъективным благополучием и решениями индивида в области потребления (приобретения продуктов питания, расходы на одежды, траты на досуг, аренду, коммунальные расходы) и сбережения, уровнем счастья и успешностью поиска работы, удовлетворенностью работой, уровнем производительности труда, предпринимательской и инвестиционной активностью, а также влияние СБ на уровень финансовой безопасности и нестабильности.

5) Наличие уникальных эмпирических феноменов – парадоксальных явлений, среди которых: «парадокс Истерлина» (отсутствие прямой корреляции между ростом национального дохода и уровнем счастья); эффект адаптации к бедности/богатству (тенденция адаптации к своему материальному положению: после значительного изменения дохода, как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения, уровень субъективного благополучия индивидов может резко изменяться, но затем постепенно возвращается к исходному состоянию); парадокс социального сравнения и эффект относительного дохода (индивид может быть объективно богатым, но чувствовать себя неудовлетворенным жизнью, если окружающие его люди располагают большим, по сравнению с ним, доходом; и наоборот, индивид с относительно низким доходом может быть счастлив, если его доход выше, чем у окружающих) и др. Эти эмпирические феномены имеют важное значение для понимания взаимосвязи между экономическими показателями и субъективным благополучием людей, а также для разработки более эффективной социально-экономической политики, направленной на повышение качества жизни населения.

В-четвертых, опираясь на данные Российского мониторинга социально-экономического положения и состояния здоровья населения НИУ ВШЭ за период 2013–2022 гг., **был проведен анализ динамики изменения индексов субъективного благополучия в целом по РФ, проанализированы различия в изменении индексов в зависимости от социально-демографических**

факторов, а также уровня субъективной оценки индивидами своего здоровья, работы и материального положения.

Для измерения уровня субъективного благополучия или уровня счастья россиян были использованы два показателя, позволившие, с одной стороны, оценивать текущее эмоциональное восприятие своей жизнедеятельности (аффективный компонент СБ), а, с другой стороны, оценивать в целом свою жизнь по прошествии времени, «насколько она удалась или не удалась» (когнитивный компонент СБ).

Значение индексов СБ колебалось в диапазоне от +100 % до –100%, чем ближе значение индексов к +100%, тем выше уровень счастья. Анализ результатов измерения различных компонентов счастья россиян позволил сформулировать следующие выводы.

1) Наименьшее значение индекса удовлетворенности жизнью (когнитивный индекс счастья) наблюдалось в 2016 г. (25%), а максимальное – в 2022 г. (34%). Значение аффективного индекса счастья (ощущение счастья «здесь и сейчас») оказалось выше по сравнению с уровнем когнитивной оценки своей жизни.

2) Обнаружены различия в том, в какой степени принадлежность к полу, возрасту, наличие того или иного уровня образования, регион проживания, уровень здоровья, удовлетворенность работой в целом, оплатой труда и материальным положением влияют на значение и динамику индексов счастья россиян (КогСБ и АфСБ). А именно:

– Индексы счастья россиян выше среди мужского населения, при этом уровень аффективного компонента счастья россиян оказался более чувствителен к гендеру по сравнению индексом удовлетворенности жизнью. Кроме того, у мужчин значение показателей обоих компонентов СБ всегда были выше, а у женщин - ниже общероссийских индексов счастья.

– Индекс удовлетворенности жизнью россиян снижался с увеличением возраста: в группах до 44 лет был выше общероссийских значений, а, начиная, с 45 лет оказывался ниже. Минимального значения этот уровень достигал в

промежутке от 63 до 73 лет, после этого наблюдался значительный рост, достигающий или превышающий уровень субъективного благополучия информантов 14-летнего возраста. И если индекс КогСБ у лиц старше 73–75 лет склонен был к возрастанию, то аффективный индекс счастья имел тенденцию к уменьшению.

– Наиболее удовлетворены жизнью лица с высшим образованием, показатель удовлетворенности этой группы населения выше общероссийского индекса. В 2021 и 2022 гг. индекс счастья (КогСБ) у информантов с законченным среднеспециальным и незаконченным средним образованием практически совпал со средним индексом по стране. Предположительно рост индекса удовлетворенности жизнью у лиц с незаконченным средним образованием мог быть вызван улучшением их уровня благосостояния (ростом заработной платы, ростом доходов), так как вследствие роста дефицита трудовых ресурсов вырос спрос не только на лиц с законченным образованием, но и на лиц с более низкой квалификацией.

– Индексы счастья различаются в зависимости от семейного положения и наличия детей. Наибольшее значение индекса удовлетворенности жизнью (КогСБ) прослеживается у лиц, состоящих в первом браке и лиц, никогда не состоявших в браке, а также у лиц, не имевших детей. Последний показатель выше общероссийского индекса, а также индекса удовлетворенности лиц, имеющих детей. Наличие детей оказывало незначительное влияние на аффективный компонент счастья по сравнению с уровнем удовлетворенности жизнью. Это согласуется с теорией о том, что дети накладывают ограничения на ежедневные положительные эмоции, но, тем не менее, люди считают их важной частью своего общего благополучия.

– Обнаружена большая разница в значениях индексов удовлетворенности жизнью среди информантов с плохим/совсем плохим и с очень хорошим/хорошим здоровьем. В первой группе индексы имели только отрицательные значения (минимальное значение – «-49%», максимальное – «-23» за рассматриваемый период). Во второй же группе когнитивные индексы

счастья значительно превышали среднероссийские показатели (в среднем в 1,5–2 раза). Аффективные индексы счастья еще в большей степени оказались чувствительны к уровню здоровья индивидов.

– За 10-летний период (2013–2022 гг.) уровень удовлетворенности оплатой труда и материальным положением всегда оставался на низком уровне, последний показатель фиксируется за этот период только отрицательными значениями: разброс от «-40,4%» до «-26,1%». При этом уровень жизни в целом по экономике РФ неуклонно рос: за последние 10 лет заработная плата выросла более, чем в 2 раза. Таким образом, использование только объективных показателей для оценки качества и уровня жизни может существенно исказить реальное положение дел в экономике и чревато ошибками в принятии социально-экономических решений. Однако при низких значения индексов удовлетворенности оплатой труда и материального положения уровень удовлетворенности работой имел достаточно высокие значения (в 2013 г. разница между этими показателями составляла 58,4 пп., а в 2022 г. – 57,6 пп.), что косвенным образом свидетельствует о том, что, безусловно, присутствуют иные факторы, помимо заработной платы, влияющие на уровень удовлетворенности работой в целом.

– В случае неудовлетворенности работой люди ощущали себя предельно несчастными. Среднее значение разницы между максимальным и минимальным значениями индекса удовлетворенности жизнью в зависимости от удовлетворенности работой за 2013–2022 гг. составляло 88%. Напротив, индекс аффективного счастья оказался менее чувствителен к удовлетворенности работой (разница между его максимальным и минимальным значением в 2016 и 2017 гг. составила 56% и 60%). Обнаружено, что чем выше удовлетворенность оплатой труда, тем выше индекс удовлетворенности жизнью. Аффективный индекс счастья в меньшей степени оказался зависим от субъективной оценки оплаты труда. Худшее восприятие своего материального положения также оказалось связано с более низкой удовлетворенностью жизнью.

Опираясь на полученные результаты, авторы подтвердили выводы существующих исследований относительно факторов, влияющих на различные компоненты субъективного благополучия, среди которых не только, традиционные «объективные» (уровень дохода, уровень заработной платы, социально-демографические характеристики), но и «субъективные» переменные, а именно субъективные оценки здоровья, удовлетворенности работой, оплатой труда и материальным положением. Новый подход к измерению благополучия населения, связанный с субъективными оценками в целом своей жизни и отдельных ее аспектов, позволяет своевременно реагировать на те «провалы» в социально-экономическом развитии, которые не всегда учитываются при использовании традиционных показателей. Все вышеобозначенные факторы имели различную степень воздействия, что формирует предпосылки для продолжения исследования в направлении более доказательной аргументации о наличии, направленности и степени воздействия «объективных» и «субъективных» переменных на уровень субъективного благополучия. Использование субъективных показателей оценки качества жизни, таких как когнитивные и аффективные индексы счастья, безусловно, *позволяет формировать многомерную и комплексную оценку эффективности решений в области управления качеством жизни россиян.*

В-пятых, эмпирически подтверждена устойчивость сегмента населения с высоким уровнем субъективного благополучия вне зависимости от воздействия «поликризиса» (одновременного воздействия экономических, геополитических, эпидемиологических и других кризисов): динамика численности «полностью удовлетворенных жизнью» россиян колебалась незначительно в пределах 7,6–10%, а «очень счастливых» - 9,9–12,1% за последние 10 лет, что свидетельствует о формировании «адаптивной группы» населения, способной сохранять высокий уровень субъективного благополучия в условиях нестабильной социально-экономической среды. Впервые выявлен и научно обоснован социально-экономический и демографический портрет россиян, принадлежащих к такой

«адаптивной группе» с максимальным уровнем субъективного благополучия, что позволило идентифицировать ключевые детерминанты высокой удовлетворенности жизнью в современном российском обществе на протяжении последнего десятилетия (2013–2022 гг.). Установлено, что устойчивый сегмент носителей наивысших показателей субъективного благополучия характеризуется: преобладанием женщин, демонстрирующих стабильную адаптивность к изменяющимся условиям (минимальная разница между группами - 5,2 % наблюдалась в 2019 г., а максимальная - 13,7% в 2015 г. по когнитивному компоненту; примерно 10% - по аффективному); смещением возрастной границы в сторону более молодого поколения (от 25 до 44 лет); отсутствием прямой зависимости от статуса занятости; ростом доли удовлетворенных трудовой деятельностью в условиях развития новых форм организации труда (с 2013 по 2017 гг. таких россиян была примерно третья часть, а к 2022 г. их становится больше половины). Доказано, что в структуре факторов субъективного благополучия параметры социального капитала (интенсивность социальных связей с семьей и друзьями, забота о младших поколениях, позитивная идентификация с профессиональными, национальными и территориальными общностями) имеют приоритетное значение по сравнению с экономическим капиталом (доход, удовлетворенность материальным положением и оплатой труда), что свидетельствует *о специфической модели формирования субъективного благополучия в российском социуме.*

В-шестых, на основе панельных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (2007-2021 гг.) исследовано влияния дохода, «кумулятивных эффектов бедности и богатства», а также демографических характеристик на вариативность субъективного благополучия, получены следующие результаты и выводы.

1) Эмпирически доказано, что индивидуальные различия, представленные случайными эффектами, играют доминирующую роль в формировании субъективного благополучия россиян, значительно превосходя влияние объективных социально-экономических и демографических факторов: уровня дохода, продолжительности пребывания в различных состояниях

материального достатка, пола, возраста, образования - фиксированных эффектов (большая часть объясненной дисперсии приходилась на случайные эффекты: 42,5% против 7,8%, высокое значение дисперсии для индивидуальных случайных эффектов - 0,8364). Полученные результаты, во-первых, свидетельствуют о необходимости расширения спектра исследуемых детерминант при разработке программ повышения качества жизни (использование не только объективных, но и субъективных), а, во-вторых, указывают на необходимость персонализированного подхода при формировании социально-экономической политики.

2) Впервые количественно определена относительная стабильность субъективного благополучия во временной перспективе на российской выборке, демонстрирующая устойчивость индивидуальных паттернов восприятия жизненных обстоятельств независимо от внешних временных шоков: экономических кризисов, рецессий, подъемов, институциональных и законодательных изменений и др. (относительно низкая дисперсия временных случайных эффектов - 0,0188). Это обстоятельство позволяет прогнозировать долгосрочные тренды субъективного восприятия качества жизни и оценивать эффективность социально-экономических интервенций в долгосрочной перспективе.

3) Доход является значимым предиктором субъективного благополучия, увеличивая вероятность высокой удовлетворенности жизнью на 12,42% при росте на единицу, что подтверждает важность абсолютного дохода для формирования субъективного благополучия.

4) Объективные показатели пребывания в состоянии низкого материального достатка в российском контексте не имеют статистически значимого влияния на субъективное благополучие населения. Этот факт свидетельствует о наличии механизмов адаптации к неблагоприятным материальным условиям уже в первый год пребывания в состоянии низкого дохода. В этой связи стоит обратить внимание на то, что методология оценки эффективности программ борьбы с бедностью в Российской Федерации требует

существенного пересмотра в направлении интеграции субъективных метрик благополучия и использования комплексного подхода, выходящего за рамки объективных экономических показателей.

5) Было установлено, что продолжительное пребывание в состоянии высокого материального благосостояния не ведет к повышению субъективного благополучия, а имеет циклический характер влияния: отсутствие эффекта в первый год, значимое снижение во второй год, период адаптации в третий-четвертый годы, и повторное значимое снижение на пятый год. Механизм влияния «кумулятивного эффекта богатства» на субъективное благополучие может объясняться, например, действием временного лага в оценке изменений, эффектом «гедонистической беговой дорожки», изменением референтных групп, ростом обязательств и стресса, а также смещением фокуса с материальных на нематериальные ценности.

6) Зафиксирована значительно большая значимость образовательного фактора по сравнению с другими рассматриваемыми социально-экономическими и демографическими факторами. Так наличие высшего образования увеличивает вероятность высокой удовлетворенности жизнью на 17,42% по сравнению с предельными эффектами пола, возраста, дохода и «кумулятивных эффектов бедности и богатства».

7) Обнаружен гендерный разрыв в показателях субъективного благополучия: вероятность высокого уровня удовлетворенности жизнью у женщин на 4,82% ниже, чем у мужчин, что, вероятно, также требует учета при разработке программ социальной поддержки.

8) Влияние возраста на субъективное благополучие имеет нелинейный характер: негативное влияние возраста постепенно ослабевает к 60 годам, а после 63-73 лет наблюдается рост удовлетворенности жизнью, что частично подтверждает U-образную зависимость между возрастом и субъективным благополучием.

В-седьмых, проведенное в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований 18-010-00952 «Исследование субъективного

благополучия россиян на примере научно-педагогических работников: факторы и динамика» (2018–2020 гг.) эмпирическое исследование субъективного благополучия профессиональной группы – научно-педагогических работников позволило.

1) Разработать специфический методологический конструкт, характерный для данной профессиональной группы, включающий измерение двух элементов: **аффективного компонента**, измеряемого через соотношение положительных и отрицательных эмоций и восприятие в целом своего ощущения счастья; **когнитивного компонента**, состоящего из: *ценностно-смысловых установок* (жизненные ценности, степень субъектности в конструировании жизненных стратегий, ощущение свободы); *восприятия различных сторон жизни: материальное благополучие* (жилье, одежда, питание, доход), *возможность рекреации* (досуг, отдых, общение с друзьями), *приватная сфера* (семья, здоровье, личная безопасность); оценки профессиональной сферы (статус профессии в обществе, удовлетворённость профессиональной деятельностью, профессиональные риски). Для измерения различных аспектов субъективного благополучия в академической профессиональной сфере использовались апробированные методики и шкалы: индекс эмоционального баланса Н. Бредбурна, 10-балльная шкала удовлетворенности жизнью Кантрила, шкала удовлетворённости работой TALIS, а также вопросы из Европейского социального исследования и мониторинговых исследований ВЦИОМ. Использование стандартизированных шкал позволило провести сравнительный анализ результатов НПП с данными по российскому населению, что обеспечило более обоснованные оценочные интерпретации.

2) Осуществить впервые апробацию двухчастной концепции субъективного благополучия (анализ аффективной и когнитивных компонентов). Было обнаружено, что в профессиональной группе НПП вместе с ситуативным (аффективным) *«профицитом» позитивных эмоций обнаружен более высокий показатель уровня счастья и уровня удовлетворенности*

жизнью по сравнению со средними значениями среди российского населения.

Так, у 76% НПР зафиксирован *положительный индекс эмоционального благополучия* (от 0 до 5), и только 12% имели отрицательные значения (от -1 до -5). Показатели счастья (7,0) и удовлетворенности жизнью (6,6) значительно превышали среднероссийские значения (6,5 и 5,8 соответственно).

3) **Обнаружить связь субъективного благополучия НПР с квалификационным уровнем**, так доктора наук продемонстрировали *наиболее высокие самооценки материальной обеспеченности* (6,5 баллов против 5,8 баллов в среднем по группе), *более высокую удовлетворенность доходом*, обеспечивающим независимость и свободу (6 баллов против 5,7 баллов), материальное благополучие (5,9 против 5,4 баллов), самореализацию (6,2 против 5,6 баллов); *высокий уровень удовлетворенности работой*¹⁶⁷ (7,4 балла против 7 баллов в среднем по группе). Респонденты без ученой степени показали *самые низкие показатели удовлетворенности работой* (5,8 баллов) и *материальной обеспеченности* (4,3 балла). Разрыв между докторами наук и преподавателями без степени по материальной обеспеченности составляет 2,2 балла (6,5 против 4,3), по уровню удовлетворенности работой 1,6 баллов (7,4 против 5,8).

4) **Зафиксировать возрастную специфику субъективного благополучия в профессиональной группе НПР.** Так в группе 55–64 лет продемонстрирован *максимальный уровень удовлетворенности работой* (7,8 баллов против 7 баллов в среднем по группе), материальной обеспеченности (6,5 против 5,8 баллов). В трех подгруппах¹⁶⁸, куда вошли респонденты в возрасте менее 54 лет, зафиксированы *более низкие значения уровня материальной обеспеченности* (5-5,4 балла против 6,5), *удовлетворенности доходом* поразличным параметрам (4,6–5,9 баллов против 6-6,4), *удовлетворенности работой* (6,4–7,1 баллов против 7,8). При этом *самые низкие самооценки уровня материальной обеспеченности* (5 баллов) и *удовлетворенности доходом* (от 4,6

¹⁶⁷ Ответ на вопрос: «В целом я доволен своей работой» (по шкале от 0 до 10 баллов).

¹⁶⁸ Прим. автора. 1 подгруппа - 25–34 года, 2 подгруппа - 35-44 год, 3 подгруппа - 45-54 года.

до 5,2 баллов) в группе среднего возраст 45–54 года, а удовлетворенность работой самая низкая в группе НПР от 25 до 34 лет (6,4 балла).

5) **Обратить внимание на доминирование нематериальных факторов.** Обнаружен достаточно большой разрыв в оценках, связанных с удовлетворенностью материальной обеспеченностью (в среднем по группе НПР – 5,8 баллов), удовлетворенностью доходом (от 5,4 до 5,9 баллов) и удовлетворенностью работой (7 баллов). При этом, среди параметров удовлетворенности работой, наибольшую оценку получили факторы, связанные с уважением со стороны коллег и студентов (7,8 баллов), с возможностью творчества и самореализации (7,5 баллов). Вероятно, принадлежность к профессии и делает профессиональную группу НПР более благополучной (Скачкова, Клименко, 2020).

б) **Обнаружить противоречивость самооценок удовлетворенности работой.** Так, средний уровень удовлетворенности работой достаточно высок - 7,0 баллов из 10, преимущества профессии были оценены выше недостатков (6,5 баллов), однако желание сменить университет также достаточно высоко (6,0 баллов). Это может указывать на внутреннее противоречие: НПР ценят свою профессию, но не всегда удовлетворены конкретным местом работы.

7) **Выявить довольно критическое отношение к государственной политике в области социально-экономической поддержки профессиональной группы НПР.** В этой группе эффективность решения государством социально-экономических проблем оценивается крайне низко - 3,7 баллов из 10. И это самый низкий показатель среди всех оцениваемых параметров. Особенно критичны представители старшей возрастной группы (более 64 лет) - 2,9 баллов. Разрыв между удовлетворенностью работой (7,0) и оценкой государственной политики (3,7) составляет 3,3 балла.

Полученные выводы имеют практическую ценность, которая выражается в следующих аспектах:

– разработанный специфический методологический конструкт исследования субъективного благополучия может служить инструментом для регулярного мониторинга благополучия профессиональной группы НПП;

– применение апробированных методик (шкала эмоционального баланса Бредбурна, шкала Кантрила, TALIS) позволяет проводить сравнительные исследования с другими профессиональными группами и странами;

– двухчастная концепция (аффективный и когнитивный компоненты) обеспечивает комплексный (многомерный) подход к оценке благополучия;

– выявление различий в субъективном благополучии профессиональной группы НПП (по уровню квалификации, возрасту) формирует основу для разработки дифференцированных программ мотивации, управления благополучием, программ удержания разных категорий сотрудников, а также иных программ при формировании кадровой политики;

– результаты исследования могут стать основой для корректировки государственных программ социально-экономической поддержки работников академической сферы;

– результаты исследования позволяют формировать социальную ценность, которая выражается в появлении дополнительных аргументов в пользу привлекательности развития академической карьеры, позитивного образа данной профессии в связи с тем, что в этой сфере выявлен более высокий уровень счастья и удовлетворенности жизнью.

Таким образом, полученные выводы имеют многоуровневую практическую ценность и могут быть использованы для принятия обоснованных решений как на уровне отдельных вузов, так и на уровне государственной образовательной политики.

В-восьмых, на основе данных об удовлетворенности трудом, полученных в рамках исследования социально-профессионального самочувствия научно-педагогических работников Южного федерального университета (2019-2021 гг.), данных об удовлетворенности трудом научно-педагогических работников

экономического факультета (2023 г.), а также анализа различных концепций и методологических подходов к изучению удовлетворенности трудом и субъективного благополучия удалось, *во-первых*, **адаптировать методику кросс-национальных сравнений** Альфонсо Соуза-Поза, Андреса Соуза-Поза (Sousa-Poza, Sousa-Poza, 2000) к анализу кросс-профессиональных сравнений уровня удовлетворенности трудом в целом и отдельно по входящим и исходящим факторам, определяющих ее (work-role inputs/work-role outputs) в академической сфере (Sousa-Poza, Sousa-Poza, 2000); и, *во-вторых*, **усовершенствовать методику исследования удовлетворенности**, дополнив его этапом диагностики факторов, ценных для информантов - факторов, мотивирующих на эффективную работу, тем самым, обеспечивая внедряемость субъективных метрик в оценку отдельных аспектов качества жизни индивидов.

ЛІТЕРАТУРА

1. Akerlof, G., Kranton, R. (2005). Identity and the economics of organizations. *Journal of Economic Perspectives*, 19(1), 9–32.
2. Alesina, A., Di Tella, R., & MacCulloch, R. (2004). Inequality and happiness: Are Europeans and Americans different? *Journal of Public Economics*, 88(9-10), 2009-2042. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2003.07.006>
3. Alexandrova, A. (2017). *A philosophy for the science of well-being*. Oxford University Press.
4. Andrews, F. M., Withey, S. B. (1976). *Social indicators of well-being: America's perception of life quality*. Plenum Press.
5. Andrews, F. M., Withey, S. B. (2012). *Social indicators of well-being: Americans' perceptions of life quality*. Springer Science Business Media.
6. Angner, E. (2010). Subjective well-being. *Journal of Socio-Economics*, 39(3), 361–368.
7. Argyle, M. (1989). *The social psychology of work* (2nd ed.). Penguin.
8. Arksey, H., O'Malley, L. (2005). Scoping studies: Towards a methodological framework. *International Journal of Social Research Methodology*, 8(1), 19–32. <https://doi.org/10.1080/1364557032000119616>
9. Azizan, N. H., Mahmud, Z., Rambli, A. (2018). Measurement instrument and indicators of subjective well-being: A review paper. *Journal of Asian Behavioural Studies*, 3(11), 22–33.
10. Ballas, D. (2021). The economic geography of happiness. In K. Zimmermann (Ed.), *Handbook of labor, human resources and population economics* (pp. 188-1). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-57365-6_188-1
11. Baran, B. E., Woznyj, H. M. (2021). Managing VUCA: The human dynamics of agility. *Organizational Dynamics*, 50(2), Article 100787. <https://doi.org/10.1016/j.orgdyn.2020.100787>

12. Barros, A., Dieguez, T., Nunes, P. (2019). How unemployment may impact happiness: A systematic review. In *Emerging economic models for global sustainability and social development* (pp. 237-259). IGI Global.
13. Bates, D., Maechler, M., Bolker, B., Walker, S. (2015). Fitting linear mixed-effects models using lme4. *Journal of Statistical Software*, 67(1). <https://doi.org/10.18637/jss.v067.i01>
14. Becchetti, L., Massari, R., Naticchioni, P. (2013). The drivers of happiness inequality: Suggestions for promoting social cohesion. *Oxford Economic Papers*, 66(2), 419-442.
15. Bell, A., Fairbrother, M., Jones, K. (2018). Fixed and random effects models: Making an informed choice. *Quality Quantity*, 53(2), 1051–1074. <https://doi.org/10.1007/s11135-018-0802-x>
16. Bell, A., Jones, K., Fairbrother, M. (2017). Understanding and misunderstanding group mean centering: A commentary on Kelley et al.'s dangerous practice. *Quality Quantity*, 52(5), 2031–2036. <https://doi.org/10.1007/s11135-017-0593-5>
17. Blanchflower, D. (2021). Is happiness U-shaped everywhere? Age and subjective well-being in 145 countries. *Journal of Population Economics*, 34(2), 575–624.
18. Blanchflower, D. G., Oswald, A. J. (1998). What makes an entrepreneur? *Journal of Labor Economics*, 16, 26–60.
19. Bockerman, P., Ilmakunnas, P. (2012). The job satisfaction-productivity nexus: A study using matched survey and register data. *Industrial Labor Relations Review*, 65, 244–262.
20. Bonasia, M., Napolitano, O., Spagnolo, F., Spagnolo, N. (2022). The economic and welfare state determinants of well-being in Europe. *International Economics*, 171(C), 49-57.
21. Bradburn, N. M. (1969). *The structure of psychological well-being*. Chicago: Aldine.

22. Brayfield, A. H., Crockett, W. H. (1955). Employee attitudes and employee performance. *Psychological Bulletin*, 52, 396–424.
23. Bryson, A., MacKerron, G. (2017). Are you happy while you work? *The Economic Journal*, 127(599), 106–125. <https://doi.org/10.1111/ecoj.12269>
24. Bucciol, A., Burro, G. (2022). Is there a happiness premium for working in the public sector? Evidence from Italy. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, 97, Article 101841. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3802381>
25. Cabelkova, I., Abrham, J., Strielkowski, W. (2015). Factors influencing job satisfaction in post-transition economies: The case of the Czech Republic. *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics*, 21(4), 448–456. <https://doi.org/10.1080/10803548.2015.1073007>
26. Camfield, L., Skevington, S. M. (2008). On subjective well-being and quality of life. *Journal of Health Psychology*, 13(6), 764-775.
27. Campbell, A., Converse, P. E., Rodgers, W. L. (1976). *The quality of American life: Perceptions, evaluations, and satisfactions*. Russell Sage Foundation.
28. Cantril, H. (1965). *The pattern of human concerns*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press.
29. Chamberlain, K. (1988). On the structure of subjective well-being. *Social Indicators Research*, 20, 581-604.
30. Chen, Y., Lü, B., Chen, R. (2016). Evaluating the life satisfaction of peasants in concentrated residential areas of Nanjing, China: A fuzzy approach. *Habitat International*, 53, 556-568.
31. Cheung, F., Lucas, R. E. (2016). Income inequality is associated with stronger social comparison effects: The effect of relative income on life satisfaction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 110(2), 332-341.
32. Chuluun, T., Graham, C. (2016). Local happiness and firm behavior: Do firms in happy places invest more? *Journal of Economic Behavior and Organization*, 125, 41-56.
33. Clark, A. (2017). Happiness, income and poverty. *International Review of Economics*, 64(2), 145-158. <https://doi.org/10.1007/s12232-017-0274-7>

34. Clark, A. E., d'Ambrosio, C. (2015). Attitudes to income inequality: Experimental and survey evidence. In *Handbook of income distribution* (Vol. 2, pp. 1147-1208). Elsevier.
35. Clark, A. E., D'Ambrosio, C., Ghislandi, S. (2015). Poverty profiles and well-being: Panel evidence from Germany. *Research on Economic Inequality*, 23, 1–22.
36. Clark, A. E., Looking for Labour Market Rents With Subjective Data, PSE, mimeo, 2003.
37. Clark, A., Georgellis, Y., Sanfey, P. (2001). Scarring: The psychological impact of past unemployment. *Economica*, 68(270), 221-241.
38. Clark, A., Knabe, A., Rätzel, S. (2010). Boon or bane? Others' unemployment, well-being and job insecurity. *Labour Economics*, 17(1), 52-61.
39. Clark, A.E. (1999). Are wages habit-forming? Evidence from micro data. *Journal of Economic Behavior Organization*, 39, 179–200.
40. Clark, A.E. (2018). Four decades of the economics of happiness: Where next? *Review of Income and Wealth*, 64(2), 245-269.
41. Clark, A.E., D'Ambrosio, C., Ghislandi, S. (2014). Adaptation to poverty in long-run panel data. SOEPpapers on Multidisciplinary Panel Data Research, No. 634, Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung (DIW), Berlin.
42. Cobb, C., Goodman, G., Wackernagel, M. (2000). Why bigger isn't better: The genuine progress indicator: 1999 update.
43. Cummins, R.A. (2000). Personal income and subjective well-being: A review. *Journal of Happiness Studies*, 1, 133-158. <https://doi.org/10.1023/A:1010079728426>
44. Cuñado, J., & de Gracia, F. P. (2012). Does education affect happiness? Evidence for Spain. *Social Indicators Research*, 108(1), 185-196.
45. Dacanay, J. (2018). Beyond rational choice and needs gratification: Philosophical-anthropological perspectives of happiness economics as human flourishing. In *Work in a Human Economy: Quale anima per il lavoro professionale* (Vol IV). ESC.

46. Daly, H., Cobb, J. (1990). *For the Common Good: Redirecting the economy toward community, the environment, and a sustainable future*. Boston: Beacon Press.
47. Daly, H.E., Cobb, J.B. (1990). *For the common good: Redirecting the economy toward community, the environment, and a sustainable future*. Boston: Beacon Press.
48. De Neve, J.-E., Ward, G., Keulenaer, F., Landeghem, B., Kavetsos, G., Norton, M. (2015). The Asymmetric Experience of Positive and Negative Economic Growth: Global Evidence Using Subjective Well-Being Data. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2586417>.
49. De Vos, J., Schwanen, T., Van Acker, V., Witlox, F. (2013). Travel and Subjective Well-Being: A Focus on Findings, Methods and Future Research Needs. *Transport Reviews*, 33(4), 421–442. <https://doi.org/10.1080/01441647.2013.815665>.
50. Deaton, A. (2008). Income, health, and well-being around the world: Evidence from the Gallup World Poll. *Journal of Economic Perspectives*, 22(2), 53-72.
51. Deaton, A. (2012). The financial crisis and the well-being of Americans. *Oxford Economic Papers*, 64(1), 1-26.
52. Deaton, A., & Stone, A. A. (2013). Two Happiness Puzzles. *American Economic Review: Papers & Proceedings*, 103(3), 591-597. <https://doi.org/10.1257/aer.103.3.591>
53. Di Tella, R., Haisken-De New, J., MacCulloch, R. (2010). Happiness Adaptation to Income and to Status in an Individual Panel. *Journal of Economic Behavior Organization*, 76, 834–852.
54. Di Tella, R., MacCulloch, R. J., Oswald, A. J. (2001). Preferences over Inflation and Unemployment: Evidence from Surveys of Happiness. *American Economic Review*, 91, 335–341.
55. Di Tella, R., MacCulloch, R. J., Oswald, A. J. (2003). The macroeconomics of happiness. *The Review of Economics and Statistics*, 85, 809–827. <http://dx.doi.org/10.1162/003465303772815745>.

56. Diener, E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542-575.
57. Diener, E. (2012). New findings and future directions for subjective well-being research. *American Psychologist*, 67(8), 590-597.
58. Diener, E., Ryan, K. (2009). Subjective well-being: A general overview. *South African Journal of Psychology*, 39(4), 391-406.
59. Diener, E., Inglehart, R., Tay, L. (2013). Theory and validity of Life Satisfaction Scales. *Social Indicators Research*, 112(3), 497–527. <https://doi.org/10.1007/s11205-012-0076-y>.
60. Diener, E., Lucas, R., Oishi, S. (2018b). Advances and open questions in the science of subjective well-being. *Collabra: Psychology*, 4(1).
61. Diener, E., Ng, W., Harter, J., Arora, R. (2010). Wealth and happiness across the world: Material prosperity predicts life evaluation, whereas psychosocial prosperity predicts positive feeling. *Journal of Personality and Social Psychology*, 99(1), 52–61.
62. Diener, E., Oishi, S., Lucas, R. (2015). National accounts of subjective well-being. *The American Psychologist*, 70(3), 234-242. <https://doi.org/10.1037/a0038899>.
63. Diener, E., Oishi, S., Tay, L. (2018a). Advances in subjective well-being research. *Nature Human Behaviour*, 2(4), 253-260.
64. Diener, E., Oishi, S., Lucas, R. (2003). Personality, culture, and subjective well-being: Emotional and cognitive evaluations of life. *Annual Review of Psychology*, 54(1), 403-425.
65. Diener, E., Suh, E. M. (1999). National Differences in Subjective Well-Being. In D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz (Eds.), *Well-Being: The Foundations of Hedonic Psychology* (pp. 434–450). New York: Russell Sage.
66. Diener, E., Suh, E. M., Lucas, R. E., Smith, H. L. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin*, 125(2), 276–302. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276>.

67. Dolan, P. (2015). *Happiness by design: Finding pleasure and purpose in everyday life*. London: Penguin.
68. Dolan, P., Metcalfe, R. (2012). Measuring subjective wellbeing: Recommendations on measures for use by national governments. *Journal of Social Policy*, 41(2), 409-427.
69. Dolan, P., Peasgood, T., White, M. (2008). Do we really know what makes us happy? A review of the economic literature on the factors associated with subjective well-being. *Journal of Economic Psychology*, 29(1), 94-122. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2007.09.001>
70. Dominko, M., Verbič, M. (2022). The effect of subjective well-being on consumption behavior. *Journal of Consumer Affairs*, 56(2), 876-898.
71. Easterlin, R. A. (1974). Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. In *Nations and households in economic growth* (pp. 89-125). Academic Press.
72. Easterlin, R. A. (1995). Will raising the incomes of all increase the happiness of all? *Journal of Economic Behavior Organization*, 27(1), 35-47.
73. Easterlin, R. A. (2001). Income and happiness: Towards a unified theory. *The Economic Journal*, 111(473), 465-484.
74. Easterlin, R. A. (2006). Life cycle happiness and its sources: Intersections of psychology, economics, and demography. *Journal of Economic Psychology*, 27, 463-482.
75. Easterlin, R. A., O'Connor, K. J. (2020). *The Easterlin Paradox*. Bonn: IZA Institute of Labour Economics (No. 13923). IZA Discussion Paper.
76. Eren, K. A., Aşıcı, A. A. (2017). The determinants of happiness in Turkey: Evidence from city-level data. *Journal of Happiness Studies*, 18(3), 647-669.
77. Esteban Ortiz-Ospina Max Roser (2017). Happiness and life satisfaction. Published online at [OurWorldInData.org](https://ourworldindata.org). Retrieved from <https://ourworldindata.org/happiness-and-life-satisfaction>
78. Facio, A., Resett, S. (2014). Work, romantic relationships, and life satisfaction in Argentinean emerging adults. *Emerging Adulthood*, 2(1), 27-35.

79. Ferreira, S., Akay, A., Brereton, F., Cuñado, J., Martinsson, P., Moro, M., Ningal, T. F. (2013). Life satisfaction and air quality in Europe. *Ecological Economics*, 88, 1-10.
80. Ferrer-i-Carbonell, A., Frijters, P. (2004). How important is methodology for the estimates of the determinants of happiness? *The Economic Journal*, 114(497), 641-659. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2004.00235.x>
81. Frey, B. S. (2002). What can economists learn from happiness research? *Journal of Economic Literature*, 40(2), 402-435.
82. Frey, B. S. (2018). What Makes People Happy? In *Economics of Happiness* (pp. 13-20). Springer, Cham.
83. Frey, B. S., Benz, M. (2008). Being independent is a great thing: Subjective evaluations of self-employment and hierarchy. *Economica*, 75(300), 362–383.
84. Frey, B. S., Stutzer, A. (2014). Economic consequences of mispredicting utility. *Journal of Happiness Studies*, 15, 937–956. <http://dx.doi.org/10.1007/s10902-013-9457-4>
85. Frijters, P., Beaton, T. (2012). The mystery of the U-shaped relationship between happiness and age. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 82(2-3), 525–542. doi: 10.1016/j.jebo.2012.03.008
86. García-Mata, O., Zerón-Félix, M. (2022). A review of the theoretical foundations of financial well-being. *International Review of Economics*, 69(2), 145-176.
87. Gash, V., Mertens, A., Romeu Gordo, L. (2010). Women between Part-Time and Full-Time Work: The Influence of Changing Hours of Work on Happiness and Life Satisfaction. Working paper SOEP no. 268, DIW, Berlin, Germany.
88. Georgellis, Y., Lange, T. (2012). Traditional vs. Secular Values and the Job — Life Satisfaction Relationship across Europe. *British Journal of Management*, 23(4), 437–454. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8551.2011.00753.x>
89. Georgopoulos, B., Mahoney, G., Jones, N. (1957). A Path-Goal Approach to Productivity. *Journal of Applied Psychology*, 41, 345–353.

90. Gilbert, D. (2006). *Stumbling on Happiness*. London: Harper Perennial.
91. Graham, C. (2008). Happiness and health: Lessons—and questions—for public policy. *Health Affairs*, 27(1), 72-87. DOI: 10.1377/hlthaff.27.1.72.
92. Graham, C., Ruiz Pozuelo, J. (2017). Happiness, stress, and age: how the U curve varies across people and places. *Journal of Population Economics*, 30(1), 225–264.
93. Guven, C. (2012). Reversing the question: Does happiness affect consumption and savings behavior? *Journal of Economic Psychology*, 33(4), 701-717.
94. Hamermesh, D.S. (2004). Subjective outcomes in economics. *Southern Economic Journal*, 71(1), 1–11.
95. Harris, J.D., Quatman, C.E., Manring, M.M., Siston, R.A., Flanigan, D.C. (2014). How to write a systematic review. *American Journal of Sports Medicine*, 42(11), 2761-2768. doi: 10.1177/0363546513497567.
96. Hauret, L., Williams, D.R. (2019). Relative income and pay satisfaction: further evidence on the role of the reference group. *Journal of Happiness Studies*, 20(1), 307–329. <https://doi.org/10.1007/s10902-017-9950-2>.
97. Heisig, J.P., Schaeffer, M., Giesecke, J. (2017). The Costs of Simplicity: Why Multilevel Models May Benefit from Accounting for Cross-Cluster Differences in the Effects of Controls. *American Sociological Review*, 82(4), 796–827. <https://doi.org/10.1177/0003122417717901>
98. Helliwell, J.F. (2003). How's life? Combining individual and national variables to explain subjective well-being. *Economic Modelling*, 20(2), 331.
99. Helliwell, J.F., Putnam, R.D. (2004). The Social Context of Well-Being. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London: Biological Sciences*, 359(1449), 1435-1446.
100. Herzberg, F., Mausner, B., Peterson, R., Capwell, D. (1957). *Job attitudes: Review of research and opinion*. Pittsburgh, PA: Psychological Service of Pittsburgh.

101. Howell, R.T., Howell, C.J. (2008). The relation of economic status to subjective well-being in developing countries: a meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 134(4), 536.
102. Ilyukhin, A.A., Ilyukhina, S.V. (2018). Happiness Economics: The Role, Opinions and Evaluations by Young People. *The Manager*, 9(2), 12-17. DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-2-3.
103. Inglehart, R. (1990). *Culture shift in advanced industrial society*. Princeton University Press.
104. Inglehart, R. (1996). The diminishing utility of economic growth: From maximizing security toward maximizing subjective well-being. *Critical Review*, 10(4), 509-531.
105. Inglehart, R. (1997). *Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political change in 43 societies*. Princeton University Press.
106. Inglehart, R. F., Welzel, C. (2010). Agency, values, and well-being: A human development model. *Social Indicators Research*, 97, 43-63.
107. Inkeles, A., Levinson, D. J. (1997). *National character: A psycho-social perspective*. New Brunswick, NJ: Transaction Books.
108. Iyer, R., Muncy, J. A. (2016). Attitude toward consumption and subjective well-being. *Journal of Consumer Affairs*, 50(1), 48–67. <https://doi.org/10.1111/joca.12079>
109. Jarness, V. (2017). Cultural vs economic capital: Symbolic boundaries within the middle class. *Sociology*, 51(2), 357–373. <https://doi.org/10.1177/0038038515559690>
110. Jordan, B. (2008). *Welfare and well-being: Social value in public policy*. Policy Press.
111. Jorm, A., Ryan, S. (2014). Cross-national and historical differences in subjective well-being. *International Journal of Epidemiology*, 43(2), 330-340.
112. Judge, T. A., Locke, E. A. (1993). Effect of dysfunctional thought processes on subjective well-being and job satisfaction. *Journal of Applied Psychology*, 78, 475-490.

113. Kahneman, D., Deaton, A. (2010). High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107(38), 16489-16493.
114. Kainulainen, S., Saari, J., Veenhoven, R. (2018). Life-satisfaction is more a matter of feeling well than having what you want: Tests of Veenhoven's theory. *International Journal of Happiness and Development*, 4(3), 209-235. <https://doi.org/10.1504/IJHD.2018.093728>
115. Kaivo-oja, J., Lauraeus, I. (2018). The VUCA approach as a solution concept to corporate foresight challenges and global technological disruption. *Foresight*, 20(1), 27-49. <https://doi.org/10.1108/FS-06-2017-0022>
116. Keldenich, C. (2022). Work, motherhood and women's affective well-being. *Review of Economics of the Household*, 20(4), 1345-1375.
117. Kelley, J., Evans, M. D. (2017). Societal inequality and individual subjective well-being: Results from 68 societies and over 200,000 individuals, 1981–2008. *Social Science Research*, 62, 1-23. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2016.04.020>
118. Kiseleva, L. S., Strielkowski, W. (2014). Economic analysis of happiness, wellbeing and health: A Tyumen region case study. *Actual Problems of Economics*, 161(11), 245–254.
119. Knight, J., Gunatilaka, R. (2012). Income, aspirations and the hedonic treadmill in a poor society. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 82(1), 67-81.
120. Kousha, M., Mohseni, N. (1997). Predictors of life satisfaction among urban Iranian women: An exploratory analysis. *Social Indicators Research*, 40, 329-357.
121. Krekel, C., Kolbe, J., Wuestemann, H. (2016). The greener, the happier? The effect of urban land use on residential well-being. *Ecological Economics*, 121, 117–127.
122. Kudabayeva, A., Sharipova, A., Sharipova, D. (2022). Social capital and subjective well-being in Central Asia. *Europe - Asia Studies*, 74(1), 101-124.

123. Kuznets, S. (1934). National Income 1929–1932. A report to the U.S. Senate, 73rd Congress, 2nd Session. Washington, D.C.: US Government Printing Office.
124. Kuznetsova, A., Brockhoff, P. B., Christensen, R. H. B. (2017). lmerTest Package: Tests in Linear Mixed Effects Models. <https://doi.org/10.18637/jss.v082.i13>
125. Lamont, M., Molnár, V. (2002). The study of boundaries in the social sciences. *Annual Review of Sociology*, 28(1), 167-195. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141107>
126. Lane, T. (2017). How does happiness relate to economic behaviour? A review of the literature. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, 68, 62–78. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2017.04.001>
127. Larson, R. (1978). Thirty years of research on the subjective well-being of older Americans. *Journal of Gerontology*, 33(1), 109–125. <https://doi.org/10.1093/geronj/33.1.109>
128. Lawler, E., Porter, L. (1967). Antecedent Attitudes of Effective Managerial Performance. *Organizational Behavior and Human Performance*, 2, 122–143.
129. Layard, R. (2005). *Happiness: Lessons from a new science*. London: Penguin Press.
130. Layard, R., Clark, A., Senik, C. (2013). The causes of happiness and misery. In Helliwell, J., R. Layard, and J. Sachs (Eds.), *World Happiness Report 2013*. Columbia: Earth Institute.
131. Li, Z., Folmer, H., Xue, J. (2014). To what extent does air pollution affect happiness? The case of the Jinchuan mining area, China. *Ecological Economics*, 99, 88-99.
132. Lim, H. E. (2017). Estimating Psychological Impact of Unemployment: The Case of Malaysian Graduates. *Malaysian Journal of Economic Studies*, 47(1), 33-53.
133. Lucas, R. E., Dyrenforth, P. S., Diener, E. (2008). Four myths about subjective well-being. *Social and Personality Psychology Compass*, 2(5), 2001-2015.

134. Luechinger, S. (2009). Valuing Air Quality Using the Life Satisfaction Approach. *Economic Journal*, 119(536), 482–515.
135. Luhmann, M., Hofmann, W., Eid, M., Lucas, R. E. (2012). Subjective well-being and adaptation to life events: A meta-analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 102(3), 592-615. <https://doi.org/10.1037/a0025948>
136. Luhmann, M., Lucas, R. E., Eid, M., Diener, E. (2013). The prospective effect of life satisfaction on life events. *Social Psychological and Personality Science*, 4(1), 39–45. <http://dx.doi.org/10.1177/1948550612440105>
137. Luo, J. (2021). Happiness adaptation to high income: Evidence from German panel data. *Economics Letters*, 206, 109995. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2021.109995>
138. Lyubomirsky, S., King, L., Diener, E. (2005). The benefits of frequent positive affect: Does happiness lead to success? *Psychological Bulletin*, 131(6), 803–855.
139. Mackerron, G. (2012). Happiness economics from 35000 feet. *Journal of Economic Surveys*, 26(4), 705–735.
140. MacKerron, G., Mourato, S. (2009). Life satisfaction and air quality in London. *Ecological Economics*, 68(5), 1441–1453. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ecolecon.2008.10.004>
141. Martín-María, N., Miret, M., Caballero, F.F., Rico-Urbe, L.A., Steptoe, A., Chatterji, S., Ayuso-Mateos, J.L. (2017). The impact of subjective well-being on mortality: A meta-analysis of longitudinal studies in the general population. *Psychosomatic Medicine*, 79(5), 565-575.
142. McGregor, J. A., Pouw, N. (2017). Towards an economics of well-being. *Cambridge Journal of Economics*, 41, 1123–1142. McGregor, J. A. (2007). Researching human wellbeing: from concepts to methodology. In Gough, I. McGregor, J. A. (Eds.), *Wellbeing in Developing Countries: From Theory to Research* (pp. 316–350). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
143. Michalos, A. C. (2008). Education, happiness and wellbeing. *Social Indicators Research*, 87(3), 347-366.

144. Morrison, M., Tay, L., Diener, E. (2011). Subjective well-being and national satisfaction: Findings from a worldwide survey. *Psychological Science*, 22(2), 166-171. <https://doi.org/10.1177/0956797610396224>
145. Mundlak, Y. (1978). On the Pooling of Time Series and Cross Section Data. *Econometrica*, 46(1), 69-85. <https://doi.org/10.2307/1913646>
146. Munn, Z., Peters, M.D.J., Stern, C., et al. (2018). Systematic review or scoping review? Guidance for authors when choosing between a systematic or scoping review approach. *BMC Medical Research Methodology*, 18, 143. <https://doi.org/10.1186/s12874-018-0611-x>
147. Naros, M. S. (2018). Romanian economists and the labour market. *Czech Journal of Social Sciences, Business and Economics*, 7(1), 6–15. <https://doi.org/10.24984/cjssbe.2018.7.1.1>
148. Naudé, W., Amorós, J.E., Cristi, O. (2014). "Surfeiting, the appetite may sicken": Entrepreneurship and happiness. *Small Business Economics*, 42(3), 523-540.
149. Newman, D. B., Tay, L., Diener, E. (2014). Leisure and subjective well-being: A model of psychological mechanisms as mediating factors. *Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being*, 15(3), 555–578. <https://doi.org/10.1007/s10902-013-9435-x>
150. Ngamaba, K. H., Armitage, C., Panagioti, M., Hodkinson, A. (2020). How closely related are financial satisfaction and subjective well-being? Systematic review and meta-analysis. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, 85, 101522.
151. Nolen-Hoeksema, S., & Rusting, C. L. (1999). Gender differences in well-being. In D. Kahneman, E. Diener, & N. Schwarz (Eds.), *Well-being: The foundations of hedonic psychology* (pp. 330-350). Russell Sage Foundation.
152. Nordhaus, W., Tobin, J. (1973). Is growth obsolete? In Moss, M. (Ed.), *The Measurement of Economic and Social Planning: Economic Growth*. New York: National Bureau of Economic Research.
153. Oswald, A., Proto, E., Sgroi, D. (2015). Happiness and productivity. *Journal of Labor Economics*, 33(4), 789–822.

154. Oswald, A., Proto, E., Sgroi, D. (2009). Happiness and productivity. SSRN Electronic Journal. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1526075>
155. Ozdemir, F. (2020). Management in hypermodernity. *Global Journal of Sociology: Current Issues*, 10(1), 9–14. <https://doi.org/10.18844/gjs.v10i1.4751>
156. Paloma, V., Escobar-Ballesta, M., Galván-Vega, B., Díaz-Bautista, J.D., Benítez, I. (2021). Determinants of life satisfaction of economic migrants coming from developing countries to countries with very high human development: A systematic review. *Applied Research in Quality of Life*, 16(1), 435–455. <https://doi.org/10.1007/s11482-020-09832-3>
157. Parfit, D. (1984). *Reasons and persons*. Oxford: Clarendon.
158. Peters, M.D.J., Godfrey, C., McInerney, P., et al. (2020). Chapter 11: Scoping Reviews (2020 version). In Aromataris E., Munn Z. (Eds.), *JBIM Manual for Evidence Synthesis*. JBI. Available online: <https://synthesismanual.jbi.global> Accessed on May 2, 2021. doi:10.46658/JBIMES-20-12
159. Pischke, S. (2010). *Money and happiness: Evidence from the industry wage structure* (LSE mimeo).
160. Popper, K.R. (1992). *The Logic of the Social Sciences*. In K.R. Popper, *In Search of a Better World: Lectures and Essays from Thirty Years* (pp. 64–81). London: Routledge.
161. Potts, J. (2010). *The use of happiness in society: An evolutionary/Hayekian approach to happiness economics* (School of Economics, University of Queensland).
162. Qasim, M., Grimes, A. (2022). Sustainability and well-being: The dynamic relationship between subjective well-being and sustainability indicators. *Environment and Development Economics*, 27(1), 1-19. doi:10.1017/S1355770X20000509
163. Rain, J. S., Lane, I. M., Steiner, D. D. (1991). A current look at the job satisfaction/life satisfaction relationship: Review and future considerations. *Human Relations*, 44(3), 287–307. <https://doi.org/10.1177/001872679104400305>

164. Ramiz, A.A., Gomez, F.J.I. (Eds). (2018). *Work in a Human Economy: Quale anima per il lavoro professionale*, vol. IV. ESC, Rome, Italy.
165. Rath, T., Harter, J. (2010). *Wellbeing: The Five Essential Elements*. Gallup Press.
166. Reyes-García, V., Gallois, S., Pyhälä, A., Díaz-Reviriego, I., Fernández-Llamazares, Á., Galbraith, E., et al. (2021). Happy just because: A cross-cultural study on subjective wellbeing in three Indigenous societies. *PLoS ONE*, 16(5), e0251551. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0251551>
167. Richins, M. L., Dawson, S. (1992). A Consumer Values Orientation for Materialism and Its Measurement: Scale Development and Validation. *Journal of Consumer Research*, 19(3), 303–316. <https://doi.org/10.1086/209304>
168. Ritzen, J. (2019). Happiness as a guide to labor market policy. *IZA World of Labor*.
169. Roll, S., Kondratjeva, O., Bufe, S., others (2022). Assessing the Short-Term Stability of Financial Well-Being in Low- and Moderate-Income Households. *Journal of Family and Economic Issues*, 43(1), 100-127.
170. Rousseau, D. M. (1978). Relationship of work and nonwork. *Journal of Applied Psychology*, 63, 513-517.
171. Ryan, R., Deci, E. (2017). *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. New York, NY: Guilford Press.
172. Ryff, C. D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 57(6), 1069-1081.
173. Sacks, D. W., Stevenson, B., Wolfers, J. (2012). The new stylized facts about income and subjective well-being. *Emotion*, 12(6), 1181.
174. Sametz, A. (1968). Production of goods and services: the measurements of economic growth. In Sheldon, E., Moore, W. (Eds.), *Indicators of Social Change*. New York: Russell Sage Foundation.

175. Scheve, C., Esche, F., Schupp, J. (2017). The emotional timeline of unemployment: Anticipation, reaction, and adaptation. *Journal of Happiness Studies*, 18(4), 1231-1254.
176. Schwarz, P. (2012). Neighborhood effects of high unemployment rates: Welfare implications among different social groups. *The Journal of Socio-Economics*, 41(2), 180-188.
177. Seligman, M. E. P. (2002). *Authentic happiness: Using the new positive psychology to realize your potential for lasting fulfillment*. New York: The Free Press.
178. Simionescu, M., Strielkowski, W., Kalyugina, S. (2017). The impact of Brexit on labour migration and labour markets in the United Kingdom and the EU. *Terra Economicus*, 15(1), 148–156. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-1-148-156>
179. Şimşek, Ö. F. (2009). Happiness revisited: Ontological well-being as a theory-based construct of subjective well-being. *Journal of Happiness Studies*, 10, 505-522.
180. Skevington, S. M., Lotfy, M., O’Connell, K. A. (2004). The World Health Organization’s WHOQOL-BREF Quality of Life Assessment: Psychometric Properties and Results of the International Field Trial A Report from the WHOQOL Group. *Quality of Life Research*, 13(2), 299–310. <http://www.jstor.org/stable/4038089>
181. Smith, V. K. (2008). Reflections on the literature. *Review of Environmental Economics and Policy*, 2, 292–308.
182. Solanes, A., Albajes-Eizagirre, A., Fullana, M., Fortea, L., Fusar-Poli, P., Torrent, C., Radua, J. (2021). Can we increase the subjective well-being of the general population? An umbrella review of the evidence. *Revista de Psiquiatria y Salud Mental*, 14(1), 50-64.
183. Sousa-Poza, A., Sousa-Poza, A. (2000). Well-being at work: A cross-national analysis of the levels and determinants of job satisfaction. *Journal of Socio-Economics*, 29, 517–538.

184. Stanca, L. (2010). The geography of economics and happiness: Spatial patterns in the effects of economic conditions on well-being. *Social Indicators Research*, 99, 115–133. <https://doi.org/10.1007/s11205-009-9571-1>
185. Staw, B. M., Ross, J. (1985). Stability in the midst of change: A dispositional approach to job attitudes. *Journal of Applied Psychology*, 70, 469-480.
186. Staw, B. M., Bell, N. E., Clausen, J. A. (1986). The dispositional approach to job attitudes: A lifetime longitudinal test. *Administrative Science Quarterly*, 31, 56-77.
187. Steel, P., Schmidt, J., Bosco, F., Uggerslev, K. (2019). The effects of personality on job satisfaction and life satisfaction: A meta-analytic investigation accounting for bandwidth–fidelity and commensurability. *Human Relations*, 72(2), 217-247.
188. Steel, P., Taras, V., Uggerslev, K., Bosco, F. (2018). The happy culture: A theoretical, meta-analytic, and empirical review of the relationship between culture and wealth and subjective well-being. *Personality and Social Psychology Review*, 22(2), 128-169. <https://doi.org/10.1177/108886831772137>
189. Stevenson, B., Wolfers, J. (2008). Economic growth and subjective well-being: Evidence from the World Values Survey. *Journal of Economic Behavior Organization*, 68(1-2), 290-304.
190. Stiglitz, J., Fitoussi, J., Durand, M. (2018). Beyond GDP: Measuring what counts for economic and social performance. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264307292-en>
191. Stiglitz, J., Sen, A., Fitoussi, J. (2009). Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress (CMEPSP). <https://www.researchgate.net/publication/258260767ReportoftheCommissionontheMeasurementofEconomicPerformanceandSocialProgressCMEPSP/stats>
192. Stone, A. A., Schwartz, J. E., Broderick, J. E., & Deaton, A. (2010). A snapshot of the age distribution of psychological well-being in the United States. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107(22), 9985-9990.

193. Stutzer, A., Frey, B. S. (2010). Recent advances in the economics of individual subjective well-being. *Social Research: An International Quarterly*, 77(2), 679-714.
194. Stutzer, A., Lalive, R. (2004). The role of social work norms in job searching and subjective well-being. *Journal of the European Economic Association*, 2(4), 696-719.
195. Tan, J., Kraus, M., Carpenter, N., Adler, N. (2020). The association between objective and subjective socioeconomic status and subjective well-being: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 146(11), 970-1020.
196. Tao, C. (2024). The world of VUCA. In C. Tao (Ed.), *Endogenous community design: Community revitalization enabling ecosystem for collective impact*. Berlin: Springer. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-56756-8_1
197. Tay, L., Batz, C., Parrigon, S., Kuykendall, L. (2017). Debt and subjective well-being: The other side of the income-happiness coin. *Journal of Happiness Studies*, 18, 903-937.
198. Tesch-Römer, C., Motel-Klingebiel, A., & Tomasik, M. J. (2008). Gender differences in subjective well-being: Comparing societies with respect to gender equality. *Social Indicators Research*, 85(2), 329-349.
199. The Economist. (2005). The Economist Intelligence Unit's quality-of-life index. Retrieved from <https://www.economist.com/media/pdf/QUALITYOFLIFE.pdf>
200. Tversky, A., Kahneman, D. (1991). Loss aversion in riskless choice: A reference dependent model. *Quarterly Journal of Economics*, 106(4), 1039–1061. <http://www.jstor.org/stable/2937956>
201. Van Praag, B. (2003). The anatomy of subjective well-being. *Journal of Economic Behavior Organization*, 51(1), 29-49.
202. Van Praag, B. M. S., Baarsma, B. E. (2005). Using happiness surveys to value intangibles: The case of airport noise. *Economic Journal*, 115, 224–246.

203. Van Praag, B. M. S., & Ferrer-i-Carbonell, A. (2008). *Happiness Quantified: A Satisfaction Calculus Approach*. Oxford University Press. ISBN: 9780199226146
204. Veenhoven, R. (1984). *Conditions of happiness*. Dordrecht, Netherlands: Springer.
205. Veenhoven, R. (1991). Is happiness relative? *Social Indicators Research*, 24, 1-34.
206. Veenhoven, R. (1996). Developments in satisfaction research. *Social Indicators Research*, 37, 1–46.
207. Veenhoven, R. (1996). The study of life satisfaction. In W. E. Saris, R. Veenhoven, A. C. Scherpenzeel, B. Bunting (Eds.), *A comparative study of satisfaction with life in Europe* (pp. 11-48). Eötvös University Press.
208. Veenhoven, R. (2004). Happiness as an aim in public policy: The greatest happiness principle. In A. Linley S. Joseph (Eds.), *Positive psychology in practice*. Hoboken, NJ: John Wiley and Sons.
209. Veenhoven, R. (2008). Sociological theories of subjective well-being. In M. Eid R. J. Larsen (Eds.), *The science of subjective well-being* (pp. 44-61). New York: Guilford Press.
210. Veenhoven, R. (2010). Greater happiness for a greater number: Is that possible and desirable? *Journal of Happiness Studies*, 11, 605-629.
211. Veenhoven, R. (2015). Informed pursuit of happiness: What we should know, do know and can get to know. *Journal of Happiness Studies*, 16, 1035-1071.
212. Vermunt, R., Spaans, E., Zorge, F. (1989). Satisfaction, happiness and well-being of Dutch students. *Social Indicators Research*, 21, 1-33.
213. Voukelatou, V., Gabrielli, L., Miliou, I., Cresci, S., Sharma, R., Tesconi, M., Pappalardo, L. (2021). Measuring objective and subjective well-being: Dimensions and data sources. *International Journal of Data Science and Analytics*, 11, 279-309.
214. Vroom, V. (1964). *Work and motivation*. New York: Wiley.

215. Wackernagel, M., Rees, W. E. (1996). *Our ecological footprint: Reducing human impact on the earth*. Gabriola Island, British Columbia: New Society Publishers.
216. Walter-Busch, E. (2000). Stability and change of regional quality of life in Switzerland, 1978–1996. *Social Indicators Research*, 50, 1–49.
217. Wang, F., Wang, D. (2016). Place, geographical context and subjective well-being: State of art and future directions. In *Mobility, sociability and well-being of urban living* (pp. 189-230). Springer, Berlin.
218. Warr, P. (2013). How to think about and measure psychological well-being. In R. R. Sinclair, M. Wang, L. E. Tetrick (Eds.), *Research methods in occupational health psychology: Measurement, design and data analysis* (pp. 76–90). Routledge/Taylor Francis Group.
219. White, S. C., Gaines Jr., S. O., Jha, S. (2012). Beyond subjective well-being: A critical review of the Stiglitz report approach to subjective perspectives on quality of life. *Journal of International Development*, 24(6), 763-776.
220. Wilson, W. R. (1967). Correlates of avowed happiness. *Psychological Bulletin*, 67, 294–306.
221. Winkelmann, R. (2014). Unemployment and happiness: Successful policies for helping the unemployed need to confront the adverse effects of unemployment on feelings of life satisfaction. *IZA World of Labor*, 94.
222. Xun, Z., Lubrano, M. (2022). Preference for redistribution, poverty perception among Chinese migrants. Working Papers, HAL. <https://EconPapers.repec.org/RePEc:hal:wpaper:hal-03886239>.
223. Ye, D., Ng, Y.-K., Lian, Y. (2015). Culture and happiness. *Social Indicators Research*, 123(2), 519-547. <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0747-y>.
224. Yu, S., Levesque-Bristol, C., Maeda, Y. (2018). General need for autonomy and subjective well-being: A meta-analysis of studies in the US and East Asia. *Journal of Happiness Studies*, 19(6), 1863-1882.
225. Yu, S., Levesque-Bristol, C., & Maeda, Y. (2018). General need for autonomy and subjective well-being: A meta-analysis of studies in the US and East

Asia. *Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being*, 19(6), 1863–1882. <https://doi.org/10.1007/s10902-017-9898-2>

226. Zhang, X., Zhang, X., Chen, X. (2017). Happiness in the air: How does a dirty sky affect mental health and subjective well-being? *Journal of Environmental Economics and Management*, 85, 81-94.

227. Zolotas, X. (1981). *Economic growth and declining social welfare*. New York: New York University Press.

228. Андреевкова А. В. Межстрановые различия в уровне счастья в постсоветских странах — сравнительный анализ // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2020. № 1. С. 316—339. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.13>

229. Антипина О. Н. Экономика, культура и счастье: есть ли взаимосвязь? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 7. С. 35—44.

230. Антипина О. Н., Кривицкая А. Д. Доверие как детерминанта субъективного благополучия в России // *Социологические исследования*. 2024. № 2. С. 36—47. DOI: 10.31857/S0132162524010042.

231. Антипина О. Н., Кривицкая А. Д. Экономика и счастье в России: эмпирический анализ // *Вопросы экономики*. 2022. № 8. С. 48—67. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-48-67>

232. Артур Б. Возрастающая отдача и два мира бизнеса // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2005. Т. 3, № 4. С. 7—19. URL: <https://www.science-practice.ru/index.php/science/article/view/269>.

233. Бауман З. *Мыслить социологически: Учебное пособие*. М.: Аспект-пресс, 2004.

234. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни: проблемы измерения и интерпретации // *Социологические исследования*. 2009. № 1(297). С. 33—42.

235. Березовская Р. А. Профессиональное благополучие: проблемы и перспективы психологических исследований // *Психологические исследования*. 2016. Т. 9, № 45.

236. Бобков В. Н. Методологический подход Всероссийского центра уровня жизни к изучению и оценке качества и уровня жизни населения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2009. № 2. С. 26—36.

237. Борисов Е. Ф., сост. Хрестоматия по экономической теории. М.: Юристъ, 2000.

238. Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институций / Торстейн Веблен; пер. с англ. С. Г. Сорокиной; общ. ред. В. В. Мотылёва. – М.: Наука, 1984. – 13 с.

239. Всемирный отчет по счастью, 2012 г. URL: <https://worldhappiness.report/ed/2012/> (дата обращения: 22.01.2024).

240. Головин А. А. Место и роль категории «качество жизни» в характеристике общества: исторический контекст и современное состояние // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 2. С. 259–271. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.2.10

241. Горшков М. К., Петухов В. В. (отв. ред.). Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. М.: Весь Мир, 2018.

242. Гришина И. В., Польшнев А. О., Тимонин С. А. Качество жизни населения регионов России: методология исследования и результаты комплексной оценки // Современные производительные силы. 2012. № 1. С. 70–83.

243. Гэлбрейт Дж. К. Общество изобилия / Джон Кеннет Гэлбрейт; перевод с английского; науч. ред. российского издания С. Д. Бодрунов. М.: Олимп-Бизнес, 2018.

244. Илюхин А. А., Илюхина С. В. Экономика счастья: роль, взгляды и оценки молодежи // Управленец. 2018. № 9(2). С. 12–17. DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-2-3.

245. Камалов Э. А., Понарин Э. Д. Национальная гордость и субъективное благополучие россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и

социальные перемены. 2020. № 1. С. 177–205. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.08.

246. Клименко Л. В., Скачкова Л. С. Субъективное благополучие преподавателей российских вузов: опыт эмпирического исследования // Вопросы образования. 2020. № 4. С. 37–63. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-4-37-63.

247. Козлова О. А., Гладкова Т. В., Макарова М. Н., Тухтарова Е. Х. Методический подход к измерению качества жизни населения региона // Экономика региона. 2015. № 2(42). С. 182–193. DOI: 10.17059/2015-2-15.

248. Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Счастье и его детерминанты (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 120–132.

249. Козырева П. М., Смирнов А. И. Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности (1994–2021) // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 29–41. DOI: 10.31857/S013216250021523-8.

250. Кузнецов С. В., Растова Ю. И., Растов М. А. Рейтинговая оценка качества жизни в российских регионах // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 1. С. 137–146. DOI: 10.17059/2017-1-13.

251. Кулакова Е. Н., Настаушева Т. Л., Кондратьева И. В. Систематическое обзорное исследование литературы по методологии scoping review: история, теория и практика // Вопросы современной педиатрии. 2021. Т. 20, № 3. С. 210–222. DOI: 10.15690/vsp.v20i3/2271.

252. Ларин А. В., Филясов С. В. Парадокс Истерлина и адаптация в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 22, № 1. С. 59–83.

253. Латова Н. В. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 – год бифуркации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 16–37.

254. Лебедева Л. С. "Качество жизни": ключевые подходы и структура понятия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4(146). С. 68–80. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.04.

255. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37. DOI: 10.14515/monitoring.

256. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Неравенство в России на фоне других стран: доходы, богатство, возможности: аналитический доклад / С. В. Мареева, Е. Д. Слободенюк; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. 28 с.

257. Мелкумян Е. Б. Религиозность и удовлетворенность жизнью: опрос православных приходов (2020) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 225–249.

258. Михалкина Е. В., Скачкова Л. С., Дюжиков С. А. Удовлетворенность трудом в академической сфере // Terra Economicus, 2020. Т. 18, № 3. С. 160–181. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-160-181.

259. Михалкина Е. В., Скачкова Л. С., Дюжиков С. А., Шевченко И. К., Тарасенко Л. В., Астоянц М. С. Социально-профессиональное самочувствие сотрудников ЮФУ: анализ вовлеченности и удовлетворенности (2020-2021 гг.) // Preprints.ru, 2021. DOI: 10.24108/preprints-3112277.

260. Михалкина Е. В., Скачкова Л. С., Кит О. И., Фоменко Ю. А. Социально-экономические предикторы злокачественных новообразований // Журнал институциональных исследований. 2020. Т. 12, № 3. С. 122–141. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.3.122-141.

261. Мухачева А. В. Качество жизни населения как научная категория: теоретические подходы к определению // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-1(52). С. 303–307.

262. Немировская А. В., Соболева Н. Э. Детерминанты субъективного благополучия в России: региональная перспектива // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 2. С. 54–81.

263. Нехода Е. В., Рощина И. В., Пак В. Д. Качество жизни: проблемы измерения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 43. С. 107–125. DOI: 10.17223/19988648/43/7.

264. Окрепилов В. В., Гагулина Н. Л. Развитие оценки качества жизни населения региона // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 3. С. 318–330. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-3.1.

265. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 6–22. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06.

266. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания: Перевод с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

267. Родионова Л. А. Парадокс Истерлина в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 2, ч. 2. С. 386–393. DOI: 10.18500/1994-2540-2014-14-2-2-386-393.

268. Сибирев В.А., Головин Н.А. Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах Европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 296–315.

269. Скачкова Л. С., Чжан С. Влияние социальной защиты на удовлетворенность жизнью молодежи в Китае // Экономика труда. 2024. Т. 11, № 3. С. 291–304. DOI: 10.18334/et.11.3.120748.

270. Скачкова Л. С., Щетинина Д. П. Контуры субъективного благополучия научно-педагогических работников // Региональная экономика: теория и практика. 2019. Т. 17, № 11. С. 2026–2038.

271. Скачкова Л. С., Щетинина Д. П. Субъективное благополучие в академической сфере: гендерный аспект // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 1. С. 97–120. DOI: 10.18334/et.10.1.117018.

272. Скачкова Л. С., Щетинина Д. П., Крячко В. И. Факторы субъективного благополучия научно-педагогических работников: результаты фокус-групп // Государственное и муниципальное управление: ученые записки. 2018. № 4. С. 138–146.

273. Скачкова Л.С., Герасимова О.Я., Кривошеева-Медянцева Д.Д., Яковлева Е.А. Экономика счастья: исследование об исследованиях // Журнал институциональных исследований. 2023. Т. 15, № 3. С. 125–146. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.3.125-146.

274. Скачкова С. Л., Клименко Л. В., Герасимова О. Я., Кривошеева-Медянцева Д. Д. Благополучные люди в России: роль экономического и социального капитала // Journal of Institutional Studies. 2024. Т. 16, № 3. С. 126–146. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.3.126-146.

275. Соболева Н. Э. Факторы, влияющие на вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 368–390. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.15.

276. Субъективное благополучие научно-педагогических работников (по материалам межрегионального социологического исследования 2018–2020 гг.) / Л. С. Скачкова, Д. П. Щетинина, Е. А. Яковлева [и др.] – Ростов-на-Дону - Таганрог: Южный федеральный университет, 2020. – 204 с. – ISBN 978-5-9275-3698-6. DOI: 10.18522/801273306.

277. Таханова О.В., Цыбикдоржиева Ж.Д., Алексеева Г.Е., Цыренов А.Р. Международные и отечественные методики определения индексов доверия к экономике // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2017. Т. 9, № 6. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/136EVN617.pdf> (дата обращения: 30.04.2024).

278. Тихонова Н. Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 19–33.

279. Трошихина Е. Г., Манукян В. Р. Тревожность и устойчивые эмоциональные состояния в структуре психоэмоционального благополучия // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2017. Т. 7, Вып. 3. С. 211–223.

280. Углубленный обзор измерения текущего благополучия: Европейская экономическая комиссия, Конференция европейских статистиков, Семьдесят первая пленарная сессия, Женева, 22–23 июня 2023 года. URL: <https://unece.org/sites/default/files/2023-05/CES%202023%207%20R.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).

281. Филоненко Ю. В., Яковлева Е. А. Субъективное благополучие научно-педагогических работников современных университетов в рамках концепции баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 68–85. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.05.

282. Хащенко В. А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4, № 1. С. 106–127.

283. Цаголов Г.Н. Какая экономика ведет к счастью? Научные труды Вольного экономического общества России, 2014.

284. Чинакова Н. В. Экономика счастья: современные исследования и дискуссии // Мир экономики и управления. 2016. Т. 16, № 1. С. 101–115.

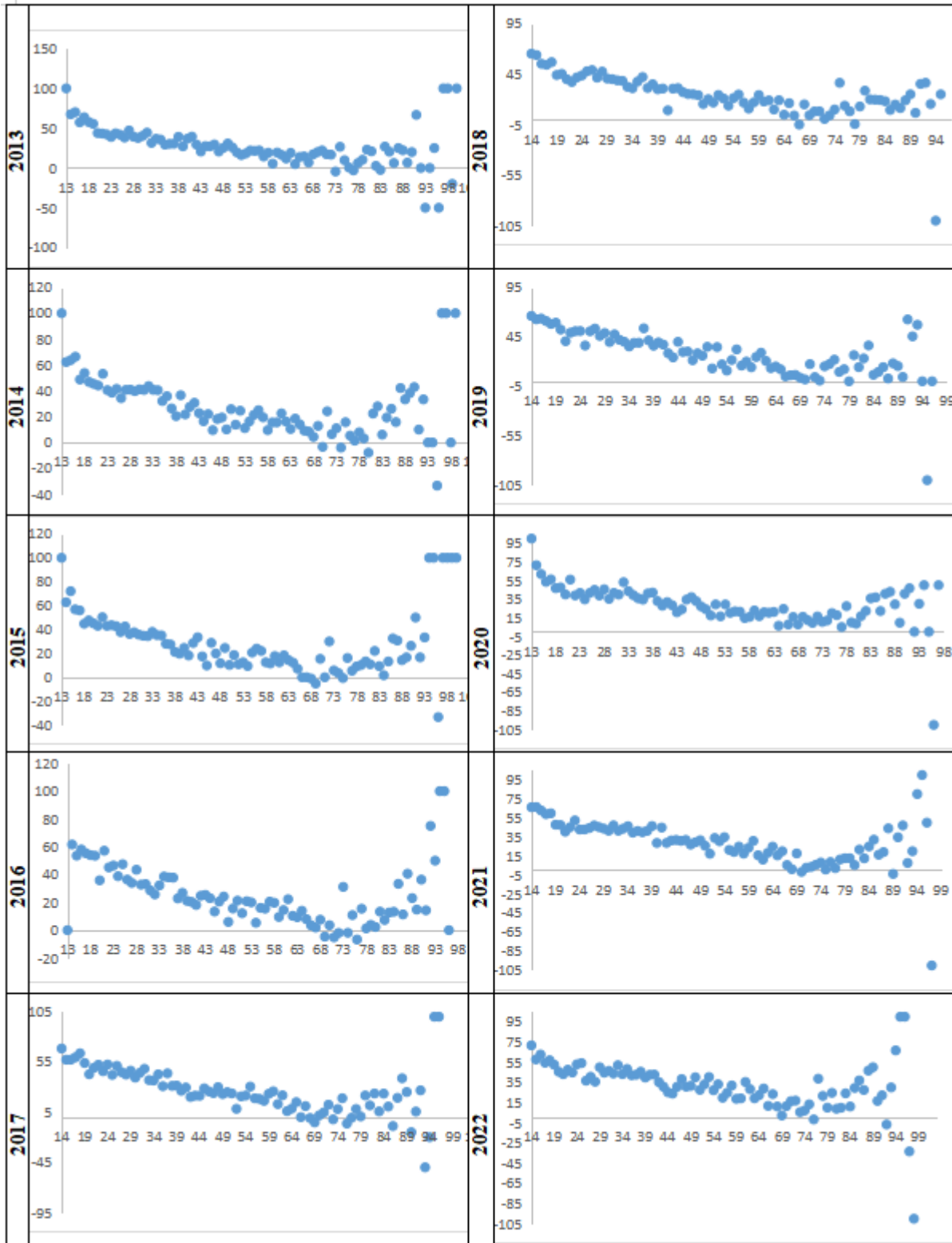
ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Пример внесения данных в структурированную электронную форму

The screenshot displays a Microsoft Excel spreadsheet with a structured data table. The table has 15 rows and 16 columns. The columns are labeled as follows: 1. Year, 2. Author, 3. Affiliation, 4. Title, 5. Journal, 6. Country, 7. Language, 8. Document Type, 9. Method Type, 10. Data Type, 11. Source, 12. Analysis Type, 13. Scale, 14. Metric, 15. Comment.

Год	Автор	Аффилиация автора	Аффилиация организации	Название публикации (в какой стране?)	Журнал	Страна	Язык	Тип документа	Тип метода	Тип данных	Источник вторичных данных	Методы сбора первичных данных	Масштаб исследования	Метрика	Комментарий
2009	Debra	1980-1990	University of Illinois at Champaign-Urbana, USA	Subjective well-being: Three decades of research	Journal of Personality and Social Psychology	USA	английский	статья	количественный анализ	количественные данные	Многочисленные исследования коллег	количественные данные	количественный анализ	количественный анализ	1001-10
2009	Debra	1980-1990	University of Illinois at Champaign-Urbana, USA	Subjective well-being: Three decades of research	Journal of Personality and Social Psychology	USA	английский	статья	количественный анализ	количественные данные	Многочисленные исследования коллег	количественные данные	количественный анализ	количественный анализ	1001-10
2009	Debra	1980-1990	University of Illinois at Champaign-Urbana, USA	Subjective well-being: Three decades of research	Journal of Personality and Social Psychology	USA	английский	статья	количественный анализ	количественные данные	Многочисленные исследования коллег	количественные данные	количественный анализ	количественный анализ	1001-10
2008	Debra	2001-2010	University of Illinois at Champaign-Urbana, USA	Subjective well-being: Three decades of research	Journal of Personality and Social Psychology	USA	английский	статья	количественный анализ	количественные данные	Многочисленные исследования коллег	количественные данные	количественный анализ	количественный анализ	1001-10
2008	Debra	2001-2010	University of Illinois at Champaign-Urbana, USA	Subjective well-being: Three decades of research	Journal of Personality and Social Psychology	USA	английский	статья	количественный анализ	количественные данные	Многочисленные исследования коллег	количественные данные	количественный анализ	количественный анализ	1001-10
2008	Debra	2001-2010	University of Illinois at Champaign-Urbana, USA	Subjective well-being: Three decades of research	Journal of Personality and Social Psychology	USA	английский	статья	количественный анализ	количественные данные	Многочисленные исследования коллег	количественные данные	количественный анализ	количественный анализ	1001-10
2008	Debra	2001-2010	University of Illinois at Champaign-Urbana, USA	Subjective well-being: Three decades of research	Journal of Personality and Social Psychology	USA	английский	статья	количественный анализ	количественные данные	Многочисленные исследования коллег	количественные данные	количественный анализ	количественный анализ	1001-10
2008	Debra	2001-2010	University of Illinois at Champaign-Urbana, USA	Subjective well-being: Three decades of research	Journal of Personality and Social Psychology	USA	английский	статья	количественный анализ	количественные данные	Многочисленные исследования коллег	количественные данные	количественный анализ	количественный анализ	1001-10
2008	Debra	2001-2010	University of Illinois at Champaign-Urbana, USA	Subjective well-being: Three decades of research	Journal of Personality and Social Psychology	USA	английский	статья	количественный анализ	количественные данные	Многочисленные исследования коллег	количественные данные	количественный анализ	количественный анализ	1001-10
2008	Debra	2001-2010	University of Illinois at Champaign-Urbana, USA	Subjective well-being: Three decades of research	Journal of Personality and Social Psychology	USA	английский	статья	количественный анализ	количественные данные	Многочисленные исследования коллег	количественные данные	количественный анализ	количественный анализ	1001-10
2008	Debra	2001-2010	University of Illinois at Champaign-Urbana, USA	Subjective well-being: Three decades of research	Journal of Personality and Social Psychology	USA	английский	статья	количественный анализ	количественные данные	Многочисленные исследования коллег	количественные данные	количественный анализ	количественный анализ	1001-10
2008	Debra	2001-2010	University of Illinois at Champaign-Urbana, USA	Subjective well-being: Three decades of research	Journal of Personality and Social Psychology	USA	английский	статья	количественный анализ	количественные данные	Многочисленные исследования коллег	количественные данные	количественный анализ	количественный анализ	1001-10
2008	Debra	2001-2010	University of Illinois at Champaign-Urbana, USA	Subjective well-being: Three decades of research	Journal of Personality and Social Psychology	USA	английский	статья	количественный анализ	количественные данные	Многочисленные исследования коллег	количественные данные	количественный анализ	количественный анализ	1001-10
2008	Debra	2001-2010	University of Illinois at Champaign-Urbana, USA	Subjective well-being: Three decades of research	Journal of Personality and Social Psychology	USA	английский	статья	количественный анализ	количественные данные	Многочисленные исследования коллег	количественные данные	количественный анализ	количественный анализ	1001-10

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Результаты проверки робастности в отношении выбора эконометрической модели. Тестирование модели со смешанными эффектами ((mixed effects model).

Таблица 1 – Результаты стандартизации зависимой переменной – удовлетворенность жизнью (swb), 2007-2021 гг.¹⁶⁹

Год	Количество наблюдений	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
2007	3510	0.00	-0.02	1.00	-1.83	1.8
2008	3387	0.04	-0.02	1.00	-1.83	1.8
2009	3395	0.02	-0.02	1.01	-1.83	1.8
2010	4780	0.09	-0.02	1.01	-1.83	1.8
2011	5261	0.18	-0.02	0.99	-1.83	1.8
2012	5314	0.25	0.89	0.95	-1.83	1.8
2013	5110	0.27	0.89	0.97	-1.83	1.8
2014	4210	0.27	0.89	0.96	-1.83	1.8
2015	4157	0.24	0.89	1.00	-1.83	1.8
2016	4199	0.22	-0.02	0.96	-1.83	1.8
2017	4246	0.29	0.89	0.96	-1.83	1.8
2018	4016	0.25	0.89	0.95	-1.83	1.8
2019	3865	0.30	0.89	0.93	-1.83	1.8
2020	3742	0.27	0.89	0.91	-1.83	1.8
2021	3694	0.31	0.89	0.91	-1.83	1.8

Примечание. Стандартизация зависимой переменной производилась следующим образом: все наблюдения были приведены к среднему значению и стандартному отклонению за 2007 год (первый год временного ряда). Таким образом, значения переменной субъективного благополучия оказались сопоставимыми относительно уровня 2007 года: средние значения выше 0 указывают на рост уровня благополучия, а увеличение стандартного отклонения свидетельствует о росте неравенства в субъективном благополучии

¹⁶⁹ Расчеты осуществлялись автором в программной среде R

**Таблица 2 - Результаты оценивания модели
(для случая с использованием переменной poor)¹⁷⁰**

effect	group	term	estimate	std.error	statistic	df	p.value	conf.low	conf.high
fixed		(Intercept)	-0,532	0,088	-6,055	2107,431	0,000	-0,704	-0,359
fixed		age	-0,038	0,003	-11,655	40140,688	0,000	-0,045	-0,032
fixed		age squared	0,000	0,000	7,227	40862,067	0,000	0,000	0,000
fixed		gender1	-0,059	0,014	-4,121	10793,117	0,000	-0,087	-0,031
fixed		h edu2. Secondary	0,060	0,016	3,679	50006,981	0,000	0,028	0,093
fixed		h edu3. Vocational	0,148	0,019	7,996	35705,237	0,000	0,112	0,184
fixed		h edu4. Higher	0,269	0,020	13,799	27017,702	0,000	0,231	0,307
fixed		log aver income	0,201	0,006	33,259	59588,870	0,000	0,190	0,213
fixed		poor 1	-0,021	0,011	-1,834	44283,199	0,067	-0,043	0,001
fixed		poor 2	-0,031	0,017	-1,828	48581,007	0,068	-0,065	0,002
fixed		poor 3	-0,003	0,027	-0,105	57620,708	0,916	-0,056	0,050
fixed		poor 4	0,019	0,044	0,445	62111,441	0,657	-0,066	0,105
fixed		poor_5	0,128	0,069	1,846	62143,390	0,065	-0,008	0,264
fixed		poor 6	0,136	0,123	1,107	61637,334	0,268	-0,105	0,378
fixed		poor_7	0,173	0,243	0,711	62232,488	0,477	-0,304	0,650
ran_pars	idind	sd_(Intercept)	0,579						
ran_pars	time	sd_(Intercept)	0,094						
ran_pars	Residual	sd_Observation	0,733						

>AIC(pm_model)
[1] 153722
> BIC(pm_model)
[1] 153884.8
>
r.squaredGLMM(pm_model)
R2m R2c
[1,] 0.06604809 0.4307444

¹⁷⁰ Все расчеты и оценка моделей со смешанными эффектами (для случаев с переменной poor и переменной rich) для панельных данных были выполнены автором в статистической среде R с использованием пакета lme4.

**Таблица 3 - Результаты оценивания модели
(для случая с использованием переменной rich)**

effect	group	term	estimate	std.error	statistic	df	p.value	conf.low	conf.high
fixed		(Intercept)	-0,158	0,032	-4,955	33,93773	0	-0,223	-0,093
fixed		age	-0,158	0,006	-26,297	13341,5	0	-0,17	-0,147
fixed		Age	0,036	0,005	7,455	40755,54	0	0,026	0,045
fixed		gender1	-0,06	0,015	-4,102	10797,12	0	-0,089	-0,031
fixed		h_edu2. Secondary	0,062	0,017	3,684	50022,11	0	0,029	0,095
fixed		h_edu3. Vocational	0,151	0,019	7,954	35742,06	0	0,114	0,189
fixed		h_edu4. Higher	0,276	0,02	13,741	27033,99	0	0,236	0,315
fixed		log_aver_income	0,149	0,004	34,413	59542,66	0	0,14	0,157
fixed		rich 1	0	0,005	-0,071	53339,15	0,944	-0,009	0,009
fixed		rich 2	-0,01	0,004	-2,378	59061,51	0,017	-0,019	-0,002
fixed		rich 3	-0,003	0,004	-0,849	61982,88	0,396	-0,011	0,004
fixed		rich 4	0,005	0,004	1,245	61480,36	0,213	-0,003	0,013
fixed		rich 5	-0,007	0,004	-2,009	57983,91	0,045	-0,014	0
fixed		rich 6	0,007	0,004	1,619	61661,64	0,105	-0,001	0,015
fixed		rich 7	0,009	0,003	2,444	56343,05	0,015	0,002	0,015
ran_pars	idind	sd_(Intercept)	0,595						
ran_pars	time	sd_(Intercept)	0,097						
ran_pars	Residual	sd_Observation	0,753						

> AIC(pm_model)
[1] 157174.8
> BIC(pm_model)
[1] 157337.6
r.squaredGLMM(pm_model)
R2m R2c
[1,] 0.06640185 0.4307576

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Анкета исследования субъективного благополучия НПР

Уважаемый/ая _____ Имя Отчество!

Приглашаем принять участие в исследовании субъективного благополучия научно-педагогических работников федеральных университетов.

Для этого необходимо заполнить анкету анонимного опроса, расположенного по ссылке _____. Прохождение опроса займет не больше 10 минут.

Ценность исследования будет во многом зависеть от полноты и искренности ваших ответов.

Благодарим Вас за согласие принять участие в проекте!

Если Вам понадобится техническая помощь во время работы или пояснения по исследованию в целом, Вы можете обратиться к руководителю проекта Скачковой Людмиле Сергеевне, зав. кафедрой управления человеческими ресурсами экономического факультет Южного федерального университета lskachkova@gmail.com, +7 918 512 68 49

1. Чувствовали ли Вы что-то подобное в течение последних недель? (один ответ по каждой строке)

	да	нет
1. Удовольствие от того, что достигли или завершили что-то		
2. Все складывается так, как Вам бы хотелось	1	2
3. Горжусь, что кто-то похвалил меня за то, что я сделал	1	2
4. Чрезвычайно взволнованы каким-либо событием или испытываете сильный интерес к чему-то	1	2
5. Я чувствую себя абсолютно счастливым	1	2
6. Испытываю чувство беспокойство, не могу сидеть на одном месте	1	2
7. Скука, отсутствие интереса к чему-либо	1	2
8. Подавлен или очень несчастен	1	2
9. Сильное одиночество или удаленность от других людей	1	2
10. Расстроен, потому что кто-то покритиковал тебя	1	2

2. Скажите, пожалуйста, Вы считаете, что большинству людей можно доверять, или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает? (один ответ)

Пожалуйста, дайте ответ по шкале от 0 до 10, где «0» означает «даже излишняя осторожность не помешает», а «10» - «большинству людей можно доверять».

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

даже излишняя

осторожность

не помешает

большинству

людей можно

доверять

88. Затрудняюсь ответить

3. Как Вы думаете, большинство людей постарались бы Вас использовать, если бы им представилась такая возможность, или же, на Ваш взгляд, люди постараются вести себя с Вами честно? (один ответ)

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
большинство людей постарались бы меня использовать					большинство людей постараются вести себя честно					

88. Затрудняюсь ответить

4. По Вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать друг другу или они чаще всего заботятся только о себе? (один ответ)

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
чаще всего люди заботятся только о себе					в большинстве случаев люди стараются помогать друг другу					

88. Затрудняюсь ответить

5. Независимо от того, являетесь Вы последователем какой-либо религии или нет, скажите, пожалуйста, насколько религиозным человеком Вы себя считаете?

(один ответ)

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Совсем НЕ религиозным					Очень религиозным					

88. Затрудняюсь ответить

6. Насколько следующие описания людей похожи или не похожи на Вас? (один ответ по строке)

	Очень похож на меня	В значительной степени похож	Немного похож на меня	Чуть-чуть похож	Не похож на меня	Совсем не похож на меня	Затруд. Ответить
1. для него / нее важно придумывать новое и подходить ко всему творчески	1	2	3	4	5	6	7
2. для него / нее важно быть богатым	1	2	3	4	5	6	7
3. для него / нее важно показать свои способности	1	2	3	4	5	6	7
4. для него/ нее важно жить в безопасном окружении	1	2	3	4	5	6	7
5. для него / нее важно построить карьеру	1	2	3	4	5	6	7

6. для него / нее важно самому принимать решение о том, что и как делать	1	2	3	4	5	6	7
7. для него / нее важно, чтобы его уважали	1	2	3	4	5	6	7
8. для него / нее важно найти своё предназначение, место в жизни	1	2	3	4	5	6	7
9. для него/нее важно ощущать возможность влиять на политику	1	2	3	4	5	6	7
10. для него/нее важно сказать свое слово в решении о том, в каком направлении действовать правительству	1	2	3	4	5	6	7

7. **Как Вы полагаете, от чего в большей мере зависит успех: лично от вас (от ваших усилий, характера, трудолюбия, расчётливости) или от не зависящих от Вас обстоятельств (от ситуации в стране, в нашем городе, от начальства, случайностей, удачи и пр.)?** (один ответ)

1. от меня самого
2. от не зависящих от меня обстоятельств
3. затрудняюсь ответить

8. **Скажите, пожалуйста, как часто Вы чувствуете себя свободным?** (один ответ)

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Совсем НЕ свободный

Очень свободный

88. Затрудняюсь ответить

9. Оцените различные стороны своей жизни

Для ответа используйте шкалу от 0 до 10, где 0 – абсолютная неудовлетворённость, а 10 – максимальная удовлетворённость. (один ответ по каждой строке)

	Балл (впишите)
1. возможности проведения досуга	
2. возможность общения с друзьями	
3. возможность отдыха	
4. возможность получения необходимых образования и знаний	
5. возможность реализовать себя в профессии	
6. жилищные условия	
7. материальная обеспеченность	
8. место, регион проживания	
9. одежда и обувь	
10. отношения в семье	
11. питание	
12. положение, статус в обществе	
13. ситуация на работе	
14. состояние здоровья	
15. уровень личной безопасности	

10. Оцените Ваше материальное положение в настоящее время? (один ответ)

1. очень хорошее
2. хорошее
3. среднее
4. очень плохое
5. плохое
6. затрудняюсь ответить

11. Как Вы считаете, как вы будете жить через год? (один ответ)

1. значительно лучше
2. несколько лучше
3. так же, как и сейчас
4. значительно хуже, несколько хуже
5. затрудняюсь ответить

12. Оцените, в какой мере Ваш доход удовлетворяет следующие потребности?

Для ответа используйте шкалу от 0 до 10, где 0 – абсолютная неудовлетворённость, а 10 – максимальная удовлетворённость (один ответ по каждой строке).

	Балл (укажите)
1. в независимости и свободе	
2. в материальном благополучии	
3. в самореализации	
4. в безопасности	

13. Как вы считаете, размер вашей заработной платы соответствует или не соответствует объёму и сложности работы, которую Вы выполняете? (один ответ)

1. полностью соответствует
2. скорее соответствует
3. скорее не соответствует
4. полностью не соответствует
5. затрудняюсь ответить

14. Как вам кажется, ваша заработная плата в целом выше, ниже или такая же, как в среднем по региону?

1. выше
2. ниже
3. такая же
4. затрудняюсь ответить

кажется, не очень информативный и интересный вопрос

15. Насколько Вы удовлетворены состоянием нашего общества в следующих сферах?

Для ответа используйте шкалу от 0 до 10, где 0 – абсолютная неудовлетворённость, а 10 – максимальная удовлетворённость (один ответ по строке).

	Балл (укажите)
1. нынешним состоянием экономики страны	
2. тем, как руководство страны выполняет свою работу	
3. нынешнее состояние системы образования в нашей стране в целом	
4. нынешнее состояние системы здравоохранения в нашей стране	

16. Является ли профессия научно-педагогического работника университета (НПР) престижной в обществе? (один ответ)

1. да, это вполне престижная профессия
2. это обычная профессия, не слишком престижная, но и непрестижной её не назовешь
3. эта профессия сегодня однозначно непрестижна
4. затрудняюсь ответить

17. Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?

Для ответа используйте шкалу от 0 до 10, где 0 – абсолютно не согласен, а 10 – полностью согласен (один ответ по строке).

	Балл (укажите)
1. Преимущества моей профессии явно перевешивают недостатки	
2. Если бы я мог решать заново, я бы снова выбрал свою нынешнюю профессию	
3. Я хотел бы сменить университет, если бы это было возможно	
4. Мне важен статус/престиж университета, в котором я работаю	
5. Моя профессия позволяет придумывать новое и подходить ко всему творчески	
6. Моя работа позволяет показать свои способности	
7. В моей работе есть возможность самому принимать решение о том, что и как делать	
8. Я доволен карьерными перспективами на своей работе	
9. Государство эффективно решает социально-экономические проблемы научно-педагогических работников вузов	
10. Я нашел своё предназначение, место в жизни	
11. Я пользуюсь уважением среди коллег и студентов	
12. В целом я доволен своей работой	

18. Сколько часов в неделю Вы должны работать по договору?	19. Сколько часов в неделю Вы в действительности работаете?
1. 1-9	1. 1-9
2. 10-18	2. 10-18
3. 19-27	3. 19-27
4. 28-36	4. 28-36
5. 37-45	5. 37-45
6. 46-60	6. 46-60
7. больше 60	7. больше 60
8. затрудняюсь ответить	8. затрудняюсь ответить

20. Какие факторы привлекают Вас в университетской работе? (возможны несколько вариантов ответа)- *может быть, стоит ограничить максимальное количество вариантов? Например, 4*

1. удовольствие от процесса преподавания и научной деятельности
2. разнообразие видов педагогической и научной деятельности;
3. престижность профессии
4. возможность передавать знания
5. возможность гибкого графика работы
6. длительный отпуск
7. общение с молодежью, с интересными, творческими людьми
8. участие в групповых и индивидуальных научных грантах и коммерческих проектах
9. возможность трудовой мобильности, командировок
10. возможность защиты научной диссертации и получения научного звания
11. другое (укажите) _____
12. ничего не привлекает
13. затрудняюсь ответить

21. Какие факторы негативно влияют на Вашу заинтересованность в работе в университете? (возможны несколько вариантов ответа) *может быть, стоит ограничить максимальное количество вариантов? Например, 4*

1. продолжающиеся сокращения рабочих мест в системе университетского образования
2. недостаточный уровень оплаты труда НПП
3. необходимость выполнять трудовые обязанности во внерабочее время (по вечерам/ночам, в выходные, во время отпуска)
4. сложность получения ученой степени (кандидата/доктора)
5. сложность получения ученого звания (доцента/ профессора)
6. недобросовестная конкуренция при проведении процедуры выборов на продление трудовых контрактов
7. необходимость заниматься научными исследованиями и публикациями в рейтинговых журналах
8. недостаточный интерес студентов к обучению
9. нарастание бумажной работы / документооборота, отчетности
10. отсутствие возможностей для саморазвития и самореализации

14. другое (укажите) _____
15. ничего негативно не влияет
16. затрудняюсь ответить

22. Насколько сильно Вас беспокоят в настоящее время следующие профессиональные риски? (ответ по каждой строке)

	Совсем не беспокоит	Скорее не беспокоит	Скорее беспокоит	Очень беспокоит
сокращение или задержка зарплаты	1	2	3	4
вынужденный переход на неполную долю ставки	1	2	3	4
рост трудовой нагрузки без увеличения зарплаты	1	2	3	4
потеря работы	1	2	3	4

23. Укажите свой индекс Хирша _____

Принимали ли Вы за последние 3 года участие в грантах?

24. Руководитель 1. Да 2. Нет
25. Исполнитель 1. Да 2. Нет

26. Есть ли у Вас за последние 3 года публикации в журналах, индексируемых в Scopus и/или WoS? Укажите количество (в том числе 0)

27. В какой степени Вы влияете на решение принципиальных / ключевых вопросов работы Вашего факультета (структурного подразделения)? (один ответ)

1. влияю в большинстве случаев
2. в чем-то влияю, в чем-то нет
3. не оказываю влияния
4. затрудняюсь ответить

28. Как Вы оцениваете личный вклад/ личное участие в решение задач стоящих перед факультетом (структурным подразделением)? Этот вопрос, мне кажется, более информативным, чем предыдущий

(один ответ)

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Минимальный вклад/
участие

Максимальный
вклад/
участие

29. Принимая во внимание все стороны жизни, насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?

(один ответ)

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
совершенно не удовлетворён									полностью удовлетворен	

88. Затрудняюсь ответить

30. Учитывая все стороны Вашей жизни, насколько Вы счастливы?

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
очень несчастливы									очень счастливы	

88. Затрудняюсь ответить

31. Ваш пол

1. мужской
2. женский

32. Ваш возраст (укажите) _____

33. Ваша ученая степень

1. без степени
2. кандидат наук
3. доктор наук

34. Ваше ученое звание

1. без звания
2. доцент
3. профессор

35. Ваша должность

1. декан/ директор структурного подразделения
2. заведующий кафедрой
3. профессор
4. доцент
5. старший преподаватель
6. преподаватель
7. ассистент

36. Ваш стаж работы в университете в годах (укажите) _____

37. Место работы / университет

1. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (БФУ)
2. Дальневосточный федеральный университет
3. Казанский (Приволжский) федеральный университет
4. Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
5. Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
6. Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (СВФУ)
7. Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ)

8. Сибирский федеральный университет
9. Южный федеральный университет (ЮФУ)
10. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ)
11. другое

38. Какие виды покупок Вы можете себе позволить?

1. денег на продукты хватает, но покупка одежды вызывает затруднения
2. денег хватает на продукты и на одежду, но вот покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника является для нас проблемой)
3. мы можем позволить себе покупать вещи длительного пользования при **ПОКУПКЕ В КРЕДИТ**
4. мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования за собственные средства, однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи, например, автомобиль
5. мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи – квартиру, дачу и многое другое при **ПОКУПКЕ В КРЕДИТ**
6. мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи – квартиру, дачу и многое другое за **СОБСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА**

ПРИЛОЖЕНИЕ 5**Выборка опроса НПР (в %)**

Должность		
	Федеральн. Вузы ¹⁷¹	Выборка опроса
декан факультета, директор института	2	3
заведующий кафедрой	5	8
профессор	12	12
доцент	50	54
старший преподаватель	20	14
преподаватель	3	3
ассистент	8	5

Ученая степень		
	Федеральн. Вузы	Выборка опроса
доктор наук	14	21
кандидат наук	56	58
без степени	30	21

¹⁷¹ Составлено на основе статистики организаций высшего образования (ВПО-1, Россия, 2018 г.). Данные предоставлены Министерством науки и высшего образования РФ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Шкала эмоционального баланса Н. Бредбурна (Bradburn, 1969. P. 56)

Чувствовали ли Вы что-то подобное в течение последних недель?

	Да	нет
Удовольствие от того, что достигли или завершили что-то	1	2
Все складывается так, как Вам бы хотелось	1	2
Горжусь, что кто-то похвалил меня за то, что я сделал	1	2
Чрезвычайно взволнованы каким-либо событием или испытываете сильный интерес к чему-то	1	2
Я чувствую себя абсолютно счастливым	1	2
Испытываю чувство беспокойство, не могу сидеть на одном месте	1	2
Скука, отсутствие интереса к чему-либо	1	2
Подавлен или очень несчастен	1	2
Сильное одиночество или удаленность от других людей	1	2
Расстроен, потому что кто-то покритиковал тебя	1	2

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Анкета удовлетворенности работой НПР экономического факультета ЮФУ – 1 этап

1. Выберите 10 важных для Вас факторов РАБОТЫ НА ФАКУЛЬТЕТЕ, которые важны для Вас и которые могут повлиять на эффективность ее выполнения (выбрать не более 10 факторов)

	Отметка
1. Уровень заработной платы	
2. Стимулирующие выплаты за дополнительные функции на факультете	
3. Стимулирующие выплаты за достижение показателей Программы развития факультета	
4. Доступность и возможность получения льгот в соответствии с коллективным договором (материальная помощь, оплата санаторно-курортного отдыха, скидки на обучение в ЮФУ для детей сотрудников и др.)	
5. Комфортные условия работы на кафедре (наличие возможности использовать оборудование и рабочее место для подготовки к занятиям, обсуждения проектов со студентами, зона отдыха и др.)	
6. Зона отдыха на факультете (на перерывах, после занятий)	
7. Комфортные условия проведения занятий (оснащенность аудиторного фонда, санитарно-гигиеническое состояние здания и т.д.)	
8. Доступность, качество и разнообразие питания в кафе на факультете	
9. Оплачиваемые факультетом программы обучения, соответствующие потребностям профессионального развития	
10. Оплата участия в конференциях (вступительный взнос, оплата проезда и проживания)	
11. Оплата публикаций статей, монографий	
12. Отношения поддержки и доверия со стороны коллег	
13. Объективная обратная связь от руководителей (заведующего кафедрой, декана факультета)	
14. Официальные знаки признания от руководства (благодарность ректора, почетные грамоты от декана, вручение памятных знаков, орденов, медалей)	
15. Профессиональное признание (статус «Лучший преподаватель», «Ведущий исследователь», «Лучший куратор» и др.)	
16. Поддержка профсоюза (отстаивание прав, контроль за условиями труда и отдыха, питанием сотрудников, поддержка в различных жизненных ситуациях: смерть родственников, свадьба, рождение ребенка и др.)	
17. Корпоративные программы дополнительного медицинского страхования	
18. Корпоративные мероприятия на факультете/кафедре, оплачиваемые за счет средств факультета (Новый год, 8 марта, 23 февраля, окончание года, Чай на экономе и др.)	
19. Консультирование по вопросам психологической помощи (для сотрудника и членов их семей)	
20. Оплата абонементов в спортивных клубах/бассейнах	
21. Поддержка хобби и досуга (театр с ректором, арт-сезоны и др.)	
22. Ипотечные программы для сотрудников	
23. Совместный отдых с коллегами	

2. Ваш пол
Мужской Женский
3. Ваш возраст
1. До 30 лет
 2. 31 – 39 лет
 3. 40 – 60 лет
 4. Старше 60 лет

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Анкета удовлетворенности работой НПР экономического факультета ЮФУ – 2 этап

Вам будут предложены утверждения, являющиеся расширенной характеристикой аспектов мотивации, которые вы чаще всего отмечали на первом этапе исследования удовлетворенности. Вам нужно выразить степень согласия или несогласия с утверждениями. Для ответа используйте шкалу от 0 до 10, где 0 – совсем не согласен, а 10 – полностью согласен

1. **Уровень заработной платы** меня полностью устраивает

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Совсем не согласен

Полностью согласен

2. В случае, если мне будет необходима **финансовая поддержка публикационной активности**, то она будет обеспечена факультетом

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Совсем не согласен

Полностью согласен

3. На факультете можно получить финансовую поддержку **программ обучения**, соответствующих потребностям моего профессионального развития

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Совсем не согласен

Полностью согласен

4. На факультете существует **справедливая система надбавок** (стимулирующих выплат) за выполнение дополнительных функций

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Совсем не согласен

Полностью согласен

5. В университете существует **справедливая система надбавок** (стимулирующих выплат) за достижение показателей Программы развития

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Совсем не согласен

Полностью согласен

6. Факультет оказывает финансовую поддержку **оплаты участия в конференциях** (вступительный взнос, оплата проезда и проживания)

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
Совсем не согласен Полностью согласен

7. Я всегда могу рассчитывать на **объективную обратную связь** со стороны заведующего кафедрой

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
Совсем не согласен Полностью согласен

8. Я всегда могу рассчитывать на **объективную обратную связь** со стороны декана факультета

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
Совсем не согласен Полностью согласен

9. На факультете в целом созданы комфортные условия работы (наличие возможности использовать оборудование и рабочее место для подготовки к занятиям, обсуждения проектов со студентами, зона отдыха и др.)

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
Совсем не согласен Полностью согласен

10. На факультете созданы **комфортные условия для проведения занятий** (оснащенность аудиторного фонда, санитарно-гигиеническое состояние здания и т.д.)

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
Совсем не согласен Полностью согласен

11. В университете есть возможность получения финансовой поддержки **здорового образа жизни, в том числе оплата абонементов** в спортивных клубах/бассейнах

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
Совсем не согласен Полностью согласен

12. Я могу рассчитывать на **официальные знаки признания** от руководства университета/факультета (благодарность ректора, почетные грамоты от декана, вручение памятных знаков, орденов, медалей)

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
Совсем не согласен Полностью согласен

13. В моем коллективе существуют **отношения поддержки и доверия** со стороны коллег

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
Совсем не согласен Полностью согласен

14. Я могу рассчитывать на **своевременность и доступность получения льгот в соответствии с коллективным договором** (материальная помощь, оплата санаторно-курортного отдыха, скидки на обучение в ЮФУ для детей сотрудников и др.)

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
Совсем не согласен Полностью согласен

15. Я могу рассчитывать в университете на доступность и организацию программ дополнительного медицинского страхования

0 1 2
3 4 5 6 7 8 9 10
Совсем не согласен Полностью согласен

16. Я удовлетворен тем, как организуются и проводятся **корпоративные мероприятия** (Новый год, 8 марта, 23 февраля, окончание года, Чай на экономе и др.)

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
Совсем не согласен Полностью согласен

17. На факультете организовано качественное и разнообразное питание

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
Совсем не согласен Полностью согласен

18. Декан четко и своевременно формулирует задачи, я понимаю, что он от меня ожидает

Полностью согласен

Скорее согласен

Скорее не согласен

Совсем не согласен

Затрудняюсь ответить

19. Заведующий кафедрой четко и своевременно формулирует задачи, я понимаю, что он от меня ожидает

Полностью согласен

Скорее согласен

Скорее не согласен

Совсем не согласен

Затрудняюсь ответить

20. Ваш пол

Мужской Женский

21. Ваш возраст

До 30 лет

31 – 39 лет

40 – 60 лет

Старше 60 лет